

Т. А. МИХАЙЛОВА

ИРЛАНДИЯ ОТ ВИКИНГОВ ДО НОРМАННОВ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА,
ИСТОРИЯ

ИРЛАНДИЯ
ОТ ВИКИНГОВ
ДО НОРМАННОВ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Т. А. МИХАЙЛОВА

ИРЛАНДИЯ
ОТ ВИКИНГОВ
ДО НОРМАННОВ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 81.2Ирл-2
М 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-04-16052

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н. А. Ганина*,
кандидат филологических наук *Е. А. Парина*

Ответственный редактор

доктор филологических наук *И. И. Чельшева*

Михайлова Т. А.

М 69 Ирландия от викингов до норманнов: Язык, культура, история. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 400 с., ил.

ISBN 978-5-9551-0615-1

Книга представляет собой попытку интерпретации резких изменений, затронувших как социальное устройство, так и культуру и язык Ирландии в течение IX—XII столетий. Эти перемены начались с приходом в Ирландию викингов, и последствия этого почти трехвекового завоевания принято оценивать отрицательно. Однако автор пытается взглянуть на эту давнюю проблему по-новому и стремится найти положительные стороны присутствия викингов в социальном и культурном пространстве Ирландии. С одной стороны, он видит их в многочисленных приобретениях (ко-рабельное дело, рыболовство, возникновение городов, появление рынков, чеканка монет и т. д.), с другой — дает описание последствий разрушения замкнутости ирландской культуры раннего Средневековья, проявившихся в появлении новых тем и сюжетов в нарративной традиции, возникновении собственной историографии, открытости влиянию европейской культуры в целом, включая античную. Социальные и культурные перемены неизбежно повлекли за собой и чисто языковые изменения, которые объясняются влиянием викингов лишь опосредованно, но которые также образуют стройную систему.

Издание предназначено для всех интересующихся кельтским и скандинавским Средневековьем, а также для филологов, историков и лингвистов широкого профиля.

ББК 81.2Ирл-2

*В оформлении переплета использована фотография
“Looking down to the sea”, Dave Cook*

ISBN 978-5-9551-0615-1

© Институт языкознания РАН, 2012

© Т. А. Михайлова, 2012

© Языки славянской культуры, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
<i>Глава I. Скандинавское завоевание</i>	11
Золотой век древнеирландской культуры: несколько слов вместо введения	11
Нашествие викингов: исторический план	17
Скандинавские заимствования	52
Скандинавское завоевание: результаты и последствия	67
Образ викинга в ирландской средневековой традиции	76
<i>Глава II. Культура и история: X—XII вв.</i>	92
Анналы	92
Книга захватов Ирландии	113
Осмысление Библейской традиции: <i>Псалтырь строф</i> и другие трактаты (несколько наблюдений)	135
<i>Чудо Колума Килле</i> — памятник XI века?	166
Предания о королях Ирландии	200
<i>Разрушение Трои</i> и другие обработки античных сюжетов	252
<i>Глава III. Среднеирландский язык</i>	292
«Среднеирландский» — проблема временных рамок	292
Лексические изменения	297
Перестройка фонетической системы	314
Артикль	318
Существительное	322
Прилагательное	328
Перестройка системы личных местоимений	332
Финитные и нефинитные формы глагола, выделение копулятивных конструкций	341
Именной указатель	361
Принятые сокращения и литература	371

ОТ АВТОРА

Наше исследование было задумано как продолжение вышедшей в 2010 г. книги *Древнеирландский язык: краткий очерк*. Ограничив исторически объект нашего описания кратким временем с 795 до 1169 гг., а лингвистически — так называемым «среднеирландским периодом» истории ирландского языка, мы собирались набросать поверхностную схему социальных и исторических перемен, произошедших в это время и вызванных, естественно, завоеванием викингов, затем — кратко охарактеризовать основные памятники словесности указанной эпохи, и затем — уже более основательно описать главные языковые изменения, которые, так сказать, проложили мостки от вычурного, книжного древнеирландского языка к живому языку современных ирландских диалектов. Последнюю задачу в основном мы считаем выполненной, хотя и тут обнаружилось огромное количество лакун, которые еще только предстоит заполнить (например, системное развитие лексики и семантики, изменение системы числительных и использование счета «по двадцаткам», развитие копулятивных конструкций на фоне постепенного исчезновения номинативных клауз и многое другое). В том, что касается задачи первой (краткая характеристика культурных и социально-исторических изменений), то тут мы столкнулись с таким количеством проблем, загадок и парадоксов, что задуманный в начале как «вводный», этот раздел нашего исследования постепенно сам собой разросся и превратился чуть ли не в основной и самоценный. Степень глубины анализа описанного нами материала не всегда одинакова: местами это попытка дать относительно поверхностный очерк, местами не удалось удержаться от более подробного исследования. Ну что же, значит так тому и быть.

Дело, видимо, в том, что мы постепенно поняли, что вся «древнеирландская архаика», которую принято датировать раннехристианским периодом (VI—VIII вв.) и за которой принято было просматривать еще более ранние пласты устной языческой культуры, на самом деле оформилась в нарратив именно в среднеирландский период (X—XII вв.), когда возникла потребность в диалоге уже не с латинской ученой традицией, а с собственной культурой прошлых столетий, с собственной архаической традицией, которую для этого еще надо было... создать. Кроме того, изобретенную «историю гойделов» надо было еще как-то соотнести с мировой историей, да и с какими-то фрагментами, действительно восходящими к более ранним местным устным преданиям. И происходило это во многом противоречиво, непоследовательно, иногда — наивно, иногда — искусно. Наверное, нашу позицию здесь можно назвать разоблачительной, но конечно, далеко не все загадки были нами разгаданы и далеко не все «спрятанные источники» были найдены и раскрыты. Возможно, и в нашей «разоблачительности» есть тоже доля наивности: и историки, и поэты, и составители нарративной традиции того времени, как мы подозреваем, уже во многом утратили присущую более ранним компиляциям (надо же хоть во что-то верить!) установку на достоверность. Не случайно писец XII в. закончил знаменитую эпопею *Похищение Быка из Куальнге* в «Лейнстерской книге» такими словами: «Благословение каждому, кто достоверно запомнит *Похищение*, как записано здесь, и ни в чем от него не отступит». За этим торжественным финалом добавлена фраза на латинском языке (предположительно она принадлежит так наз. «писцу Т», см. [O'Sullivan 1966: 24]): «Я же, который записал эту повесть (*historiam*), а точнее вымысел (*fabulam*), не беру на веру рассказанных здесь историй. Ибо многое здесь наущение лукавого, иное причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам» [Похищение 1985: 327].

Мы предполагали также дать краткий очерк того, что мысленно называли «диалогом с собственной традицией», воплотившимся как в многочисленных ученых трактатах и описаниях, так и в среднеирландских глоссах к более ранним текстам. Мы полагали, что именно глоссы могут продемонстрировать а) как изменилась социокультурная ситуация в стране и б) как изменился за три-четыре столетия сам ирландский язык. Мы и сейчас продолжаем так считать, более того, мы пришли к мнению, что среднеирландские глоссы к более ранним тек-

стам, причем рассмотренные именно с двух названных нами фокусов исследования, представляют собой настолько важный и интересный объект изучения, что он достоин отдельной, глубокой и кропотливой работы, находящейся уже за рамками нашего обзорного очерка¹. Мы надеемся еще не раз возвращаться к данной проблеме и призываем обратить на нее внимание наших читателей.

Условно говоря, «ученые трактаты» (*Старины мест*, Dindshenchas, *Перечни жен*, Van-shenchus, *Верность имен*, *Sóig Anmann*, разного рода поучения, а также огромный пласт агиографической литературы и многое другое) — все это также осталось вне нашего специального исследования и если и фигурирует где-то, то скорее как фон общей нарративной традиции, общей совокупности фоновых знаний ученой аудитории нашего периода. Но мы понимаем важность этого фона, без которого, наверное, и не могли бы быть созданы дошедшие до нас тексты-нарративы.

А создано в описанный нами трехвековой период было на самом деле так много, и творения эти были столь разнообразны, что невольно задаешься вопросом: а так ли уж проиграли ирландцы от вторжения викингов? Так ли уж значительны были их потери по сравнению с приобретениями? И стоит ли жалеть о том, например, что тяжелый древнеирландский «глагольный комплекс» уступил место легким среднеирландским аналитическим конструкциям? Все это, как и многое другое, не было упадком, это была жизнь во всем ее разнообразии форм и проявлений. Период «упадка и разрушения» начался в Ирландии только после 1169 г. с приходом норманнов, да и то не сразу. Но пока не будем об этом!

¹ В качестве очень частного примера подобного подхода см. нашу небольшую работу «Почему не следует впускать волчицу в свой дом, или Древнеирландская юридическая традиция глазами среднеирландского глоссатора (к трактату *О кровавом лежании*)» в [Михайлова 2004а: 149—166].

Глава I

СКАНДИНАВСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Золотой век древнеирландской культуры: несколько слов вместо введения

Период с конца VI до конца VIII века принято называть «золотым веком» древнеирландской культуры. Как пишет, например, известный историк ирландской церкви Кэтлин Хьюз: «Присущая ирландцам любовь к учености, унаследованная ими еще от времен язычества, сочеталась с любовью к письму и изобразительному искусству в целом. Поэтому латинское христианство породило так много рукописей. Художники украшали их миниатюрами, выполненными как в старом стиле, так и по новым образцам. Ирландские кузнецы посвящали свое мастерство прославлению Христианской церкви. Ирландцы отправлялись в паломничества, “в поисках спасения и одиночества”, но также крестили народы. Они основывали скриптории и на Континенте, писали ученые труды и помогали расцвету ученой премудрости в Галии IX в.» [Hughes 1967: 90]. Действительно, нарисованная картина во многом верна, и в данный период действительно Ирландия являла собой своего рода «остров учености», где на христианской базе создавались и латинские труды, и автохтонные трактаты, писались стихи как религиозного, так и светского содержания, формировались законы и даже — записывались саги, действие которых уходит далеко в языческое и мифическое прошлое. И все же нарисованная картина, наверное, выглядит слишком идиллической. Говоря о расцвете ученой традиции в раннехристианской Ирландии, мы не должны думать, что на смену воинственному железному веку с принятием христианства автоматически наступил век золотой, прерванный лишь из-за вторжения скандинавских орд.

Далеко не гладко складывались и взаимоотношения между властью светской и представителями Церкви. В их конфликтах можно увидеть, в принципе, продолжение соперничества между жреческим институтом и властью военной. Если изначально в религии кельтов главенствующее положение занимал друид, стоящий выше короля, то с развитием социальных отношений, естественно, королевская власть стала претендовать на главенство. Именно это, как принято считать, во многом обусловило относительно раннее и мирное принятие христианства: оно призвано было сменить друидизм, уже себя изживший. При этом, как принято считать, представители христианской Церкви отчасти унаследовали функции друидов, с одной стороны, способность к магическому «слову», с другой — особое, почетное положение в обществе. Как писал еще А. Н. Веселовский: «Когда с водворением христианства значение друида поблекло, его место за царской трапезой занял священник, но непосредственно за ним сидит оллам, королевский фил, старший в иерархии. Представители светского знания и предания, филы остались, их ореол лишь немного потерял от своего прежнего блеска» [Веселовский 1989: 326]. К «почитаемым сословиям» относили деятелей церкви и ранние правовые трактаты. Так, например, известный трактат, датируемый началом VIII в. *Crith Gablach* (усл. пер. «Добыча вил»?) кончается словами:

Cía de as sruithiu, in rí g fa epscop? Is (s)ruithiu epscop, húare arnéraig rí(g) fo bith creitme; tuargaib epscop dano a glún ria rí g [CG 24] — Кто более почитаем? Король или епископ? Более почитаем епископ, ибо встает король перед его религией; встает же епископ с колен перед королем.

Но действительно ли взаимоотношения между светской и церковной властью в доскандинавский период складывались так узаконенно гладко?

В саге *Борома* есть небольшой, но достаточно яркий эпизод разговора короля Аэда со святым Колумом Килле, в ходе которого Аэд спрашивает: «Сколько из тех королевей, что встретил ты, отправятся в рай?» Колум Килле отвечает ему, что лишь трое, и первым называет правителя Айргиаллы некоего Даймина Дамаргайта: «Ибо не случилось ему отказать клирику или попрекнуть его, и никогда не посягал он на храм и часовню, а подносил дары Господу» [Предания и мифы...

1991: 185]. Если неизвестный Даймин выделяется этим среди других, то нетрудно представить себе модель поведения по отношению к клиру других ирландских королей.

Конечно, надругательство над святым и проявление неуважения к нему в самом высшем смысле не умаляло его святости, поскольку не лишало его уподобления Высшему Образцу и, возможно, даже напротив, приближало его к нему, придавая особый налет мученичества. Интересно, что именно так понимал это и сам святой Патрик, который в своей *Исповеди* неоднократно упоминал о гонениях и притеснениях, отчасти даже преувеличивая их степень. «Я отправился к ибернским язычникам, — говорит он, — проповедовать Евангелие и переносить поругания от неверных, и претерпеть поношение в странствии своем, и многие преследования, вплоть до оков» [Патрик 1995: 148]. Если упоминание оков в данном случае является скорее речевым жанровым штампом, то тем не менее говорить о том, что его миссия проходила совершенно беспрепятственно, мы также не можем. Но идея жертвенности и претерпевания оскорблений и им самим, и его последующими интерпретаторами могла мыслиться как нечто обязательное. Интересно, что именно в таком духе объясняет неизвестный составитель так называемого «псевдоисторического» Пролога к трактату *Senchus Mor* эпизод убийства братом короля Лойгайре Нуаду близкого друга и, видимо, возникшего святого по имени Одран: король якобы хотел проверить, придерживается ли Патрик на практике христианского идеала всепрощения (см. [McCone 1986]). Патрик, как сказано в этом тексте, в дальнейшем добился того, что Нуаду был казнен, но при этом заручился для него прощением Небес и гарантией вечной жизни (как мы понимаем, совершенно новая и во многом революционная идея для языческой Ирландии середины V в., чьи представления об ином мире до сих пор не ясны и являются предметом спорных реконструкций), но в данном случае главное для нас не в этом. Если, возможно, эпизоды, в которых ирландский святой изображается униженным, и появляются в текстах исторических саг и в житийной литературе не по «недомотру» составителя, случайно пропустившего их, а с известной долей намеренности, — то есть как иллюстрация смирения святого и уподобления его Христу — это ни в коей мере не оправдывает поведение самих ирландских королей. Причем мы не можем предполагать, что сцены, подобные приведенной выше, были лишь вымыслом, выгодно оттенявшим личность изображаемого святого, подобно описанию со-

вершаемых им чудес и реализации его проклятий. Их достоверность подтверждается не только частотой встречаемости в текстах нарративного характера, но и данными хроник.

Как пишет с большой осторожностью та же К. Хьюз в другом месте, «акции насилия светской власти против церкви были не очень часты и до 830 г. распространены не всюду <...> Справедливо будет отметить, что до этого времени, если представители светской власти и совершали насилие против клириков, это обычно не носило массового характера, а было направлено против отдельных личностей <...> К тому же монастырь мог требовать за это компенсации <...> Если церкви и сжигались, то часто это происходило случайно...» [Hughes 1966: 197].

Действительно, первым ирландским королем, который последовательно занимался разграблением церквей и массовыми убийствами клириков, был король Мунстера Федельмид мак Кримтанн (ум. 847), о котором принято говорить, что он «сжег монастырей и церквей больше, чем все викинги вместе взятые»¹, личность яркая и неоднозначная. Однако и до него случаи убийства монахов и разграбления монастырей и церквей были достаточно частым явлением. Так, например, *Ульстерские анналы* отмечают в 746 г. акт вандализма в одной из церквей, вызванный тем, что там пытались укрыться шесть человек, объявленных вне закона: люди короля ворвались туда за ними, в результате чего сама церковь оказалась разграбленной и почти разрушенной, а все шестеро были убиты, видимо, как-то особенно жестоко (в тексте хроники — *сгусиати*, букв. ‘крусифицированы’). В этих же *Анналах* отмечается, что в 776 г. во время конфликта между Уи Нейллами и Мунстером пострадал монастырь Дурроу, а в 780 г. был убит аббат монастыря Дайре. Как пишет Д. О’Коррань, «задолго до начала рейдов викингов ирландские монастыри подвергались нападениям и разграблениям ирландскими же королями» [Ó Connain 1972: 85]. Так, в 757 г. монастырь Келл Мор Дитрайб был сожжен Уи Кримтаннами, в 789 г. король из рода Уи Файлге сжег монастырь Килконферт, а в 793 г. был разграблен и сожжен Армаг. По данным А. Т. Лукаса, за период с 612 до 792 гг. в *Анналах* сожжения и разграбления монастырей упоминаются тридцать раз [Lucas 1967]. Кроме того, возрастающее благосостояние

¹ Особой ненавистью Федельмида пользовался монастырь Клонмакнойс. Согласно преданию, королю Федельмиду во сне явился святой Киаран, покровитель этого монастыря, и ударил его копьем в живот. Утром на животе его действительно обнаружилась рана; король уже более не вставал и через год умер.

монастырей превращало их в богатую добычу, особенно во время голода и эпидемий. Так, голод 773 г. вызвал множество набегов на монастыри, а падеж скота в 777 г. привел к нападениям на монастыри Килдаре, Клонмор и Килдалки [Ó Sogáin 1972: 87—88].

Но надо отметить, что вооруженные конфликты могли провоцироваться и самими клириками. Так, короли Блатмак и Диармайд, сыновья Аэда Слане (VII в.), напали на монастырь Рахада, чтобы изгнать из него святого Мохуду, против которого были настроены другие клирики. Более того, так называемые *Belliolum*, «маленькие войны», вспыхивали и между самими монастырями (764 г. — Клонмакнойс и Дурроу, 760 г. — Бирр и Клонмакнойс, 807 г. — Корк и Клонферт) и даже внутри самих монастырей (в 783 г. отмечены боевые действия между сторонниками аббата монастыря Ферн и эконома этого же монастыря). Но все же данные примеры являются скорее исключениями. В основном клирики и монастыри предстают как жертвы алчности и жестокости ирландских королей и их междоусобных войн.

Как известно, большое число ранних ирландских рукописей было обнаружено не в самой Ирландии, а на континенте, что принято объяснять следующим образом: опасаясь разрушительных рейдов викингов, ирландские монахи бежали в Европу, спасая самое ценное, что у них было. Сказанное отчасти также является мифом, поскольку массовая эмиграция из Ирландии началась уже в конце VI в. Как пишет М. Шайтан, «Алкуин, восхвалявший “образованнейших учителей” Ирландии, для населения страны не мог выбрать более мягкого эпитета, чем “народ весьма дикий”. Несоизмеримая разница культурных интересов и полное отчуждение поставили уже давно перед монашеской церковью дилемму: просвещать родину или покинуть ее? <...> Не только жажда применения своих неиспользованных сил и благочестивое рвение, но и *внешнее давление* побуждало ирландцев покидать родину для новой, обетованной земли» [Шайтан 1925: 182]. И поэтому слова Н. Чэдвик о том, что в начале скандинавского вторжения «в эти Сады Гесперид ворвались наши северные соседи викинги и похитили яблоки» [Chadwick 1962: 15], звучат слишком романтично и далеки от истины.

Добавим, что значительный урон духовной жизни в монастырях наносили и частые эпидемии, в основном чумы, которая распространялась очень быстро среди общин, жизнь внутри которых проходила очень «скуденно». Эпидемии 549 и 664—66 гг. не только унесли множество жизней, но и породили в монастырях своего рода «эпидемию

массового ужаса», что также послужило толчком к бегству на континент (см. [Mac Niocaill 1972: 101 ff.]).

Не было единства и внутри власти светской. Говоря проще, Ирландия VI—VIII вв. являла собой арену постоянных междоусобных мелких войн, где понятие власти верховной было лишь мифом и где местные короли сражались между собой за местную же власть². Но все это составляло скорее местный фон, колорит, на котором относительно стабильно могла развиваться духовная жизнь. Как пишет Г. Мак Ниокаль, к концу VIII в. ирландское общество «достигло уровня относительной стабильности <...> Однако стабильность такого рода могла сохраняться лишь до тех пор, пока новый ингредиент не нарушил уравновешенные веса. Этот ингредиент появился в 798 г., когда Викинги сожгли Инис Падриг, разбили раку Св. До-Хонны и начали нападать и грабить Ирландию и Шотландию» [Mac Niocaill 1972: 152].

И все же действительно некое единство в стране в тот период было. Если не единство, то по крайней мере гомогенность, проявляющаяся и в вере, и в языке, и в единой системе установок и ценностей. В частности, это проявлялось и в создании самого древнеирландского языка как нормы. Действительно, как бы ни был сложен язык, которым написаны были саги, поэмы, трактаты, религиозные труды — все это был единый язык, подчиняющийся единой норме, иными словами — используемый единым и гомогенным, причем довольно ограниченным кругом, образованных людей. Мы ничего не знаем о том, какой была устная речь королей и простого люда того времени, но лингвистическая суть перехода от древнеирландского к среднеирландскому достаточно ясно говорит о том, что она была, во-первых, проще, а во-вторых — различалась по диалектам. Впрочем, этот переход может быть назван универсальным: языковые перемены часто выглядят скачкообразными, но на самом деле они зреют внутри предыдущего языкового периода в форме «неправильных» речевых употреблений и лишь ждут удобного предлога, чтобы выплеснуться на поверхность. Таким предлогом действительно стало скандинавское завоевание, и нам лишь остается понять, почему это случилось?

² Конечно, сказанное во многом является упрощением. Проблема централизованной власти и власти вообще в ранней Ирландии до сих является предметом многочисленных дискуссий. Отсылаем интересующихся к русскому переводу классической книги Ф. Бирна [Вугпе 1987] — [Бирн 2006], а также к книге [Mac Niocaill 1972].

Нашествие викингов: исторический план

A furore Normannorum libera nos, Domine!
Апокриф

Как пишет М. И. Стеблин-Каменский, до некоторой степени упрощая проблему внезапной скандинавской военной экспансии, «границу между двумя общественно-экономическими формациями — первобытно-общинным строем и феодализмом — образует в истории Скандинавии так называемая “эпоха викингов” (приблизительно от 800 до 1050 г.) <...> Она вошла в историю благодаря той роли, которую сыграли в истории Европы в эту эпоху морские походы и завоевания разбойничьих дружин так называемых “викингов”» [Стеблин-Каменский 1953: 27]. Викинги — понятие не этническое. Так назывались вооруженные отряды из стран Скандинавии: Норвегии и Дании (даны), но, как пишет П. Сойер, «современников мало заботили то, откуда прибыли грабители; в глазах своих жертв они были просто язычниками, идолопоклонниками, пиратами или варварами, и даже тогда, когда их именовали датчанами или норвежцами, эти термины редко использовались в строгом смысле для отделения одних от других. Эта путаница не вызывает удивления. Нападавшие говорили на одном и том же языке, в их арсенале были одни и те же личные имена, все они приплывали по морю и выказывали одинаковое неуважение Церкви. Да и самих викингов подобные различия мало волновали; скорее всего, область, семья или вождь имели для них куда большее значение, чем то, какая из стран, которые мы называем сегодня Норвегией, Данией или Швецией, была исходной точкой их пути» [Сойер 2002: 9—10].

Началом «эпохи викингов» принято считать 8 июня 793 г., когда пираты напали на находящийся на острове у побережья Нортумбрии (в

Британии) монастырь Линдисфарн, почти одновременно было совершено нападение на южные районы¹. В 794 г. был razорен монастырь св. Павла в Ярроу, а еще через год викинги напали на Ирландию: в 795 г. первой жертвой стал находящийся также на острове возле Шотландского западного побережья монастырь Иона, основанный святым Колумом Килле ок. 563 г. Тогда же было совершено нападение на селения вблизи современного Дублина. В 798 г. — на остров Мэн. Экспансия викингов была направлена далеко не только на запад, на Британские острова. Их отряды доходили до Сицилии, Закавказья, Аквитании. Их корабли добрались и до Северной Америки, где была основана колония Винеланд («Страна винограда»), они заселили пустынные земли Гренландии и Исландии. В IX в. известные под именем варягов (от др. исл. *vǫrðingjar*) те же викинги достигли Руси, где они были не только грабителями, но и наемниками, а также торговцами². В начале X в. на севере Франции образовалось государство викингов, получившее название Нормандия («Страна северных людей»). Примерно тогда же произошел некоторый спад агрессии, вспыхнувшей вновь к концу века. Лишь в середине XI в. грабительские рейды викингов прекратились и в их истории начался новый этап — развития самостоятельной государственности.

Викингов принято изображать как диких зверей, грабителей, оскверняющих церкви и не знающих жалости в своем стремлении грабить, да и просто — убивать ради самого убийства³. И в общем, во многом это

¹ Завершением «эпохи викингов» в отечественной историографии принято считать 14 октября 1066 г. — битва при Гастингсе, «где потомки викингов, франко-норманские рыцари, разгромили англосаксов; те же тремя неделями раньше, 25 сентября 1066 г. при Стемфордбридже одержали победу над войском последнего из конунгов-викингов, претендовавшего на английский престол норвежского короля Харальда Сурового» [Лебедев 2005: 28]. Мне кажется, что говорить о резком завершении «эпохи викингов» не совсем правомерно — их пассионарность как бы постепенно иссякала сама собой, причем по-разному в разных регионах их прежней экспансии, включая ту же Британию, Нормандию, Ирландию и Россию. Возможно, где-то она продолжается и по сей день, приняв мирный лик государственного правления.

² Роль скандинавов в становлении русской государственности — вопрос сложный и отчасти болезненный.

³ Так, в вышедшей недавно популярной книге о викингах упоминается исландец по имени Альвир Детолоуб, который «получил свое прозвище за

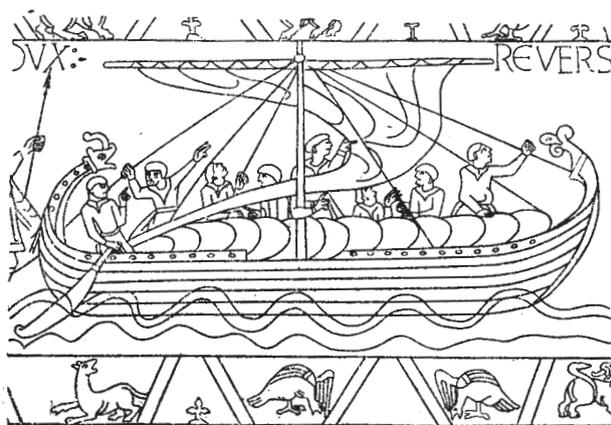

Рис. 1. Корабль норманнов (гобелен из Баё)

действительно было так. Как писал, например, Алкуин: «Уже почти 350 лет мы и наши отцы живем в этой прекрасной стране, и никогда прежде в Британии не бывало такого ужаса, какой ныне мы терпим от этого языческого рода, и никто и не помышлял о том, чтобы с моря можно было совершить подобное нападение» (цит. по [Соьер 2002: 7]). В хронике *Цветы истории* Матвея Парижского «эпоха викингов» оценивается примерно так же: «Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников датчан, норвежцев, готов и шведов, вандалов и фризов, целые 230 лет они опустошали грешную Англию от одного морского берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей» (цит. по [Лебедев 2005: 28]).

Действительно, первые набеги совершались именно с моря и, естественно, при этом больше всего страдали острова и прибрежные поселения, в основном — монастыри. Предположительно захватчики были выходцами из Норвегии. После Ионы было совершено нападение на остров Скай, который был «сокрушен и опустошен» (*do choscradh ⁊ do lomradh* [AU, 795.3]), а в 798 г. пострадали уже прибрежные монастыри самой Ирландии: «язычники» (*gentiles*, как называют их ирландские

то, что, как говорится в одной из саг, он запретил своим людям подбрасывать детей в воздух и ловить их на копье, как было принято у викингов» [Будур 2007: 15]

Анналы) угнали скот в районе Бреги и разбили раку св. До-Хонны и осквернили его мощи.

Самые первые нападения были, как правило, отбиты ирландцами, поскольку были малочисленными, флот викингов состоял из одного-двух кораблей. Однако позднее, как пишет О'Коррань, «викинги постепенно освоились с прибрежной полосой Ирландии и поняли, как им следует действовать» [Ó Corráin 2001: 17]. Аналогичная активность викингов примерно в тот же период отмечается практически на всех направлениях их агрессии. Как пишет Г. С. Лебедев: «Уже в первой трети IX в. боевые корабли викингов действовали вдоль всего западно-европейского побережья Атлантики» [Лебедев 2005: 35]⁴.

К началу 840 г. некто по имени Торгейс (о нем ниже) стоял во главе всех викингов, базировавшихся в Ирландии и тогда же, что очень важно, викинги впервые остались там на зиму, разбив лагерь возле озера Лох Нех (на северо-востоке острова). Интересно, что *Ульстерские Анналы* именно этот год отмечают как начало вторжения скандинавов, хотя до этого грабительские рейды упоминаются в них неоднократно: *Annsa m-bliaghain-so thios tangadur Lochlanaidh a n-Erinn ar tus do reir an t-sencusa*. [AU: 298] — «Именно в этот год пришли Лохланны в Ирландию в первый раз, согласно преданиям». *Ульстерские Анналы*, как и многие другие, в дошедшей до нас редакции были составлены достаточно поздно, предположительно в конце XV в. (смерть компилятора Катала Мак Гире датируется 1498 г. [O'Curry 1861: 84]), однако в этой компиляции составители опирались на более ранние обрывочные тексты, до нас в основном не дошедшие. Указанная запись, судя по ее характеру (она выделена в издании), как мы понимаем, представляла собой позднюю вставку, и именно поэтому она предстает особенно значимой, поскольку в ней составители XV в. выходят из жанра сухих погодных записей и пытаются дать своего рода осмысление разных этапов скандинавского вторжения на остров.

⁴ Согласно его классификации, активность викингов на Западе подразделяется на три зоны: 1. 1000—12000 км. радиусом; 2. 1500—1600 км.; 3. до 3000 км. Ирландия, видимо, попадала во вторую зону, для завоевания которой «отрядам викингов требовались промежуточные базы на морском побережье в устьях рек или на прибрежных островах Северного моря» [Лебедев 2005: 35—36]. Последнее замечание согласуется с распространенным среди некоторых историков Ирландии мнением о существовании военных баз викингов на севере Шотландии и на Оркнейских островах.

В самом начале вторжения викингов они, как правило, называются в ирландских анналах просто язычниками, как по-ирландски, так и на латыни.

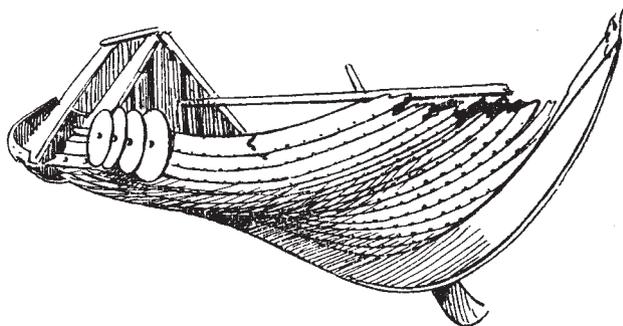

Рис. 2. Корабль викингов (раскопки у Фьорда Кристиании)

Ср., например, выборочные записи из *Ульстерских Анналов*:

795. Loscadh Rechrainne o geinntib & Sci do choscradh & do lomradh. — Сожжение Ратлина язычниками, и Скай подавлен и опустошен.

798. Combustio Inse Patraicc o genntibh, & borime na crich do breith & scrin Do Chonna do briseadh doaibh & innreda mara doaibh cene eiter Erinn & Albain. — Сожжение Острова Патрика язычниками, и они собрали дань скотом, и рака До Хоны разбита ими, и морские рейды этого племени в Эрине и Альбане.

802. I Columbe Cille a gentibus combusta est. — Иона Колума Киле сожжена язычниками.

807. Gentiles combuserunt Insolam Muiredaigh & inuadunt Ross Camm. — Язычники сожгли Остров Муредах и заняли Росс Камм.

811. Strages gentilium apud Ultu. — Поражение язычников от уладов.

813. Ar n-Umill la genti ubi ceciderunt Coscrach m. Flainddabrat & Du-nadhach rex h-Umill. — Разграбление Увала язычниками, где погибли Коскрах, сын Фландабрада, и Дунадах, король Увала.

821. Orggan Etir o genntibh; pred mor di mnaibh do brid ass. — Разбой язычников в Эдире, так что много женщин было захвачено ими.

823. Gentiles inuaserunt Bennchur Mor. — Язычники захватили Бенхур Мор.

825.9 Slat Duin Lethglaisi du genntib. — Дун Летгласс захвачен язычниками.

825.10 Loscuth Maighi Bile cona derthigibh o ghentibh. — *Сожжение Маг Биле со всеми кельями.*

825.11 Roiniudh i m-Maigh Inis re n-Ultaibh for genti in quo ceciderunt plurimi. — *Нападение в Маг Инис язычников на уладов, где погибли многие.*

825.15 Orgain Innsi Daimle⁵ o genntib. — *Разрушение Инис Давле язычниками.*

825.17 Martre Blaimhicc m. Flainn o genntib i nh-I Coluim Cille. — *Мученическая смерть Блатмака сына Фланна от рук язычников на острове Иона Колума Килле.*

Примерно так же описаны викинги первых рейдов в других анналах. Ср., например, *Анналы Иннисфаллена*:

823. Indred Bennchoir o gentib & scrín Chomgaill do brissiud doib & a suid & a h-epscoip do thecht fo gin claidib. — *Разрушение Бенхора язычниками, и рака Ковгалла была ими разбита, и его мудрецы и епископы были убиты мечами.*

824.1. Mag m-Bile & Bennchor do orgain d(o) gentib. — *Мовиль и Бенхор разграблены язычниками.*

824.3. Scelec do orgain do gentib & Etagal do brith i m-brait co n-erbailt gorta léo. — *Скеллиг разграблен язычниками и Эдгал был взят ими в плен и умер у них от голода.*

833. Les Mór Mo Chutu d'orgain do gentib & Cell Mo Laisse. — *Лес Мор Мохуты разграблен язычниками и Церковь Мо Лайсе.*

Ср. также из *Chronicon Scotorum*:

806. Muintir hIle do marbadh o gentibh .i. lxiii. — *Люди общины Ионы убиты язычниками, т. е. 68 человек...*

И так далее.

В данном случае особняком стоят *Анналы четырех мастеров*⁶, в которых в записях, относящихся к первым двум декадам IX в., викинги называются странным эвфемизмом — *almuirech* (*al* 'от, вне' + *tuir* 'море'), т. е. буквально — «заморские». См., например:

⁵ Здесь и в ряде случаев далее ирландские топонимы переданы нами условно.

⁶ Составлены уже в XVII в.

793.7. Inis Pádraicc do loscadh la h-Allmuirechaibh, & sgrín Do Chonna do bhreith dhoibh, & inredha do dhenamh dhóibh cheña etir Erinn & Albain. — *Остров Патрика сожжен заморскими, и рака До Хоны унесена ими, и нападения ими произведены на Эрин и Альбан.*

797.12. h-I Choluibh Chille do loscadh la h-allmurachaibh .i. la Nortmanoibh — *Иона Колума Килле сожжена заморскими.*

801.4. h-I Coluim Chille do ionnradh la h-allmhurachaibh, & sochaidhe mor dó laochaibh & do cléircibh do mharbhadh leo .i. ochtar ar thríbh fichtibh. — *Иона Колума Килле разграблена заморскими, и многие светские и клирики были ими убиты, т. е. восемь на трижды двадцать⁷.*

802.6. Inis Muiredhaigh do loscadh la h-allmhurachaibh, & a n-dol istegh for Ros Sat. — *Инис Муредрах сожжен заморскими и они напали на Рос Кат.*

807.11. Ar lá Fíora Umhaill for allmhurachaibh. — *Нападение на Фйора Увал заморскими.*

807.12. Ar la h-allmhurachaibh for Chonmaicnibh. — *Нападение заморскими на Конмакнов.*

807.15. Ar la Cobhthach mac Maile Dúin, tighearna Locha Léin, for allmhurachaibh. — *Нападение заморских на Ковтаха сына Майлдуна, правителя Лох Лейн...*

Начиная примерно с 840 г. (или ранее) викинги получают другое название — *gall*, и одновременно в хрониках появляется такое их обозначение, как *lochlannaigh*⁸. Если последнему термину посвящена большая литература, в которой авторы пытаются дать как четкую дефиницию самого термина, так и его происхождение (к чему мы и обратимся ниже), то понятие *галлы*, употребленное по отношению к викингам, кажется нам незаслуженно обойденным вниманием. В Словаре ирландского языка (DIL) слову *gall* дается следующая дефиниция: a. a Gaul ‘галл’; b. a Scandinavian invader; c. an Anglo-Norman [DIL-G, 38], в то время как в англоязычных переводах ирландских текстов (в основном — хроник, а также ряда sag) твердо установилась традиция передавать его словом *foreigner* — ‘чужеземец, чужак, иностранец’.

⁷ См. процитированную нами запись в *Хронике скоттов*, где, видимо, это же событие датируется другим годом.

⁸ Обозначение викингов как язычников далеко не сразу выходит из описаний в *Анналах*, долгое время оба названия сосуществуют, как кажется, без конкретной спецификации.

Мы полагаем, что дефиниция DIL гораздо ближе к истине, поскольку, судя по текстам, «галлы» предстают именно как *invaders*, т. е. «оккупанты». Этим словом обозначаются викинги, которые уже прочно обосновались в Ирландии и имеют свои оккупированные территории на карте острова, причем, как правило, при слове *галлы* часто (но далеко не всегда) следует дефиниция: *галлы* Дублина (*Gaill Átha Cliath*), *галлы* Уотерфорда (*Gaill Phort Lairge*). Например:

AFM: 843.10 Sloighedh la Gallaibh Atha Cliath a c-Cluanaibh Andobhair, & argain leiss Chille h-Achaidh, & martradh Nuadhat mic Seigeni leo. — *Военный поход галлов Дублина в Клунав и разрушение ими Кил Ахада, и Нуад сын Сегена принял от них мученическую смерть;*

850.17 Ard Macha do fásughadh lá Gallaibh Linne Duachaille an domhnach iar c-Caisc. — *Армаг занят галлами Лиин Духала в воскресенье после Пасхи.*

884.16 Ar do thabhairt ar Ghallaibh Luimnigh la Connachtaibh. — *Разрушения от галлов Лимерика в Коннахте.*

Естественно, в приведенных примерах (которых могло бы быть на два порядка больше) речь идет о военных действиях, но в принципе об этом в основном и идет речь в ирландских анналах в целом, которые педантично рассказывают о том, кто когда на кого напал и что сжег и разграбил, причем в данном случае местные короли викингам не уступали, хотя их нападения, как правило, были не столь разрушительны и они не столь активно грабили монастыри и не оскверняли мощей святых. Как пишет Д. О' Коррань, «викинги были аутсайдерами и назывались галлы, в значении “чужие” до самого конца» [Ó Cogháin 1998a: 5]. Викинги, называемые «галлами», действительно описываются как «чужие», но при этом — чужие среди своих, а не появляющиеся время от времени захватчики⁹. То есть «галлы» не были *оккупантами* в современном русском смысле этого слова, хотя действительно на уровне этимологическом *оккупировали* — т. е. *занимали* — определенные территории.

⁹ Карта Ирландии раннего Средневековья вообще представляет собой не столько список территорий, сколько совокупность племен, не все из которых были по происхождению гойделами. Этническая инаковость некоторых из них ощущалась вплоть до начала VII в.

Особенно явно включенность «галлов»-викингов в этническую и политическую жизнь острова видна на примере *Книги прав* (Lebor na Cert), трактата, датируемого X в., в котором рассказывается о том, как именно во время традиционного объезда своих территорий местные короли должны одаривать подчиненных им королей, а те в ответ должны предоставлять содержание для короля и его свиты на строго определенное число дней и ночей и также выплачивать определенного вида дань. Так, галлы Дублина должны были получить от верховного короля Ирландии сто коров, тридцать женщин и сто мечей, тогда как сами должны были предоставить 700 соленых окороков, 700 кабанов, 700 быков, 700 коров, 700 плащей и 700 кастрированных баранов (см. [Dillon 1962: 186]). Этот пример ясно показывает, что перевод древнеирландского *gall*, употребленного применительно к викингам, сложен, поскольку ни по-английски, ни по-русски нет соответствующего понятия. Мы можем предположить, что для среднеирландского хрониста понятие «галлы» носило уже отчасти этнический характер: естественно, не в его этимологическом понимании (жители Галлии), но в новом — «население занятых скандинавами территорий». Их включенность в систему символического обмена, как может показаться, предполагала вполне мирное сосуществование с ирландскими королевствами, однако это не так. Точнее, это *так* в той же степени, в какой *не* предполагала мирного сосуществования установленная в *Книге прав* сложная система взаимообмена и иерархического подчинения низших королей высшим. Говоря о «включенности» поселенцев-викингов в политическую жизнь Ирландии того времени, мы должны скорее иметь в виду их включенность в систему постоянных распрей и не прекращающихся «малых войн».

Кроме собственно «галлов» в анналах и других источниках встречаются иногда интересные способы обозначения скандинавских оккупантов, за которыми стоит некое представление о том, что внутри себя группа викингов также не была гомогенной и что захватчики могли появляться изначально из разных районов Скандинавии и различаться этнически. Мы имеем в виду такие термины как *finngall* и *dubgall*, букв. «светлые галлы» и «темные галлы», первым обозначались викинги из Норвегии, вторым — из Дании. Интересно, что данная «цветовая спецификация» встречается уже в сочетании с корнем *gent-* ‘язычники’. Ср., например, *Ульстерские Анналы, запись* от 852 г.:

Lucht ocht .xxit long di Fhindgentibh do-roachtadur du cath fri Dubgennti do Shnamh Aighnech; .iii. laa & .iii. aithchi oc cathugud doaib act is re n-Duibhgennti ro m-meabaidh co farggabsat a ceile a l-longa leu. — *Группа из восьми двадцаток (160) кораблей из светлых язычников приплыла к Снав Айгнех ради битвы с темными язычниками, они сражались три дня и три ночи, но темные язычники взяли верх, так что те оставили им свои корабли.*

Видимо, этот же эпизод описан под 851 г. во *Фрагментарных Анналах*:

Тогда часовые норвежцев смотрели в сторону моря, и увидели они, как приближаются корабли. Ужас и страх охватили их: но некоторые сказали, что это корабли из Норвегии идут к ним на подмогу. Другие же, кто был умнее, сказали, что это даны, и спешат они, чтобы их погубить. И это было вернее. Норвежцы выслали тогда легкий корабль, чтобы разузнать все. Тогда легкий корабль, которым правил юный воин, приблизился к тем кораблям, то они спросили их: «Откуда вы прибыли по морю? Пришли вы с миром или с войной?». И такой ответ дали им даны: град стрел. Даны тогда победили в сражении и много норвежцев было убито. <...> Даны высадились на берегу и там продолжали битву, они захватили много жен норвежцев и их добра, которое награбили они в церквах и святых местах в Ирландии.

В оригинале «норвежцы» называются Lochlannaigh, а даны — Danar (отметим, что в редких случаях можно встретить и употребление Normandai).

Противопоставление «светлых галлов» «темным галлам» в анналах встречается часто, в том же случае, когда «цвет» галлов не указан, видимо, речь идет скорее о выходах из Норвегии, которых среди викингов было больше.

Викингам, постоянно живущим в определенных районах Ирландии, в анналах противопоставлены так называемые «лохланны», жители загадочного Лохланна, однако, строго говоря, данное противопоставление выдерживается не всегда и мы скорее можем говорить о неких устойчивых тенденциях к обозначению разных категорий скандинавских завоевателей разными терминами (галлы — скорее о скандинавских поселенцах в Ирландии, лохланны — скорее о пришлых захватчиках). Так, при описании битвы при Клонтарфе 1014 г. в разных источниках среди противников короля Бриана и объединенных сил ир-

ландцев упоминаются, как правило, и «галлы» Дублина, и лохланны, пришедшие к ним на помощь.

Например, из *Ульстерских Анналов*:

AU 1014.2 Laighin uile do leir i tinol ar a cinn & Gaill Atha Cliath & a coimlin do Ghallaib Lochlainne leó. .i. x.c. luirech. — *Весь Лейнстер собрался против них и галлы Дублина и отряды галлов из Лохланна, т. е. 90 доспехов.*

В то же время частое упоминание топонима Лохланн не позволяет говорить с полной определенностью, какое место имеется в виду, и, соответственно, какой этноним (и этноним ли?) в данном случае употреблен, однако очевидно одно: лохланны и галлы не являются идентичными племенными образованиями и если галлы изображаются как скандинавы, обустроившиеся в Ирландии, то лохланны — обычно пришедшие со стороны и даже иногда стоящие против галлов в оппозиции.

Например, очень важная цитата, которая в *Анналах четырех мастеров* датируется 846 г.:

AFM846.8

Cath oile ria n-Olchobhar, rí Mumhan, & ria Lorcán, mac Ceallaigh, rí Laighen co Laighnibh & Muimhneachaibh iompa for Ghallaibh, acc Scéith Nechtain, in ro marbhadh Tomhraid Erla, tanaisi righ Lochlainne, & dá céd décc uime. — *Другая битва была у Олховара, короля Мунстера, и Лоркана, сына Келлаха, короля Лейнстера со всеми лагенами и муманами над галлами у Скиат Нехтан, где был убит Торир ярл, танист короля Лохланна и двенадцать сотен с ним.*

Ср. аналогичное событие в *Ульстерских Анналах*, где оно датируется 848 г.:

AU 848.5: Bellum re n-Olcobur, rí Muman, & re Lorggan m. Cellaig co Laighniu for gennti ecc Sciaith Nechtain in quo ceciderunt Tomraid erell, tanise righ Laithlinne, & da cet dec imbi. — *Битва против Олcobара, короля муманов, и против Лоркана, сына Келлаха, с лагенами против язычников у Скиат Нехтан, где погиб Торир ярл, танист короля Лохланна, и двенадцать сотен с ним.*

В записи от 853 г. в *Ульстерских Анналах* галлы и лохланны противопоставлены еще более убедительно:

AU 853.2: Amhlaim m. righ Laithlinde do tuidhecht a n-Erinn coro gíallsat Gaill Erenn dó, & cis o Goidhelaib. — *Олав, сын короля Лохланна, пришел в Ирландию, так что покорил галлов Ирландии и (взял) дань от гойделов.*

Ср. в *Анналах четырех мастеров*:

AFM851.15

Amhlaoibh, mac righ Lochlainne, do theacht i n-Erinn, gur ro ghíallsatt i m-báttar do eachtair-chenélaibh i n-Erinn dó, & do-bert cíos ó Ghaoidhelaibh. — *Олав, сын короля Лохланна, пришел в Ирландию, так что подчинились ему чужие племена в Ирландии и он получал дань от гойделов.*

Обе цитаты очень интересны. В обеих фигурирует король Лохланна, причем в первом случае ему приписывается наличие наследника (употреблен ирландский термин «танист») либо первого помощника, во второй — говорится о неких чужих племенах, которые приняли сторону викингов, видимо, коллаборационисты, поддерживающие завоевателей (либо уже осевшие ранее на острове викинги). Но кто был королем Лохланна? И где Лохланн находился?

Этот же топоним *Lochlann* в более ранней форме фигурирует как *La(i)thlinn*. Интересно, что именно в такой форме он встречается не только в ранних записях анналов, но и в стихотворении, сохранившемся на континенте, но записанном явно в Ирландии: середины или начала IX в. (!), написанном на полях рукописи *Грамматики* Присциана, содержащейся в Санкт-Галленском монастыре:

Is acher in gaith in-nocht,
fu-fúasna fairgge findfholt:
ní-ágor réimm Mora Minn
dond láechraid lainn úa Lothlind.
[Thurneysen 1949: 39]

*Резок ветер сегодня ночью,
Он разъяряет море с белыми кудрями:
Мне не страшен бег Моря¹⁰ Звонкого
Для воинства дикого из Скандинавии.*

Ср. другой поэтический фрагмент из *Анналов четырех мастеров*, который в своей обзорной статье о лохланнах приводит Д. О'Коррань в качестве иллюстрации понятия *laithlinn* [Ó Corráin 1998 : 304]:

¹⁰ Muiḡ Meḡn, букв. «Звонкое море», ирл. название Ирландского Моря.

AFM 866.2 Druth Aedha ad-bert rias c-cath, cecinit,

1. Dos-fail dar Findabhair fhind,
fialach grinn dond (dar) laith linn luind,
 As ar chédaibh rimhthear Goill,
 do cath fri righ n-Etair n-uill.

В трактовке О'Корраня сочетание *laith linn* изначально было написано как *Laithlind*, то есть полагало топоним, ср., однако, английский перевод строфы издателями *Анналов*:

The poet of Aedh said before the battle:

1. There comes over the bright Finnabhair
a pleasant brown haired host, across the noble, rapid stream.
 It is in hundreds the Foreigners are counted,
 to fight with the great King of Etar.

Ср., таким образом, два варианта перевода второй строки:

a keen host from fierce Laithlinn (перевод Д. О'Корраня);

a pleasant brown haired host, across the noble, rapid stream (официально принятый перевод).

То есть О'Коррань сочетание *fialach grin* переводит как «враг резкий», а слово *dond* рассматривает как артикль, слившийся с предлогом *de* 'из, от', при этом эпитет *luind* он трактует как генитив от *lonn* 'сильный, могучий'. Это прилагательное, надо сказать, имеет множество положительных значений и входит в группу «обобщенных эпитетов с положительными коннотациями», которые в ирландской поэзии традиционно использовались для определения положительного качества существительного, начинающегося на *l* — для аллитерации (здесь — «из могучего Лохланна»).

Издатели *анналов* членят сочетание *laith linn* на два слова, видимо, опираясь при этом на не слитное написание в самих *Анналах*, а слово *dond* рассматривают как прилагательное 'темный, коричневый, бурый'. И тогда получается: «Враг бодрый с темными волосами, через воинов (*lath*) поток (*linn*) быстрый», что, признаться, нам кажется менее убедительным. Данный разброс в трактовках показывает попытку интерпретировать это слово носителями более поздней исторической традиции, для которых топоним *Laithlinn*, видимо, действительно

стоящий в первоначальной редакции *Анналов*, на которую уже в XVII в. опирались компиляторы, был уже не понятен.

Что конкретно означает этот топоним — не совсем ясно, говоря строго, можно сказать только то, что под этим словом ирландцы понимали некое место, откуда приплывали корабли викингов (в поздней фольклорной традиции, особенно в сагах о Финне, даже иной мир). В текстах XII—XIII вв., скорее всего, он уже подразумевает Норвегию, но изначально его содержание могло быть иным. Какое точно место здесь имелось в виду и каково происхождение этого слова, до сих пор не ясно, причем основных подразумеваемых мест два — либо Норвегия, либо колония викингов на территории Шотландии и Оркнейских островов, включая также о. Мэн, которые к началу IX в. были заселены скандинавами и служили своего рода оплотом-базой при нападениях на Ирландию и Британию. В свое время разные историки высказывали ту или иную точку зрения, однако, как все понимали, ни один из вариантов не может быть аргументирован документально. Обзор существующих мнений по вопросу был изложен в статье О'Корраня «Викинги и Шотландия и Ирландия в IX в.» [Ó Corráin 1998], причем сам он, твердо придерживаясь второй точки зрения, тем не менее отмечает, что «узнать точно, когда именно и как викинги оккупировали Острова, принципиально невозможно» [Ó Corráin 1998: 322]¹¹. Однако сам факт, что в указанный период викинги действительно занимали территорию Северной Шотландии, а также окружающие острова, является бесспорным. Так, например, И. Хендерсон пишет, что «падение пиктского королевства было в конечном счете вызвано разладом политического баланса на севере, вызванным поселениями викингов» [Хендерсон 2004: 121]. Понимание *Лохланна* именно как колонии викингов в этих регионах позволяет с легкостью разрешить многие проблемы хронологического характера, которые возникают, если под *Лохланном* мы будем понимать Норвегию и под названием «король Лохланна» будем пытаться найти того или иного из исторических норвежских конунгов.

На этом фоне понятной становится процитированная нами приписка 840 г. в *Ульстерских Анналах*, что в этот год «лохланны впервые пришли в Ирландию»: просто с точки зрения компилятора, грабительские рейды, которые совершались в первые сорок пять лет, соверша-

¹¹ См. также [Ó Corráin 1998a].

лись *не* лохланнами, потому что викингской колонии Лохланн вначале еще не было.

Естественно, значение слова должно как-то соотноситься с его этимологией, и тут возникает много проблем, которые условно можно поделить на две: гойдельское это слово или это некая гойдельская интерпретация скандинавского топонима. Надо отметить, что большинство исследователей склонялись к первому мнению.

Вариант Lochlann считается более поздним по сравнению с Laithlinn. Предположительно он возник в результате народной этимологии, которая реинтерпретировала первый топоним как прозрачный семантически: из *loch* ‘озеро’ и *land* ‘участок земли’, и Лохланн, таким образом, интерпретировался как «озерный край». Причем звуки /h/ — /θ/ слились в неопределенное придыхание только в новоирландский период, т. е. после XII в.

Другой пример вторичной интерпретации можно найти в *Истории Ирландии* Дж. Китинга, автора XVII в. Он пишет:

Tuig trá, a léaghthóir, nach ainm cinnte chinidh san bhíoth do réir na Gaedhilge Lochlonnaigh, acht is ionann Lochlonnách ré rádh is duine láidir ar fairrge; óir is ionann lonn is láidir agus is ionann loch is fairrge; agus do bhrígh go rabhadar lucht na gcríoch-so thuaisceirt na h-Eorpa go tréan ar Éirinn sealad aimsire, [Keating 1908: 156]. — *Пойми же, читатель, что это не настоящее племенное имя, которое употребляют по-ирландски — Лохланны, но так называются мужи, сильные в море. Ибо лонн — это сильные, а лох — море, и поэтому людей северной Европы, которые напали на Ирландию в то время, так называют.*

Однако в свое время К. Марстрандер выдвинул предположение, что под этим обозначением подразумевались западные районы Норвегии, а само слово восходит к топониму *Rogaland* (реальному месту на юго-западе Норвегии). При этом происходит переход *r > l*, а *g* в интервокальном положении дает некий обобщенный спирант, который в разных орфографических традициях мог по-разному передаваться [Marstrander 1911: 56—57]. Однако это объяснение сейчас считается устаревшим, к тому же так можно объяснить позднюю форму топонима *Lochlann*, но не его изначальную форму. Еще раньше, в 1891 г., Генрих Циммер предполагал, что Лохланн — это искаженное название

острова возле Дании — *Lolland*, но естественно эта теория не выдержала никакой фонетической проверки.

Самая свежая точка зрения на проблему происхождения топонима *laithlinn/lochlan* содержится в работе К. Этчингама, который предлагает вернуться к идее его скандинавского происхождения, где приводится новая интерпретация: *Lathlinn* восходит к норвежскому топониму *Hladir*, названию усадьбы конунга Харальда Прекрасноволосого († ок. 940), элемент *-linn* при этом, как он полагает, имеет тот же смысл, что и в названии Дублина — ‘пруд, завод’ [Etchingham 2007: 28]. Последнее представляется не совсем убедительным.

Признаемся, что не совсем убедительным предстает и интерпретация первого элемента топонима *Lathlinn*. Это понятие, напомним, впервые встречается в *Ульстерских Анналах* в 848 г., когда говорится о сражении Лагенов с язычниками, в ходе которых погиб ярл Торир, представитель короля Лахлинна, и двенадцать сотен с ним. Усадьба же, называемая *Hladir* была основана Харальдом Прекрасноволосым уже в зрелом возрасте, а если учесть, что он умер ок. 940 г., все построения К. Этчингама, как может показаться, предстают как лишённые смысла¹². Но здесь важно и другое: форма *Hladir* предполагает наличие интервокального звонкого спиранта, который в ирландском должен был оглушиться, что совершенно невозможно. Действительно, анлаутный консонантизм скандинавизмов в основном сохранялся неизменным, за исключением начального *h-*, которое в ирландском исчезало: *att* < *hattr*; *Agonn* < *Hákon*. Но др. исл. *k*, *t*, *p* озвончились в *g*, *d*, *b*, тогда как *g/γ*, *d/ð*, *b/β* дали *γ*, *ð*, *β*, например: *garðr* ‘сторож’ — *garda*, *markaðr* ‘рынок’ — *marcad*. Если бы наш топоним восходил к скандинавскому Хладиру, то он имел бы вид — Ладлин.

Сам О’Коррань, несмотря на то, что твердо уверен в том, что словом Латлинн/Лохланн обозначалась Шотландия и Оркнейские острова, занятые викингами, предлагает сам топоним считать скандинавским. Он видит в нем в качестве первого элемента исл. *loð* ‘трава, шерсть’ (ср. *loðinn* ‘косматый, лохматый’), употребленное в значении «изобильный травами», что соотносится с плодородием местных земель (см. [Ó Cogháin 1998: 305]), второй элемент также скандинавский со

¹² Возможно, топоним Хладир существовал в Норвегии и раньше, но именно после Харальда он стал значимым пунктом, который мог бы действительно дать псевдоэтноним типа «москали» в значении «русские».

значением «земля, страна». Но проблема неоправданной глухости спиранта в слове Лохлинн остается и здесь. К его идее можно сделать и другое замечание: если действительно в эпоху викингов образовалось некое полугосударственное объединение на территории Шотландии, Оркнейских островов и о. Мэн, и оно имело скандинавское название «изобильный травами», то почему этот топоним не упоминается в собственно скандинавских источниках? Или, возможно, мы плохо искали и где-то что-то подобное найти можно?

Если мы примем гойдельскую теорию происхождения топонима и попытаемся его интерпретировать с данной точки зрения, то, как нам кажется, наиболее перспективным будет следующий вариант: др. ирл. *lath/loth* 'болото', *linn* 'пруд, заводь'. Таким образом, в целом топоним будет означать «болотную заводь», что соответствует русскому *омут*, как кажется, со всеми отрицательными коннотациями этого слова, хорошо описывающего название места, где обосновались язычники и грабители. К данной идее мы пришли самостоятельно, однако впоследствии из указанной работы О'Корраня узнали, что такая этимология была предложена Д. Грином еще в 1975 г. [Greene 1975].

Но вернемся к собственно историческому плану первого периода вторжения викингов. *Анналы четырех мастеров* отмечают, что в 801 г. «Иона Колума Килле была разграблена чужеземцами, и многие монахи и светские и клирики были убиты ими, всего шестьдесят восемь человек» [AFM: 412]. Через год нападение на Иону повторилось, а в 806 г. в результате очередного нападения монастырь был сожжен и оставшиеся монахи бежали в Ирландию в Келлс (что, как принято считать, способствовало оживлению там интеллектуальной жизни и, в частности, совершенствованию рукописного искусства и миниатюры, чем мы обязаны возникновением такого шедевра как *Евангелие из Келлса*, работа над которым была начата еще на Ионе). Постепенно жизнь монастыря восстановилась, однако в 825 г. на него было совершено новое нападение, причем настоятель монастыря св. Блатмак принял там мученическую смерть, поскольку отказался отдать грабителям мощи св. Колумбы. Согласно легенде, гроб с телом святого был викингами захвачен насильно, т.к. они полагали, что в этом столь оберегаемом ящике должны храниться сокровища. Взяв его на корабль и открыв его уже в море, они поняли, что ошиблись и выбросили гроб за борт; тело

святого Колумбы не утонуло, но было прибито к земле в районе Дерри. Это, конечно, лишь легенда¹³.

В первые тридцать лет IX в. рейды викингов совершались практически каждый год, но, как правило, не выходили за пределы островов и прибрежных районов. Как пишет Д. О'Коррань, «за исключением сомнительного свидетельства о проникновении викингов в графство Роскоммон (807), их рейды никогда не простирались вглубь страны более, чем на двадцать миль» [Ó Corráin 1972: 82]. Ими были совершены нападения на монастырь св. Михила на о. Скеллиг (гр. Керри), Бангор, Армаг, Мовилль и так далее. «К 834 г. викинги захватили всю Северную Ирландию», — пишет А. Мак-Кензи [Мак-Кензи 2003: 88], однако это не совсем точно: земли были не столько «захвачены», сколько разграблены, потому что в этот период викинги еще не ставили своей целью заселение земель. Из монастырей уносились церковная утварь («Многие ценные предметы были найдены потом в захоронениях Норвегии IX в.» [Hughes 2005: 637]). Угонялся скот, уводились в рабство женщины, но это происходило скорее редко, так как добычу подобного рода просто трудно было транспортировать на маленьких кораблях. В основном на этом этапе вторжений страдали монастыри (своего рода формулой становится сочетание: сожжение монастыря Н. язычниками — *loscadh o genntib*). Аббаты брались в плен, реликвии осквернялись. Так, например, *Анналы Инисфаллена* отмечают, что в 824 г. «Скеллиг был разграблен язычниками, а Эдал был взят ими в плен и умер от голода от них» (*Scelec do orgain do gentib & Etgal do brith i m-brait co n-erbailt gorta léo* [AI, 128]). Монастыри грабились в первую очередь, видимо, не только по тому, что их обитатели не могли оказать нападавшим достойного противодействия, но и по той причине, что именно монастыри оказались для викингов наиболее привлекательной добычей. Ведь если для власти светской, для короля и представителей знати, основным богатством в тот период был скот и рабы, что для викингов не представляло главной ценности, именно в

¹³ Согласно другой легенде, сохранившейся в скандинавских источниках уже на исходе «эпохи викингов», конунг Магнус Голоногий (1093—1103) «приплыл со своим войском на Святой остров и обещал мир и безопасность всем людям и сохранность всему добру. Люди говорят, что он хотел отпереть часовню Колумкилли, но не вошел в нее, а закрыл дверь на замок и сказал, чтобы никто не смел больше заходить в эту часовню, и этот запрет был соблюден» [Снорри Стурлусон 1980: 472].

монастырях сосредотачивалось тогда то, что было для них наиболее привлекательным: изделия из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями и тонкой эмалью. И нападавшим дикарям было не так уж важно, что это были изделия, имеющие в первую очередь сакральный смысл — раки, потиры, богатые оклады, посохи и так далее. Блеск золота привлекал их как таковой. Древняя эпическая германская традиция широко использует тему губительной власти золота, тему клада, который оказывается проклятием для всех, кто им завладевает, более поздняя скандинавская традиция широко муссирует тему наделения конунгом своих дружинников золотыми обручами и кольцами и так далее. Ирландцы того времени, хотя и носили драгоценные пряжки и кольца, столь трепетно к золотым изделиям не относились, понимая (скорее — ощущая), что их ценность иллюзорна и что стадо коров, рабыня, овца, откормленная свинья или даже искусно вытканная ткань для плаща — все это на самом деле вещи, гораздо более ценные. Они даже не знали, что такое деньги в их «монетном» воплощении. Так что, забегая вперед, отметим, что скандинавское влияние на ирландский менталитет должно было проявиться и в особой, меркантильной выучке.

Первые нападения были краткими грабительскими рейдами, которые совершались обычно относительно небольшими группами воинов-пиратов, причем викинги вначале не рисковали заходить вглубь острова, размеры которого были им не совсем ясны. Однако постепенно они «изучили географию страны, в первую очередь — освоили приемы навигации по рекам Ирландии» [Ryan s.a.: 5]. И уже в 832 г. норвежский предводитель Торгейс или Торгисль, якобы сын Харальда Прекрасноволосого, взяв монастырь Армаг¹⁴, сумел обосноваться в нем и затем по рекам углубился внутрь страны и занял много поселений. Так начался второй этап агрессии викингов, который действительно можно уже назвать не вторжением, а завоеванием. Торгейс, или Тургезиус, как называется он в ирландских Анналах, разорил земли от Армага до Дерри (т. е. северо-восток острова) и, предположительно, начал облагать данью местное население. Его отряд насчитывал уже примерно 60 кораблей. Вскоре такой же флот появился южнее, возле устья реки Лиффи. В 839 г. Торгейс уже возглавлял флотилию, базирующуюся в водах Лох

¹⁴ Comarba, «наследник» св. Патрика Форанн бежал из монастыря в Мунстер, взяв с собой мощи святого.

Ре, а затем спустился по рекам к югу, дошел до монастыря Клонмакнойс, разорил его, причем его жена Ота, как повествует легенда, сидела на алтаре Клонмакнойса и пророчествовала, подобно языческой жрице. Возможно, она таковой и являлась. Через год Торгейс направился к западу, и разорил, и сжег много церквей в Коннахте. К началу 840 г. Торгейс стоял во главе всех викингов, базировавшихся в Ирландии, и тогда же, что очень важно, викинги впервые остались там на зиму, разбив лагерь возле озера Лох Нех (на северо-востоке острова). Параллельно другой значительный по своему объему флот викингов продвинулся на юго-запад Ирландии, разорил Мунстер, причем аббат Форанн на этот раз не сумел спасти раку с мощами Патрика, и она была разбита. В 845 г. король южных Уи Нейллов, основной правящей династии, по имени Маэль Сехналл сумел захватить Торгейса и затем утопил его в водах озера Лох Уарь. Как повествует об этом сага *Война гойделов с чужаками* (Cogadh Gaedhel re Gallaibh, XII в.¹⁵), «Форанн, аббат Армага, вернулся из Мунстера, и рака святого Патрика была им починена» [CGG 14]. Снорри Стурлусон также сухо сообщает о гибели Торгейса (?): «Торгислю и Фроди Харальд конунг дал боевые корабли, и они отправились в викингский поход на запад за море и совершили набеги на Шотландию, Бретланд и Ирландию. Они были первыми норвежцами, овладевшими Дюплином. Рассказывают, что Фроди был отравлен ядовитым напитком, а Торгисль долго был конунгом в Дюплине, но был предан ирландцами и погиб там» [Снорри Стурлусон 1980: 61]. Однако в саге *Война гойделов с чужаками* погибший норвежский конунг называется Тургезиусом, и соотнесение его с сыном Харальда Прекрасноволосого (умершего, напомним, в середине X в.) является анахронизмом, который, увы, прочно вошел в историографию Скандинавии (см. Примечания к русскому изданию *Круга Земного* [Снорри Стурлусон

¹⁵ Наш перевод Gall как «чужаки» в данном контексте не кажется нам особенно удачным, но лучший вариант в голову не приходит. Если термин «лохланны» по-русски звучит уместно, то аналогичная транслитерация — «галлы», естественно, невозможна, даже в контексте всех приведенных нами разъяснений специфики употребления этого термина в IX—X вв. Сама сага (или историческая хроника) CGG, к которой нам придется обращаться еще не раз, считается достаточно тенденциозным памятником, составленным примерно между 1103 и 1113 гг. для мунстерского короля Муйрхертаха Уи Брайена, потомка Бриана Бору (см. подробнее о датировке текста и целях компиляции в [Ní Mhaonaigh 1992]).

1980: 639]). Данное нарушение в синхронизации, мы полагаем, идет от самого Снорри, который писал, что сыновья Харальда «были первыми норвежцами, овладевшими Дюпплином»¹⁶, что сдвигает датировку основания Дублина примерно на сто лет. Скорее всего, Торгейс и Торгисль — просто разные люди, однако сути это не меняет: в середине IX в. норвежцы начали обосновываться на острове, а короли начали, наконец, оказывать им противодействие.

Загадочная фигура предводителя викингов Торгейса-Тургезиуса получает дальнейшее развитие в ирландской историографии, обрастая странными романтическими преданиями. Обращение к «проблеме идентификации Торгейса» обогатило нас поразительной информацией об этом человеке, который изображается как удивительная личность, великий король и мудрый стратег, причем изображается так как в самих ирландских текстах, так и в современных научных трудах.

В анналах о нем говорится не так много, констатируется факт его утопления в 845 г., а о его завоеваниях не сказано почти ничего (отметим, что *Хроника скоттов* все же описывает, как он сжег монастыри Армаг и Клонмакнойс).

Однако в саге, датируемой уже XII в., *Война гойделов с чужаками*, повествующей в основном о величии короля Бриана Бору и о том, что предшествовало битве при Клонтарфе, погибший норвежский конунг называется Тургезиусом, и о нем сказано довольно много, причем отрицательного. Так, мы узнаем, что

Прибыл великий королевский флот на север Ирландии с Тургезиусом, и весь север Эрина был им разграблен, и он занял всю половину Конна¹⁷. Они поставили корабли в Лох Эддах, а другой флот — в Лох рай. Трижды за месяц грабили они Армаг. Сам же Тургезиус назвался аббатом Армага, а Франан, аббат Армага и наследник Патрика, был изгнан и потом четыре года скрывался в Мунстере, пока Тургезиус был в Армаге и власть над севером Ирландии была у него. Так предвещал еще

¹⁶ Мы благодарны Т. Л. Шенявской за ее замечание (высказанное устно), согласно которому для Снорри сыновья Харальда действительно были первыми «норвежцами», поскольку до правления этого конунга страна еще не ощущала себя как собственно Норвегия, и поэтому, естественно, ее жители предыдущих веков в строгом смысле норвежцами не были. Это объясняет псевдоанахронизм Снорри.

¹⁷ Ирландское обозначение северной половины острова.

пророк Берган <...> — Семь лет он там будет, велика его власть, он будет владеть Ирландией, будет аббатом в каждой церкви, из темных галлов Дублина; будет аббатом в моих церквях, без посещения утрени, без Pater, без Credo, без ирландского языка, но только с чужим английским¹⁸. <...> Потом Тургезиус со своими кораблями дошел до Лох рай и там много разграбил в Миде и в Коннахте; и Клонмакнойс он разграбил, и Клонферт Брендана, и Лотру, и Тур-да-глас, и Инис Келтра <...> Ода же, жена Тургезиуса, произносила заклинания с алтаря Клонмакнойса. <...> Тургезиус был захвачен Меэлем Сехналлом, и потом он утопил его в водах озера Лох Уйр, и тогда Фараннан, аббат Армага, смог вернуться обратно. [CGG: 8, 10, 12, 14].

В книге Гиральда Камбрийского *Топография Ирландии*, написанной в конце XII в. после длительного путешествия по Ирландии и представляющей собой как бы «взгляд со стороны» на земли и народы, которые предстоит покорить норманнам, Тургезиусу уделено еще больше внимания и он описан гораздо более почтительно:

Во времена короля Федельмида в 838 г. норвежцы высадились на берегах Ирландии и привели с собой большой флот. <...> Их предводителем был Тургезиус, который после многих побед захватил весь остров и стал строить крепости и города по всей стране. <...> Тургезиус мирно правил Ирландией, но недолгое время, пока не попал в ловушку, подстроенную девушками, и так он расстался с жизнью.

Кажется мне удивительным, что англичане утверждают, что Гурмунд завоевал этот остров <...>, но не говорят ничего о Тургезиусе. Ирландцы же в своих анналах приписывают это завоевание Тургезиусу и ничего не пишут о Гурмунде. Некоторые полагают, что вначале остров был подчинен Гурмунду, а затем уже Тургезиусу. Ирландцы же утверждают, что они никогда никому не подчинялись, за исключением лишь одного раза, и что человеком, покорившим их, был Тургезиус.

<...> И вот Тургезиус полюбил дочь Омелаклина, короля Миде, и король пообещал ему свою дочь. Он послал ее к озеру Лохиренус и с ней пятнадцать девушек. Тургезиус прибыл на место встречи, и пятнадцать юношей из его племени было с ним. Но внезапно девушки скинули одежды и предстали как пятнадцать юношей, и кинжалы были

¹⁸ В оригинале употреблено слово *berla*, букв. «трудная, непонятная речь», которое в современном ирландском закрепилось за английским языком; в тексте, видимо, означает «непонятный язык».

*спрятаны у них под плащами. Они напали на Тургезиуса и его людей и перебили их всех*¹⁹.

Интересно, что при первом упоминании Гиральдом имени Тургезиуса издатель и переводчик Томас Райт дает ссылку: «Тургезиус — это искаженное скандинавское имя Торгильса, сына Харальда Прекрасноволосого, который наследовал Хавдану Черному примерно в 861 г. и был королем Норвегии примерно с 900 или 910 г. до 931 или 936. Таким образом, дата, которую указывает Гиральдус, неверна. Торгильс получил во владение прекрасную область Телемаркен, которую предназначил ему его отец, но согласно авантюрному духу его нации отправился в Ирландию, где и погиб. Так описано это в саге о Харальде Прекрасноволосом...» [Wright 1982: 148]; далее следует уже процитированный нами пассаж из Снорри. Таким образом, говоря строго, мы можем высказать сомнение либо в том, что Тургезиус идентичен Торгильсу (а не Торгильсу!) из *Круга земного*, либо в том, что Тургезиус прибыл в Ирландию в указанное время, как это делает Райт. Все же, поскольку Тургезиус упо-

¹⁹ Сокращенный перевод по изд. [Wright 1913: 148—151]. Последний эпизод действительно согласуется с фразой Снорри о том, что Торгильс был *предан* ирландцами. Романтическая и красивая легенда о юношах, переодетых девушками, повторяется и в *Истории Ирландии* Дж. Китинга: *Маэльсехнал же тогда отправился со своей дочерью на встречу с Тургезиусом, а юношам, что были с ней, он велел переодеться девушками. Тургезиус протянул свои руки к девушке, желая овладеть ею насильно, а потом забрать ее к себе в позорное рабство, а его спутники тем временем захотели забрать себе все ценное, что было в том доме, особенно дорогое оружие. Маэльсехналл же тоже вошел в тот дом, но велел своим воинам держаться поодаль и ждать его крика, чтобы вбежать внутрь и напасть на лохланнов. Девушка же и ее спутницы вошли через заднюю дверь в тот дом, и девушка сразу прошла в спальню, приготовленную для Тургезиуса. Увидев это, он пошел за нею следом, а его воины поспешили к служанкам девушки. Но они тоже вошли в ту спальню. И вот Тургезиус уже протянул свои руки, чтобы обнять девушку и прижал ее к себе. Тогда переодетые воины бросились на него, повалили на пол и связали; тогда в спальню вошел Маэльсехналл со своими воинами, и тут началась битва, в которой погибли все лохланны, что были в доме, кроме Тургезиуса, который еще долго потом был в плену у короля* [Keating 1908: 180]; она же воспроизводится в современных популярных изданиях о викингах.

минается и у Гиральда, и в саге *Война гойделов с чужаками*, и в *Анналах*, и его правление всегда относится к 40-м гг. IX в., мы склонны считать, что ошибка была допущена Снорри, а не составителями ирландских источников. Хотя быть уверенными в этом мы не можем и полагаем, что синхронизация скандинавских и островных источников, описывающих эпоху викингов, нуждается в дальнейшей тщательной разработке.

В монографии 1884 г. Чарльз Халидей высказывал предположение, что само имя Тургезиус представляло собой латинизированную форму от сканд. *Thorgils*, которое было не собственно именем, но скорее прозвищем и означало «слуга Тора» (бога войны). В общем, данная идея кажется интересной, однако его следующий вывод о том, что ирландский Торгейс идентичен норвежскому конунгу Рагнару Лодброк (*Lodbrog*, ‘кожаные штаны’), который, согласно скандинавским данным, также отправился в Ирландию и погиб там, предстает скорее сомнительным (см. [Haliday 1884: 31—32]).

Но действительно правитель по имени Торгейс связан в той или иной степени со столицей Ирландии, хотя и не был в полном смысле слова ее основателем. Как принято считать, «Дюпплин», то есть Дублин, был основан викингами, однако это не совсем так. Возникшее на этом месте поселение датируется 140 г. н. э., и первым названием его было *Eblana*. Известно, что в 448 г. это место посетил св. Патрик и крестил тамошних жителей (см. [Barrett and Power 2008: 3]) В сагах это же поселение называется *Áth Cliath* ‘настеленный брод’, однако предположительно к началу IX в. рядом с ним находилось другое поселение, имевшее название *Dub linn* ‘черная заводь’. Именно оно было использовано викингами для основания там в 841 г. прибрежной крепости (*longphort*) на реке Лиффи, используемой в качестве военной базы ввиду его удобного расположения (одновременно морской и речной порт). Как пишет М. Валанте, «в начале два поселения находились рядом друг с другом и упоминались в *Анналах* параллельно. <...> Впервые Ат-клиат упоминается в 837 г.: «Первый захват Ат Клиата язычниками», во второй раз — в 845» [Valante 2008: 50]. Предположительно, оба поселения слились в один город, находившийся под контролем викингов, только к концу IX в. В 849 г. из Норвегии туда был прислан флот, который насчитывал 140 кораблей и таким образом это поселение было превращено в крупнейший оплот так называемых «Светлых чужаков», Finn Gall, как называли их ирландцы. Уже в 917 г. селение было укреплено крепостью и превратилось в город (см. рис. 3).

Map 1: Extract from Dublin c. 840 to c. 1540: the medieval town in the modern city.

Рис. 3.

В середине 40-х гг. IX в. у берегов Ирландии появился флот данов из Ютландии и Южной Швеции, которые, для отличия их от выходцев из Норвегии, получили название «Темных чужаков», *Dubh Gall*. По отношению к викингам из Норвегии они были настроены враждебно (см. выше).

Светлые и Темные чужаки находились в постоянном конфликте друг с другом, чем воспользовались местные ирландские короли, органически включившие свежие силы в собственные внутренние распри. И вместо организованной борьбы с завоевателями (чего в тот период, конечно, нельзя было ожидать) начали возникать временные военные союзы — «Светлые плюс ирландцы против Темных, Темные плюс ирландцы против Светлых и так далее» [Corkery 1968: 33]. Так, например, как пишет Фр. Бирн, «С 847 г. до своей смерти в 888 г. Кербалл, сын Дунлайга, король Осрайге, искусно стравливал друг с другом соперничающие отряды викингов и принимал некоторые из них к себе на службу. Его дочери вышли замуж за норвежцев, и на протяжении периода относительного ослабления, которое постигло дублинское королевство после 973 г., Кербалл, по всей видимости, действовал в роли его покровителя и защитника. Под именем Кьярвал Ираконунг («Кьярвал король ирландцев») он значится в родословных множества ведущих исландских родов» [Бирн 2006: 189]. В 850 г. король Бреги Кинаэд с помощью норвежцев напал на земли короля Тигернаха из Южных Уи Нейллов (см. подробнее [Вугне 2005: 616]). Более того, ряд мелких племенных объединений принимал сторону викингов и сам начинал вести примерно такой же образ жизни: то есть пиратствовал и нападал на монастыри. Так, например в *Анналах четырех мастеров* в 837 г. отмечается гибель епископа Килдалки Энеха от руки народов Луйгне и Галиенды (к северу от Дублина). Рассказами о союзах местных ирландских королей со скандинавами буквально пестрят записи в Анналах.

Для организованной борьбы с грабителями, которые постепенно все более органично вписывались в географическую и социальную систему Ирландии, нужна была хотя бы временная, но твердая верховная власть. Однако титул «короля Тары», который, как кажется, такую власть предполагал, был скорее номинальным. Отчасти на реальную власть в тот период претендовал уже упоминаемый нами Федельмид мак Кримтанн, король Кашеля (Мунстер). Однако, человек яркий и неординарный, он, видимо, был не совсем нормален психически, сам нападал на церкви, притом что объявил себя епископом и в 847 г. умер при

загадочных обстоятельствах²⁰. Гораздо более подходящей фигурой, которая как-то могла бы сплотить разрозненные силы ирландцев оказалась Маэль Сехналл, принадлежащий к так наз. Клану Кольмана, главной династии Южных Уи Нейллов²¹, в свое время утопивший Торгейса. В 851 г. он возглавил собрание, на котором был осужден и приговорен к смерти сын короля Коннахта, который совместно с викингами занимался пиратством. Однако в 856 г. распавшийся отряд был сформирован вновь под предводительством Кагиля Светлого, возглавившего «банду Gall-Gaedhil, людей смешанной расы с Гебридов и острова Мэн, вероятно, наполовину христиан, наполовину — язычников» [Ryan s.a.: 10]. На фоне постоянных враждебных столкновений ирландских местных королей между собой при поддержке викингов, деятельность Маэля Сехналла выглядит как последовательно проирландская, хотя в ряде случаев и он пытался заключать договора с одной группой викингов против другой. Так, например, в 852 г. он поддержал данов, которые разгромили большой отряд норвежцев (согласно легенде, даны победили, потому что призвали к святому Патрику, однако это не помешало им, как пишет составитель *Фрагментарных Анналов*, после победы приготовить себе еду из мяса поверженных врагов, и лишь послам короля удалось убедить их отказаться от каннибализма; впрочем, это лишь предание). Исторические свидетельства постоянно сообщают о схватках Маэля Сехналла не только с викингами, но и с теми ирландцами, которые возвращаются к язычеству и образуют с первыми временные боевые отряды. Более того, *Ульстерские Анналы*, например, сообщают, что в 859 г. он собрал «королевское собрание» (righdhal), где пытался установить «мир и сотрудничество» (sidha & caincomraicc) между всеми мужами Ирландии. В 860 г. он стал во главе объединенной армии ирландцев и сумел захватить часть скандинавских портов. Погиб Маэль Сехналл в 862 г. в декабре в одном из сражений, и в *Анналах* о нем говорится, что он был «королем всей Ирландии». Запись о его смерти снабжена четверостишием:

²⁰ Приведенное нами выше предание о том, что его пронзил копьем явившийся ему во сне святой Киаран, естественно, не следует понимать буквально. Однако, предположительно, за ним скрывается рассказ о покушении на жизнь короля, в общем удачном.

²¹ О становлении династий в раннесредневековой Ирландии см. [Mac Niocaill 1972], а также [Бирн 2006].

As iomdha mairg in gach dú,
 as sgél mór la Gaoidhealú;
 do rórtadh fionn flann fo ghleann,
 do rodbad áoinrí Eirenn.
 [FA, 112]

*Широка печаль в каждой земле
 от великой новости гойделов.
 Разлито вино кровавое по долине,
 Убит единый король Ирландии.*

Как пишет Д. О'Коррань, «он был более чем достоин этого титула» [Ó Corráin 1972: 100].

После его смерти верховным королем Ирландии был провозглашен король Айлеха Аэд Финнлиат, который в общем с переменным успехом продолжил ту же линию — постепенного отвоения земель у скандинавов. После ряда удачных кампаний начиная с 869 г., когда короли норвежцев Олаф и Ивар были выбиты из Ульстера, территорию, которую занимали викинги, ограничивалась лишь районом вокруг Дублина. В 902 г. они были вынуждены покинуть и этот порт, однако в 914 г. вернулись с большим флотом, который пристал в районе Уотерфорда. Почти не встретив сопротивления, объединенная армия норвежцев и данов заняла территории на юге и юго-западе острова и основала колонии возле Корка и Лимерика (основанных ими же ранее городов). Через год под их контролем был уже весь Мунстер, а в 917 г. была восстановлена колония в Дублине.

Начало X в. знаменуется всплеском активности викингов, но их военные действия уже как бы вписывались в общую систему междоусобных войн внутри Ирландии. Отчасти их племена вписались в социальную систему Ирландии, что выразилось в том, что они стали платить дань ирландским королям, как, например, королю Ниаллу Глун-Дуву (правил в 916—919 гг.). Впрочем, вскоре он погиб в сражении с викингами.

К концу X в. викинги во многом ассимилировались в Ирландии, часть из них приняла христианство, они занимались торговлей, пасли скот, а если и занимались пиратством, то скорее, как пишет Дж. Райан, «для развлечения в монотонной повседневной жизни» [Ryan s.a.: 16]. Способствовали ассимиляции викингов и частые браки конунгов с дочерьми ирландских королев. Так, например, наиболее, наверное, известная из них, Гормлат, дочь Мурахадма мак Финна и сестра короля Лейнстера Маэльморда, была женой знаменитого короля Бриана Бору, освободившего Ирландию в 1014 г. от викингов. В работе Э. Тринадада она называется «ирландской Еленой, которая спровоцировала международный инцидент и повернула ход истории» [Trindade 1986: 150],

однако мы полагаем, что реальная роль исторической Гормлат в данном случае преувеличена. Действительно, Гормлат первым браком вышла замуж за конунга по имени Олав Куаран из Дублина, что в общем вполне объяснимо: она была дочерью короля Лейнстера, а эта область к тому времени традиционно считалась исландской колонией, что признавали обе стороны. И поэтому Олав в глазах самих же ирландцев предстал не как узурпатор или грабитель, но уже как представитель законной власти (естественно, власти только над одной небольшой областью острова: Дублин и районы на запад и на юг от него). От Олава у Гормлат родился сын по имени Ситрик, который со временем должен был сыграть довольно значительную роль в раздувании конфликта, завершившегося в Клонтарфе. Принявший христианство ради брака с Горм(ф)лат, Олав вскоре вернулся к языческим культам и начал разрушать ирландские монастыри, что отчасти послужило толчком к очередному возмущению против викингов. На этот раз мини-объединение ирландских сил сложилось вокруг короля по имени Маэль Сехналл II, который в 980 г. разбил Олава прямо на сакральном «поле Тары» (к сев. от Дублина), в результате чего Олав вернулся к христианству и отправился в паломничество на о. Иона, а Гормлат стала женой Маэля-Сехналла. Конунгом Дублина стал ее сын Ситрик. Примерно в 1000 г. (но возможно — раньше) Гормлат покинула мужа и стала женой Бриана Бору, короля Мунстера, который в свою очередь тогда же выдал одну из своих дочерей от предыдущих браков за Ситрика, что не мешало ему разбить войска Ситрика в 1000 г. Брак Гормлат с Брианом Бору продлился всего года 2 или 3, после чего был расторгнут по его инициативе и по причине, которая до конца не ясна. Возможно, он изначально и мыслился им как временный, причем символический, позволивший ему в 1002 г. свергнуть Маэль Сехналла и получить трон верховного короля. Одновременно это был способ добиться временно-го союза с викингами, которых к тому времени возглавлял сын Гормлат — Ситрик (Сигтрюг). Таким образом, сама Гормлат предстает как историческая фигура, наделенная особой значимостью, поскольку брак с ней дает множество преимуществ.

Королева Гормлат предстает как яркая личность, причем далеко не идеальная. Известная и скандинавским компиляторам, она называется «женщиной на редкость красивой», и о ней говорится, что «она была хороша во всем, что не зависело от ее воли, но, как говорят, во всем, что от нее зависело, она показывала себя только с худой стороны» [Сага о

Ньяле 1999: 356]. Ее история показательна²² сама по себе и позволяет понять, какие исторические условия сделали возможным освобождение Ирландии от викингов, произошедшее в 1014 г. после знаменитой битвы при Клонтарфе: интеграция захватчиков в местную среду, а также появление сильной личности, которая сумела хотя бы временно собрать вокруг себя объединенные ирландские силы. Таким человеком стал Бриан Бору.

Мог ли он называться действительно «верховным королем», и, что для нас сейчас важно, означало ли это реальную власть над всей Ирландией, власть, которая действительно могла бы объединить силы ирландцев против скандинавских завоевателей? Дж. Келлехер выдвигает тезис, согласно которому первым правителем, который действительно мог бы быть назван верховным королем, был Бриан Бору, правивший с 1003 до 1014 г.²³ Он пишет, что в 1005 г. Бриан, который родом был из Мунстера (Юго-Запад) положил на алтарь в Армаге (Север) 22 унции золота, и тогда писец Маэль Сутань сделал на полях *Книги Армага* приписку: «Ego scripsi <...> in conspectu Briani imperatoris Scotorum» («Писано мною <...> в присутствии Бриана, императора ирландцев»). В том же, что касается таких свидетельств как *Анналы*, трактат о королевской власти в Ирландии *De Fhlathiusaib Erenn (О правителях Ирландии)*, установление прав и обязанностей королей разных уровней — *Lebor na gCert (Книга Прав)*, саги типа *Борома* (о взятии Уи Нейллами дани с Лейнстера) и др., в которых описывается наличие в стране верховной власти Уи Нейллов, то все эти источники он считает поздними спекулятивными образованиями «пропагандистского» толка [Kelleher 1963: 121]. Надо признать, что и М. Диллон, издавший *Книгу Прав*, также отмечал ее компилятивный характер и находил в ней отдельные противоречия, но все же полагал, что «маловероятно, что она могла быть написана после прихода к власти короля Бриана Бору» [Dillon 1962: x]. Мнения, что первым верховным королем Ирландии был именно Бриан, придерживается и К. Хьюз, которая в предисловии к *Истории средневековой Ирландии* пишет, что он был первым реаль-

²² Подробнее о ней см. в нашей работе [Михайлова 2004].

²³ О роли короля Бриана в культурной жизни Ирландии того времени, а также о его сложных взаимоотношениях с врагом-союзником Маэль Сехналлом см. в следующей главе, в разделе, посвященном поэме *Чудо Колума Килле*.

ным королем, который сумел подчинить себе местных королей [Hughes 1968: 32]. Действительно, Бриан Бору, выходец из Мунстерского рода (племени?) Дал-Кассиев и не принадлежащий к династии Уи Нейллов, представители разных ветвей которой носили титул верховного короля, сумел сосредоточить в своих руках определенную власть, в основном благодаря личным качествам. Как пишет о нем Фр. Бирн, «У нас нет особого повода полагать, что Бриан вынашивал какие-либо оригинальные представления о власти верховного короля и уж тем более что он владел бóльшим могуществом, чем его предшественники из рода Уи Нейллов. Его успех (слово «узурпация» прозвучало бы чересчур жестоко, так как формальным юридическим правом на ирландский престол не обладал никто) спутал все политическое устройство Ирландии, которое хотя и могло показаться достаточно архаическим, тем не менее следовало определенным внутренним законам династической иерархии» [Бирн 2006: 302—303]. Все сказанное, безусловно, верно, но на этом фоне невольно встает вопрос: что же для Бриана было более важным — завоевание верховной власти или освобождение страны от викингов? Напомним, что к началу XI в. скандинавы уже не представляли как кровожадные грабители, а выступали как одно из многочисленных политических объединений на карте Ирландии. Не стоит видеть в короле Бриане этаких Минина и Пожарского, который объединил народ в борьбе с захватчиками, уже, отметим, во многом ассимилированными и даже отчасти христианизированными. Отметим также, что далеко не все ирландские местные короли поддержали его, и, например, короли Лейнстера во время битвы при Клонтарфе выступили на стороне скандинавов. Как пишет автор популярной истории Ирландии Р. Ки, «Это правда, что в 1014 году король из графства Клэр по имени Бриан Бору разгромил при Клонтарфе великую армию норвежцев, обитавших в Дублине. Но разбитая им армия также состояла из значительной части лейнстерцев, а другая часть королей вовсе не спешила при этом его поддержать» [Кее 1982: 27]. Как пишет шведский историк Х. Арбман, «было бы неверно представлять битву при Клонтарфе как подъем национального движения ирландцев против захватчиков» [Арбман 2003: 112]. Но, с другой стороны, умалять роль Бриана Бору в борьбе со скандинавами, которые к тому времени прочно осели в некоторых районах Ирландии (в основном Дублин, Уотерфорд и Вексфорд) мы также не должны. К тому же именно эти победы, как мы понимаем, прибавляли ему авторитет. Так, еще в 1000 г., как пишут *Анналы Инисфаллена*,

Мунстерцы захватили Дублин и сожгли его огнем, и сожгли Калль Товарь как хворост, а король чужаков бежал из битвы к уладам, но они не стали давать ему защиты в Ирландии, пока он не дал заложников Бриану, сыну Кеннетиха, и тогда Бриан отдал крепость чужакам (Indred Átha Cliath & doud & a loscud do feraib Muman & forbas doib and i Kl. Enair, & Caill Tomair do loscud doib do chonnud, & rí Gall Átha Cliath d'élúd co Ultu asin chath & na fuair a dín in h-Erind co tarat a giallu do Brian mc. Cennetich, & co tarat Brian a n-dún dona Gallaib [AI: 174]).

И все же, даже если Брианом в первую очередь двигала жажда власти, он избрал верный способ для ее достижения, что в результате привело к полному поражению скандинавов. Потребность в «сильном правлении», видимо, для того времени назрела сама собой, и страна буквально жаждала перехода к феодальным отношениям (ср. «Викинги заставили взрасти саму идею власти, корни которой уходят в более древние времена, но которая созрела под ударами их мечей» [Hughes 1968: 28]). Выбранный Брианом момент был особенно актуален ввиду того, что годом ранее, в июле 1013 г., наметилась новая волна агрессии со стороны Дании, когда Свейн с огромным флотом высадился у берегов Британии. После его смерти в январе 1014 г. власть получил его сын Кнут, продолживший завоевание. Как трогательно пишет П. Сойер, «набеги на Англию, возглавляемые такими людьми как Олаф Трюгвасон, будущий король Норвегии, Свен, король Дании, и его сын Кнут, совершенно деморализовали англичан, которые несколько раз выплачивали огромные суммы, чтобы хоть на короткое время избавиться от своих мучителей, и к 1016 г. эти атаки увенчались тем, что англичане признали Кнута своим королем» [Сойер 2002: 12]. Аналогичный захват ирландских земель реял в воздухе. Поэтому, наверное, не случайно к походу Бриана на Дублин присоединились достаточно многочисленные отряды местных ирландских королей: из Южного Коннахта, во главе с О'Эдином Адне, род Уи Мане, а также ряд других. Мунстерские Эоганахты также объединились с Брианом, а также викинги из Уотерфорда (!). В его армии были также короли из Брефне, центральных районов и даже Шотландии. Северные Уи Нейллы вначале держались в стороне, но затем присоединились к войскам Бриана. Возможно, именно это «открытие второго фронта» и обеспечило окончательную победу над викингами²⁴.

²⁴ Единства по данному вопросу у историков, как мы понимаем, нет. Так О'Коррань высказывает предположение, что в самый последний момент

В пятницу на пасхальной неделе (согласно полученному во сне пророчеству), 23 апреля 1014 г., в местечке Клонтарф (которое сейчас является одним из районов Дублина) Бриан начал битву. Ему было тогда уже более восьмидесяти лет, и лично он в сражении не участвовал, его армию возглавлял Мурхад, его сын, которому тоже было уже за шестьдесят. Силы скандинавов возглавляли норвежцы Сигурд и Бродир. Последний сумел проникнуть в палатку короля и убил его кинжалом, естественно, сам он был затем также убит, причем, согласно исландской *Саге о Ньяле*, также скандинавами (см. [Сага о Ньяле 1999: 363], см. также ниже в настоящем издании)²⁵.

Согласно легенде, изложенной в основном в саге *Война гойделов с чужаками*, но также в ряде других текстов (см. [Goedheer 1938, 66—67]) Бриану в ночь перед сражением явилась мифическая женщина по имени Ивил и предрекла, что он погибнет в битве и что его преемником станет тот сын, которого он первым увидит утром. Бриан наутро поспешил послать за Мурхадом, но, услышав голос отца, первым в палатку вошел Доннхад. Действительно, сам Мурхад погиб во время сражения. Как пишет автор *Саги о Ньяле*:

Я в Ирландии видел
Страшную сечу. Герои
В громе мечей рубились,
Щиты разбивали в щепы.
Пал, истекая кровью,
Сигурд на поле брани.
Пал и Бриан отважный,
В битве добыв победу.

Ирландская *Хроника Скоттов* (Chronicon Scotorum), например, пишет об этом:

«Маэль Сехнал отступил и оставил Бриана лицом к лицу с викингами и их сторонниками из Лейнстера» [Ó Corráin 2001: 25]. Видимо, в таком случае приведенная нами цитата из хроники обязана своим появлением более поздней редакции, составленной уже после гибели Бриана, когда Маэль Сехнал вновь пришел к власти. Такое вполне возможно.

²⁵ Описанию поражения норвежцев при Клонтарфе, а также странным пророческим видениям, с этим связанным, посвящена заключительная часть *Саги о Ньяле*. Подробнее о сопоставлении ирландской и скандинавской традиций, посвященных этому событию, см. [Goedheer 1938].

1014. Армия под командованием Бриана, сына Кендетиха, сына Лоркана, короля Ирландии, и Маэль Сехналла, короля Тары, приведена к Дублину. Чужаки всего мира, которые были на западе Лохланна, собрались против Бриана и Маэль Сехналла. У них была тысяча человек в броне. Началась между ними битва и сеча, каких не было еще до той поры в Ирландии, и пал тогда Бриан, но и многие чужаки погибли. И пал Мурхад, сын Бриана. <...> Брудар, предводитель данов, это он убил Бриана, и вся тысяча человек в броне, все погибли, и не меньше трех тысяч чужаков пали там. [CS, 216].

После Клонтарфа «если случайные рейды викингов и имели место, то они были незначительны по сравнению с династическими распрями, начавшимися после гибели короля Бриана» [De Paor 1967: 105]. Как отмечает та же *Хроника Скоттов* на 1016 г.:

Маэль Сехналл привел армию к уладам и взял заложников от уладов. Гилла Колуб Уи Агда, король Тебты, был убит сыном Донна, сына Доннгла в Друм Рати.

Доннкан, сын Дунланга, король лагенов, был убит, и Тайг Уи Риан, король Уи Дронов, был убит Доннхадом, сыном Гилла Падрига, в центре Лейнстера.

Клонмакнойс, Клон Ферт Бреннан и Келлс были сожжены...

В общем, за что боролись? За мир и свободу или за власть?

Не надо думать, что после битвы при Клонтарфе викинги были полностью изгнаны из Ирландии. Их поселения продолжали фигурировать на карте острова, постепенно сливаясь в одну пеструю картину автономно управляемых областей²⁶. Не закончились и их набеги из Лохланна (будь то Норвегия или север Шотландии), однако масштабы этих вторжений в значительной степени уменьшились. Как пишет

²⁶ Вопрос о степени ассимиляции скандинавских поселенцев в Ирландии не имеет однозначного решения. Сохранность отдельных скандинавских топонимов на карте острова вплоть до нашего времени (см. о них в следующем разделе) позволяет предположить, что они бытовали именно в скандинавскоговорящей среде до конца XII в., когда были восприняты уже англо-норманнскими завоевателями, и в такой форме сохранились в английском варианте ирландской топонимики. Однако существует и другое мнение — «эти названия были известны английским рыбакам и торговцам гораздо раньше и именно из этого источника проникли затем в английский» [Fellows-Jensen 2001: 113].

М. И. Стеблин-Каменский, «Результаты скандинавских завоеваний были в сущности ничтожны. Скандинавские “варвары” очень быстро ассимилировались с более культурным местным населением завоеванных ими стран и растворялись в нем, оставляя более или менее заметный след в местной топонимике и в языке» [Стеблин-Каменский 1953: 28]. Мы не уверены, что сказанное полностью справедливо для «случая Ирландии», в которой нашествие викингов сыграло довольно значительную роль (причем не всегда отрицательную). Но со временем, действительно, скандинавские поселенцы полностью растворились в местном населении и впали в ничтожество, не сохранив (в отличие от первых, также ассимилировавшихся в Ирландии норманнов) собственной родовой идентичности — аристократических фамилий.

Скандинавские заимствования

Приведенное нами выше высказывание М. И. Стеблин-Каменского о «ничтожности» влияния скандинавов на завоеванные ими народы кажется нам слишком резким и не совсем справедливым: ирландцы у викингов заимствовали очень много, прямо или косвенно. Говоря о «скандинавских заимствованиях» мы имеем в виду не только относительно немногочисленные лексемы, которые проникли в ирландский язык за два века постоянного присутствия скандинавских племен на территории Ирландии. Мы понимаем эту проблему шире: чему ирландцы смогли от них научиться, перенять, освоить, прямо или косвенно. Естественно, заимствование реалии сопровождается часто переносом и ее обозначения, поэтому уже собственно лексические заимствования в данном случае оказываются, как правило, довольно четко мотивированными, поскольку отражают новый материальный уклад, отчасти воспринятый от завоевателей. Косвенными заимствованиями, точнее влиянием скандинавов, можно также назвать некоторые новые элементы повседневной жизни Ирландии, которые уже не были непосредственно восприняты от скандинавов, но появились в тот период, отчасти как реакция на завоевание. Можно ли говорить здесь о каком-то глобальном культурном влиянии скандинавов на духовную жизнь Ирландии именно как *влиянии*, то есть привнесении чего-то нового, что было ими (викингами) уже до этого освоено и разработано? На этот вопрос принято отвечать скорее отрицательно: слишком разным был культурный потенциал *litterati* «острова святых» и их варварских грабителей.

И все-таки чему-то ирландцы научились. В первую очередь, конечно, это касалось техники ведения войны и вооружения. В Древней Ирландии было распространено передвижение на колесницах, которые доставляли воина к месту поединка. Во время поединка обычно использовался меч, длинный или короткий, а также копья разного рода, раз-

мера и длины. Ни верховая езда¹, ни луки, как правило, не применялись. Но, как пишет Л. Де Паор, «во время битвы при Клонтарфе обе стороны уже были одеты и вооружены одинаково» [De Paor 1967: 105]. Другим заимствованием принято называть кораблестроение и связанное с ним рыболовство: как это ни странно, но живущие на острове ирландцы практически не умели строить корабли, не пользовались сетями и ловили рыбу только в реках. Третий пласт заимствований связан с торговлей и введением монет. Как предполагает А. Кр. Ларсен, «можно предположить, что на определенном этапе именно норвежский был в Ирландии языком-посредником во время обмена и торговли» [Larsen 2001: 145].

Говоря о заимствованиях лексических, мы должны понимать, что их источником был не какой-то один «древнескандинавский» язык (и уж тем более не древнеисландский, который сформировался позднее), но один из двух «рукавов» общескандинавского, разделившегося, по данным глоттохронологии, примерно в середине VIII в. (см. [Blažek 2007: 98], а также [Кузнецов, Никуличева 2000: 130; Берков 2000: 303]) — протодатский и протонорвежский. Если Британию завоевывали в основном даны, то в Ирландии преобладали выходцы из Норвегии, хотя даны также присутствовали. Относительная близость указанных ветвей скандинавских языков (особенно в тот период) часто делает практически невозможным определить точно, из какого именно языка произошло заимствование, и относительная дифференциация может здесь касаться только топонимов, поскольку из других источников известно, кем именно то или иное поселение было основано. Англоязычная литература в данном случае предпочитает оперировать обобщенным термином Old Norse, который в русском имеет несколько эквивалентов: «древнеисландский», «древненорвежский», «древнесеверный», «древнескандинавский». Мы предпочитаем пользоваться последним термином, точнее — сокращением *сканд.*, (собственно «древнескандинавский» перестал существовать, как мы понимаем, именно в эпоху викингов), хотя, как мы понимаем, точнее было бы называть язык-источник все-таки древненорвежским. Как писал М. И. Стеблин-Каменский, колонизовавшие Исландию норвежцы, прежде чем обосно-

¹ Первое несколько странно, поскольку галлы, кельты, жившие на континенте, были напротив известны как искусные наездники. Видимо, искусство верховой езды были переняты ими от каких-то восточных племен уже после того, как протогиделы переселились на Британские острова.

ваться там, «жили некоторое время на островах к северу от Англии или в норвежских колониях в Ирландии» [Стеблин-Каменский 1953: 30]. В общем, норвежское влияние было в Ирландии более масштабным, более заметным и в большей степени оставившим следы в топонимике и лексике, чем датское. Однако в ряде случаев источником заимствования мог быть и древнедатский и даже тот же древнеисландский (для позднего периода), поскольку контакты с Ирландией у заселенной норвежцами Исландии также имели место.

Число заимствованных аппелятивов в разных работах называется по-разному: от 50 до 20. Как мы понимаем, это объясняется двумя моментами: во-первых, не все, зафиксированные в средне- и ранне-новоирландских текстах скандинавизмы сохранились до наших дней; во-вторых, часть скандинавизмов закрепились только в отдельных диалектах, тогда как в других зонах и в государственном искусственном стандарте принято другое слово. Кроме того, в список скандинавизмов не принято включать слова скандинавского происхождения, но проникшие в ирландский язык через английский (что на самом деле не всегда можно точно установить). Так, например, список из 27 лексем, приведенный в [Larsen 2001: 145]², не включает в себя слово *bord* ‘край, борт корабля; стол, доска’ (впервые фиксируется в переложении *Энеиды*, дат. ок. 1000 г.), поскольку оно считается скорее заимствованным из др. англ. *bord*, хотя возведение его к сканд. *borð* также обсуждается как возможное (см. [LEIA-B: 72]).

² Приведем его полностью, пока без каких бы то ни было комментариев: *ábuá* < *háboğa* ‘весельный порт, пристань’, *accaire* < *akkeri* ‘якорь’, *bát* < *bát* (Eng: *bad*) ‘лодка, корабль’, *beirling* < *berling*, *pæl* ‘боевой корабль’, *bróg* < *brók* ‘ботинок’, *snar* < *knappr* (Eng: *snæpp*) ‘пуговица’, *erell* / *iarla* < *jarl* ‘эрл-ярл, граф’, *garrdha* < *garðr* ‘сад, огород’, *laideng* < *leidangr* eller *leiðing* ‘боевой корабль’, *langa* < *langa* ‘длинный’, *leagadh* < *leggja* ‘опустить паруса’, *lunnta* < *hlunnr* ‘весло’, *margadh* < *markaðr* ‘рынок’, *matal* < *möttull* ‘плащ’, *ronair* < *baunir* ‘боб’, *punnan* < *binda* ‘сноп; связка стрел’, *scibeadh* < *skipa* ‘оснащать корабль’, *scilling* < *skilling* ‘шиллинг’, *scód* < *skaut* ‘полотно’, *scúta* < *skúta* ‘легкий боевой корабль’, *sess* < *sess* ‘сидение, скамья’, *sreng* < *strengr*, ‘веревка, канат’, *stag* < *stag* ‘стоянка’, *stiúir* < *st’yrí* ‘длинное весло’, *stiúrusmann* < *st’yrismaðr* ‘гребец’, *tile* < *thili* ‘доска (корабельная), палуба’, *tochta* < *tophta* ‘нападать; мешать чему-л.’, *trosk* < *thorskr* ‘треска’. Список явно не полон и демонстрирует пристрастие автора к корабельному делу и рыболовству.

Говоря в первую очередь о мотивированных заимствованиях из скандинавского, сохранившихся в ирландском, отметим слово для обозначения лука: *boga* < сканд. *boga*. Интересно, что, хотя сами луки в ирландской армии до прихода викингов не употреблялись, в древнеирландском слово для лука было. Оно было образовано из сочетания *fid* ‘дерево’ и *boc(c)* ‘крюк, дуга’ и использовалось в глоссах для передачи реалии, видимо, приблизительно понятной глоссаторам, описывающим библейский и античный мир: глоссировалось как *arcus*. Это же слово, *fidboc*, получило также значение ‘радуга’, причем, видимо, также под влиянием латыни. В новоирландский период слово для «радуги», предположительно, возникло вновь уже отчасти под английским влиянием: *boga báistí*, букв. «лук дождя». От скандинавов была также перенята идея закрывать голову во время поединка металлическим шлемом, а вместе с ней и обозначение шлема: *att* < *hattr*, откуда затем было образовано *clocat* (букв. «колокол-шлем»). Одним из наиболее ранних ирландских памятников, в которых встречаются скандинавские заимствования, считается поэма *Чудо Ку Поу*, датирующаяся серединой VIII в. (см. оригинал и русск. пер. [Николаева 2001]). Среди даров, которые погибший король дал оплакивавшему его поэту Ферхертне, в частности упоминаются *deich n-eobru*, что может быть переведено как «десять кабанов» (поскольку в тексте в данном фрагменте речь идет о животных, ср. др.-исл. *jofurr*). Однако, как полагает К. Марстрандер (в классической работе о влиянии древнеисландского на среднеирландский), это слово следует переводить как «шлем с кабаньей головой» [Marstrander 1915: 29]. По мнению А. Сандберг-МакГован, столь раннее заимствование могло произойти еще до эпохи викингов в результате sporadических контактов с германцами (см. [Sandberg-McGowan 1996: 222]). В таком случае, как мы можем осторожно предположить, это заимствование (а на самом деле — уникальное употребление в названном тексте) в качестве источника может иметь скорее др.-англ. *eo-for*, *eobarr* ‘вепрь, кабан’ (см. об этой лексеме также [Pokorny 1919]).

Заимствовано было также обозначение щита — *targa* < *targa* (при др.-ирл. *sciath*, видимо, это был щит другого типа), причем в данном случае также источник заимствования точно не известен, т. к. слово имеет форму *targa* как в сканд., так и в др.-англ. Ср. также *búaile* ‘шишка на щите’: ср. др.-исл. *bóla* при др.-англ. *bule*. Изменили свою форму и

мечи, которые в Древней Ирландии применялись достаточно широко³, и между рукоятью и лезвием начали вставлять металлический эфес, часто украшенный резьбой и драгоценными камнями. Он получил название *elta*: ср. др.-исл. *hjaltr* и др.-англ. *hilt/helta*. Боевая дубинка как реалия также была заимствована от викингов и получила название *lorg* < *lurkr* (причем в данном случае Сандберг-МакГован предполагает, что др.-англ. *lorh/lorg* с тем же значением было в свою очередь заимствовано из ирландского [Sandberg-McGowan 1996: 226]).

В том, что касается уже не столько вооружения, сколько одежды в широком смысле, то и здесь ирландцы почерпнули от викингов достаточно много. Среди наиболее «революционных» достижений можно назвать введение пуговиц, которые ранее в Ирландии не употреблялись (плащи скалывались на плече металлическим пряжками, часто очень дорогими). Первые пуговицы были металлическими, иногда серебряными и украшенными драгоценными камнями. Это была своего рода деталь, демонстрирующая принадлежность к знати. Так, в саге *Война гойделов с чужаками* рассказывается эпизод, в ходе которого к королю Бриану приезжает брат его жены Гормлат Маэльморда, король Лейнстера, желающий заключить со своим зятем военный союз и заплатить ему как верховному королю полагающуюся дань. Как рассказано далее в саге, «была у Маэльморда туника из шелка, что подарил ему ранее сам Бриан, и по низу у нее шла золотая кайма, а еще были на ней прекрасные серебряные пуговицы. И вот, когда он подъезжал к дому Бриана, одна из тех пуговиц сломалась и упала на землю. Когда же они приехали в дом, король снял с себя тунику и далее своей сестре Гормлат, она была дочерью Мурхада и Бриану была женой. А еще она была матерью Доннхи, сына Бриана. Он просил, чтобы она нашла ему другую серебряную пуговицу, подобную пропавшей. Королева взяла тунику и бросила ее в очаг, а когда брат ее стал ее за это осуждать, она сказала ему, что не следует ему принимать от Бриана даров и платить ему дань, потому что ни отец их, ни дед никому дани не платили» [CGG 1867: 142]. Интересно, что пуговицы также упоминаются, по данным А. Сандберг-МакГован, в сагах, относящихся к Уладскому и королевскому циклам и, таким образом, описание пуговиц как яркой детали одежды, являясь анахронизмом, становится своего рода общим местом

³ Об изменении формы мечей и других видов вооружения см. в [Sandberg-McGowan 1996: 220 ff].

эпического нарратива. Отметим, однако, что — по принципу «новое — это хорошо забытое старое», пуговицы существовали в Ирландии еще в догойдельский (?) период в Бронзовом веке: они выглядели скромно и делались обычно из отшлифованной кости (см. [Flanagan 2000: 216]). Металлические пуговицы получили название *snapp* < сканд. *knapp* при др.-англ. *snaepp*. В современном ирландском слово *snap* получило значение «шишка, опухоль, бугорок», тогда как собственно обозначение пуговицы заняло уже английское заимствование — *snaipe*.

Другим важным нововведением стали кожаные штаны, которые в первую очередь были связаны с развитием верховой езды. Они назывались *bróc* < сканд. *brókr*. Само слово было известно и в континентальном кельтском ареале: ср. галльск. *braca*, известное по греческим свидетельствам и латинскому заимствованию *brāca*, в котором предполагается в свою очередь раннее галльское заимствование из германского (см. [Delamante 2003: 84]). В Ирландии обозначение кожаных штанов постепенно переместилось на кожаную обувь и именно в таком значении сохранилось в современном ирландском. В сагах оно уже часто упоминается именно в таком значении, что является анахронизмом. Слово сохранилось в современном ирландском (мы полагаем, что, учитывая русские *брюки*, лексема вообще может иметь статус бродячей). Анахронистичным является и менее распространенное обозначение обуви — *assa*, восходящем, предположительно, не к сканд., а к др.-англ. *hose*.

Среди собственно одежды, заимствованной у викингов вместе с соответствующим обозначением, назовем также *blái* (< *blaeja*) — «короткая накидка, преимущественно из льна», *scuird-léine* (< *skyrta*) — «длинная рубаха, туника» (в свою очередь было заимствовано и в др.-англ. *skirt*, причем, получив новое значение «юбка», было вновь заимствовано в ирландском в форме *scirta*), а также — *ló*, *lae* (< *lífá*) — «шерсть, мех, меховой плащ». Естественно, все эти слова широко употреблялись среднеирландскими нарраторами, которые одевали героев своих саг «о древних временах» по собственной моде.

Другим важным, вернее — еще более важным практическим заимствованием было корабельное дело вообще и рыболовство в частности. Живущие на острове, ирландцы тем не менее были очень плохими мореплавателями и даже практически не занимались рыбной ловлей (кроме речной рыбы, которую предпочитали бить специальными копьями-острогами). Море представлялось им пугающей стихией,

своего рода дорогой в иной мир, преодолеть которую реально на своих маленьких круглых кожаных лодках курахах (ирл. *curach*, предположительно — к и.-е. **(s)ker-* ‘резать; кожа, шкура’) они не решались или почти не решались. Не случайно среди типов казни (наряду с другими, более простыми способами — подвешивания, зарывания в землю и забивания палками или копьями), практиковалось отправление преступника на маленькой лодочке без весел в открытое море «по воле волн». Ему давался запас пищи и пресной воды на одни сутки (иногда несколько больше), и лодочка с ним заводилась от берега на определенное расстояние: так, чтобы нельзя было различить взглядом специально поставленный на берегу белый щит. Исключением были небольшие весельные суда, которые также не предполагали длительных путешествий и обычно использовались для плавания на прибрежные острова и в Шотландию и Уэльс. Далее в ранней Ирландии взгляд просто не простирался, а плавание святого Брендана, не столь уж далекое, воспринималось как чудо⁴. Другим обозначением лодки, корабля в др.-ирл. было *long* < лат. *navis longa* (ср. также валл. *llong* ‘корабль’), причем образованное от него абстрактное существительное получило значение *loinges* ‘изгнание’.

Появление викингов на больших для того времени судах, появление из-за дальнего моря — все это, вызывавшее вначале мистический ужас, вскоре подало идею копирования и подражания. Действительно, начиная с X в. в Ирландии распространилось кораблестроение и само слово для корабля нового типа также было, естественно, заимствовано — *bát* < *bátr*. Ср. также *cnairr* < *knörr* ‘торговый корабль’, *scuta* < *skutr* ‘лодка, яхта’ и *laídeng* < *leidangr* ‘легкое судно’. Слово для паруса *seól* также является заимствованным, но из древнеанглийского (*segel*), причем оно получает в ирландском широкое значение «ткань, покрывало». Ср. также *stiúir* < *styri* ‘руль’, *accaire* < *akkeri* ‘якорь’, которое в свою очередь является заимствованием из лат. *ancora*. Интересно, что в древнеирландском также присутствовало латинское заимствование для «якоря», причем в двух формах: более ранней — *ingor* (ср. валл.

⁴ Однако, как пишет Дж. Вудинг, ирландские мореплаватели, и в том числе монахи, ищущие уединения, достигали также берегов Исландии, Гренландии и, что является предметом дискуссий, Северной Америки (см. [Wooding 1995]). Но и это воспринималось как чудо. Ср. также мотив плаваний как посещений Иного мира, кодируемый лексемой *immram* < и.-е. **rá-* ‘ходить на веслах’.

angor), и более поздней — *ancaire*, которое и закрепилось в современном языке (см. более подробный список заимствований, связанных с корабельным делом в [Breatnach 1994: 333]).

И наконец, последней сферой деятельности, с которой ирландцы познакомились благодаря викингам, была торговля, оставившая свой след в таких словах как *margad* < *markaðr* ‘рынок’ и *pennig* < *pennigr* ‘монета, денежная единица’. Если говорить о системе материальных ценностей кельтской Ирландии раннего периода, то, безусловно, на первом месте мы должны будем поставить скот, а на второе — рабов. В общем — это срез ранней социальной системы индоевропейцев, которые слово «деньги» возводили к основе, обозначающей скот в целом. Более того, первые монеты, как принято считать, появились в Ирландии в ходу только после скандинавского завоевания и впервые были пущены в оборот в конце X в. конунгом, правившим в Дублине — Сигтрюгом III. Параллельно первые монеты проникали из Британии, завоеванной данами, и первым образцом в данном случае считается пенни короля Этельреда II (см. рис. 4 [Cruise O’Brien 1972: 39]). До этого, несмотря на более ранние длительные контакты с Британией, где уже давно, еще с римских времен, были в ходу монеты, и с хорошим знакомством с античной культурой в целом, ирландцы как будто не испытывали нужды во «всеобщем эквиваленте». Основной «денежной единицей» в Древней Ирландии (по крайней мере уже в гойдельский период) был так называемый «кумал» (ирл. *cumal*) — изначально «женщина-рабыня», но затем некая условная цена одной рабыни. Естественно, введение денег как монет сыграло большую роль не только в развитии экономики, но и в становлении государственности, т. к. чеканка монет находилась в руках королей и была своего рода символом их власти.

Рис. 4.

Не совсем мотивированным представляется заимствование слова *beóir* ‘пиво’ < *biórr* [Marstrander 1915: 117], поскольку пиво в Ирландии варили и до скандинавского вторжения, причем было известно пиво нескольких сортов, каждый из которых имел свое название (*cuirm*, *lind*, *laith*, *derglaith*, см. подробнее в [Kelly 1998: 332—335]). Видимо, как полагает Ф. Келли, скандинавы в глазах ирландцев отличались чрезмерным пристрастием к пиву, и этот напиток стал с ними ассоциироваться в первую очередь и получил соответствующее название. Впервые оно засвидетельствовано в письменных источниках достаточно поздно: в саге XII в. *Видение Мек Кон Глинне* (*Aislinge Meic Con Glinne*), посвященной описанию разного рода еды, где пиво выступает в контексте — *aibne beóiri is brocótí*⁵ [AMCG, 15, 462] — *реки пива и браги*.

И, наконец, последнее, что еще следует отметить, — это развитие градостроительства, кодируемое словом *longphort*, вначале так называлась крепость на берегу, укрепленный порт (букв. «корабельный порт»), а затем оно стало обозначать просто укрепленное поселение, город уже в средневековом понимании этого слова.

Говоря строго, как мы уже отмечали, и сами формы слов, и предполагаемые культурные источники заимствований не обязательно восходят к самой Скандинавии. Как утверждают многие исследователи вслед за Марстрандером, многие слова и реалии, ими обозначаемые, могли проникнуть в Ирландию и от англосаксов, которые в свою очередь в то же время претерпели аналогичное «вливание». Как пишет А. Сандберг-МакГован: «в области языка мы сталкиваемся со сложной ситуацией, демонстрирующей постоянные контакты и культурные взаимовлияния между англосаксами, викингами и ирландским обществом» [Sandberg-McGowan 1996: 227].

По своей форме скандинавские заимствования, как правило, оформлялись как слова мужского рода -о- основы, либо, если слово кончалось на гласный, как -ю- основы в упрощенной форме с редукцией безударной флексии во всех падежах. Иными словами, лексемы типа *boga* оставались практически неизменяемыми во всех падежах и числах, за исключением маркированного *dat. pl.*, в котором сохранялось

⁵ *broccóit* — предположительно британское заимствование, ср. ср.-валл. *bragawd* [LEIA-B: 94] обозначает особый вид пива, смешанного с медом; ср. также русск. *брага*, которое Фасмер считает тюркским заимствованием [Фасмер 1996: 205].

окончание *-aib*. Данная модель сохранилась и позднее, применительно к англо-норманнским заимствованиям.

Фонетически скандинавские заимствования в общем сохраняли во многом исходную форму, естественно, при пересчете на фонологическую систему ирландского языка. Анлаутный консонантизм в основном сохранялся неизменным, за исключением начального *h-*, которое в ирландском исчезало: *att* < *hattr*; *Agonn* < *Hákon*. Др.-сканд. геминаты сокращались до краткого звука того же качества, графически оформляясь как двойные согласные — *knappr* > *snapp*, *akkeri* > *accaire* (форма *acaire* звучала бы как /*agar'e*/). Однако в интервокальном положении и на конце слова др.-сканд. *p, t, k* дали в ирландском *b, d, g* (что фонологически соответствует бриттской лениции, отметим также, что в интервокальном положении и на конце слова в древнескандинавском не существовали звуки *b, d, g*). Ср. *skutr* > *skuta* /*skudal*, *Hákon* > *Agonn/Aconn*, *bátr* > *bát* и так далее (см. подробнее об этом в [Sommerfelt 1962: 74—6]). То есть, как мы понимаем, не надо думать, что в самом древнеирландском в этот период глухие взрывные смычные согласные в интервокальном положении просто не могли произноситься. В V—VI вв., когда произошла так называемая «акцентная революция», сделавшая островные кельтские языки тем, чем они являются и сейчас, действительно именно такая фонетическая «установка» вызвала гойдельскую леницию, при которой в консонантный звук в интервокале (и на конце слова, что также для того времени было интервокальной позицией) вводился вокалический сегмент. Для гойдельского это выразилось в спирализации, давшей, например *θ* вместо *t*. В бриттских языках аналогичное явление вокалической окраски глухого взрывного привело к его озвончению (*t* > *d*), и, как мы видим, именно так уже в среднеирландский период ирландцы поступали с интервокальными взрывными скандинавских языков. Признаться, мы не совсем понимаем, почему они это делали, поскольку к VIII—IX вв. сами ирландцы уже могли произносить интервокальные взрывные и смычные, стоящие, как правило, на месте старых геминат (например, *muccaid* /*mucað'*/ ‘свинопас’ и так далее). Видимо, фонологические соответствия здесь оказывались условными и реальные фонетические совпадения практически не соблюдались, отсюда и особый «озвончающий акцент», характерный для передачи скандинавских слов ирландцами. Интересно также, что ауслаут, который уже не был реально в интервокале, воспринимался именно так, откуда и его

озвончение — *bát* /ba:d/. Но важно при этом, что интервокальные скандинавские консонанты лениции уже не подвергались, в отличие, например, от латинских слов, которые были заимствованы гораздо раньше, то есть в тот период, когда лениция еще не была морфологизована.

Аналогичные процессы наблюдаются и при передаче в Анналах скандинавских имен: *Aralt*, *Sitric*, *Acon*, *Imhar* /ivar/, *Amhlaemh* /alev/. Однако здесь есть и некоторые отступления, демонстрирующие, видимо, недостаточную фонетическую освоенность имени собственного. Имени *Forsteinn Rauðr*, Торстейн Рыжий, соответствует ирландское *Torstein Roth*. Интересно, что ирландский компилятор (интерпретатор) не опознал в исландском *rauð* родственное ирландское *ruad*, обладающее тем же значением — ‘красный, рыжий’, и также часто входящее в состав прозвища.

Постепенное укоренение скандинавов в Ирландии и межнациональные браки привели к заимствованиям и в области ономастикона, однако имен, прочно закрепившихся в ирландской среде, было не так много. По данным, приведенным в книге О’Коррания и Магир (см. [Ó Corráin, Maguire 1990]), таких имен насчитывается всего семь:

1. *Amhlaib*, *Amhlaoihb* /ow-liv/ — Ólafr. Первый гласный, видимо, интерпретируется как своего рода дифтонгоид (ср. также — *Tomgar* < *Torag*), однако мы можем предположить, что имя было заимствовано в его более архаической форме — *Áleifr* (см. [Смирницкая 2005: 131—132]);

2. *Echdonn*, *Eachann* (ach-an) из скандинавского *Acon* < *Hákon*, в среднеирландский период было реинтерпретировано как собственно ирландское: из *ech* ‘конь’, *donn* ‘господин, хозяин’;

3. *Gaffraid*, *Gofraidh*, *Gofraí* (guf-rī) < *Godafrid* (др.-сканд. *góða* ‘хороший’, *frithu* ‘мир, покой’);

4. *Ímar*, *Íomhar* (iv-ar) < *Ívarr*;

5. *Magnus*, *Mánus* (mān-as) заимствовано от скандинавов, предположительно — в XI в. уже после того, как оно стало популярно в скандинавской среде (в основном как имя конунга, см. [Успенский 2001: 25]), хотя само имя латинского происхождения: *magnus* ‘великий’ (*Carolus Magnus*); предположительно, его распространению в Ирландии послужила личность норвежского конунга Магнуса Олавссона по прозвищу Голоногий, посещавшего остров неоднократно, а также в 1098 г.

захватившего Оркнейские острова, Гебридские острова и о. Мэн (см. [Ó Corráin 2001: 26]);

6. Ragnall, Ragnhall (rei-nal) Ragnall;

7. Somhairle (sōr'1'e) — не собственно имя, но ставшее именем собственным др.-сканд. Summarliethi — «летний плаватель» (*sumar liði*), т. е. викинг.

Также следует отметить, что генитив обозначения Скандинавии также дал имя собственное — Lochlainn, в дальнейшем распространенную фамилию: Mac Lochlainn.

Кроме собственно заимствований, присутствие викингов в Ирландии оставило свой след в географии острова — в ряде топонимов, выдающих свое скандинавское происхождение (см. рис. 5 расположение скандинавских топонимов на карте Ирландии из [Fellows-Jensen 2001]⁶). Что естественно: многие города ими и были основаны.

Отметим некоторые из них:

Arklow (ирл. An tInbhear Mór⁷) — из имени собственного Artnkell и *ló* ‘долина’;

Carlingford (ирл. Cairlinn) — из Kerlingafjörðr ‘фьорд старух’ (предположительно по названию горы, находившейся рядом);

Dalkey — из Dálkøу ‘остров пряжки’, причем само название пряжки, заколки *dálkr* было заимствовано из др.-ирл. *delg* (ср. ирландское название острова Delginis);

Dursey — из *dýr* ‘олень’ (‘олений остров’, ср. ирландское название Oileán Baoi ‘остров быков’);

Lambey — из Lambøу ‘остров ягнят’;

Leixlip — предположительно из *laxhlaup* ‘лососий прыжок’, что подтверждается ирландским названием Léim an Bhradáin — ‘прыжок лосося’ [McMahon 1990: 35].

⁶ См. подробнее в [Oftedal 1976].

⁷ В настоящее время в официально двуязычной Ирландской республике существуют утвержденные дубликаты каждого топонима (английский и ирландский варианты). Их происхождение может иметь различный характер. Как правило, это достаточно поздние английские варианты местных топонимов, но в ряде случаев скандинавский по своему происхождению топоним «переводился» как бы назад на ирландский. В нашей работе мы пользовались официальными соответствиями, собранными в справочнике [Ainmneacha Geailge...].

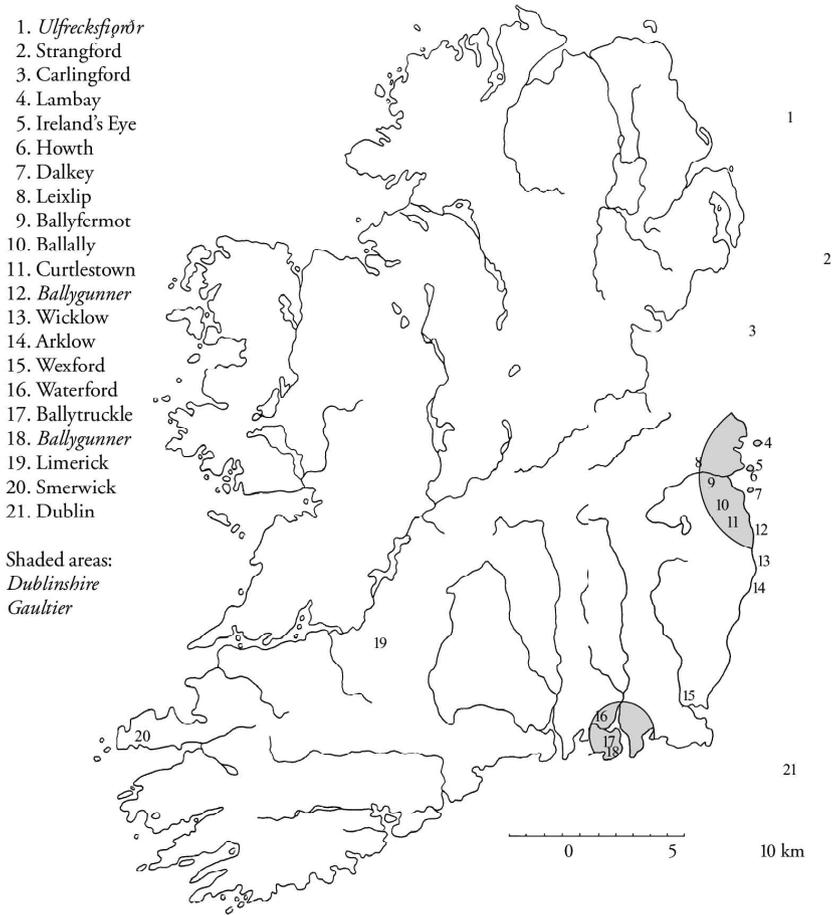

Рис. 5

Ranelagh (район Дублина) — от скандинавского имени Ragnall (видимо, от имени конунга Рагналла, сына Торкеля, который был конунгом в Дублине уже в сер. XII в., ср. ирландское название — Raghnull-ach — букв. «Рагналловская (земля)» — характерное для поздней традиции оформление притяжательности через общескельтский суффикс, функционально генитивный⁸);

Saltee — из Saltøy ‘соляной остров’;

⁸ См. о его происхождении и функциях в [Russell 1990].

Smerwick — из Smjørvík ‘масляный залив’;

Limerick (ирл. Luimnech) — предположительно имеет скандинавское происхождение, но этимология считается неясной;

Графство Уиклоу (Wicklow, ирл. Cill Mhantáin) — видимо, содержит в своем названии тот же корень, что и слово *викинг* и соотносится с др.-сканд. Viklag («лагерь викингов»);

Longford (ирл. An Longfort) — несомненно содержит в себе скандинавский элемент со значением ‘крепость’, однако первый элемент может быть и ирландским — *long* ‘корабль’ (см. [McMahon 1990: 41]); альтернативное мнение — топоним имеет чисто скандинавское происхождение и восходит к Long Fjörðr — «длинный залив».

Ср. также Waterford (ирл. Port Láirge) — к сканд. (?) Vaðer Fjord «водяной залив» (топоним может иметь и более позднее англо-норманское происхождение).

Название города и графства Cork (Corcaigh) ирландского происхождения, несмотря на то, что сам город был основан действительно скандинавами, слово имеет значение ‘болотистый’ (при *corcach* ‘болото, топь’).

Название графства Донегол ирландского происхождения, но указывает на период завоевания и означает — Dún na nGall — «крепость викингов».

Название города Голлуэй соотносится с викингами лишь в народной этимологии (ср. написание Gaillibh в поздних ономастических источниках), на самом деле слово представляет, предположительно, контаминацию слов *gaillim* ‘буря, шторм’ и *gall* — одно из обозначений викингов (сочетание Baile na Gaillbe, встречающееся в *Ульстерских Анналах*, не совсем понятно этимологически)⁹.

Многие топонимы, как уже видно, были уже в тот период или немного позднее переведены на ирландский, часто с прояснением составляющих элементов, которые были в общем понятны носителям. Другие, как ирландское название Дублина — Baile Átha Cliath, существовали параллельно. Некоторые являются в ирландском лишь транслитерацией скандинавских оригиналов.

⁹ Интерпретация топонима часто бывает осложнена народной этимологией, искажающей его исконную форму, поэтому далеко не всегда мнения здесь совпадают.

И, наконец, именно скандинавы перевели знаменитое пятичастное деление Ирландии (в котором реально известны лишь четыре «пятин») из этнического — в географическое, добавив постфикс *tír* ‘земля, страна’. Как пишет А. Sommerfeld, «в ирландском детерминативный генитив следует за определяемым именем, тогда как в скандинавском — предшествует ему. Примером ирландских расположений элементов, калькирующим скандинавскую модель, является Gaultier, соответствующий ирландскому *Tír na nGall*. Скандинавы регулярно использовали элемент *tír* в постпозиции для образования топонимов» [Sommerfeld 1962: 75]. Так появились *Lagins-tír*, *Ulads-tír* (ср. обозначения Ольстера, страны уладов, у Снорри Сутрлусона — *Uladztír*), *Mumhans-tír* (*Connacht* сохранился в прежней форме). Данные топонимы были известны не только скандинавам, но и на территории Британии шире, и именно они уже в период норманского завоевания, начавшегося в XII в., закрепились, так сказать, на мировой карте. В самом же ирландском языке до наших дней для обозначения соответствующих «пятин» Ирландии употребляются исконные обозначения: *coiced nUlad* — «пятина уладов» и так далее.

Скандинавское завоевание: результаты и последствия

Как принято считать, кроме строительства укрепленных портов (прообраза будущих городов), нашествие викингов оставило свой след в архитектуре средневековой Ирландии в виде так называемых «круглых башен». Называемые по-ирландски *cloig theach*, букв. «колокольные дома», эти сооружения, достигавшие в высоту 15 метров, изначально предназначались для оповещения паствы о смене часов и служб колоколом, который просто держал в руке монах, находящийся под крышей (см. рис. 6). Видимо, строить такие башни начали уже в VII в. Однако довольно быстро их назначение изменилось: они превратились в своего рода укрытия для монахов, которые при нападении викингов быстро забирались в башню по приставной лестнице, которая затем втягивалась внутрь. «Дверь» башни поэтому располагалась обычно на высоте 3—3,5 метров над землей. Укрытия эти были довольно ненадежны, поскольку, хотя проникнуть в них действительно было трудно (а длительные осады викингами не практиковались), их можно было обложить хворостом и поджечь, что часто и делалось. Ср. первое упоминание об этом в *Ульстерских Анналах*: 950. Cloicthech Sláne do Ioscadh do Ghallaibh Atha Cliath [AU: 395] — «Колокольный дом Слане сожжен чужаками из Дублина». Тем не менее какое-то временное укрытие для людей и возможность спрятать церковные реликвии круглые башни все-таки, видимо, предоставляли, о чем говорит, например, карта их распространения в Ирландии, явно соотносимая с размещением зон поселений скандинавов (см. рис. 7 [Ryan s.a.: 259]).

Традиция сооружать такие башни сохранилась вплоть до XIII в.¹, и до наших дней дошло их достаточно много, причем часто они предстают как неперенная деталь архитектуры раннего монастырского стиля, что не совсем верно. Вид они имеют очень живописный, особенно издали.

¹ Наиболее полное описание круглых башен см. [Ваггов 1979].

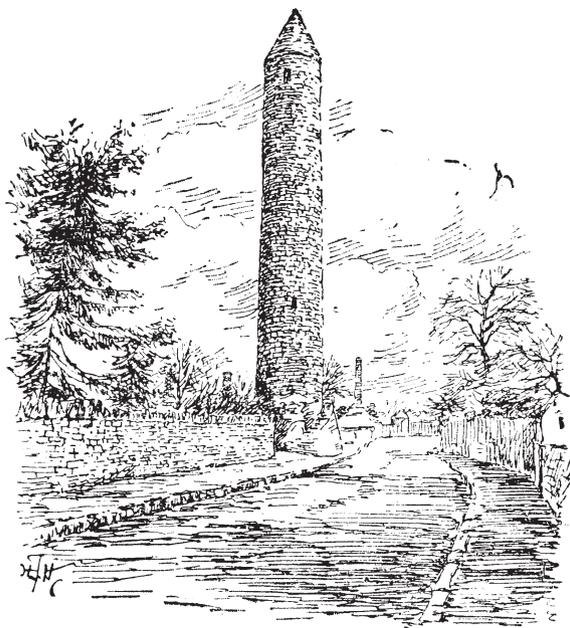

Рис. 6.

Другим последствием скандинавского вторжения принято считать изменение стиля металлопластики, в первую очередь — упрощения знаменитых пряжек, которыми застегивалась одежда. «Изысканные пряжки и заковки прекратили свое существование к началу X в. и им на смену пришли более сдержанные» [Ó Floinn 1983: 61]. Действительно, огромные, богато орнаментированные, украшенные эмалью и драгоценными камнями пряжки, которые, согласно сагам, играли во многом роль символическую, уступили место круглым пряжкам меньшего размера, как правило, просто из серебра, почти не декорированным, иногда с зооморфными изображениями на концах. Упрощение вида пряжек, видимо, объясняется с одной стороны общей демократизацией стиля жизни: пряжки стали дешевле, практичнее, и их носили уже не только короли. С другой, возможно, отчасти функции пряжек-заковок взяли на себя завезенные викингами пуговицы.

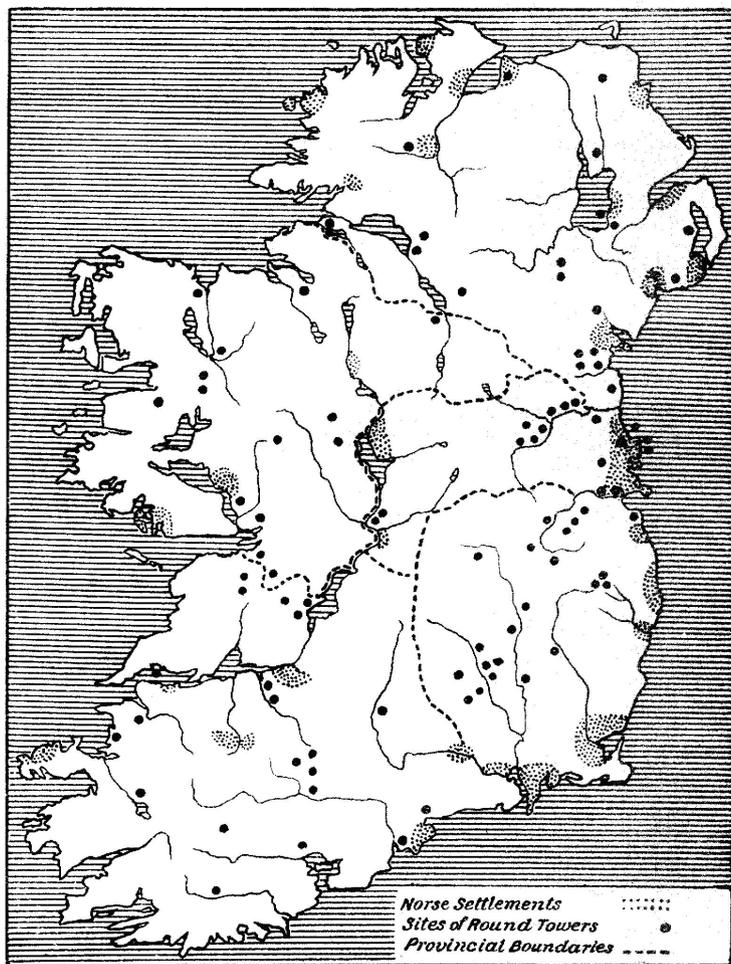

Рис. 7.

Начиная с X в. в металлопластике отмечается явное скандинавское заимствование так называемого Ringerike-стиля, воплощавшегося в изогнутых плетеных фигурах, часто зооморфных (дракон, змея, лев и проч.). Однако точными мы здесь быть не можем, так как «звериный стиль», идущий еще от скифо-сарматов, был распространен на территории Европы очень широко и отчасти отмечается в Ирландии в более ранние периоды (см. [Henry 1962: 67—68; Смирницкая 2012]). Возможно,

речь здесь может идти о каком-то взаимовлиянии. Тем не менее, как пишет Ф. Генри, оклад знаменитой Псалтыри VI в., приписываемой самому святому Колуму Килле и сделанный во второй половине XI в. в Келлсе, демонстрирует именно скандинавский вариант звериного стиля, и, более того, ее автором считается некий Ситрик, сын Аода (видимо — выходец из смешанной скандинавско-ирландской семьи)².

В том, что касается культуры духовной, в основном, естественно, светской, то влияние скандинавской словесности на ирландскую отмечать не принято, хотя, например, поэзия скальдов могла бы, может быть, что-то дать ирландскому аллитерационному стиху. В области литературы принято отмечать два момента, появлением которых ирландская традиция обязана скандинавскому вторжению: во-первых, теме викингов в литературе (см. об этом ниже), во-вторых, развитию собственных фольклорных циклов, в которых также нашло отражение противостояние скандинавам. Впрочем, оба момента тесно связаны друг с другом.

В том, что касается фольклора, сохранившегося почти до нашего времени, то, как принято считать, скандинавам Ирландия обязана оформлению цикла преданий о Финне и его воинах. Сами легенды — автохтонного происхождения, однако содержат в себе ряд тем и образов, связанных со Скандинавией. Например, о походе Финна в Лохланн, а также о великанах, населяющих заморские области и даже близлежащие острова. Кроме того, ряд тем находит параллели в фольклоре финском и саамском, однако, как справедливо отмечает Р. Христиансен, нельзя с определенностью говорить о том, как именно “блуждающие мотивы” прокладывали себе путь: из Финляндии через Скандинавию в Ирландию или противоположным путем (см. [Christiansen 1959: 22 f.]).

В том же, что касается последствий скандинавского вторжения в области жизнедеятельности церкви Ирландии, то, как мы понимаем, перечисление разрушенных монастырей, убитых аббатов и монахов и похищенных реликвий — это далеко не все, что оставили после себя жестокие рейды викингов. Церкви разрушались, но вера выстояла, более того, сделалась стойкой. «Спасение Христианского мира было в

² О влиянии скандинавского искусства на ирландское см. [Ó Floinn 2001], там же обзор литературы.

постоянном обращении к Богу» [Hughes 1966: 214]. К тому же, напомним, что к началу XI в. многие скандинавы, осевшие в Ирландии, сами стали христианами.

Одним из результатов регулярных нападений на монастыри принято называть расширение отшельнического движения, которое началось, говоря строго, несколько раньше, во второй половине VIII в. Отшельники и анахореты, называемые *ceile Dé*, букв. «слуга Бога» (калька с латинского *servus Dei*), покидали монастыри и предпочитали жить в уединении в лесу. Некоторые добирались и до еще не заселенной тогда Исландии. Наибольшее число отшельников засвидетельствовано в IX в., однако «огонь аскетизма никогда не угасал в Ирландии, лишь его свечение становилось не таким ярким» [Hughes 1966: 173]. С собой они брали не только тексты Писания и сборники псалмов, но и принадлежности для письма, как это описано, например, в анонимном стихотворении, датированном первой половиной IX в.³:

Dom-fhracai fidbaide fál	<i>Изгородь деревьев окружает меня,</i>
fom-chain loíd luin, lúad nād céil;	<i>мне поет гимн дрозда, весть не скрыта;</i>
húas mo lebrán, ind línech,	<i>над моей книжечкой разлинованной</i>
fom-chain trírech inna n-én.	<i>мне поют трели птиц.</i>

[Murphy 1956: 4].

К концу X в. отшельническое движение отчасти идет на спад, по крайней мере уединение перестает быть полным, и сами отшельники, как правило, селятся возле монастырей.

Другим естественным последствием нападений викингов стало изменение собственно карты монастырской активности. Некоторые из них оказались разрушенными и почти прекратили свою деятельность, зато другие, напротив, ввиду относительно благополучного расположения необычайно активизировались, как, например, монастырь Келлс⁴

³ Содержится на полях Санкт-Галленского кодекса, на полях листов 203—204.

⁴ Естественно, и он подвергался нападениям. Ср., например, запись в *Ульстерских Анналах* на 951 год: Gothfrith m. Sitriuc co n-Gallaibh Atha Cliath do orcaín Cenannsa & Domnaigh Patraic & Aird Breccain & Tuileain & Cille Scire & alailiu cealla olchena. A Cenannus ro orta h-uile ubi capta sunt tria milia hominum plus, cum maxima praeda bouum & equorum, auri & argenti. — *Готфрид, сын Ситрика, с чужаками из Дублина разграбили Келлс, и Даунах Падриг, и Ард Бреккан, и Туллан, и Килле Шере, и другие церкви. В Келлесе все было раз-*

(куда перебралось значительное число монахов с Ионы), и особенно — Клонмакнойс.

И, наконец, изменились сами установки интеллектуальной монастырской жизни: если до IX в. основным языком церкви была латынь, то после «эпохи викингов» значительная секуляризация привела к тому, что духовная жизнь стала воплощаться и в ирландских текстах. Как пишет К. Хьюз, «к X в. ирландская церковь была максимально приближена к миру» [Hughes 1966: 221]. Естественно, как можем мы ожидать, и сам язык письменной традиции также «опроstitился», стал ближе к разговорным формам.

Социальным изменениям, произошедшим в Ирландии в период скандинавского вторжения, была в свое время посвящена статья известного историка права Даниэля Бинчи, помещенная в материалах Первого кельтологического конгресса 1959 г. Статья носила название *Уход старого порядка* (The Passing of the Old Order) и представляла собой (условное) заглавие стихотворения барда XVI в. Фяр Флаха О'Гнив. Первая строка звучала так: *Mairg do-chuaidh re ceird ndúth-chais* [Bergin 1970: 120]. — *Горе тому, кто следует родному мастерству...* Д. Бинчи отмечает, что несмотря на то, что объективно викинги послужили укреплению городов, установлению твердой королевской власти, научили ирландцев строить корабли, пользоваться луками, толкнули страну к феодализму и, более того, к рыночным отношениям, в целом период их присутствия на острове послужил к уничтожению главного: клановой системы, строящейся на особых личностных взаимоотношениях, при которой фигура короля была сакрализована, а первое место в обществе занимали люди искусства (*áes dána*), будь то филиды, к которым отчасти перешли функции друидов, или деятели христианской церкви, также заменившие прежних жрецов. Как сказали бы теперь, общество утратило присущую ему эзотеричность. Действительно, содержащееся в саге *Разговор двух мудрецов* пророчество о том, что «чужеземцы заполняют долины Ирландии» и что «больше не будет поэтов» (см. [Предания и мифы средневековой Ирландии 1991: 247]), как кажется, выглядит свершившимся, впрочем, это естественно ведь сага, скорее всего, и была создана уже после вторжения скандинавов.

граблено, и взяты в плен более трех тысяч человек со многими коровами и лошадьми, золотом и серебром.

Как пишет Д. Бинчи, «Современный политик и националист, однако, имеет достаточно оснований для того, чтобы быть благодарным скандинавам. Их набеги выбили страну из племенного состояния; была создана если не система национализма в современном понимании слова, то по крайней мере ощущение “инаковости”, прочно поселившиеся в среде людей, которые до этого знали лишь понятие преданности своему племенному вождю или местному королю; кроме того, пасторальный уклад с натуральным хозяйством заменился более прогрессивными экономическими отношениями, созданными на базе более совершенной техники. Но все эти перемены, какими бы успешными они не выглядели с современной точки зрения, привели к распаду старого порядка, который опирался на систему “сакральных” институтов и который сохранился лишь на пергаменте правовых трактатов» [Binchy 1962: 131].

Данное традиционное мнение в настоящее время кажется уже не столь очевидным. Так, Ч. Догерти пишет, полемизируя с Бинчи (и перечисляя все положительные моменты, связанные с влиянием викингов — рыболовство, кораблестроение, торговлю и прочее): «Действительно ли викинги изменили ирландское общество? Вряд ли. Скорее, они сыграли роль катализатора в этом изменении» [Doherty 2001: 35].

Проблеме языковых изменений, которые произошли в древнеирландском за время постоянных контактов со скандинавами, был посвящен доклад К. Джексона, прозвучавший на этом же конгрессе. Он отмечал, что несмотря на более чем двухвековое присутствие скандинавов на острове, оказанное ими лингвистическое влияние скорее может быть названо слабым, незначительным. По крайней мере в том, что касается влияния непосредственного. Действительно, за исключением ограниченного числа заимствований, скандинавы, как кажется, вообще никак не повлияли на древнеирландский язык. Он объясняет это двумя причинами. Во-первых, территории, на которых размещались их постоянные поселения, реально были очень малы, и центральные районы Ирландии с ними вообще не вступали ни в какие непосредственные контакты. Кроме того, смешанные браки, которые действительно практиковались в X—XI в., предполагали скорее проникновение ирландского языка в скандинавские ареалы, но не наоборот. И в этом он безусловно прав. Другой причиной Джексон называет дальность грамматической системы древнеисландского и древнеирландского языков (как он пишет,

«древнеисландский глагол со всеми его «сильными» глаголами казался детской игрушкой по сравнению со сложной системой древнеирландского глагола» [Jackson 1962: 6]). Имея общие индоевропейские корни, языки достаточно далеко разошлись фонологически, и общие лексемы уже не узнавались. Действительно, не только др.-исл. *kona* не отождествлялось с др.-ирл. *ben* ‘женщина’, но и обозначения красного цвета (*raudr* ~ *ruad*) также не воспринимались как идентичные. Впрочем, это вопрос достаточно сложный.

В том, что касается влияния опосредованного, то здесь К. Джэксон выделяет два момента. Так, упрочилась общая тенденция к упрощению языка. Он отмечает семь черт, демонстрирующих проявление «морфологической симплификации», вызванной утратой кодифицированного ученого древнеирландского языка:

1. исчезновение депонентных глаголов;
2. исчезновение различий между синтетическим претеритом и перфектом;
3. утрата склонения предикативных прилагательных;
4. появление имперсональных форм копулы;
5. утрата различий между абсолютной и конъюнктивной флексией глагола⁵;
6. исчезновение датива множественного числа прилагательных;
7. замена инфигированных местоимений свободными объектными.

Список этот далеко не полон, и мы будем иметь возможность в дальнейшем рассмотреть другие языковые изменения, однако мы привели его сейчас именно как иллюстрацию утраты суммарной специфики именно **древнеирландского** языка, сопровождавшуюся утратой и национальной духовной культуры. Выделенный Джэксоном список, как мы понимаем, одновременно иллюстрирует и специфику древнеирландской морфологии, а такие явления, например, как дуалис, встречаются в древних языках часто и по обыкновению со временем утрачиваются.

Строго говоря, мы не можем утверждать, что все эти изменения произошли исключительно в результате скандинавского вторжения, поскольку древнеирландский язык, как отмечает он сам, «обладал настолько невероятно сложной грамматической системой, что трудно

⁵ О древнеирландском глаголе и его сложности, а также о других особенностях древнеирландского языка см. [Калыгин, Королев 1989].

поверить, что кто-то реально мог говорить на нем» [Jackson 1962: 7]. Видимо, на нем и не говорили. Это был язык письменной традиции, в то время как в качестве разговорных использовались более простые конструкции. Впрочем, процесс это универсальный и мы полагаем, что нечто аналогичное произошло бы с ирландским языком все равно, может быть несколько позже. Кроме того, отметим, что переход от древнеирландского к среднеирландскому, чему мы посвящаем отдельный очерк в данном издании, представлял собой менее скачкообразное движение, чем произошедший уже в XII—XIII вв. переход к новоирландскому языку⁶.

⁶ Язык Шотландии и острова Мэн, где действительно в течение долгого времени существовали скандинавские поселения, претерпел изменения гораздо более существенные, и, более того, в дальнейшем эти диалекты в свою очередь повлияли на северные диалекты Ирландии. Но это уже — совершенно отдельная тема исследований.

Образ викинга в ирландской средневековой традиции

После всего сказанного естественно будет ждать, что фигура викинга в ирландской средневековой литературе, агиографии и особенно в *Анналах* должна выглядеть довольно неприглядно. И в общем это действительно так. В текстах, создававшихся в монастырской среде (а именно монастыри в первую очередь, как мы уже писали, были подвержены нападениям и разграблениям), постоянно звучит тема страха перед «нашествиями с моря». Кроме уже приведенного нами известного стихотворения «Резок ветер сегодня ночью» (*Is acher in gath in-pocht...*), можно, например, упомянуть надпись, сделанную на обложке рукописи, в которой содержится переписанный трактат из *Беды* (так наз. *Reichenau Beda*): *Dithólu aechtrann et námat et geinte et fochide diphlágaib tened et nóine et gorte et galrae úile nécsamle* [Stokes & Strachan 1910 : 256]. — *(Спаси нас) от нашествий чужаков, и от врагов, и от язычников, и от разрушителей, и от бедствий огня, и от голода, и от болезней всех различных.*

Надпись, несомненно, имеет апотропеический смысл.

М. Ни Воны приводит в своей статье также рассказ о том, что Коллал мак Колемань, аббат монастыря на Инис Коэль, за свое благочестие получил от Бога гарантию, что его монастырь будет разграблен викингами (*allmaraigh*) лишь один раз (см. [Ní Mhaonaigh 2001: 99]). Рассказ об этом содержится в тексте IX в. *Послание Иисуса*, где также говорится о том, что нападение викингов будет наказанием тем монахам, которые не чтят день Воскресения: *dobcfat gennti am-sí — придут язычники на вас от меня.*

По ее мнению, фрагментом монастырской же лирики IX—X вв. является поэтическая вставка в более поздней саге *Плаванье Снегдуса и мак Риагла*, в которой в качестве пророческого наказания людям за их грехи называются:

Fir i llongaib,
láechrad co ngaib,
cen chuit irse,
bid mór in phlág,
trebait co lleth
lár na hinnse.

[Van Hamel 1941: 92]

*Мужьи в кораблях,
воинство с копьями,
без доли веры,
будет великое бедствие,
они захватят до половины
середину острова.*

Многочисленные скупые и лаконичные вхождения в *Анналы*, в которых упоминаются викинги, как бы они ни назывались в каждом конкретном случае, также рисуют картину постоянных набегов, разрушений, сожжений монастырей и убийства людей церкви. Впрочем, мы уже приводили достаточно много подобных примеров. В более поздних записях появляется тема трусости викингов, взаимного предательства между ними и постепенно кристаллизуется мотив возможной грядущей победы над ними. Например, на 1000 г. *Анналы Иннисфаллена* пишут:

Indred Átha Cliath & doud & a loscud do feraib Muman & forbas doib and i Kl. Enair, & Caill Tomair do loscud doib do chonnud, & rí Gall Átha Cliath d'élúd co Ultu asin chath & na fuair a dín in h-Erind co tarat a giallu do Brian mc. Cennetich, & co tarat Brian a n-dún dona Gallaib [AI: 174].

Захват Ата Клиата (Дублина), поджог его и сжигание людьми из Мунстера, и произошло это в январские календы, так что они сожгли Каль Товар как хворост; и король чужаков Ата Клиата бежал к уладам из той битвы, но не нашел себе защиты в Ирландии нигде, пока не дал заложников Бриану сыну Кеннетиха, так что Бриан выделил крепость чужакам.

Однако поскольку (как мы увидим далее) окончательные редакции многих *Анналов* составлялись относительно поздно и имели часто откровенно пропагандистский характер, у нас нет уверенности в том, что приведенный нами фрагмент, как и ему подобные, отражают полностью историческую реальность. В данном конкретном случае вызывает сомнение не тот факт, что люди из Мунстера могли напасть на Дублин и сжечь его, но то, что их конунг «не нашел себе защиты в Ирландии», поскольку, как известно (впрочем, в основном тоже из *Анналов*), в начале XI в. многие местные короли состояли с викингами в союзе. Да и те уже были не столь кровожадны, а многие даже приняли христианство.

По крайней мере, формально их конунги принимали крещение и даже ездили в паломничество на ту же Иону. При этом появился своего рода штамп — изображать веру викингов как лишенную истинного благочестия и смешанную с язычеством. Так, например, относительно поздние (ок. середины XI в.?) *Фрагментарные анналы Ирландии* изображают «кровавый пир» данов, призывающих ради победы «местного бога» — святого Патрика (позволим себе привести фрагмент полностью с его ранненовоирландским оригиналом):

852. *K. ui. Isin bliadain si, .i. an coigeadh bliaghain flatha Maoil Seachlainn, rá thionolsat dhá thoiseach loingsi na Lochlonnach, .i. Zain & Iargna, slóigh mora as gach aird a n-aighidh na n-Danar. Tionolaid iaramh go rabadar .x. longa & tri fichid, & teaghaid go Snámh Aighneach, & is annsaidhe bhatar na Danair an tan sin. Comraicit ann sin leith for leath, & cuirít cath crúaidh duaibhsioch leath for leath: úair ní cualamar reimhi sin a n-ionnadh oile riamh ár mar an ár rá chuirsiot eaturra ann so, .i. eidir Danara & Lochlannaig. Acht ceana as forsna Danaroibh ro mhaidh.*

Ra thionolsiot na Danair iar sin, ar m-briseadh madhma forra, & an gorta 'ga marbhadh, & as eadh ra ráidh a t-tiagarra, .i. Horm, fríu, & conige so bá fear crúaidh cosgrach eisidhe: 'Rugsabhair-si conige so' ar se 'cosgair imdha, cia ra foruaisligheadh sibh sonn tré iomarcaidh slúaigh. Estdih risna briathraibh ad-ber-sa ribh: gach búaidh & gach cosgar, & gach blad fúarabhair tríd sin, ra malarteadh ra bloigh m-big aonláoi sin. Féghuidh libh iaramh an cathughadh doridhisi do gheantaói risna Lochlannachaib, uair atád bur mná, bhar n-uile maithius aca, & bur longa; & as subhach iad-sum do breith buadha & cosgair úaibh-si. As eadh as cóir duibh anosa, dul go h-aonmeanmnach 'na g-ceann, amhail na saoileadh sibh far m-beathadha, acht na beith sibh og iornaidhe báis; & far n-dioghail fén forra; & gen go raibh cosgar sainmheach duibh-si desin, & bíaidh do berad ar n-dee & ar d-toicthe dúin; muna raibhe maith dhúin ann, biaidh commarbadh coitcheann leith for leath ann.'

'Ag so comhairle oile leam dhuibh: an Pádraicc naomh sa as airdepscop & as ceann naomh na h-Eireann, risa n-dearnsadh na naimhuid failleat ogainne uile imdha, guidhmidh-ne go diocra, & tabhram almsana onorach dó ar bhúaidh & cosgar do breith dona naimhdibh sin.' Ra freagruttar uile é, & as eadh ra raidhsid: 'Ar comairce,' ar siad, 'antí naomh Phadraicc, & an Choimthe as tigearna dhó sin fén, & ar c-cosgar dhá eaglais & ar n-iondmhus.'

Teaghaid iar sin go h-aonmeanmnach, fearadha & fearamhail, i n-aoinacht i g-cionn na Lochlannach, & cuirít cath.

Insin uair sin tainig Zain, leithrí na Lochlannach, & Matodan, rí Uladh, d'ingrim na n-Danar do mhuir & tír; gion go rabha a fhios sin remhe ag Zain Lochlannach, tainig, & an t-uaitheadh ra bhaoi 'na fharradh, d'ionnsoighid na n-Danar don dara leith, agas Iargna, leithrí oile na Lochlannach, don leith eile dona Danaroibh. As cruaidh trá ra cuireadh an cath sa. Ra chlos ar leith sgeamhgal na sleagh, & gloimnbhemneach na c-cloideamh, & tuairgneach na sgiath 'ga mbualadh, & beiceadach na milead ag imirt ecommhloinn orra. Acht trá cidh fada ra bhás imi sin, as forsna Lochlannachaib ro maidh, & is iad na Danair rug búaidh & cosgar tria rath Padraicc, ge ro badar na Lochlannaig tri chuttruma risna Danaroibh, nó ceithre cudruma.

Tiaghaid na Danair iar sin for longport na Lochlannach, & marbhaid dream ann, gabhaid dream eile, & cuirid dream oile i t-teitheadh, & gabhaid gach maithius óir & airgit, & gach maithius ar cheana, & a mná, & a longa. Acht cheana ní raibh Zain fén ag cur an chatha, uair ní thainig maille ra mhuintir ar ammus an longpoirt, uair rá bhaoi aige comhairle a n-ionadh oile. An uair tainig dochum an longpoirt, as siad na námhuid ad-chonnaire ann, & ní h-íad a mhuintir féin.

A n-égmais aneoch ro marbhadh dona Danaraibh féin, as eadh ra marbhadh dona Lochlannachaib .u. .m. fear soichinelach. Sochuidhe imorro do mhileadhaibh ar cheana, & do dhaoínibh i n-gach áird ra marbhadh a n-égmais na numhire sin.

As in tand sin ra chuir Maoil Seachlainn, rí Teamhra, teachta uadh d'ionnsoighidh na n-Danar. As amlaidh ro bhattar na Danair, ag luchtairrecht ara g-cionn, & as iad ba gabhla do c-coireadhaibh, cairn do corpaibh na Lochlannach, & cidh na beara ara m-bíodh an fheoil, as for corpaibh Lochlannach no bhídis a leithcinn, & an tine ag losgadh na c-corp, go mbíodh an fheoil & an meathradh ra chaithsiot an adaigh remhe ag maidhm asa n-gailibh amach. Ra battar dna teachta Maoil Seachlainn 'ga f-féghadh amhlaid sin, & ra battar 'ga thathaoir um na Danaraibh sin. As eadh ra raidhsíot na Danair: 'As amhlaidh sin budh maith leo-sum ar m-beith-ne.' Clas mór lán aca do ór & da airgead da thabhairt do Pádraicc. Uair as amhlaidh ra bhattar na Danair, & cinele crabhaidh aca, .i. gabhaid sealad fri fheoil & fri mhnáibh ar chrabhudh.

Tug tra an cath so meanma maith do Gaoidhealaibh uile ar an sgrios so do thabhairt ar na Lochlannachaib [FA: 92—94].

В тот год, то есть на пятый год правления Маэля Сехналла, собрались вместе два предводителя кораблей Лохланнов, то есть Зайн и Йаргна, собрали они великие армии отовсюду против Данов. Собрались они, так что взято было десять кораблей да еще трижды по двадцать, и они отправились в Снав Айгнех, там были Даны в то время. Сошлись

они бок о бок, и началась между ними тяжкая жестокая битва, бок о бок, так что не было слышно до того о таком великом сражении между ними, то есть между Данами и Лохланнами. Но были тогда Даны побеждены.

Собрались Даны тогда, когда были они разбиты, и начали они умирать от голода. И их предводитель Хорм обратился к ним, а был он мужем жестоким и победителем, и сказал: «До этих пор, — сказал он, — знали вы много побед, хоть сейчас и повержены вы несметным войском. Выслушайте слова, которые я скажу вам: все победы и удачи, и вся великая слава, которую получили до этого, все разрушено в один день. Взгляните теперь на сражение, которое было с Лохланнами, ибо у них ваши жены, все ваше добро, ваши корабли, а они рады тому, что победили вас и восторжествовали над вами. Что пристойнее для вас теперь, так это выступить против них единым строем, если хотите спасти ваши жизни, а не ждать смерти; тогда вы отомстите за себя. Не будет вам такой победы, если не дадите еды нашим богам и будет удача вам; если же не будет вам добра, будем сражаться бок о бок».

«И есть у меня вам другой совет: этот святой Патрик, который архиепископ и глава святых Ирландии, совершили наши враги много зла против него, помолимся же ему искренне и поднесем ему достойные дары, ради удачи и победы против наших врагов». Все ответили ему, и вот, что они сказали: «Наш защитник, — они сказали, — этот святой Патрик и Создатель, который господин ему самому, и принесем нашу победу и наше добро церкви».

После этого все они, собравшись воедино, храбро и мужественно набросились на Лохланнов и выиграли битву.

В то время пошел Зайн, один из двух королей Лохланнов и Матодан, король Уладов, грабить Данов на море и на земле; и хотя он не знал этого ранее, Зайн Лохланнах пошел с отрядом, который следовал за ним, чтобы грабить Данов с одной стороны, а Йаргна, другой король Лохланнов, с другой стороны пошел к Данам. Поистине жестоким было сражение между ними. Слышны были свист копий и звон мечей, и треск щитов, которые разбивались, и стоны побежденных воинов. Но хоть и долгой была смерть, были повержены Лохланны, и Даны одержали победу из-за милости Патрика, хотя Лохланнов было в три или в четыре раза больше. После того Даны напали на крепость Лохланнов и многих убили там, а других забрали, а других обратили в бегство, и взяли все добро, золото и серебро, и все другое их добро, и их женщин, и их корабли. Но сам Зайн не сражался в той битве, и не был

он с теми людьми в крепости, потому что был у него совет в другом месте. Когда же пришел он к крепости, то увидел там врагов, а не своих людей.

Среди Данов многие были убиты, а Лохланнов было убито пять тысяч человек, мужей хорошего рода. Многие же из солдат тоже и людей разного звания, были они убиты сверх того числа.

И тогда послал Маэль Сехналл, король Тары, послов к Данам. И таковы были Даны тогда, что грабили они, а их котлы были полны плоти от тел Лохланнов, и на жаровнях готовили они их мясо, и огонь сжигал их тела, так что мясо и жир, что они вкушали, выступал из их животов. Послы Маэля Сехналла смотрели на это и стали позорить Данов за это. И вот что сказали Даны: «Им самим хотелось бы сделать это и с нами». Блюдо большое, полное золота и серебра было у них, чтобы дать это Патрику. Ибо такими были Даны и таково было их благочестие, то есть приносить жертвы из мяса и из женщин ради своего благочестия.

И надолго запомнилась эта битва Ирландцам из-за великого поражения, которое потерпели Лохланны.

И вновь, как мы понимаем, полностью доверять данному свидетельству мы не можем, однако в нашу задачу как раз и входит не выявление истины¹, а воссоздание **образа** викинга — одновременно жестокого и коварного, но трусливого, неверного, отступающего перед истинной силой. Ср. в тех же *Фрагментарных Анналах* о победе над викингами в 860 г. короля Осрайге Кервалла, сына Дунлайге:

860. *Lucht da chobhlach do Normannaibh do thoidheacht i f-fearann Cearbhaill mc. Dunlaing da innradh. An úair thangus da innisin sin do Chearball, as ann ro bhaoi Cearball for meascca. Ra battur daghdhaoine Osraighe ‘ga rádhá ris go h-aloinn & go socraidh ‘ga neartadh: ‘Ní h-adhbhar measga do bheith for dhuine i n-Osraighibh do níad na Lochlunnoighibh anosa, .i. an tír uile do lot. Acht cheana go ro coiméda Dia thu-sa, & go ruga búaidh & cosgar dot naimhdibh amhail rugais go minic, & amhail béra bhéos. Léig as tra do mheasga, uair namha an mheasga don eangnamh.’*

¹ Вряд ли обвинение в каннибализме следует здесь понимать буквально. Отметим лишь, что в ряде монастырских источников, как отмечает М. Ни Воны, упоминается, что викинги не только сами не соблюдали постов, но и побуждали монахов не почитать Воскресенье и употреблять мясо в постные дни (см. [Ní Mhaonaigh 2001: 100])

O do chúala Cearbhall sin rá chúaidh a mheasga uadh, & ra ghabh a arma. Tainig *imorro* trían na h-oidhche an tan sin. As amlaidh táinig Cearbhall im-mach asa grianán & rioghchainnel mhór reaimhe, & rá bhoí soilsi na caindle sin go fada ar gach leith. Ra ghabh úamhan mór na Lochlannaig; & ra theichsiot fona sleibhtibh faigsibh dhóibh & fona cailltibh. An lucht *imorro* ra thairis ra h-eangnam díobh ra marbadh uile.

O thainig maidin a m-mucha arnamharach, ra chuaidh Cearbhall gona shochraidhe 'na c-ceann uile, & ní ra ghabh uatha ar marbadh a n-deargáir, go ra cuirít a m-madhmuim, & go ro sgaoilit iad for gach leith. Ra immir Cearbhall féine go crúaidh isin ammus sain, & tainig ris go mór a méd attibh an aidhche remhe, & ra sgé go mór, & tug sonairte mór do-somh sain; & ra ghreiss go mór a muinntir go diochra forsna Lochlannachaib, & as móo ina leith an t-slóigh ra marbadh ann, & na t-tearna ann ra theichsit ar ammus a longa. Ra impu Cearbhall iar t-tain go m-búaidh & go n-eadáil móir [FA, 108].

Люди с кораблей норманнов пришли в земли Кервалла, сына Дунлайге, для грабежа. Когда пришли рассказать об этом Керваллу, был он пьян. Добрые люди были в Осрайге, и они сказали ему, чтобы успокоить его и увеличит его силу: «Не пристало мужу из Осрайге быть пьяным, когда Лохланны пришли грабить его землю, то есть твою землю. Но поддержит тебя Бог, и ты сможешь победить врагов и изгнать их, как это у тебя в обычае. Изгони из себя опьянение, ибо опьянение есть враг мужества».

Когда Кервалл услышал это, опьянение ушло из него, и он схватился за оружие. Прошла же тогда уже треть ночи. Так что вышел Кервалл из своего покоя со своим большим королевским светильником, и свет от того светильника был виден далеко вокруг во все стороны. Великий страх охватил Лохланнов, и они бежали в горы и в леса. Те же люди, что остались, все были убиты.

Когда настало утро следующего дня, Кервалл напал на все их отряды и не останавливался, пока не убил всех и не изгнал их из своих земель. Тяжело пришлось самому Керваллу в том сражении, потому что много он выпил ночью перед этим и рвало его сильно, но это дало ему великую силу. Разгорячил он своих мужей для битвы с Лохланнами, так что половина их армии была убита тогда, а их вожди бежали к кораблям. Кервалл же возвратился с победой и богатой добычей.

Конечно, этот яркий рассказ — преувеличение, но историческая истина, видимо, здесь все же соблюдена, поскольку, например, в *Анналах четырех мастеров* за 861 г. мы читаем:

Marbhadh na n-Gall, i Fertai na c-Caírech, le Cerbhall, co fargaibhset xl. cenn lais, & gur ro innarb as a crích iad [AFM 498]. — *Убийство чужаков в Ферте-на-Гарех Керваллом, так что досталось ему сорок голов, и он изгнал их из своих земель.*

В *Ульстерских Анналах* это же лицо, король Осрайге Кервалл, сын Дунлага, выглядит иначе: так, 859 годом отмечен его союз с вождями викингов Иваром и Олавом, но кратковременный, поскольку за этой записью следует другая:

Королевское собрание в Рате Аэда, собравшее всех знатных людей Ирландии во главе с Маэлем Сехналлом, королем Тары, и Фетгной, премником Патрика, ради мира всех людей в Ирландии, и после этого собрания Кервалл, король Осрайге, признал веру и закон Патрика и принял власть Половины Конна (перевод сокращен).

О нем же Ф. Бирн писал, «Кервалл из Осрайге приобрел особую известность и заслужил репутацию оппортуниста, так как он защищал и Мунстер, и Лейнстер, искусно стравливая между собой норвежских наемников» (см. [Бирн 2006: 298], см. о нем также в настоящем издании выше). В данном случае нас интересует не фигура Кервалла, служившего и ирландцам, и викингам, но сам факт позднейшей мифологизации этого короля как победителя «трусливых чужеземцев», точнее — постепенное складывание образа викинга как грубого, но трусливого врага. Интересно также преломление темы реальных, исторических союзов ирландцев с викингами в сагах, прямо о скандинавском завоевании, казалось бы, и не повествующих².

Так, упоминания Лохланна как некоей загадочной земли, населенной великанами и иными враждебными существами, уже можно встретить в сагах Уладского цикла, что безусловно, представляет собой анахронизм, т. к. согласно тем же *Анналам*, действие в них происходит в I в. до н. э. — I в. н. э. Так, в саге *Смерть Лугайда и Девворгиллы* героиня называется «дочерью короля Лохланна», а ее способность принимать вид лебедя ясно показывает ее иномирную суть (см. [Саги об уладах 2004: 401]). В тексте, называемом *Призрачная колесница Куху-*

² Показательна в данной связи строфа, приведенная К. Мейером в качестве иллюстрации одного из средневековых ирландских поэтических размеров: *Amlaib airchingi / dagrí Duiblinde* [Meyer 1909: 16]. — *Олав героический / добрый король Дублина.*

лина, говорится, что уладский герой «Сражался в великих битвах / На севере в Лохланне» [Саги об уладах 2004: 479]. В поздней саге (XII в.), относящейся также у Уладскому циклу, *Похищение Эмер Туир Глестом* (Aithed Emire la Tuir nGlesta) рассказывается о том, как жена Кухулина была похищена сыном короля Лохланна, который увез ее на о. Мэн, а затем — в Дун Маннах в Шотландии, где его настиг и убил Кухулин (см. [Ní Mhaonaigh 2001: 104]). Однако этими прямыми упоминаниями тема Лохланна и его жителей как страшного иного мира не исчерпывается. В свое время П. Мак Каной было детально продемонстрировано, что изображения фоморов также несут на себе отпечаток страшного образа викинга (многие саги, описывающие сражения с ними, складывались именно в этот период [Mac Cana 1962]). Более того, обозначения неких аморфных «врагов», приплывающих на кораблях, как *all-muri*, *allmaraig* соответствует названию викингов в ряде анналов. Ср. в *Анналах четырех мастеров*:

793 — Inis Pádraic do loscadh la h-Allmuirechaibh [O'Donovan 1990: 400]. — *Инис Патрик сожжен скандинавами (?)*; 797 — h-I Choluimb Chille do loscadh la h-allmurachaibh .i. la Nortmanoibh [AFM 1990: 406]. — *Иона Колума Килле сожжена алмурахами, т. е. Норманнами.*

В поздней саге, относящейся к уладскому циклу *Битва во время собрания в Махе* (Cath Aenaigh Macha [Dobbs 1927]) действительно рассказывается о том, как на уладов внезапно напал флот «из светлой Скандинавии» (a crith Find-Lochland), причем сами нападающие называются на *allmuraigh* — «заморскими» (*al-muir* ‘из-за моря’). Это обозначение в тексте саги встречается параллельно с уже знакомым нам обозначением места пребывания викингов — Лохланн:

Do-rala ansin Dabhall Diabuilleach m. Duib m. Aroilt, ⁊ Mealla Morglonnach macrig grian-Lachlann [Dobbs 1927: 146]. — *Случился тогда Давал Дианвулур, сын Дуба (Темного), и Мела Морглоннах, королевский сын из Солнечного Лохланна.*

Улады выходят в этом сражении победителями, причем не только силой оружия, но и хитростью: по совету друида Катбада они привязывают себе длинные бороды из серой шерсти, чем вызывают ужас в рядах противника.

Существуют также другие поздние по своему происхождению саги Уладского цикла, в которых также анахронистически упоминается при-

существование викингов, называемых обычно — *Lochlannaigh*, но представлены они неожиданно не как противники, а как союзники уладов. Наиболее известным из подобного рода текстов считается сага *Битва королевского леса* (*Cath Ruis na Ríg*), которая предположительно была составлена тем же компилятором, который записал редакции саг *Похищение быка из Куальнге* и *Опьянение уладов*, содержащиеся в «Лейнстерской книге» (XII в.), и хотел создать своего рода сиквел (см. [Mac Cana 1962: 83]), в котором рассказывается о том, как улады отомстили коннахтам после поражения, но оказались втянутыми в войну с лагенами. Конхобар посылает послов к викингам (со *Gall-iathaib na nGall* — «к чуждым дальним странам чужаков»), которые на этот раз выступают в саге как предполагаемые союзники. К ним обращается также Коналл Кернах: по совету друида Катбада, он хочет заручиться поддержкой «соседей», чтобы отомстить Айллилу и Медб, а также всем остальным «мужам Ирландии» за нанесенный ими урон имуществу и ущерб чести. Однако, названные поименно в начале, в дальнейшем викинги не участвуют в описываемых в саге событиях, впрочем, текст считается незавершенным (см. [Thurpeysen 1921: 367]). Как пишет М. Ни Воны, «досконально перечислив этих странных союзников, компилятор саги, казалось бы, в дальнейшем утрачивает к ним всякий интерес» [Ni Mhaonaigh 2001: 104].

Наиболее подробное описание борьбы со скандинавами содержится в первую очередь в уже упоминаемой нами саге *Война гойделов с чужаками*, которая датируется уже второй половиной XI в. или даже началом XII в.³ Данный пространственный текст трудно назвать сагой, скорее — это историческая хроника, в отдельных местах включающая в себя описание сцен и диалогов и изобилующая яркими описаниями и перечислениями. Главная задача его составителя заключалась в прославлении короля Бриана и описании его побед, поэтому собственно изображению врагов-викингов отведено в нем не так уж много места. Первая часть саги повествует о том, как постепенно вся (!) Ирландия оказалась под игом лохланнов-галлов, причем в тексте постоянно описывается, как к берегам острова один за другим прибывают флотилии «чужаков». Как правило, в саге используется одна и та же формула:

Tainic iarsin (righ)loinges adbul mor... — Прибыл после того (королевский) флот, сильный, большой...

³ О датировке и дошедших до нас редакциях текста см. [Goedher 1938: 5—7].

В дальнейшем рассказывается, как тот или иной ирландский король сумел победить захватчиков и на краткое время в стране воцарился мир, пока вновь не прибыла очередная флотилия викингов. Таким образом, победы викингов и оккупация ими всего острова изображаются как достигнутые не столько храбростью и боевым искусством, сколько числом нападавших и их упорством в своем желании поработить ирландцев.

В тексте описываются разрушения, которые вызвали викинги, перечисляются сожженные ими монастыри и крепости, награбленное ими добро, упоминаются также сожженные священные книги. Отчасти, как мы понимаем, описанный ущерб и причиненный вред, равно как и масштаб захваченных ими территорий в тексте скорее преувеличен, наверное в пропагандистских целях (чтобы по контрасту возвеличить победу Бриана). Ср., например:

Ni raibh immoro dún no daingean, no diongna, no ceall, no cabhar, no neimhedh do gabhabh ris an ngláim nglifidhigh, nglonnmair, ngnuismhir do bhí ag teaglaím, ocus ag teaccar na hédala sin, óir ní raibhe ifolach fo thalmáin in Erinn ina fá dhiamhraibh díchealta ag fiannaibh no ag síthcuiraibh ní na fuaratar na Danmargaigh allmardha ingantacha sin, tre geintlidhecht, ocus tre iodhaladhgradh [CGG: 114]. — *Не было же тогда ни крепости, ни твердыни, ни холма, ни церкви, ни храма, ни святилища, что не были бы захвачены воющими, свирепыми, уродливыми ордами, которые грабили их и утаскивали все их добро, ибо не было укрытия на всей Ирландии, даже пустоши фениев и чудесные холмы сидов все были раскрыты жуткими небывальными данами посредством их язычества и поклонения идолам.*

Сами викинги изображаются, надо сказать, не очень подробно и описания их деятельности лишены ярких кровавых деталей, видимо, ввиду уже существующей временной лакуны между описываемыми событиями и составлением текста. «Образ врага» в саге создается при помощи неких обобщенных аллитерирующих формул, отчасти десемантизированных. Например:

... ocus fiche cet danar dian, dolig, dibercach, durcraideach, do anmargachaib allmardaib ingantachaib, aca creic, ocus ica faiclead babein, no ar or ocus argait ocus ar cach inmur archena [CGG: 152]. — *... и двадцать сотен данов диких, жестоких, грабительских, вероломных для разгра-*

блений небывалых всей добычи, похищения жестокого золота и серебра и всех иных сокровищ.

Обращает на себя внимание довольно последовательно встречающийся в тексте эпитет — *gaill (gorm)glas* — *чужаки (галлы) голубосиние* или просто — *синие*. Отчасти, как мы понимаем, такая «формула» могла быть вызвана обязательностью аллитерации эпитета в традиционных описаниях ирландских нарративов⁴, однако, что не противоречит сказанному, возможно своим появлением она обязана блестящему вооружению и доспехам викингов. Таким образом, цветообозначение *glas* ‘синий, зеленый, серый’ здесь употреблено в своем доцветовом значении — «блестящий» (ср. традиционный эпитет *glas* при описании мечей и копий в сагах). Данное предположение, объясняющее появление «синих викингов», основано на эпизоде этой же саги: во время битвы при Клонтарфе старик Бриан молится о победе ирландцев, в этот момент слуга говорит ему, что к палатке приближаются чужие люди:

— *Cionas daoine iad ale, ar Brian.*

— *Daene glasa lomnochta, ar in giolla.*

— *Truagh sin, ar Brian, goill na luireach sin, ocus no do denamh do leissara theigait* [CGG: 202].

— *Что это за люди, — сказал Бриан.*

— *Люди синие (блестящие, серые) совсем голые, — сказал слуга.*

— *Горе, — сказал Бриан, — это чужаки в доспехах и не для делания добра они идут.*

Действительно, пришедшие викинги убили старого короля, что уже, однако, не решило исхода сражения.

Название «синие (серые) голые люди» действительно поразительно подходит к рыцарям в латах, однако такое обмундирование в Европе начало использоваться только в XIII—XIV вв. Видимо, автор саги здесь имеет в виду скорее сплошные доспехи, покрывающие тело, хорошо нам знакомые по гобелену из Баё (рис. 8), изображающем Битву при Гастингсе 1066 г. Но там изображены не викинги, а норманны, таким

⁴ На это обращал внимание еще первый издатель CGG — Х. Тодд, который писал в предисловии: «Любовь к аллитерациям проявляется и в самом названии саги, *Cogadh Gaedhil re Gallaibh*» [Todd 1867: XXIX]. Он же отмечает, что эпитет *glas* обычно употребляется по отношению к «галлам» или к «язычникам» (*Gall, geinte*), но не к Данам или Лохланнам.

образом, что в общем вполне естественно, название Лохланнов «серыми голыми людьми» в *Войне* является анахронизмом. Как отмечает и А. Сандберг-МакГован, «несмотря на широкое упоминание в сагах шлемов и кольчуг, археологические данные их почти не подтверждают, за очень редкими исключениями» [Sandberg-McGowan 1996: 222]. Тем не менее, например, в ирландской *Хронике скоттов* (окончательная редакция которой была составлена в XI—XII вв.) при описании битвы при Клонтарфе викинги также называются — *lucht na ndech ced luirec* [CS: 218] — *люди десяти сотен кольчуг*, т. е. мотив изображения скандинавских воинов, полностью облаченных в кольчуги, становится уже для ирландской традиции «общим местом».

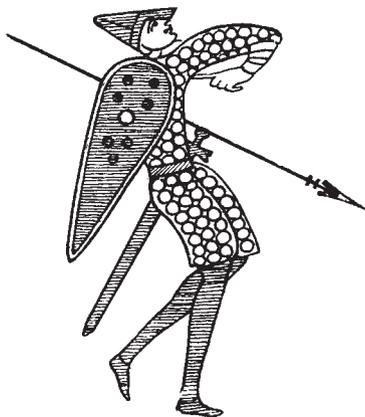

Рис. 8

В *Войне гойделов с чужаками* описано, как немощный король отрубил, умирая, своему убийце руку и ногу, а затем поразил его спутника, так что они замертво повалились друг на друга (см. [CGG: 202]). В исландской *Саге о Ньяле*, как мы уже отмечали выше, убийца Бриана погибает не от его руки, но оказывается жестоким образом казненным союзником ирландцев:

Ульф Пугало и Кертяльвад тотчас бросились назад. Они окружили Бродира и его людей и закидали их поленьями. Тогда Бродир был схвачен. Ульф Пугало (согласно саге — брат Бриана) вспорол ему живот, привязал конец его кишок к дубу и стал водить его вокруг, пока

все кишки не намотались. Лишь тогда Бродир умер [Сага о Ньяле 1999: 363].

Отметим, однако, что убийцей Бриана в обоих источниках назван один и тот же человек — Бродир. В остальном же имена скандинавских предводителей по ирландским и исландским данным различаются довольно сильно, что было отмечено в свое время в книге А. Гудхера. Тема сопоставления исландских и ирландских свидетельств о событиях IX—X вв., и особенно системного соотнесения упоминаемых в обеих традициях персонажей, выходит за рамки нашего очерка. Но в принципе, как нам кажется, данное исследование предстает как очень интересное, отчасти детективное и, как мы надеемся, еще дождетса своего автора⁵. Мы же с огромным сожалением сейчас эту тему оставляем.

Возвращаясь к описанию битвы при Клонтарфе, отметим кратко, что поэма из 51 строфы, повторяющая содержание саги о Бриане была написана в начале XIII в. бардом по имени Миредах-Шотландец (текст и перевод см. — [Goedher 1938: 45—55]). Завершающая строфа явно намекает на новое завоевание Ирландии и поэт в ней ясно говорит о том, что лишь «новый Бриан» сможет освободить страну:

Cuin thucfas shamhail Briain
theas ná thuaigh, toir ná thiar,
neach fhóirfeas Gaodhail air ghoimh
mar do fhóir sion a n-aonar?

*Когда придет подобный Бриану,
на юге или на севере, на востоке или на западе,
кто защитит Гойделов от зла,
как это делал он в одиночку?*

Интересно, что викинги в поэме, в частности, называются *Gaill gl-aschalma* ‘сине-храбрые’, то есть мы видим здесь сохранение того же

⁵ Элементы подобных сопоставлений содержатся в упомянутых нами трудах ирландского историка Д. О’Корраня, см. также старую работу Петера Блэра, в которой показывается, что Олав Светлый (правивший в Дублине) из исландских источников и Олав, король Лохланнов, — из ирландских не являются одним и тем же лицом [Blair 1939].

аллитерирующего эпитета, семантика которого все же остается не до конца понятной.

Повесть о победе Бриана над викингами, как пишет К. Симмс, «в дальнейшем породила два текста-подражания. Первый⁶ может быть назван прямым откликом на *Cogadh*, цель которого — восстановить престиж Эоганахтов, соперников рода Уи Браенов, правивших в Кашеле, к которому принадлежал король Кормака Мак Карртайг († 1138)» [Simms 2009: 74]. В данном случае имеется в виду известная историческая (а точнее псевдо-историческая) сага *Боевой путь Келлахана Кашеля* (*Caithréim Chellacháin Chaisil* [Bugge 1905]). Как принято считать, главной задачей компилятора этого текста, составленного во второй четверти XII в. для короля Мунстера Кормака Мак Карртайга, было прославление его рода, рода так называемых «Кашельских Эоганахтов» (король Бриан Бору принадлежал к другой ветви Мунстерских королей). Героем саги является реальный король Кашеля, правивший в середине X в., — Келлахан Кашиль († 954), прямой предок короля Кормака. Именно поэтому он изображен в саге как славный и доблестный победитель викингов, на самом деле, согласно свидетельствам *Анналов*, почти не сыгравший положительной роли в исторических конфликтах своего времени. Более того, как пишет М. Фланаган, «когда в саге упоминаются викинги, на самом деле следует понимать, что компилятор имел в виду Тордейльбаха Уа Конхобара» [Flanagan 2005: 919], как мы понимаем — соперника Конхобара на верховный трон.

Как детально показано в исследовании Д. О'Корраня, реальный исторический король X в. Келлахан в основном сражался с Уи Нейлами, грабил и сжигал монастыри, с викингами же скорее заключал временные союзы [Ó Corráin 1974: 4—5]. Это о нем, например, *Ульстерские Анналы* пишут под 953 г.:

Cluain M. Nois do arcain do feraibh Muman co n-Gallaibh [AU: 396]. — *Клонмакнойс сожжен мужами из Мумана совместно с чужаками.*

Изображенный в саге XII в. король Келлахан предстает как предводитель объединенных ирландцев, сражающийся в основном с викингами из Дублина, среди которых, отметим, фигурируют сын и дочь легендарного Тургезиуса. Изображаются викинги, естественно, трусливыми и коварными. О'Коррань заключает свое исследование слова-

⁶ Второй текст относится уже к началу XIV в.

ми о том, что данный текст «не может считаться источником сведений по истории Ирландии X века, но зато дает нам интересные свидетельства сложной политической ситуации — середины XII» [Ó Corráin 1974: 69]. Добавим — незадолго до начала норманнского завоевания! Однако нас в данном случае интересует другое: собственно изображения самих викингов, в которых, как мы понимаем, на самом деле нет прямых намеков на Тордейльбаха и других противников кашельских королей. Для нас интересно то, что упомянутые в саге «чужаки», причем названные поименно, как показал тот же О'Коррань (см. [Ó Corráin 1974: 53—57]), не имеют ничего общего с упомянутыми в *Анналах скандинавскими предводителями, действовавшими в Ирландии в первой половине X в.* Но ведь и *Анналы* были тенденциозны, многократно переписывались и редактировались и также не могут быть названы абсолютно надежным источником для воссоздания реальной исторической картины. Так что, повторяем вновь, проблема реальных викингов, их реальных набегов и их места в формировании ирландской нации остается до конца не разрешенной и может быть прояснена только посредством тщательного сличения и сопоставления обеих исторических традиций — ирландской и древнеисландской⁷.

⁷ В настоящее время обретают все большую популярность работы, посвященные анализу ДНК, в частности — на Британских островах. Конечно, мы, филологи, относимся к ним во многом скептически, однако все же тот факт, что и на севере Ирландии, и в Шотландии встречаются митохондриальные ДНК скандинавского происхождения, свидетельствующие о мирном заселении этих районов (т. е. с женами), как кажется, не следует оставлять без внимания (см., например, [Oppenheimer 2007; Sykes 2007]).

Глава 2

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ: X—XII вв.

Анналы

...и дрожала земля Ирландии.

Период с конца X до середины XII в. в истории Ирландии и ирландской культуры оценивается довольно противоречиво, впрочем — он и был исполнен противоречий. С одной стороны, междоусобные войны, усилившиеся после смерти Бриана Бору и возврата на трон Маэль Сехналла II. По определению составителя *Анналов четырех мастеров* (писавшего уже в XVII в.) это было время «дрожи земли» (*fód crithaigh*): сказанное по поводу битвы между королевствами Коннахт, Миде, Мунстер и Брефне в 1145 г., это выражение применяется обычно для характеристики исторической ситуации в стране всего данного периода (см. [Bryne 2008: 1]). В то же время, с другой стороны, этот же период называют «временем возрождения и прогресса в Ирландии» [Ó Cuív 1984: 107]. И для этого также есть основания.

Скандинавское завоевание и происходящие внутри самого ирландского общества перемены, которые в конце концов привели к утрате «литературной нормы», какой бы она ни была, практически не повлияли на самую литературную и художественную активность. Более того, утрата текстов и перенос традиции в область предания скорее устного вызвали к жизни особые тенденции, которые мы могли бы условно назвать «стремлением к осмыслению собственного прошлого», в чем бы ни было оно воплощено. Кроме того, как можно предположить, постоянное присутствие в ирландском обществе представителей чуждой

нации, имеющей свою историю и свои корни, находящиеся где-то на востоке, заставили осознать ирландское общество как некое единство, отличающееся от новых переселенцев, если не сказать — захватчиков. Естественно, ни о какой «национальной идее» и тем более «борьбе за свободу родины» речь не шла (хотя, в принципе, данная тема могла бы и возникнуть — она присутствует, например, и в *Слове о полку Игореве*, и в *Песни о Роланде*). Однако то «ощущение «инаковости», о котором писал Д. Бинчи [Binchy 1962: 131], привело не только к разрушению собственной относительно взвешенной национально-племенной системы (напомним, что этнически население Древней Ирландии изначально также не было однородно), но и к желанию найти собственные корни, причем как исторически, во времени, так и географически, в пространстве. Кроме того, ирландская культура, облеченная в письменные формы, сосуществовавшие параллельно с устным преданием, также к началу вторжения викингов насчитывала уже несколько столетий и также постепенно начала уходить в прошлое и, следовательно, также стала нуждаться в осмыслении и интерпретации. И интерпретация эта требовала уже ориентации на современную культуру, а не на устную (или письменную) элитарную культуру избранных.

Естественно, наиболее эксплицитное воплощение осмысления собственного прошлого, а также стремление сохранить память о настоящем воплотилось в такой традиционной для средневековой культуре форме как хроники и анналы, уходящие как универсальный жанр еще в античную традицию и воспринятые в Ирландии вначале сквозь призму христианской культуры и латинской ученой традиции.

Специфика воплотившейся в Анналах среднеирландского типа исторической мысли Ирландии состояла, наверное, далеко не только в попытке осмыслить историю страны в ракурсе скандинавского завоевания. Дело в другом: набеги викингов действительно вызвали падение монастырской учености в стране и уничтожили единую ученую традицию, которая имела общие корни и общие этические, эстетические и этиологические установки. На поверхность поднялись и разговорные формы языка, и местная тематика, и интересы местных династий.

Но подобно тому, как среднеирландские языковые изменения зрели уже в гораздо более ранние периоды, так и историческая традиция формировалась в Ирландии в течение многих веков, причем после

принятия христианства она складывалась из двух основных течений: местная устная традиция, с одной стороны, и ученая письменная латинская традиция, с другой.

Первая «составляющая», как мы понимаем, не может быть восстановлена с достаточной степенью надежности, т. к. уходит своими корнями в полумифическую область друидического знания, которое, как известно, передавалось в устной форме не только ввиду отсутствия письменности, но и для недоступности «непосвященным». Как писал еще Цезарь о галльских друидах и их «Школах», «Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтобы их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти (VI, 14) [Цезарь 1998: 163]. Ирландия периода раннего Средневековья и Галлия времен Цезаря имеют, казалось бы, мало общего в том, что касалось языка, культуры и образа жизни. Однако парадоксальным образом чуть ли не единственной общей чертой этих двух сообществ оказывается именно друидизм. Причем под друидической традицией в данном случае мы имеем в виду не столько собственно философскую доктрину, о которой по понятным причинам мы знаем не так много и которая могла в некоторой степени отличаться, сколько именно наличие друидических школ, отличающихся эзотерикой образовательной системы и установкой на заучивание текстов. Как пишет В. П. Калыгин об ирландских филидах (поэтах, пророках и носителях юридического и исторического знания), «они получали образование в специальных школах, продолжавших, вероятно, в какой-то мере традицию школ друидов, о которых писал Цезарь. <...> Обучение в такой школе длилось 12 лет. Утром учитель вводил учеников в низкое здание с наглухо закрытыми окнами. <...> Все это время ученики должны были находиться в темноте. Никаких записей не допускалось» [Калыгин 1986: 21—22]. Сходные идеи об устном происхождении наивной историографии ранней Ирландии высказывались в свое время и Э. Халл, которая называла ирландцев «нацией анналистов». «С самых ранних времен, — пишет она, — каждый род и каждая провинция обладала собственным генеалогистом и хроникером, в задачу которого

до распространения письменности входило удерживать в своей памяти (а позднее — записывать) все дела своей семьи и подвиги правителей, а также рассказы о гибели героев и о смертях деятелей церкви» [Hull 1906, II: 87].

Собственно исторические предания, которым учили друиды-филиды своих учеников в дохристианской Ирландии, были неотделимы от космогонических представлений, причем последние уже в христианский период были вытеснены из ученой традиции полностью, и их заменили переложения библейских мифов о происхождении мира, человека, а также — о Потопе. Однако не надо думать, что устная историческая традиция, находившаяся в ведении особой группы *aes dana*, «людей искусства», называемых *senchaide* (букв. «ведающие стариной»), прекратила свое существование после распространения на острове христианства, развития письменности и монастырской учености. Напротив, между автохтонной традицией и ученой монастырской традицией, как это ни странно, не было «конфликта знаний и мнений» и, более того, институт *seanchaidhe* как элемент бардического сословия существовал в Ирландии вплоть до XVII в. (см. [Simms 2009: 25—26]). Как пишет Г. Мак Ниокаль, «в становлении исторической традиции некоторый интерес к местным преданиям, *senchas*, предполагается очевидным» [Mac Niocaill 1975: 13]. Более того, древние «историки» местной традиции постепенно превратились к широко известных в Ирландии устных рассказчиков «шанахи», репертуар которых постепенно свелся к традиционным фольклорным преданиям и утратил установку на достоверность. Однако за этими деревенскими рассказчиками стоят, как мы понимаем, носители исторического предания языческих времен, которые проходили длительное обучение в особых школах и передавали друг другу не только утраченные для нас предания о сотворении мира, но и рассказы о заселении острова, которые в несколько измененной форме (точнее формах) до нас дошли (подробнее об этом ниже). Строго говоря, эту традицию мы не можем назвать собственно исторической, причем не только потому, что в ней много фантастики и явного вымысла, но и по той причине, что само представление о течении времени в ней было не выражено достаточно четко. Естественно, говорить об этом мы можем лишь с достаточной долей предположительности, однако собственно «историзм», действительно, в ирландскую традицию был привнесен лишь вместе с христианством. В ирландской историографической традиции в настоящее время опи-

раться на некое реконструируемое неясное устное предание считается неприятым. Однако полностью отрицать этот элемент, особенно на ранних этапах бытования традиции, нам все же не представляется возможным.

Устная историческая традиция, как мы понимаем, бытовала в двух основных формах — прозаическое предание, украшенное поэтическими вкраплениями и содержащее собственно нарративный элемент (во многом — близкое к сагам или «скелам»), с одной стороны, и генеалогические поэмы, как правило, довольно примитивные по форме и содержащие лишь перечни имен королей с эпитетами. Поскольку до нас дошли, естественно, только письменные памятники, причем в поздних списках, подвергшихся значительной переработке, мы не можем с определенностью говорить о том, насколько традиция устная соотносилась с письменной и что для чего могло послужить источником. Реконструируя предположительный набор источников, из которых среднеирландские составители (авторы?) преданий о королях древних времен (V—VII вв.) черпали сведения, Г. Мак Ойн отмечает два типа устных источников: «народная устная традиция, которая, по мнению некоторых ученых, способна сохранять память об именах и последовательности событий в течение трех столетий, но при этом обычно приукрашивается мотивами и темами из международной сокровищницы фольклорного нарратива» [Mac Eoin 1989: 154] и «устное наследие профессионального ученого класса. Как известно, примерно до седьмого века в Ирландии существовала развитая каста ученых людей, в основную задачу которых входило хранить информацию, имеющую для общества социальную значимость, и устно воспроизводить ее в случае необходимости» [Mac Eoin 1989: 155]. При этом в качестве третьего источника он предполагает *Анналы*. В качестве примера он приводит саговые свидетельства о короле Диармайде сыне Кервалла (погибшего от руки Аэда Темного примерно в 565 г.): прозаический нарратив действительно практически совпадает с сухими данными *Анналов* (*Анналов Тигернаха* и *Ульстерских Анналов*, см. [Mac Eoin 1989: 162]). На самом деле у нас нет уверенности в том, что составители саг действительно читали ранние хроники. Более того, при этом невольно встает вопрос: а как в свою очередь в ранних фрагментах *Анналов* могли появиться отсылки к событиям первых веков нашей эры, времени раннего христианства, датам битв и смерти того или иного короля? Естественно, не вызывает никаких сомнений тот факт, что упоминания

в средневековых ирландских Анналах мифических уладских королей и героев (Кухулина, Конхобара и других), а также Похищения быка из Куальнге как *реального* исторического события¹ представляют собой факт поздней компиляции (см. об этом, например, в классической работе американского историка Дж. Келлехера [Kelleher 1971]). Однако сказанное вполне может быть отнесено ко времени более позднему и к королям, которые из мифических уже становятся «полуисторическими» или «псевдоисторическими», но о которых мы также знаем более из саг, чем из «исторических» свидетельств. Мы должны отметить, что и тексты, в нашем понимании не художественные, претендующие на историческую достоверность, также содержат множество невольных и намеренных искажений. Так «переписывались» генеалогии и хроники, так добавлялись фольклорные мотивы в жития святых и т. д., причем, конечно, не только в Ирландии. Как пишет С. В. Шкунаев, «Когда к периоду VII—VIII вв. начавшие претендовать на исключительное положение и власть на острове династии королей стремились оправдать это древностью своих притязаний, и пытаться совместить с традиционным мировоззрением своих легендарных, полулегендарных и исторических предков, то и появились многие ложные генеалогии, выдуманные или переиначенные до неузнаваемости исторические прецеденты и многое в том же роде. Так, реальность, существовавшая в символическом и ритуальном плане, пыталась вместить в себя оправдание совершенно иного уровня человеческой деятельности. Довольно значительная часть из содержащегося в подобных источниках материала (с точки зрения исторической информации) может быть отброшена без больших опасений, часть же быть проверена никогда не может» [Шкунаев 1989: 30—31].

Или, как сказал об этом же в другой своей работе Дж. Келлехер, «мы не сможем никогда узнать правды об истории Ирландии первых пяти веков после принятия христианства, пользуясь лишь свидетельствами официальными, как, например, историк будущего не сможет воссоздать историю России XX века, если он будет пользоваться лишь разрозненными томами Советской энциклопедии» [Kelleher 1963: 122].

¹ В *Анналах Тигернаха* 39 г. до н. э. помечено «рождение Кухулина, сына Суалтама», 19 г. до н. э. — «военный поход из-за похищения быка из Куальнге», 2 г. н. э. — «смерть Кухулина». В *Ульстерских Анналах Похищение* датируется 25 г. до н. э.

Сопоставление деятельности средневековых ирландских анналистов с «историзмом» советской историографии кажется нам очень удачным и уместным, однако и оно хромает, как любое сравнение. Ранняя ирландская историография, как нам кажется, отличалась не столько намеренными установками на искажение действительности, сколько принципиально иным взглядом на историю в целом, при котором собственно традиционная информация и рассказ о том или ином событии подменяли идею поиска истинного факта.

Видимо, действительно, некая устная, но уже отнюдь не сакральная местная традиция существовала уже на самом раннем этапе, причем она, естественно, домысливалась и перерабатывалась с течением времени. Ее соотнесение с письменными текстами *Анналов* очевидно, однако что именно является в данном случае собственно источником и в каком направлении шло перемещение информации, определить очень сложно. Более того, со временем эта общая полупсевдоисторическая устно-письменная традиция ретроспективно модифицировалась, ориентируясь на интересы правящих династий. Однако последнее как раз характеризует уже скорее среднеирландский период.

Аналогичная общность «традиционной фактографии» существовала и при составлении генеалогий, которые возводились не только к абстрактным «временам Адама и Ноя», но и к мифическим сыновьям Миля испанского — предкам гойделов. Так, например, как пишет К. Симмс, важным свидетельством архаичности этой традиции является тот факт, что в одной из ранних генеалогических поэм о королях Лейнстера предки короля Катала, имевшего прозвище «пес без матери» (*Cú sen máthair*), правившего с 662 до 665 г., возводятся к Милю, а затем — к Ною и Адаму. Эта же традиция позднее, в XII в., оформилась в псевдоисторический трактат *Книга захватов Ирландии* (см. [Simms 2009: 40], о которой — ниже). Согласно скудным языковым данным, данная генеалогическая поэма датируется VIII или даже VII в. (см. [Carey 2005; Ó Corráin 1983]), то есть была создана практически сразу после смерти короля².

Однако генеалогические поэмы и даже саги о королях, ориентированные на достоверность, нельзя назвать собственно историческими сочинениями, поскольку для первых важны не столько собственно хро-

² Издание текста поэмы с комментарием, а также о традиции приписывать ее авторство Лукрету см. [Meuer 1913a: 51—58].

нология, сколько — последовательность, а для вторых — нарративная ценность отдельных эпизодов. Собственно история как система хронометрированного описания времени, как мы понимаем, появилась в Ирландии только после принятия христианства и вначале, т. е. в период существования древнеирландской языковой и культурной ученой «нормы», была достоянием лишь небольшой группы «историков» и бытовала только в монастырской среде. Там и появились первые хроники, причем, как пишет Г. Мак Ниокаль, «Общепринятой является теория, что они (первые Анналы. — Т. М.) появились в виде маргиналий на полях Пасхальных таблиц» [Mac Niocaill 1975: 13].

Изучение и реконструирование первых, не дошедших до нас хроник, составленных учеными клириками Ирландии, представляет собой самостоятельную область ирландистики³. Здесь нет единого мнения и общей концепции или теории, с которой все были бы согласны, однако очень огрублено можно наметить основные, разработанные положения. Так, принято считать, что первая хроника была составлена в подражание Хронике Евсевия Кесарийского (278 г. н. э.), переведенной на латинский язык святым Иеронимом. В последние годы появилась тенденция видеть в качестве непосредственного источника начала ирландской историографии дополнение к данному тексту, составленное Руфином Аквилейским (ок. 345—410, см. о нем также [Тюленев 2005]). В дальнейшем определенное влияние на эту проторедакцию оказали труды Беда Достопочтенного. Как пишет И. Хендерсон, «Ирландские ученые согласны в том, что в основе всех крупных летописных сводов лежит оригинальная древнеирландская хроника, которая началась *еще при святом Патрике* (выделено нами — Т. М.). Точная дата составления этой первоначальной хроники спорна: профессор Мак Нейлл считал, что речь должна идти о начале, а профессор О'Рахилли — о середине VIII века» [Хендерсон 2004: 195]. В данном случае имеются в виду работы [Mac Neill 1913; O'Rahilly 1946a], однако в дальнейшем начала наблюдаться явная тенденция сдвигания даты начала составления собственно местной хроники к более раннему периоду. Так, например, А. Смит на основе упоминаний об астрономических явлениях (которые, по его мнению, не могут храниться в устной форме более одного поколения) пришел к выводу, что анналы начали собственно

³ Обзор основных теорий см. в вышедшей недавно монографии [McCarthy 2008: 61—117].

вести в Ирландии уже в 550 году (см. [Smyth 1972]), а Д. Мак Карти даже высказывает предположение, что анналы могли начать вести сразу после миссии святого Патрика и христианизации Ирландии (см. [McCarthy 2008: 116]). Естественно, речь идет лишь о латинской хронике (или хрониках).

Кроме того, следует, несомненно, отметить влияние известных в Ирландии, как и во всем западном мире, авторов — Сульпиция Севера, автора *Хроники в двух книгах*, и особенно Павла Орозия и его *Истории против язычников в семи книгах* (см. [Павел Орозий 2009]), называемой «ключевым произведением раннехристианской и всей средневековой европейской историографии» [Тюленев 2009: 6].

В том, что касается места создания первой хроники, то здесь все исследователи оказываются скорее единодушны и полагают, что монастырем, где впервые были созданы анналы, был монастырь на острове Иона, основанный у побережья Западной Шотландии примерно в 563 г. святым Колумбой. Колумба, или Колум Килле, действительно был известен, в частности, как распространитель латинской учености, придававший большое значение созданию новых рукописей. Скрипторий на Ионе был известен как один из важнейших центров монастырской учености и разработки техники создания иллюминированных рукописей (знаменитое «Евангелие из Келлса» было создано на Ионе, но в начале IX в. ввиду постоянных нападений викингов перевезено в монастырь Келлс; тогда же, предположительно, с Ионы были вывезены и другие рукописи). Однако идея, что протохроника была создана именно на Ионе, была вызвана не только известностью этого монастыря, но и тем, что, с одной стороны, в ранних фрагментах многих рукописей, зачастую совпадающих текстуально, глаголы движения с несомненной очевидностью маркируют направление: из Ирландии на Иону или из Ионы в Ирландию. Таким образом, фокус эмпатии оказывается направленным именно на этот монастырь, что заставляет предположить, что и компилятор находился именно там⁴. С другой стороны, Дж. Баннерман

⁴ Анализ глаголов движения и предлогов в Анналах и скрытой в них информации содержится в работе [Mac Niocaill 1975]. Однако он же отмечает, что в ряде ранних записей могут встретиться глаголы, противоречащие теории «Хроники Ионы», например: 754. Sleibine ab Iae in Hiberniam **uenit** [AT, 255]. По его мнению, данные вхождения объясняются параллельным существованием не дошедшей до нас и практически не оставившей дочерних копий рукописи «Хроники Восточного Ульстера», возможно, составленной в Бангоре.

проанализировал присутствующие в анналах упоминания пиктских королей и шире — событий, связанных с Шотландией, и пришел к выводу, что их обилие объясняется непосредственной близостью компилятора к данному региону, что опять-таки указывает на о. Иона. Именно Баннерманом впервые было употреблено название «Хроника Ионы» (*Iona chronicle* [Bannerman 1974: 25]).

Ни одной рукописи этой первой хроники до нас не дошло, несмотря на то, что, как можно предположить, на разных этапах ее существования с нее делали копии, которые затем перевозили в Ирландию и которые в свою очередь послужили источниками для создания дочерних анналов. Д. Мак Карти в своей монографии необычайно подробно описывает точки зрения своих предшественников, а также приводит данные самих Анналов, в результате чего приходит к выводу, что основной прототекст общеирландской хроники примерно в 740 г. был перевезен с Ионы куда-то в Ульстер (по его мнению — в Мовилль, по мнению ряда других исследователей — в Бангор, Клонард или Армаг), где уже самостоятельно продолжались погодные записи. При чем предположительно в этот же период в текст протохроники после традиционных пересказов библейских преданий о сотворении мира и человека, о Потопе и появлении рас и языков был добавлен фрагмент, повествующий о заселении Ирландии разными племенами и о прибытии из Испании «сыновей Миля», давших начало собственно гойдельской расе. Вскоре (ок. 753—755 гг.) эта рукопись попала в монастырь Клонмакнойс, где была продолжена уже под условным названием «Хроники Клонмакнойса» и в свою очередь позднее также послужила базой для создания нескольких дочерних копий, получивших затем самостоятельное развитие (см. [McCarthy 2008: 196])⁵. По

Данное мнение было высказано Т. О'Рахилли, а также поддержано К. Хьюз [Hughes 1972]. С нашей точки зрения, анализ глаголов движения в Анналах не может служить здесь надежным критерием, т. к. простой просмотр самих текстов основных рукописей ясно показывает, что форма *uenit* 'поехал' является в них предпочтительной для передачи идеи перемещения, и оппозиция *iuit* ~ *uenit* 'пошел ~ пришел' в убогой латыни ирландских анналов четко не прослеживается (формы *migrauit*, *exiit* употребляются, но очень редко). Поэтому указанная фраза вполне может быть переведена и как «Слевине, аббат Ионы, в Ирландию поехал».

⁵ Целый ряд специфических проблем — синхронизация анналов, соотнесение указанных дат с мировой историей, синхронизация внутри традиции,

его мнению, Клонмакнойская хроника была завершена в 1227 г., однако за время своего существования она не раз служила источником для создания копий, естественно — исправленных, подправленных и даже — содержащих невольные ошибки переписывания, копий, которые позднее уже развивались самостоятельно.

В общем, мы можем сказать, что в начале среднеирландского периода намечается своего рода качественный скачок в развитии историографической традиции в Ирландии: из ученых латинских текстов, предназначенных для узкого круга *literati*, созданных по образцам континентальных раннехристианских памятников и ориентированных в первую очередь на церковную историю, анналы превращаются в собственно исторические хроники, актуальные и злободневные, ориентированные на внутривнутриполитические события страны в целом и того «королевства», в частности, где они были созданы. Отсюда и появление субъективности и естественных несоответствий в оценке того или иного события или персонажа. Однако в целом историографическая традиция сохраняет не только единодушие в стиле изложения материала и несомненную общность источников, но и генетическую тождественность, проявляющуюся в дошедших до нас собственно рукописях Анналов. Как можем мы предположить, начиная с IX века в самой Ирландии возникает несколько исторических школ, создавших свои хроникальные сочинения, однако до нас дошла лишь небольшая часть сделанных с них поздних списков. Все дошедшие до нас рукописи Анналов являются результатом многочисленных переписываний и обновлений, причем процесс «ветвления» здесь был настолько сложным и запутанным, что, несмотря на долгую историю изучения анналистской традиции в Ирландии, единая стемма, которая удовлетворила бы всех исследователей, до сих пор не составлена, и составить ее, наверное, действительно невозможно (см., однако, стемму, помещенную в работе Мак Ниокала и примерно отражающую ситуацию — рис. 9). Тем более важными оказываются сохранившиеся в дошедших до нас текстах анналов отсылки к другим письменным источникам.

переход от летоисчисления «от сотворения мира» (*Anno Mundi* — AM) к современному «от рождения Христова» (*Anno Domini* — AD), миссия Патрика как своего рода веха в истории страны — все это как отдельную сложную историографическую тему мы вынуждены оставить за рамками нашего краткого очерка. В монографии Д. Мак Карти данный материал представлен достаточно подробно.

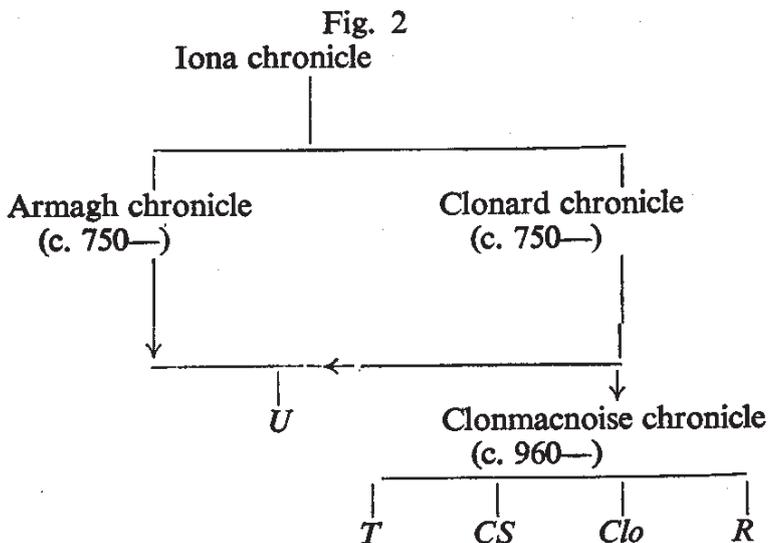

Рис. 9

Так, в тексте *Ульстерских Анналов* за период с 467 до 628 г. насчитывается 15 отсылок к некоей *Liber Cuanach* — *Книге Куаны* или к самому писцу по имени *Cuana*. Например:

468.2. Bellum Dumai Achir .i. Oilill Molt sicut in Libro Cuanach inueni.

489.2. Bellum Cinn Losnado .i. Ceall Losnaigh i Maigh Fhea⁶ ubi cecidit Oengus filius Nat Fraich ut Cuana scripsit.

610.3. Quies Colmain Elo. Sic est in Libro Cuanach.

⁶ Надстрочный шрифт после знака .i. обозначает интерлинейную вставку, добавленную позднее в рукопись уже в середине XVI в. писцом Рори О'Кассиди. Предположительно, ему же принадлежат вставки, отсылающие к Книге Куаны (см. [O'Curry 1861: 85]). Характер таких вставок показывает, что поздним переписчикам уже были не совсем ясны (по крайней мере — казались нуждающимися в пояснениях) отдельные реалии, в основном — старые топонимы.

Как показывает Д. Мак Карти, все эти отсылки «на источник» были сделаны компилятором рукописи TCD 1282, которым считается Рори Уа Касиди († 1541), написавший на год 602 (603?):

Omnia quae scripta sunt in anno subsequente, inueni in *Libro Cuanach* in isto esse perfecta.

(Все, что написано на следующий год, я нашел в Книге Куану, где есть это завершено).

Г. Мак Ниокаль в свое время описывал Куану как личность загадочную и предполагал, что им мог быть писец из Треве, умерший в 739 г., либо аббат из Лута, живший в начале IX в., либо аббат из Манастербойса с таким же именем, умерший в 805 г. Однако, как отмечает он сам, «этим возможным идентификациям противоречит тот факт, что с точки зрения лингвистической, язык этих вхождений датируется более поздним периодом» [Mac Niocaill 1975: 20]. На самом деле, сказанное далеко не очевидно, т. к. конкретное обращение к тексту показывает, что почти все «цитаты» из Куану написаны на латыни за одним исключением (кстати, пропущенным Мак Карти в его списке [McCarthy 2008: 198]):

553.3. Sic in *Libro Cuanach* inueni: .i. Reilci **Patraic** do tabairt i **scrin** i cinn tri .xx.it bliadnae iar n-etslecht **Patraic** la **Colum Cille**. Tri **minna** uaisli do faghbail isin adhnucal, .i. a **choach** & **Soiscela ind Aingil** & **Clocc in Aidhechta**. Is amlaid so ro fhoghail int aingel do **Colum Cille** inna **minna**, .i. in **coach** do **Dhun**, & **Cloc in Aidachta** do **Ard Macha**, & **Soiscela inn Aingil** do **Colum Cille** fein. Is aire do-garar **Soiscela in Aingil de**, ar is a laim in aingil ar-roet **Colum Cille** h-e.

Это я нашел в Книге Куану: реликвии Патрика были даны в реликварию после трижды двадцати лет после успения Патрика Колумом Килле. Три драгоценности благородные были найдены в его погребении: его чаша, Евангелие Ангела и Колокол Завета. И так распределил ангел драгоценности Колуму Килле: чашу для Дуна, Колокол Завета для Армага, а Евангелие Ангела Колуму Килле самому. Причина, что называется Евангелие Ангела в том, что Колум Килле из рук ангела получил его.

Текст действительно выглядит скорее как ранненовоирландский, однако специфический синтаксис анналов целом, а также сам факт многократного переписывания текста и модернизации его орфографии не позволяют делать определенных выводов о дате вхождений по их языку.

По предположению Мак Карти, Книга Куану послужила источником для целой группы Анналов и этот прототекст существовал еще в начале XI в. Таким образом, составителя Книги следует искать среди упомянутых в разных источниках лиц с данным именем, отсылками к их деятельности и примерной датировкой их смерти. Личность Куаны в настоящее время предположительно им установлена: в *Анналах Тигернаха* на 1024 г. помечена гибель Куаны Уа Лоханя, который называется там *grimsenchaidh Erenn ḡ a primeolach* — *Первый историк Ирландии и ее первый ученый*, а в самих *Ульстерских Анналах* — *primeices Erenn* — *первый мудрец Ирландии* (аналогичные записи содержатся и в других Анналах, см. [McCarthy 2008: 208]). В *Ульстерских Анналах* о его гибели говорится:

1024.3

Cuan H. Lothcan, prim-eices Erenn, do marbad i Tebtha d'Fearaibh Teabhtha fein. Brenaít a n-aen-uair in lucht ro marb. Firt filed innsein (p. 462). — *Куан Уа Лохань, первый мудрец Ирландии, был убит в Тетбе мужами самой Тетбы. Погибли (букв. «сгнили») в одно мгновение те люди, которые его убили. Это чудо поэта.*

Куану Уа Лохланн действительно был не только историографом, но и поэтом. Ему принадлежат некоторые поэмы из собрания *Старины мест* (Dinnsenchas), а также известная поэма — прославление Тары:

<p>Temair toga na tulach, Foga Eriu indradach, Ardchathair Chormaic mic Airt, Mic Cuind Cedcathaigh comnairt... [O'Curry 1861: 496]</p>	<p><i>Темра избраннейшая среди холмов, Из-за которой Ирландия разрушена, Главный город Кормака сына Арта, Сына Кона Ста битв великого...</i></p>
---	--

Ему же в Лейнстерской книге (XII в.) приписывается поэма⁷, в стихотворной форме представляющая собой переложение саги *Приключение сыновей Эохайда Мугмедона*, основной темой которой является получение Ниаллом Девять Заложников высшей власти над Ирландией в виде сакрального питья из рук мифической старухи-девы. То есть направленность поэмы носила явно про-Уи Нейловский характер, что вполне естественно, если Куану был придворным поэтом Маэля Сехналла II.

⁷ Издание см. [Joynnt 1908/10: 92—111].

Причины гибели Куану, который был, как мы понимаем, предательски убит своими же людьми вне какого бы то ни было военного конфликта, остаются неясными. Д. Мак Карти полагает, что его смерть была вызвана его же чрезмерно активной историографической деятельностью, в ходе которой синхронизация истории Ирландии с историей мира была совершена столь свободно, что распятие Христа оказалось датированным III в.⁸ Даты жизни многих ранних святых оказались также смещенными и, что особенно важно для ирландской истории, миссии святого Патрика и Палладия совпали, откуда в дальнейшем произошло много разногласий о реальной дате прибытия на остров его главного патрона и даже возникли сомнения в самой законности его прихода и даже существовании его личности. Как пишет Мак Карти, «несомненно, если мы внимательно всмотримся в противоречивый характер его дохристианской хронологии, мы поймем, что такого человека действительно оставалось только убить» [McCarthy 2008: 209], однако вряд ли стоит принимать эти слова всерьез. Куану, предположительно, был придворным поэтом короля Маэль Сехналла II (см. [Byrne 2005: 860]), приближенным к нему лицом и влиятельной фигурой в правящих кругах в целом. После смерти короля в 1022 г. он, видимо, стал жертвой внутренних распрей, в ходе которых, кстати, как указывают те же *Ульстерские Анналы*, годом ранее был убит своими же людьми сын Маэль Сехналла — Лохланн. Интереснее здесь другое: в скупых записях *Анналов* говорится о его мудрости и его поэтическом искусстве, причем совершенное им посмертное чудо — гибель убийц — изображается именно как «чудо поэта», а не святого. Скорее всего, с известной долей осторожности здесь можно предположить характерный именно для среднеирландского периода отход от собственно христианских установок, который неизбежно вызвал возврат к язычеству с его верой в мистическую силу поэта-филида и неприкосновенность его фигуры. В целом же фигура Куану Уа Лохланя являет собой характерный именно для XI в. образ ученого-интеллектуала, обращенного более к делам светским, чем к церковной истории.

Другой человек, также принимавший активное участие в ирландской историографии и также упоминаемый в *Ульстерских Анналах* как автор исторического труда, — аббат Дуб Да Лете из Армага († 1064) —

⁸ О собственно синхронистической деятельности Куану см. [McCarthy 2008: 203—207].

представляет собой скорее образ более традиционный. Рожденный в знатной семье из рода Клан Синах, он также поддерживал династию Уи Нейлов (противников короля Бриана). Его предки традиционно занимали в монастыре Армаг почетный сан «наследника» (*comarba*) Патрика, но также среди них было много поэтов и историков. С 1046 до 1049 г. Дуб Да Лете занимал в Армаге пост «мужа чтения» (*fer legend*), что предполагало высокий уровень монастырской учености, но также давало известные права в том, что может быть названо руководством основным «мейнстримом» интеллектуальной жизни. В частности, используя, но отчасти переработав материал Книги Куану, он составил также не дошедшую до нас «Хронику Армага», которая была продолжена после его смерти вплоть до 1195 г. В *Ульстерских Анналах* о его смерти сказано:

1064. *Dub Da Leithi comarba Patraic i kl Septimbir in bona penitentia mortuus est* (p. 500). — *Дуб Да Лете, преемник Патрика, в сентябрьские календы с мурным покаянием опочил...*

Примерно в этот же период, т. е. в XI веке, Книга Куану (либо — список Хроники Клонмакнойса) параллельно была использована в монастыре Эмли, а затем эта рукопись уже примерно после XII в. была продолжена самостоятельно и независимо в Инисфаллене и доведена до 1326 г. Таким образом, *Ульстерские Анналы* и *Анналы Инисфаллена* традиционно принято считать входящими в одну группу — «Группу Куану».

Совершенно параллельно все та же утраченная хроника (хроника Ионы, ирландская хроника, хроника Клонмакнойса — все названия достаточно условны) дала начало другим анналистским сочинениям, входящим в так называемую «группу Клонмакнойса», составление которой связывается с именем другой выдающейся личности XI в., аббатом монастыря Клонмакнойс († 1088) Тигернахом Уа Браеном, носившим титул преемника святого Киарана. Мак Карти полагает, что он был тем человеком, по инициативе которого в этом же монастыре позднее была составлена одна из самых ранних дошедших до нас рукописей на ирландском языке — «Книга Бурой коровы» (*Lebor na hUidre*, [McCarthy 2008: 193]). Предположительно с одного из списков *Анналов Тигернаха* уже в XVII в. была составлена так называемая *Хроника скоттов* (*Chronicum Scottorum*; в англоязычной литературе принято сохранять ее латинское название), во многом *Анналам Тигернаха*

идентичная (доведена до 1150 г.). К этой же группе анналов относятся и *Анналы Клонмакнойса*, оригинал которых навеки утрачен и о которых мы знаем лишь благодаря их английскому переводу, сделанному в 1627 г., а также *Анналы Роскре*, доведенные только до 995 г. и довольно лакунарные.

Довольно поздно возникает еще одна группа анналов, называемая «Коннахтской», наиболее интересным представителем которой являются *Анналы Лох Ке* (*Loch Cé*), начатые с 1014 года, т. е. года битвы при Клонтарфе, и доведенные до второй половины XVI в., однако содержащие значительные лакуны. Как принято считать, данные анналы носят тенденциозный характер и призваны были изначально утвердить, подтвердить и доказать правомочность претензий на верховный трон в Ирландии потомков Бриана Бору. Действительно, например, описание битвы при Клонтарфе и гибели Бриана занимает в тексте 97 строк и мало похоже на традиционные анналистские записи.

Все дошедшие до нас собственно рукописи Анналов — поздние и, как правило, датируются XIV—XVI вв., причем это не просто поздние списки, но именно поздние компиляции, естественно, составленные на базе ранних версий⁹. *Анналы четырех мастеров*, содержащие наиболее полное описание истории Ирландии, были составлены уже гораздо позднее, в XVII в., и представляют собой скорее памятник исторической мысли того времени. В новоирландский период были составлены и довольно странные по своей форме так называемые *Фрагментарные анналы*, содержащие три фрагмента от 573 до 914 г. и представляющие собой уже не собственно хронику, сколько историческое описание ряда событий, например, битв ирландцев с викингами (мы их не раз уже цитировали выше). Вообще же, как мы видим, уходящие своими корнями в латинскую ученую традицию и завершенные уже в новоирландский период основные Анналы были составлены именно в период среднеирландский, а точнее — в конце X—XI веках, то есть все-таки как отчасти реакция на скандинавское вторжение. Сказанное относится и к другим историческим сочинениям, в частности — возникшей в этот

⁹ Все, наиболее значительные ирландские анналы в настоящее время доступны как в оригинале, так и в английском переводе (с богатым библиографическим аппаратом) на ресурсе Университета Корка, Ирландия. См.: <http://www.ucc/celt/ie/> Издания анналов — см. в библиографии под сокращениями AU, AFM, CS, FA, AC, AI, AT.

период традиции «списков королей» (в поэтической и прозаической форме), среди которых наиболее известна поэма длиной более 1000 строк, в которой перечисляются правители Ирландии от легендарного Эохайда Фейдлейха до Мазельсехналла Великого. Поэма приписывается fer leginn монастыря Монастербойс в графстве Лут — Фланну Манистрах, смерть которого датируется 1056 г.

В заключение надо сказать несколько слов о языке анналов. Естественно, протохроники, которые предположительно были составлены на Ионе, в качестве основного языка использовали латынь, и эта традиция продолжалась довольно долго, причем ирландский язык вытеснял латынь постепенно и поэтапно (см. об этом в основательном исследовании [Dumville 1982]). В течение долгого времени собственно латинские записи, как правило, касались деятелей церкви, причем латынь эта была клишированной, бедной и часто ошибочной, демонстрирующей своим синтаксисом, что анналист не знал этого языка в достаточном объеме и пользовался лишь набором традиционных формул. Например, см. (CS, 108):

822. Mors Fergusu meic Loingsicch ab Aird Macha quieuit. — *Смерть Фергуса сына Лойнгсеха, аббата Армага опочил.*

Набор латинских клише довольно ограничен: во всех дошедших до нас списках анналов используются одни и те же обороты — mortuus est, quieuit, bellum... (cath) in quo cecidit..., victor erat и др., что отчасти можно объяснить и клишированностью описываемых ситуаций: смерть того или иного аббата или короля, а также война между местными королями, в ходе которой один cecidit, а другой, соответственно — victor erat. Если событие требует более пространный описания, анналист обычно переходит на ирландский. Например (из *Ульстерских Анналов*):

U902.1

Finngune, rex Caisil, a sociis suis occisus est per dolum.

U902.2

Indarba n-gennti a h-Ere, .i. longport Atha Cliath o Mael Findia m. *Flandacain* co feraibh Bregh & o Cerball m. Muiricain co Laignibh co farcabsat drecht mar dia longaibh co n-erlasat leth-marba iarna n-guin & a m-brisiuth.

U902.3

Fogurtach m. Flaind, princeps Lathraigh Briuin, mortuus est.

902.1. Финнгин, король Кашеля, своими людьми был убит с мучением.

902.2. Изгнание язычников из Ирландии, т. е. крепости Ата Клиата (Дублин. — Т. М.) Маэлем Финном, сыном Фланнгана, с людьми Бреги и Керваллом, сыном Мурьгана, с лагенами, так что была оставлена большая часть их кораблей и они бежали наполовину мертвые после их ранения и их разбивания.

902.3. Фогуртах, сын Фланна, правитель Латрах Брунь, умер.

Однако постепенно ситуация меняется. Как отмечает Кэтлин Хьюз, примерно после 830 г. латынь в анналах уступает место ирландскому все более последовательно, распространяясь и на краткие записи. Причем, как верно она пишет, «эта замена датируется периодом, когда Ирландия еще не знала рейдов викингов и таким образом процесс секуляризации историографической традиции, казалось бы, со скандинавским завоеванием никак не связан, однако в начале количество ирландских вхождений было очень небольшим и их процент значительно возрос после того, как в анналах увеличилось количество записей об их набегах» [Hughes 2005: 644].

Но такая зависимость кажется все же несколько наивной. После середины X в. процент ирландских записей значительно возрастает в прямой пропорции с возрастанием записей, касающихся светских событий и секуляризацией анналистских установок в целом (см. [Etchingam 1996]). К началу XI в. латынь вытесняется среднеирландским из анналов почти полностью, однако, что интересно, в ряде анналов (например — *Анналах Иннисфаллена*) с XIII в. записи вновь начинают делаться на латыни, но это уже другая латынь — ученая латынь позднего Средневековья, и феномен этот принадлежит уже другой культурной парадигме.

Особая проблема языка *Анналов* — это присутствующие в них поэтические вкрапления. Д. МакКарти в своей монографии насчитывает сто поэтических фрагментов от 1656 г. от сотворения мира до 980 г. н. э., причем наибольшая часть фрагментов присутствует в *Ульстерских Анналах*. В ряде случаев в разных *Анналах* присутствует один и тот же фрагмент, часто в несколько видоизмененной форме, за которой, однако, ясно просматривается один источник. Например:

Хроника скоттов:

487.

Cath Ceáll Osnaigh a Muigh Fea ubi cecidit Aongus mac Nathfraoich rí Muman & uxor eius .i. Eithne Uatach ingen Criomtainn meic Enna Cindsealaigh. Iollann mac Dunlaing et Oilill a bratair et Eochaidh Gluinech et Muircertach mac Earca rí Ailigh uictores erant, ut dicitur rann.

1. Adbath craob dosbde móir,
Aongus molbthach mac Nathfraoich;
Fagbadh la Iollann a cenn
A scath Ceall Osnaigh claoín (p.16).

Ср. эта же запись в *Анналах Тигернаха*:

489.2

Cath Cella Asnada i Muig Fhea, ubi cecidit Aengus mac Nad Fraich & uxor eius & Eithni Uathach ingen Cremthainn maic Enna Cendselaig. Illand mac Dungaili & Ailill a brathair & Eochaid Guinech & Murchertach mac Erca rí Ailigh uictores erant. Vnde dictum est:

1. Ad-bath craeb dos-bili *moir*
Aengus molbtach mac Nad Fraich,
facbadh la h-Illand na rath
'sin cath a Cell Osnad clain.
2. Illand ocus Muirchertach,
Ailill, Eochaid tend tolchar
ro chuirset cath Cell Osnad
re h-Aengus Muman molbthach (p. 120).

Битва Келл Оснада в Маг Феаб, в которой погиб Энгус, сын Натфраеха, (король Мунстера) и его жена, т. е. Этне Ужасная, дочь Кримтанна сына Энны Кенселага. Илланд, сын Дунгала, и Айлиль, его брат, и Эохайд Гуинех, и Муірхертах, сын Эрк, король Айлеха, победили. О чем говорится:

*Погибла ветвь могучего рода:
Энгус, славный сын Над Фраеха,
Оставлен Илландом крепостей
в той битве у Келл Оснад мерзкой.
Илланд и Муірхертах,
Айлиль, Эохайд жестокий своевольный
Начали войну Келл Оснайд
против Энгуса мунстерца славного.*

В *Хронике скоттов*, как мы видим, вместо двух строф представлена всего одна, кроме того, третья строка в ней отличается: *Fagbadh la Iollann a sepp — Оставил Иллан его голову*; что придает тексту более яркий характер. Естественно, более детальный сопоставительный анализ поэтических фрагментов в дошедших до нас рукописях анналов мог бы дать более интересные результаты¹⁰.

Мак Карти полагает, что ранние поэтические вставки в тексте Анналов в целом восходят в основном к устной поэтической традиции [McCarthy 2008: 178] и таким образом представляют собой своего рода «осколки» мнемонической поэзии древних историков, которые таким образом запоминали и передавали потомкам сведения о событиях прошлых лет. Примерно такое же мнение высказывалось еще Р. Турнейзенем в его анализе поэтических вставок в ирландских сагах (см. [Thurneysen 1921: 56—57]), однако данное решение кажется нам слишком простым и оставляющим без ответа вопрос о том, почему компилятор хроники вставлял именно эти фрагменты, а не какие-то иные. Кроме того, язык самих стихов и их метрика (слогосчитающий так называемый «прямой стих») выдают их достаточно поздний характер — не ранее VIII в. Таким образом, как мы полагаем, подобные вставки создавались в той же монастырской среде, в которой составлялись и сами хроники, и традиция перемежать прозу поэзией имеет ту же загадочную природу, которую до сих пор не могут объяснить исследователи ирландских саг (как, впрочем, и житийной литературы и даже законов). Видимо, так просто тогда было принято, причем традиция эта сохранялась вплоть до XVII в.

¹⁰ В *Ульстерских Анналах* текст, описывающий это же событие, совершенно другой: 490.2: *Bellum Cinn Losnado l' Ceall Losnaigh i Maigh Fhea ubi cecidit Oengus filius Nat Fraich ri Mughan, ut Cuana scriphsit* (p. 54); что демонстрирует разность источников.

Книга захватов Ирландии

Прозо-поэтическую форму имеет и знаменитая псевдоисторическая *Книга захватов Ирландии* (Lebor Gabála Érenn, букв. «книга взятия Ирландии»), считающаяся среднеирландской компиляцией и датирующаяся XII в. Точнее, XII веком датируется наиболее полная из трех дошедших до нас (иногда противоречащих друг другу в деталях) редакций этого трактата и одновременно самая ранняя рукопись, в которой он содержится — «Лейнстерская книга» (Lebor Laigen, LL, с. 1150; эта же редакция в фрагментарной форме содержится в рукописи Book of Fermoy, составленной в конце XIV в.). Вторая и третья редакции представлены многочисленными рукописями, относящимися к периоду от XIV до XVII вв.¹ Особый интерес также представляют содержащиеся в рукописях позднейшие глоссы, поясняющие текст и добавляющие некоторые детали, важные в глазах переписчика. Предположительно, дошедшие до нас редакции *Книги захватов* представляют собой компиляции из нескольких более ранних трактатов, видимо также письменных и книжных по своей форме бытования². Как полагает Дж. Кэри, проторедакция *Книги захватов* была составлена также довольно поздно: «В конце XI века некий ирландский ученый собрал вместе коллекцию поэм, написанных разными авторами, касающихся разных периодов и аспектов местной легендарной истории. Добавив прозаическое обрамление к своему труду, которое отчасти повторяет стихи, он создал всеобъемлющий, соединенный свод истории Ирландии и гойделов, начиная от сотворения мира и кончая временем записи» [Carey 1993: 1]. Однако если говорить о формировании собственно традиции, содержащейся в ней, то, безусловно, здесь мы

¹ Согласно смелому предположению Дж. Кэри, фрагменты *Книги захватов* содержались также в «Книге Бурой коровы» — самой ранней из дошедших до нас рукописей на ирландском языке (ок. 1100 г.) — см. [Carey 2009].

² О соотношении редакций и рукописей см. [Van Hamel 1915].

вновь окажемся перед очевидным фактом существования нескольких еще гораздо более ранних преданий, бытовавших, видимо, в разных формах — и в устной, и в письменной. Во всех редакциях текст представляет собой прозу, перемежающуюся стихами, действительно часто повторяющимися прозаический нарратив, что с точки зрения генезиса формы, как мы понимаем, составляет целую отдельную проблему, более сложную, чем представлена она у Кэри. В отличие от саг, в которых поэзия, как принято считать (говоря очень упрощенно), отражает субъективно-лирическое начало, и от хроник, в которых краткие вставки, видимо, призваны верифицировать сообщаемое, в *Книге захватов* поэзия как бы дублирует прозу, но не совсем. Проблема соотношения этих двух пластов повествования необычайно интересна и до сих пор ждет своего исследователя!

Книга захватов Ирландии повествует о том, как постепенно заселялся остров, какие народы и в какой последовательности прибывали в Ирландию, о битвах между ними и о том, как в итоге воцарились на этой земле гойделы, приплывшие из Испании³ и об их дальнейшей судьбе. В своем предисловии Р. Макалистер выделяет десять «секций», составляющих основной корпус *Книги захватов*:

1. От сотворения мира до распада народов.
2. Предки гойделов.
- 3—7. Последовательные заселения Кессар, Партолона, Немед, Фир Болг и Племен Богини Дану.
8. Завоевание сыновей Миля, то есть Гойделов.
9. Перечень королей до принятия христианства.
10. Перечень христианских королей [LGE 1938: XXV].

Очень кратко и упрощенно, с непростительным, но неизбежным смещением редакций⁴, эта длинная и сложная компиляция может быть сведена к следующему:

³ Основное издание текста с параллельным английским переводом см. [LGE — Macalister 1938; 1939; 1940; 1941; 1956]. Текст приводится параллельно — по трем основным редакциям. В издании Макалистера поэтические вставки изъяты из самого текста и помещены в конец каждого тома.

⁴ Нами также были выпущены многочисленные повторы, к которым часто обращается компилятор в начале соответствующего раздела, как бы кратко повторяя то, что было сказано ранее.

1-й раздел. Рассказ о сотворении мира, первородном грехе, бунте Люцифера, изгнании из Рая и появлении первых людей, населявших разные земли. Появление чудовищ, родившихся от браков ангелов с земными женами и желание Бога истребить их при помощи Потопа. Рассказ о Потопе, Ное, ковчеге и спасении от вод. Затем следует довольно сложное повествование о разных народах, потомках сыновей Ноя, причем заканчивается этот раздел появлением на исторической сцене гойделов:

Ocht meic trā la Iafeth, .i. Magoth — be sē in t-ochtmadh mac. Dā mac dono la Magoch .i. Ibadh ḡ Baath. Ō Ibadh iarom ḡḡ Romān. Mac dono do Baadh, Fēnius Farrsaid ō fuilet Scithecda, ḡ dia sīl Gāidil. Ō Ibadh Fraincc, Romāin, Saxain ḡ brettain ḡ Albandai. Ō Magoch meic Iafeth didiu, na tūatha rogabsat Ērinn ḡā nGaidelaib .i. Parthalōn mac Sera meic Srū meic Esru meic Briamin meic Fathecht meic Baaidh meic Magoch meic Iafeth meic Nōe: Nemed mac Adhnomain dana meic Phaim meic Thait meic Sera meic Srū: ḡ clanna Nemhid, .i. Gaileōin ḡ Fir Bolge ḡ Fir Domann [LGE-I, 166]. — *Было же восемь сыновей у Иафета, т. е. Магог, был он его восьмым сыном. Два же сына у Магога: Ибад и Баат. От Ибада же (пошли) правители Рима. Сын же Бата, Фениус Фарсайд, от него пошли скифы, от него же семья гойделов. От Ибада (пошли) франки, римляне, саксы, бритты и жители Альбана. От Магога, сына Иафета, сына Ноя — народы, которые захватили Ирландию прежде гойделов, т. е. Партолон сын Сера сына Сру сына Эсру сына Бриамина сына Фатехта сына Бата сына Магога сына Иафета сына Ноя: Немед сын Адномана же сына Птама сына Тата сына Сера сына Сру: потомство Немед и галейлены и Фир Болг и Фир Домнанн.*

Таким образом, первый раздел *Книги захватов* как бы подводит к следующему: появлению непосредственных предков современного населения Ирландии — гойделов, которые возводятся к Иафету, сыну Ноя. Причем гойделы оказываются родственными скифам, что в дальнейшем часто обыгрывается, и прародиной ирландцев считается Скифия (видимо от созвучности со словом скотты, как называли гойделов в латинской традиции).

2-й раздел. Странствия гойделов. Нель, сын Фениуса Фарсайда отправился на юг в Египет, однако из-за враждебности фараона он сам и его потомки пребывали там в рабстве. Нель умер, но перед этим получил корабли от сынов Израиля. На них его потомки и Скотта, дочь

фараона Нектанеба (откуда, якобы, и произошло название скотты) отправились на север и достигли Скифии. Потомком Неля был и Миль, который взял на себя управление походом. Из Скифии они отправились в Индию, обогнули ее и вышли к Каспийскому морю. Затем все двинулись на запад и через Понт, минуя Фракию, Дакию, Бельгию и Бургундию дошли до Гибралтара. После многих сражений с местными племенами они силой подчинили себе Испанию и там был основан город Браганца, который получил имя от Бреогана, сына Брата. В этом городе была построена высокая башня и именно с верхушки этой башни в ночь на Самайн (1 ноября) Ит, сын Бреогана, увидел вдали Ирландию и решил плыть на этот остров. Параллельно в этом же разделе рассказывается о том, как Гойдел Глас после распада языков и наций «изобрел» гойдельский язык. Раздел дополнен перечнем языков и народов.

3-й раздел⁵. Во всех редакциях *Книги захватов* этот раздел предвзят небольшим отступлением, в котором говорится, что от рассказа о гойделах следует перейти к повествованию о племенах и правителях, которые поочередно заселяли Ирландию: Кессар, Партолон, Немед, Фир Болг, Племена Богини Дану, гойделы. Сама Кессар (в некоторых версиях — внучка Ноя) отправилась в Ирландию, потому что ей не нашлось места в ковчеге. Как говорится во второй редакции:

ar ba döig lese dü na rāncatar döini ġam cossin ġ nach dērnad olc na him-murbus & ro sāerad ar bīastaib ġ mīchuirthib in domuin, combad sāer in dü sin ar dīlind [LGE, II, 184—186] — *ибо казалось ей, что земля, на которой еще не бывали люди до этого, где не совершалось ни зла, ни греха и которая свободна от монстров и гадов мира, будет эта земля свободна от потопа.*

Кессар приплыла к Ирландии на трех кораблях, но лишь один уцелел и смог пристать к острову, и было это за сорок дней до потопа. Вместе с ней на берег высадилось пятьдесят женщин и трое мужчин — Бит, сын Ноя (ее отец), Ламех (Финтан) и Ладра. Мужчины поделили жен между собой, но Ладра не выдержал такого обилия жен и умер от

⁵ В несколько беллетризованной форме рассказ о заселении острова различными племенами содержится в книге [Rees & Rees 1961], русский перевод см. [Рис 1999]. См. также своего рода «дайджест» в [Sjæstedt 1940: 4—18].

напряжения. И это была первая смерть в Ирландии. Спастись от небесных вод им так и не удалось. Воды потопа вскоре поглотили их, однако Финтан (сын Бохры) превратился в лосося и так спасся, чтобы потом, возродившись в человеческом облике, поведать всю историю о племенах, населявших Ирландию. Первая редакция говорит лишь о смерти Финтана и указывает место его могилы — возле Тул Туньде [LGE II, 182], тогда как вторая редакция заканчивается словами:

Is gabāil-sí trā Ceasra, nīss gabait aroile hison ngabālaib. Acht issiat fo-fuair Hērenn ar tūs. Acht ní tērna nech díb-seo uile, acht Findtān namā a āenur, ro bōi isind ūaim ós Tul Tuinni fo dílinn: ᵿ ro fuirig Dīa a anmain and, conidh hē ro innis gabāla Ērenn [GLE II, 194]. — *Вот завоевание Кессар, не числят же его другие среди завоеваний. Но это они открыли Ирландию первыми. Но не спасся ни один из них, лишь Финтан только в одиночку, был он в той пещере у Тул Туньде во время потопа. Сохранил Бог его душу, так что это был он, кто рассказал о захватах Ирландии.*

4-й раздел. Партолон. После потопа Ирландия была пуста триста одиннадцать лет (или, как полагают иные, тысячу лет и два года), пока у ее берегов не высадился Партолон, сын Серы, чья генеалогия возводится к Скотте. Он странствовал из Азии по всей Европе и из Испании приплыл в Ирландию, причем с ним было всего восемь человек (видимо — вождей). В тексте говорится также, что он попал в Ирландию, потому что был вынужден бежать после того, как убил своих отца и мать, и именно поэтому вслед за ним в Ирландию явилась чума (в тексте употреблено слово *taimlecht* ‘болезнь, мор, эпидемия’), призванная наказать того, кто совершил «убийство родича» (в тексте использован специальный юридический термин — *fingal*). Партолон и его спутники занимались вырубкой лесов, первыми стали ловить рыбу и охотиться, пахать землю, прокладывать дороги, варить пиво и строить дома. При них открывались новые озера и были многочисленные наводнения. На седьмой год их пребывания в Ирландии умер один из людей Партолона — Феа. Но до этого впервые «заявили о себе» также постоянно пребывающие в Ирландии, но как бы не считающиеся реальными людьми, фоморы, постоянные противники всех, кто заселял этот остров:

Isin treas bliadain iar sin, cēt chath Ērinn i flaith Parrtholōin, <...> fria Ciccul nGlicorchossach d’Omorachaibh. .i. fir con āen-chossaibh ᵿ con

āen-lāmaibh, .i. deamna co reachtaibh daine [LGE III, 12]. — *На третий год после этого, первая битва в Ирландии при правлении Партолона, против Кикюла Гликорхоссаха (Кривоногого?) из фомров, то есть мужей с одной ногой и одной рукой, то есть демонов в облике людей.*

На тридцатый год пребывания в Ирландии Партолон умер, и его четыре сына разделили остров между собой, и это было «первым разделом Ирландии». Однако вскоре, в день 1 мая, на Ирландию обрушилась эпидемия и все, приплывшие с Партолоном, а также их потомки (общим числом пять тысяч мужчин и четыре тысячи женщин) погибли.

В одной из редакций присутствует поэтический фрагмент, рассказывающий о том, как во время отсутствия Партолона (он ушел на охоту) его жена Делгнат изменила ему со слугой по имени Тоба. Партолон узнал об этом, когда, почувствовав жажду, стал пить пиво из золотого сосуда и ощутил на его краях вкус губ жены и слуги. Тогда в гневе он схватил любимую собачку жены и убил ее, и это было «первой ревностью в Ирландии». На это жена сказала ему, что вина лежит на нем самом, поскольку он оставил ее «один на один» со своим слугой:

Cid olc let a rád dam rit,
a Parthalón, dam be a cirt:
is misse in 't-áen re n-áen' ann,
im (am) sáer, dligim eneclann.

*Хотя зло по-твоему речь моя тебе,
О Партолон, будет мне этого право:
Это я «один на один»,
Я свободна, имею право на выкуп.*

Mil la mnāi, lemnacht la cat,
biad la fīal, carna la mac,
sāer istig ocus fāebar,
āen re n-āen, is ro-bāegal.
[LGE III, 68]

*Мед с женициной, молоко с кошкой.
еда с сильным, мясо с мальчиком,
мастер вместе с инструментом,
один на один — это очень опасно!*

И это было первым благим суждением, сказанным в Ирландии, и оно получило название «право жены Партолона».

5-й раздел. Племя Немед. Через тридцать лет после гибели людей Партолона в Ирландию прибыла третья волна завоевателей — Немед, сын Агномана, из скифских греков (do Grēcaib Scithīa) со своими четырьмя сыновьями. В поход отправилось по Каспийскому морю сорок четыре корабля, но достичь берегов Ирландии удалось лишь одному. Вскоре началась борьба с фоморами, во главе которых стояли короли-близнецы Ганд и Сенганд, погибшие в первой битве. В дальнейшем

Немеду удалось одержать еще три победы над фоморами и его народ первым в Ирландии начал строить крепости (gáith). Вскоре Немед умер (*do thám* — ‘от чумы’?), и фоморы вновь начали нападать на его сыновей. Не выдержав постоянных битв и требований платить дань, люди Немеды решили покинуть остров, причем сыновья его расселились по разным районам мира, в частности:

Bethach mac Iarbaneōil Fātha meic Nemid, dolotar a sīl an indsiḃ tuaiscertacha in domain do foglaim druidechta ḡ gendtlíuchta ḡ fessa diabuil, comtar eōlaig as cach ceird, ḡ itē Tūatha Dē Danann iarom. Ocus tāncatar dochum nĒrenn hī cind trichat bliadan ar dib cētaib iar scāiled HĒrenn. Bethach mac Iarbaneōil Fātha meic Nemid adbath cona dheichnibur fer an Ērinn, ḡ batar a ndĕcc mnā dia n-ēis iar na n-ĕcc tīt bliadna fichit, co fuaradar huile bāss [LGE III, 150]. — *Бетах, сын Иарбонеля Фата, сына Немеды, отправилось его семя (народ) на острова на севере мира, чтобы обучаться друидизму, и ворожбе, и дьявольскому знанию, так что были они сведущи в каждом ремесле и они были Племенами Богини Дану тогда. И они прибыли в Ирландию через двести тридцать лет после того, как покинули Ирландию. Бетах, сын Иарбонеля Фата, сына Немеды, умер с его десятью мужами в Ирландии, и были их десять жен после их смерти двадцать три года там, пока не умерли.*

6-й раздел. Фир Болг. Племя Фир Болг, прибывшее в Ирландию через двести лет, имело во главе пятерых вождей, а само делилось на три части — собственно Фир Болг, Фир Домнанны и Гайлеонины. Однако все они, будучи изначально потомками Старна, сына Немеды, образовали на острове подобие единого государства, которым управляли по очереди девять королей (в тексте приводятся их имена и обозначены сроки правления). Фир Болг поделили Ирландию на пять частей и, как говорит компилятор:

Conid i sin raind bias co brat for chuiccedaid Erenn, amail ro rainsid Fir Bolg [LGE IV, 12]. — *Так что этот раздел пребывает вовеки в пятинах Ирландии, так, как поделили ее Фир Болг⁶.*

⁶ И это действительно так. Исторические провинции Ирландии — Ульстер, Лейнстер, Коннахт и Мунстер по-ирландски называются «пятинами», хотя их всего четыре. Поиск пятой пятинны имеет давнюю историю в ирландистике. См. историю вопроса в наших работах [Mikhailova 2008; Михайлова 2009].

Но вскоре в Ирландию прибыли племена Богини Дану и победили Фир Болг в битве при Маг Туиред, хотя сами при этом понесли большие потери. Фир Болг были вынуждены покинуть остров и поселились на северных островках и жили там до тех пор, пока их не изнази пикты (ирл. Cruithne). Тогда они пошли к Кайрпре Ниа Фер, и он дал им землю, однако, наложенные им подати были столь велики, что платить их оказалась племени Фер Болг не по силам. Им пришлось обратиться за помощью к королю Айллиу и королеве Медб и те дали им убежище в своих землях. То есть, как мы видим, племя Фер Болг изображается уже как одно из племен, населяющих страну во времена Кухулина и Конхобара, т. е., согласно ирландской легендарной истории, в начале нашей эры (согласно *Анналам Тигернаха*, отражающим традиционное псевдоисторическое предание, Конхобар умер в 33 г. н. э.)⁷. Точнее, речь идет уже, естественно, не о самой волне завоеваний, а о том, что потомки данного племени, в отличие от предыдущих волн захватов острова, не погибли и не покинули его, а остались там, сосуществуя с представителями последующих заселений. Важно также, что компилятор *Книги захватов* постоянно подчеркивает генетическую близость составляющих это племя родов.

7-й раздел. Племена Богини Дану. Племена Богини представлены в тексте как потомки Бетаха, сына Иарбонеля Фада, сына Немеда, о которых в конце пятого раздела было сказано, что они отправились на северные острова учиться друидизму и магии. Тайное знание они получили в городах Фалиас, Гориас, Финдиас и Муриас. Кроме тайного знания, они получили там магические объекты, которые привезли в Ирландию: камень Лиа Фал, который кричал всякий раз, когда на него наступал ногой будущий король; копье Луга, которое приносило победу в битве; меч Нуаду, который поражал каждого, против кого был направлен; котел Дагды, от которого никто не отходил голодным. Прибыли они в Ирландию по воздуху на темных облаках, однако остров уже был занят племенами Фир Болг:

Cath no ġe conatchetar for Feraib Bolg. Fechta cath eturru, .i. cēt chath Maige Tuired [LGE IV, 108]. — *Битву или королевство (уступить) предложили они племенам Фир Болг. Была битва между ними, т. е. первая битва при Маг Туиред.*

⁷ См. об этом, например [Kelleher 1971; Toner 2000].

Королем Племен Богини был Наду, который во время битвы потерял руку, но его врач Диан Кехт сделала ему протез из серебра, от чего тот получил прозвище Airgetlam ‘среброрукий’. Через семь лет после победы над Фир Болг Племена Богини сами потерпели поражение от фоморов, во главе которых стоял Бресс, сын Эллады. Племена Богини восстали против фоморов и победили их в сражении, однако Нуаду погиб в этой битве. Тогда островом стал править Эохайд Всезнающий, он же Дагда, и правил он восемь лет. Далее перечисляются имена других королей с кратким комментарием о времени правления и обстоятельствах их гибели — Дельбаэт, Фиаха, а также короли Мак Куиль, Мак Кехт и Мак Грене, которые правили одновременно и поделили Ирландию на три части. И во время их правления на остров приплыли из Испании гойделы, и убили их, чтобы отомстить за смерть Ита, сына Бреогана.

Более пространная третья редакция *Книги захватов* после этого добавляет:

Иные же говорят, что Племена Богини Дану были демонами и что неузнанными явились они в Ирландию, а сами они говорят, что они прилетели на темных облаках и обладали большой ученостью и знанием, но темно их родство. И все же знали они поэзию и все ремесла. И вся темная магия и тайное знание и искусство хитрости, что есть в Ирландии, все это идет от Племен Богини Дану, и хотя и пришла в Ирландию истинная Вера, не исчезло это знание, в котором они были искусны. И сдается, что не были они демонами или сидами, потому что все видели, что выглядят они как простые люди и можно узнать их родство, а по приходе Веры все они погибли. А прибыли они в Ирландию в понедельник, 1 мая [GLE IV, 200—202].

8-й раздел. Сыновья Миля⁸. Этот раздел Книги захватов повествует о том, как гойделы приплыли в Ирландию из Испании⁹, вступили в

⁸ В виде отдельной саги этот раздел был переведен С. В. Шкунаевым, см. [Предания и мифы... 1991: 49—59]. В его переводе сильно сокращены и часто опущены поэтические фрагменты, дублирующие нарратив.

⁹ Тема заселения Ирландии из Испании является, как мы увидим ниже, для ученой псевдоисторической традиции необычайно стойкой, хотя, как может показаться, никаких серьезных оснований для этого нет. Современные исследователи, археологи и лингвисты обычно даже не рассматривают такой возможности всерьез, полагая, что заселение острова протогойделами могло

битву с фоморами и демонами (т. е. Племенами Богини Дану как пишет компилятор, отождествляя между собой все догойдельские племена, населявшие остров), как при помощи благих заклятий они смогли превзойти мудрость местных друидов и овладели Ирландией. Важное место в *Книге* занимает рассказ о том, как Ирландия получила свои имена — Банба, Фодла и Эриу — по именам богинь-покровительниц острова, которые по очереди встречались сыновьям Миля на их пути. Последняя, Эриу, обратилась к ним с приветственной речью:

— Приветствую вас, о воины! Давно уж провидели мудрецы ваш приход, и вам достанется этот остров до конца дней. Вовеки не найдется лучшего острова к востоку земли, и никогда не появится род достойней, чем ваш. [Предания и мифы... 1991: 54].

Далее в тексте, изобилующем топонимическими микропреданиями, говорится о том, как вожди сыновей Миля, Эбер и Эримон, поделили остров между собой на две половины — север и юг: власть над югом досталась Эммеру, а над севером — Эримону.

9-й раздел. Перечень королей (Reim Rigraide или Do flaihiusaib Erend). Первым королем, правившим Ирландией, компилятор называет Эримона, сразу таким образом выделяя Север как собственно средоточение законной власти над Ирландией. Его преемником называется Ириэль Фадь, его сын, которому затем наследует его сын — Этриэль, однако его убивает Конмаэль, сын Эбера (брата Эримона), о котором говорится, что он был «первым королем из мунстерцев».

Далее следует список из ста пятнадцати королей, правивших островом. О каждом говорится, сколько лет он правил, как он погиб, чем было знаменовано его правление, также иногда добавляются некоторые псевдоисторические или даже мифические детали. Все это уже — собственно история, имена этих королей можно найти и в *Анналах*, и в сагах так называемого «Королевского цикла», и в многочисленных

начаться либо из Британии, либо из Галлии (см. обзор, например, в [Koch 1991]). Однако недавние исследования состава ДНК Британских островов дают поразительные результаты: население Британии и Ирландии действительно уходит своими корнями в Иберийский полуостров, причем датируется их переселение примерно 4000 до н. э. (см. [Sykes 2007: 331]). Но в таком случае вряд ли это раннее население Ирландии могло быть гойдельским и даже кельтским.

исторических поэмах, также относящимся к периоду от X до XII вв., хотя в разных источниках эти же королевские сюжеты представлены, естественно, по-разному. Так, рассказ о гибели короля Конайре Великого, о котором повествуется в пространной саге *Разрушение Дома Да Дерга*, сведен к краткому сообщению:

Conaire Mór mac Etersceóil? sechtmoga bliadan i r-ríge hĒrenn co torchair i mBruidein Dā Derga; no combad an na sbíceadaig [LGE V, 300]. — *Конайре Великий, семьдесят лет в правлении Ирландией, так что погиб в Доме Да Дерга, и были там провинциальные (короли?)*.

Основатель династии Уи Нейллов, легендарный король Ниалл Девять Заложников, также упомянут довольно сдержанно, об истории его воцарения и обретения им Власти не сказано ничего, хотя, надо отметить, добавлена интересная деталь, касающаяся его посмертного существования:

Níall Noí-giallach, a sē fichit, co torchair la Eochaid mac Ēnnae Cennselraig ic Muir Icht. Do bretha a corp anair la firu Ērenn 7 in tan do bertis na hAllmarigh cath dhōibh, no togaibthe corp in rīg in ārda, 7 ro maidhed in cath roime tārthan [LGE V, 348]. — *Ниалл Девять Заложников, двадцать шесть (лет правления), пока не был убит Эохайдом, сыном Энны Кеннселаха у Моря Ихт. Его тело было принесено с востока мужами Ирландии, и когда чужаки напали на них, тело короля поднималось, и те проигрывали битву*.

Первым христианским королем¹⁰ назван Лойгайре, сын Ниалла (сто шестнадцатый), а завершается перечень Маэль Сехналлом (вторым), сыном Домналла, который называется последним верховным правителем Ирландии, после которого короли лишь правили «в своих областях». Их список также приводится в дополнении к компиляции и завершается упоминанием Диармайда Мак Мурхада¹¹ († 1171), а также Генриха, короля саксов, который временно «пребывал» в Ирландии:

¹⁰ В отдельный раздел их перечень не вынесен, однако сделана вставка о том, что во времена Лойгайре в Ирландию пришла вера.

¹¹ О смерти этого «проклятого» короля, который послужил причиной прихода в Ирландию англичан, компилятор говорит, что он «умер от неизвестной болезни, без колокола, без причастия».

Saxain do thidecht in hĒirind; hĒriu do lott dóibh [LGE V: 410]. — *Приход англичан в Ирландию; разграбление Ирландии ими.*

То есть дополнительные разделы *Книги захватов* были составлены уже после начала норманнского завоевания Ирландии, во второй половине XII века.

В нашем упрощенно-схематическом пересказе было пропущено много топонимических преданий, а также присутствующих в ранних разделах синхронистических таблиц, соотносящих историю Ирландии с мировой историей.

Анализ огромного материала, содержащегося в *Книге Захватов Ирландии*, представляет собой совершенно особую тему, вернее даже — несколько отдельных тем и сюжетов, как общих, так и частных. Так, ее можно рассматривать не только как псевдоисторический источник, но и как псевдомифологический, в котором собственно космогонический кельтский миф был искусственно заменен ветхозаветным преданием. В то же время в рассказах о Племенах Богини можно увидеть отголоски языческой традиции, реально бытовавшей в Ирландии в устной форме. Причем эти рассказы, как пишет Дж. Кэри, в оценке ирландистов «колеблются между двумя крайностями. С одной стороны, мы находим попытку Д'Арбуа де Жюбенвиля увидеть в ирландской псевдоистории хранилище кельтского мифа¹², тогда как на другом конце оси находятся исследователи, стремящиеся найти практически во всех составляющих ее элементах искаженные библейские мотивы¹³» [Carey 1993: 3]. Первый раздел, который как бы просто перелагает ветхозаветное предание, также интересен для исследования, поскольку в нем содержатся разного рода искажения и вставки-дополнения (например — традиционный рассказ о том, почему ворон черного цвета, имеющий параллели в многочисленных фольклорных преданиях разных народов¹⁴).

¹² Имеется в виду книга А. Де Жюбенвиля [D'Arbois de Jubainville 1892; 1904].

¹³ В работе дана ссылка на книгу К. МакКона «Языческое прошлое и христианское настоящее раннеирландской литературы» [McCone 1990].

¹⁴ Ср.: «Уже древнейшее сюжетное упоминание о вороне в вавилонском эпосе о Гильгамеше связывает его с мифом о всемирном потопе: Утнапишти посылает из ладьи (на которой он спасается от потопа) последовательно ласточку, голубя и ворона, чтобы узнать, обнажилась ли суша. Первые две

Особую тему представляют и соотнесение разных редакций текста, и анализ включенных в него стихов и их датировок. Собственно «исторические» разделы также дают богатый материал для сопоставления с данными *Анналов* и выявления разного рода противоречий. Всего и не перечислить, однако сейчас нас скорее интересует сам факт появления этой громоздкой и противоречивой компиляции, причем именно как памятника культуры среднеирландского периода.

Соотнесение отдельных фрагментов *Книги* с данными *Анналов*, которые, как мы пытались показать выше, также в основном окончательно оформились именно в XI в., но также в качестве источника имели более давнюю традицию, демонстрирует иногда настолько близкое сходство, причем не только на уровне «исторического материала», но и на уровне собственно текстуальном, что это заставляет предположить наличие некоего одного не дошедшего до нас, но, несомненно, письменного источника. Например:

птицы возвращаются, не найдя сухого места, а ворон не возвращается — свидетельство того, что он обнаружил сушу. В библейском описании потопа (восходящем к вавилонскому) ворон не вернулся, а посланный затем голубь прилетел с листом оливы, т. е. в полном отличии от вавилонской версии ворон выступает как дурной вестник, а голубь как хороший. Эта же трактовка становится ярче в поздних еврейских (постбиблейской) и мусульманской традициях. Ной проклинает ворона, делая его черным, и благословляет голубя» [Мелетинский 2000: 246]. Компилятор третьей редакции *Книги захватов* предлагает новое решение темы, практически лишенное логики: «На сороковой день Ной открыл ковчег и выпустил ворона и тот не вернулся. Семь дней спустя он выпустил голубя, и закрыл за ним окно из-за ветра. И голубь вернулся, ибо не нашел сухого места, где мог бы сесть. Но стал он биться в окно ковчега, а то было закрыто, тогда голубь начал бить в стену кловом, и Ной протянул руку и впустил его внутрь. Потом он вновь выпустил голубя еще через семь дней, и тот вернулся вечером с веткой оливы со свежими листьями. И Ной благословил его и проклял ворона, так что тот навеки стал черным, а голубь стал белым, а ранее ворон был белым, а голубь черным» [LGE 1938: 120]. Не понятно, почему не вернулся ворон и где он мог сесть, если земля еще была покрыта водой.

<p>LGE-LL Secht mblíadna do Partholón in Hēirind in tan atbath in cēt fer dia muntir .i. Fea, diatā Mag Fea; ūair is and ro hadnacht, i m-Maig Fea [LGE II: 268].</p>	<p>LGE-R³ Secht mblíadna iar ngabáil Hērenn do Partholón, atbath in cēt fer dia muindtir .i. Fea mac Tortān maic Srū meic Esrū, brathair athar do Partholón ᵹ is an ro adhnacht in Olbrihb Maige Fea ᵹ uadha ráitear Maigh Fea [LGE III: 12].</p>	<p>CS Sect mblíadna iar ngabail Erenn do Parrtalon co ndearbailt an ced fer da muintir .i. Fea a ainm; as ann ro hadhnacht a Muigh Fea conidh uaidh ro hainmniccedh [CS: 4].</p>	<p><i>Через семь лет после взятия Ирландии Партолоном умер первый муж из его людей, по имени Феа, откуда (говорится) Долина Феа, потому что он был похоронен в Долине Феа.</i></p>
---	--	--	--

Но еще раз хочу повторить: *Книга захватов Ирландии* как текст *не* являет собой законченного и стройного нарратива с поэтическими вставками, подобного ирландским сагам и даже сжатым и сухим Анналам. Поэтические фрагменты в ней часто непропорционально велики, дублируют прозу (вернее, проза дублирует поэзию), сами разделы часто повторяют друг друга и даже друг другу противоречат, что, возможно, свидетельствует о том, что над этой компиляцией работало несколько рук. Когда в 1956 г. вышел последний том, подготовленный Р. Макалистером, другой известный кельтолог, М. Диллон, оптимистически писал, что «полное издание наиболее ранней редакции с переводом и новым предисловием будет простым и очень желанным делом» [Dillon 1956: 72]. Действительно, казалось бы, издание текста по рукописи «Лейнстерской книги» не составляет проблемы (особенно — после академического издания манускрипта в 1954 г., см. [Best, Bergin 1954]). В 1993 г. Джон Кэри писал, что он сам собирается подготовить отдельное издание Первой редакции *Книги захватов*, во многом базируясь на материалах своей кандидатской (doctoral) диссертации, защищенной в Гарварде в 1983 г. Однако до сих пор это издание так и не увидело света и вряд ли оно появится в ближайшее время, и по-прежнему замечательное пятитомное издание Р. Макалистера, которым он зани-

мался практически всю жизнь¹⁵, остается единственным источником ирландской псевдоистории. Его издание хорошо своей логикой размещения материала с соотнесением рукописей, разделением редакций и вынесением стихотворных фрагментов в конец каждого раздела, что соответствует логике современного восприятия материала. Но, как мы понимаем, логика компилятора XI (XII ?) века была несколько иной, чем этот памятник и интересен дополнительно. Необычайно важным и ценным дополнением к изданию Р. Макалистера можно назвать выпущенный в 2009 г. дополнительный, шестой том *Книги захватов*, составленный П. О'Рианом (см. [Ó Riain 2009]). Он содержит указатель имен собственных (включая патронимы) и географических названий с соответствующими отсылками к томам Макалистера, что значительно облегчает работу с текстом в целом.

Дж. Кэри полагает, что основными источниками для компиляции послужили написанные в XI веке исторические поэмы, авторство части которых было известно (к ним отсылает и прозаический текст *Книги захватов*) и которые затем были помещены в прозаический текст (точнее, проза послужила как бы их обрамлением). Точнее, речь идет о четырех поэтах: Эохайд Уи Флань (936—1004), Фланн Манистрах мак Эхтигрин († 1056), Танайде († 1075?) и Гилла Коэмань мак Гилла Хамтайнне (конец XI в.). В недавней работе М. Скоукрофта также содержится предположение, что изначально «текст Книги захватов представлял собой поэтическую компиляцию в основном двух поэтов — Эохайда Уи Фланя и Гиллы Коэманя» [Scowcroft 2009: 8]. Наверное, к ним следует добавить также ряд поэтов-историков, чьи имена не сохранились и стихи которых в тексте приписываются легендарному Финтану или вообще остаются принципиально анонимными (ut poeta dixit...). Более того, М. Диллон, ссылаясь на мнение Р. Турнейзена, высказанное еще в 1913 г. (см. [Thurneysen 1913]), полагал, что источником всей компиляции послужила историческая поэма Гиллы Кэманя [Dillon 1948: 52]. Действительно, его поэма *Gäedel Glas ótat Gäedil, / mac-side Niüil nert-mäinig...* [LGE I: 90] (*Гойдел Глас, от кого Гойделы / был сыном Нела могучего...*, всего 43 строфы) кратко пересказывает основные этапы предания о странствиях гойделов и имеет достаточно патриотический пафос. Однако, на наш взгляд, не меньшего внимания

¹⁵ Кроме предисловия Дж. Кэри, о работе Макалистера над изданием Книги захватов см. также ироничный очерк Джозефа Флайва [Flahive 2009].

заслуживает с данной точки зрения и поэма, автором которой обозначен Эохайд Уи Фланн: в ней 78 строф и она также суммарно, по сути, пересказывает все содержание *Книги*. В ней также содержится рассказ о возрождении Финтана в человеческом облике — в виде Туана, сына Кайриля, о чем не сказано в собственно прозаическом тексте.

Вряд ли здесь вообще можно говорить о каком-то одном источнике и даже о нескольких авторских и анонимных поэмах, поскольку содержащийся в *Книге захватов* материал в той или иной форме всплывает в гораздо более ранних памятниках, причем не только собственно ирландских. Так, возведение гойделов к сыновьям Миля испанского присутствует в ранних генеалогиях, в частности — в генеалогической поэме о короле Лейнстера Катале Ку Кен Матарь («Пес-без-матери»), правившего в середине VII в., которая датируется древнеирландским периодом. В поэме Маэль Муры из Отана († 887) *Can a mBunadas na nGáedel* («О происхождении гойделов») уже приводится знакомая нам схема, причем там начинает фигурировать Нель, сын Фениуса Фарсайда, выходца из Скифии, и Скотты, дочери фараона, бежавших из Египта по мнению К. МакКона мотив, ставящий прото-предка гойделов в один ряд с Моисеем и, видимо, легендой о нем и порожденный (см. [McCone 1990: 68]).

Примерно такой же, но значительно упрощенный и краткий рассказ о происхождении «скоттов» и заселении Ирландии мы находим в трактате Ненния¹⁶ (конец VIII в.) *История бриттов*, где ему отведен целый раздел: «Об испытанном скоттами или о том, когда они завладели Ибернией»¹⁷:

Последними прибыли скотты в Ибернию из испанских земель. Первым с тысячей мужчин и женщин прибыл сюда Партолон, и численность этих скоттов возросла до четырех тысяч, но потом напала на них моровая язва, и все они в одну неделю погибли, так что никто не остался в живых. Вторым прибыл в Ибернию некий Нимет, сын Агномина, который, как говорят, плыл по морю полтора года. Но так как его лады были разбиты, он высадился на сушу в Ибернии и пребывал там мно-

¹⁶ О проблематичном авторстве *Истории бриттов* и ее более ранних источниках см., например, [Koch 2006: 925—928].

¹⁷ Русский перевод и комментарии см. в [Гальфрид Монмутский 1984: 174—176]. Трактат Ненния помещен в качестве приложения к изданию.

гие годы. Но снова пустившись со всеми своими в плавание, он возвратился в Испанию. Затем сюда прибыли три сына испанского воина...

Последним Ненний называет некоего Дамкохтора, что, как принято считать, является результатом его неверного прочтения ирландского *dam-ochtar* — «восьмером», однако ошибка эта очень показательна, т. к. свидетельствует о наличии уже в VIII веке некоей письменной прото-редакции истории завоеваний Ирландии, причем на ирландском языке. Мы не уверены в том, что британец Ненний владел ирландским, скорее — он мог пользоваться неким латинским текстом, составленным писцом, по непонятной причине включавшим в текст ирландские слова (ср. однако макаронические записи в *Анналах*). Наличие латинского текста предполагал и Р. Макалистер, считавший, что им была книга *Liber Occupationis*, упоминаемая в одной из рукописей второй редакции¹⁸. Причем, как он верно отмечает, ирландское название всей компиляции — *Lebor Gabála Éirenn* — точнее было бы переводить не множественным, а единственным числом: «Книга захвата (взятия)», и этим базовым «захватом» он полагал рассказ о заселении острова предками гойделов, которых компилятор проторедакции возводит к Ною и которым он придает множество черт, сходных с библейскими «сынами Израиля» (откуда и «сыновья Миля») [LGE I: xxvii—xxviii]. Это мнение затем было оспорено М. Скоукрофтом в его фундаментальном исследовании «Книга захватов Ирландии — развитие текста и развитие традиции» [Scowcroft 1987; 1988]. Употребление единственного числа он предлагает считать «адъективным генитивом, что позволит перевести название *Книги*, подобно древнеисландской *Landnamabók*, как «Захвата-книга» [Scowcroft 1987: 100].

Отметим также, что в *Глоссарии* епископа Кормака Мак Куленнана († 908), написанном в самом начале X в. не только упоминаются многочисленные персонажи из *Книги захватов* (в основном, из Племена

¹⁸ Еще в 1913 г. аналогичное мнение было высказано и голландским ученым Г. Ван Хаммелем, который в письме к Э. Мак Нилу отмечал: «Книга захватов написана не одним автором и не в одно время. Несомненный факт наличия латинской версии, известный и Неннию» (цит. по [Jaski 2009: 48]). В данной работе Б. Яски содержатся необычайно интересные наблюдения, относящиеся к ранней латинской ученой традиции, в которой находятся параллели к *Книге захватов*, однако обзор этих памятников выходит за рамки нашего очерка культуры среднеирландского периода.

Богини Дану), но и пересказывается очень кратко предание о том, как Ирландия получила свои имена:

Tres enim errant regine .i. Ēre et Fōtla ⁊ Banba. Lege Gabala Ērend si uis plenius scire [Sanas Cormaic 1913: 110]. — *Значит было три королевы: Эйре, Фодла и Банба. Читай Захваты Ирландии, если хочешь полное узнать.*

Как кажется, употребленный Кормаком глагол «читай» ясно отсылает к письменному существованию традиции, к рукописи, существовавшей в конце IX — начале X в., однако процитированное им же ирландское название этого текста предполагает, что либо к этому времени уже был сделан перевод латинского источника, которым мог пользоваться Ненний, либо что на базе той же традиции, существовавшей в начале в форме устного предания, была сделана некая письменная фиксация.

Кроме того, часть сюжетов *Книги захватов* встречается в ряде саг, которые датируются еще древнеирландским периодом, но которые как бы примыкают к данной компиляции, как правило, более пространно и детально описывая те же события. К ним следует отнести, например, среднеирландскую сагу *Установление владений Тары*¹⁹, где фигурирует Туан мак Кайриль, он же Финтан, «самый старый человек в Ирландии»:

Долгая жизнь моя ныне слабеет,
дряхлость мне больше идти не дает,
обличье свое теперь уж не изменю,
я Финтан, сын Бохра.

Целый год был накрыт я потопом,
во власти небесной Творца,
потом еще тысячу лет я отрадных
после потопа один был...

Более ранняя версия предания о Тауне содержится в саге *Повесть о Туане, сыне Кайриля*, в которой рассказывается о том, как он единственным уцелел после потопа, много лет жил в разных обличьях, а

¹⁹ Русский перевод см. [Предания и мифы... 1991: 75—86], издание [Best 1908—1910: 121—172].

затем в виде лосося был съеден женой Кайриля, от чего она зачала и родила сына Туана, воплощение Финтана²⁰.

В то же время существуют пространные саги, повествующие о битвах при Маг Туиред: первой — о битве Племен Богини с Фир Болг²¹ — и второй — о победе Племен Богини над фоморами²². Эти версии гораздо полнее, имеют более отчетливую саговую форму и в *Книгу захватов* собственно не входят, хотя отдельные поэтические фрагменты могут найти свои параллели.

Принимая за исходную точку собственно компиляции исторические поэмы XI в., авторские и анонимные, не следует забывать о том, что среди помещенных в текст поэтических фрагментов встречаются и отдельные более архаические, например — заклинания Аморгена в разделе о сыновьях Миля, а также ряд других. Таким образом, говоря суммарно, источником компиляции конца XI века послужила собственно вся псевдоисторическая традиция Ирландии, сложившаяся к этому периоду и бытовавшая как в устной, так и в письменной форме, как в прозе, так и в поэзии, как на латинском языке, так и в ирландском варианте, как в нарративной форме, так и в виде кратких преданий, например, топонимических, получивших название *Dinnshenchas* — *Старина мест*. Неудивительно, что попытка составить соответствующую стемму источников и редакций *Книги захватов* привела М. Скоукрофта к поистине безумной схеме (см. рис. 10).

Среди примыкающих к *Книге захватов* текстов мы хотели бы также отметить среднеирландскую сагу *Видение призрака* (*Baile in Scáil* [Muirgá 2004]). Этот краткий среднеирландский нарратив²³ повествует о том, как верховному королю Тары Конну Ста Битв под стенами Тары открылся в тумане путь в иной мир, ступив куда, он оказался в странном доме, где его приветствовала девушка, сидящая на хрустальном троне (традиционный для Ирландии символ Власти). На золотом троне перед ней сидел призрак, назвавшийся Лугом, сыном Эллаты. В состоянии пророческого вдохновения Луг пропел песнь о королях, которые будут править после Кона, и какие победы они одержат, причем

²⁰ См. публикацию текста, а также его анализ в [Carey 1984].

²¹ Издание см. [Fraser 1916].

²² Русский перевод см. [Предания и мифы... 1991: 33—48].

²³ Авторство окончательной, расширенной редакции приписывается историку и поэту конца XI в. Дуб Да Лебе († 1064), см. [Dillon 1946: 11].

этот перечень запомнил поэт Кона Кесарн и затем записал этот список огамом на четырех палочках из ясеня. Собственно говоря, ради этого псевдопророческого перечня правителей этот саговый нарратив и был составлен. Список включает в себя примерно 50 королей, причем их перечень и указанное время и срок правления почти полностью совпадает с *Перечнем королей* в *Книге захватов*, что в общем и не удивительно, так как оба текста опирались уже собственно на историю и на *Анналы*. Время составления саги также датируется примерно 1022—1036 гг. (см. [Herbert 1992: 273]; см. об этом также в разделе о королевских сагах).

Stemma: the recensions of *LG*

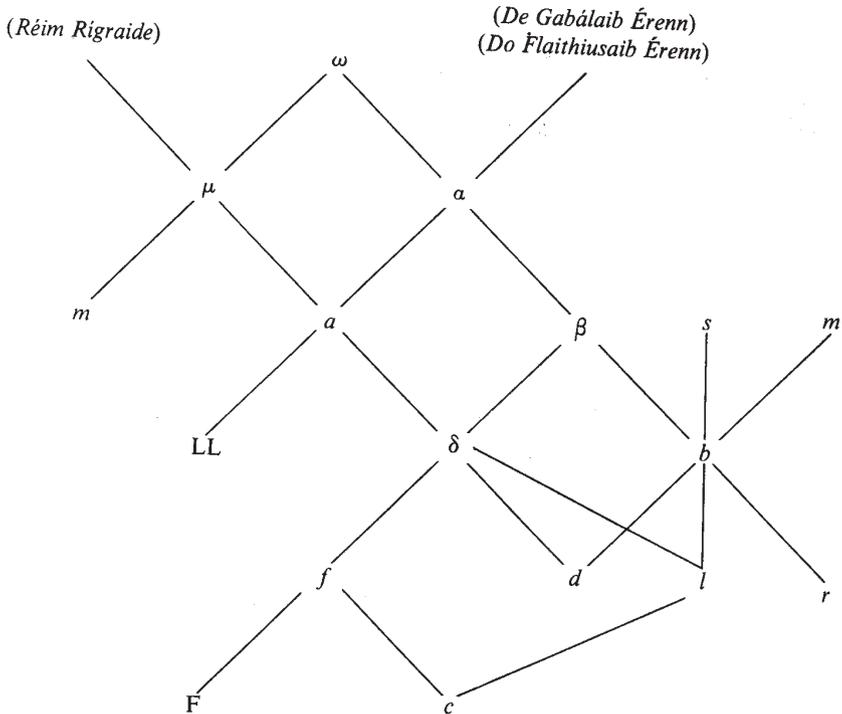

Рис. 10

Говоря о предполагаемых *целях* компиляции *Книги захватов*, Т. О'Рахилли пишет, что «без всякого сомнения одним из главных мотивов, которые подвигли *literati* на создание этой компиляции, было желание объединить в единую нацию страну при помощи уничтожения памяти о различных этнических принадлежностях народов, заселявших остров» [O'Rahilly 1946: 194]. Это утверждение кажется нам странным. Во-первых, к середине XI века Ирландия была уже давно и полностью гойделизована и даже северо-восток, Ульстер, сохранявший свою этническую негойдельскую идентичность дольше других районов, тоже уже давно стал частью пусть не единой политически и административно, но безусловно — унифицированной культурно и лингвистически Ирландии. Во-вторых, описание разных племен, последовательно заселявших страну, как раз, напротив, должно было бы послужить для увековечивания памяти о разных этносах, заселявших Ирландию (см., например, элементы подобного анализа в [Mac Neill 1919: 61—97]). Но, повторяем, к середине XI века эта проблема актуальна уже не была.

Определение цели компиляции *Книги захватов* должно соотноситься с предположительным уточнением времени ее создания. Ссылаясь на Р. Турнейзена, О'Рахилли предполагает, что временем окончательной компиляции *Книги захватов* было правление Руайдри Уа Конхобара († 1198), «последнего законного и независимого верховного короля Ирландии» [O'Byrne 2005: 466], что вполне соответствует упоминаниям последних королей перечня и связанных с ними событий. Но вспомним слова Дж. Кэри о том, что компиляция была составлена в конце XI века! По мнению М. Скоукрофта, временем начала составления компиляции все же следует считать годы правления Маэля Сехналла II († 1022), тогда как в дальнейшем к ней были добавлены упоминания о последующих правителях²⁴. Причем исходной точкой собственно компиляции он считает поэму Фланна Манистрах, в которой содержится список королей и которая затем была превращена в прозаический нарратив анонимным компилятором, если не самим Фланном [Scowcroft 1987: 131]. Таким образом, если для современного читателя *Книги захватов Ирландии*

²⁴ Фр. Бирн полагает, что версия Лейнстерской книги, т. е. самая ранняя, была составлена чуть ли не указанию короля Диармайда Мак Мурхада, который был «вовсе не безразличен к традициям своих предков» [Бирн 2006: 309].

наибольший интерес представляют разделы, посвященные мистическим племенам, заселявшим остров, и связанным с ними чудесами, для компилятора XI века, как и для его позднейших последователей, главными были — перечень королей, возводивший правителей Ирландии к Ною, и рассказ о странствиях гойделов до их воцарения в Ирландии. Иными словами, цель компиляции определялась и временем ее создания: это было проявлением самоосознания исторической идентичности после освобождения от викингов в начале XI века, но накануне норманнского завоевания середины XII, положившего конец собственно Ирландии как автономного государства. Конечно, компилятор еще не знал, что ждет его страну в самое ближайшее время, но, видимо, наличие сильной королевской власти в завоеванной норманнами Англии в столь опасной близости от его родины заставляло его смотреть в будущее с обоснованной тревогой.

Осмысление Библейской традиции: *Псалтырь строф* и другие трактаты (несколько наблюдений)

Значительным шагом в развитии автохтонной ирландской традиции послужили переложения на ирландском языке библейских преданий о сотворении мира (в самом широком смысле), написанные уже не на латыни с ирландскими глоссами, но на ирландском языке того времени. Текст-источник, которым являлся перевод *Вульгаты* св. Иеронима в данном случае, как правило, значительно расширялся, уточнялся, комментировался, во многом при поддержке уже существующих авторитетных сочинений Августина, Исидора Севильского и многих других толкователей священной истории, хорошо знакомых ирландским *literati*. При этом в этот материал могли добавляться как местные традиционные предания, так и мотивы, составляющие огромный аморфный фонд «бродячего» фольклорного материала. Естественно, в изложение «событий» священной истории добавлялись и мотивы из апокрифической традиции, широко бытовавшей в Средневековье в ученых кругах Западной Европы. Часто отчленить одно от другого оказывается не так просто. Собственно ирландская традиция в текстах данного типа часто оказывается как бы практически не заметной, естественно — в разной степени, но тем и интересно ее вычленение.

Как мы понимаем, основной задачей данных трактатов было осмысление мировой истории, начинающейся, естественно, с истории библейской и от сотворения мира, затем — соотнесение данных мировых событий уже с историей местной, гойдельской. В таких компиляциях как *Книга захватов Ирландии*¹ удельный вес библейской истории по сравнению с описанием заселения острова оказывается сравнительно небольшим, тогда как среднеирландский поэтический

¹ См. подробнее о ней в соответствующем разделе.

трактат *Псалтырь строф* практически целиком оказывается посвященным переложению Ветхого Завета и лишь отдельные вкрапления и фрагменты содержат упоминания о локальных событиях. Почти то же можно сказать и о небольшом прозаическом тексте, дополняющем так называемый *Псевдоисторический пролог к собранию законов Великая старина*, который в основном посвящен истории взаимоотношений святого Патрика с оппозиционным к новой вере королем Лойгайре и установлению в Ирландии «истинного закона». Исследователи, как правило, оставляют вне рассмотрения следующий за этим описанием краткий рассказ о сотворении мира², который далеко не полностью автоматически воспроизводит библейскую традицию, но содержит ряд черт, в которых можно увидеть отголоски местной традиции. Интересен с данной точки зрения и небольшой трактат *Шесть веков мира* (*Sex Aetates Mundi*), имеющий множество параллелей в средневековой западноевропейской традиции в целом³.

Трактат *Шесть веков мира* (в традиционном сокращении — SAM) восходит к традиции Блаженного Августина, который в тексте *Об обучении оглашенных* писал о том, что Бог создал мир за шесть дней, а на седьмой — отдыхал. Отсюда идея вычленения шести периодов священной истории собственно человека и всего людского рода. Так, он выделял «века»: 1. от Адама до Ноя, 2. от Ноя до Авраама, 3. от Авраама до царя Давида, 4. от Давида до Вавилонского пленения, 5. от Вавилонского пленения до прихода Иисуса Христа, 6. от Христа до нашего времени. Данное членение времени, истории, было широко распространено в западноевропейской ученой традиции раннего Средневековья и на Британских островах, в частности, найдя воплощение в трудах Беды и отчасти проявившись в *Беовульфе*. Определенную роль, естественно, в развитии островной традиции сыграли и труды Исидора Севильского⁴. Трактат SAM в ирландской традиции сохранился в нескольких рукописях и нескольких редакциях. Самая ранняя, прозаическая и неполная (видимо — сокращенная изначально), содержится в рукописи «Книга

² См., например, комментированный перевод Пролога в [Carey 1998: 139—144].

³ Анализ отдельных фрагментов указанных сочинений, в частности — трактовке описания грехопадения и предания о Потопе, было посвящено дипломное сочинение [Николаев 2008].

⁴ Подробное изложение источников см. в [Tristram 1985; Carney 1955a].

Бурой коровы» (ок. 1100 г.), более пространная прозиметрическая редакция сохранилась в рук. Rawlinson B 502 (XII в.), в «Желтой книге Лекана» (XIV—XV вв.), а также в нескольких более поздних переложениях. Ирландские компиляторы придерживаются в своем членении истории традиционной трактовки и выделяют указанные «шесть веков», однако обращает на себя внимание противоречивое и, что наиболее интересно для нас, специфически локальное осмысление происхождения местных мифологических персонажей — лепроханов и фоморов. Согласно *Книге Бытия*, причиной Потопа стало желание Бога истребить людей, «ибо велико развращение человеков на земле». Однако традиция апокрифическая, в нашем случае засвидетельствованная и в *Книге захватов Ирландии*, и в SAM (в разных редакциях), в качестве основного побуждения к Потопу называет стремление Бога очистить мир от монстров, появившихся в результате браков потомков Сета и дочерей Каина, проклятого Богом за убийство брата. Широко известно, например, что «потомками Каина» в *Беовульфе* называются Грендель и его мать — водяные чудовища. Именно эта версия содержится и в *Книге Захватов*:

Conad airi sin ro geinsit fomorag ꝥ lupruganaig ꝥ cach egosc dodea ibda torothorda ra bai for dainib an domuin ria ndilind [Macalister 1938: 106]. — *Так что породили они фоморов и лепроханов и всех монстров, а также тороторов, которые были среди людей на земле до Потопа.*

В этой, относительно поздней редакции *Книги захватов* присутствует интересная глосса, добавленная, видимо, при очередном переписывании текста: «Говорят же другие, что не от этого они появились, а все они — потомство Хама».

Действительно, упоминание о происхождении монстров именно от Хама содержится и в разных редакциях SAM. Само по себе, оно, естественно, «анахронистично» даже для апокрифической традиции: если Бог захотел уничтожить монстров, родившихся от Каина, и это ему удалось ценой гибели всего человечества за исключением Ноя и его семьи, то каким образом их прародителем мог называться Хам, сын спасшегося от Потопа Ноя?⁵ Интересно к тому же, что в более полных редакциях SAM содержатся обе версии одновременно, что, видимо, не

⁵ Кроме того, рассуждая «рационально», мы можем предположить, что водяные монстры, включая Гренделя и его мать, живущих на дне озера, во время Потопа и не должны были пострадать, как и рыбы.

ощущалось компилятором как противоречие. Отметим, однако, что в одной из поздних версий (так наз. SASM, *Sex Aetates sunt Mundi*) после описания и перечисления монстров, родившихся от Хама, поздним переписчиком было добавлено:

Conid he sin bunad na torothur 7 ni do sil Chain doib amail ad-fiadat Goidil [Tristram 1985, 222]. — *Так что это есть появление тороторов, а не от семени Каина они, как считают гойделы.*

Если намеренно подойти к истории происхождения монстров в ее апокрифическом изложении, то окажется, как это ни странно, что традиция ирландская никакого противоречия не содержит. Точнее, оно может содержаться внутри одного текста, если понимать его в одной парадигматике — библейской, точнее псевдо библейской. На самом деле при компиляции текстов подобного рода происходит автоматическое интертекстуальное наложение нескольких традиций, находящихся по отношению друг к другу, казалось бы, в дополнительном распределении. Компилятор либо принимает библейскую историю, либо фиксирует местные предания, которые, как мы полагаем, вставляя на самые позитивистские основания, во многом сформировались под впечатлением широко находимых на Британских островах останков гигантских доисторических рептилий. Более того, в качестве своего рода мифологического фона для составителя постоянно присутствовали как местные, так и ученые латинские (и греческие) предания о существовании разного рода монстров⁶, причем не в каком-то до-потопном прошлом, но «здесь и сейчас». Но если принять концепцию, что эти монстры были порождениями дочерей Каина и погибли во время Потопа, то их присутствие на земле в более позднее время также должно потребовать какой-то интерпретации, каковой и явилось их возведение к другому проклятому персонажу — Хаму.

Однако в данном случае нас интересует не этот факт, а само осмысление и название библейских монстров при помощи местных обозначений фольклорных персонажей, демонстрирующее удивительную «проницаемость» традиций: ученой, опирающейся на латинские трак-

⁶ Отчасти они же были подробно описаны Исидором Севильским. Средневековые бестиарии также полны описаниями и изображениями подобных чудовищ. Но это уже особая тема.

таты, и фольклорной, видимо, отчасти уходящей корнями в местные предания.

В позднем ирландском фольклоре лепроханы изображаются как своего рода карлики, которые живут в лесу, носят зеленую одежду и красный колпак и заманивают в лес путников, а также любят разыгрывать людей (см. [Briggs 1977: 264]). Кроме того, лепроханы считаются отличными сапожниками, которые шьют обувь для других фэйри. Это поверье, видимо, связано с рэтимологизацией самого их названия: из *leith bhrogan* ‘половину обутой’, то есть сами лепроханы обычно носят лишь один ботинок. Другая, также, возможно, народная этимология этого названия указывает на малый рост этих существ: *lí chorpán* ‘меньше телом’. Согласно данным Словаря ирландского языка (DIL), наиболее ранней формой лексемы является форма *luchorpán* (она же встречается в некоторых редакциях SAM). Возможно, именно эта этимология окажется наиболее близкой к истинной, если мы примем теорию Дж. Карни, который в указанной работе предлагает соотносить ирландских монстров с описанными в XI книге *Этимологий* Исидора Севильского чудовищами и диковинными существами. Так, по его мнению, лепроханы (точнее — лукорпаны) оказываются ирландским осмыслением описанных в разделе 3 карликов, *pannes*, о которых Исидор говорит, «что у них необычайно малое тело» и что «греки называют их пигмеями» (см. [Carney 1955: 106]). Но принятие этой теории (и этимологии), как нам кажется, автоматически должно привести к идее, что в данном случае мы имеем дело не с включением в список библейских монстров локальных представителей низшей мифологии, но с самим зарождением новой «мифологемы» — появлением в списке ирландских сверхъестественных существ «малых телом» карликов, обязанных своим появлением знакомству ирландских ученых-книжников с трудами Исидора Севильского (нач. VII в.) и других авторов. И фольклорные лепроханы, таким образом, окажутся вторичными, искусственными созданиями, перешедшими в народные поверья со страниц старых рукописей.

Самым ранним упоминанием лепроханов (в форме *lúchorpáin*) считается эпизод из саги *Приключение Фергуса, сына Лейте*⁷, датируемой, предположительно, VIII в. (см. [Binchy 1952: 45]). Герой саги, правитель уладов, Фергус засыпает на берегу моря и, воспользовав-

⁷ Русский перевод см. [Предания и мифы... 1991: 171—172].

шись этим, на него нападают три лепрохана (в интерпретации С. Шкунаева — «водяные демоны», в трактовке Ж. Борч — «карлики» [Borsje 1996: 22]) и тащат его в воду. Фергус проснулся, схватил лепроханов за руки и потребовал, чтобы они в качестве выкупа за жизнь дали ему траву, при помощи которой можно ходить по дну морей, рек и заливов. Таким образом, казалось бы, не совсем верный перевод С. Шкунаева оказывается в чем-то оправданным: описанные существа не только малы ростом, но и связаны с водной стихией, что в тексте *Этимологий* Исидора никак не прочитывается. Однако, говоря строго, мы не можем с уверенностью говорить ни о том, какое точно значение имело это слово в указанном тексте, ни о том, что оно сохранило его в тексте SAM.

В принципе, возведение и самого обозначения, и мифологического образа к раннесредневековой ученой традиции представляется возможным, однако этой идее все же, как кажется, противоречит упоминание в этом же списке монстров других существ — фоморов. О фоморах в ирландистике существует богатая литература, но однозначной трактовке эти существа не поддаются (см. [Koch 2006: 762]). Так, с одной стороны, они изображаются как великаны, у которых к тому же только одна рука, одна нога и один глаз (вторая их половина, как принято считать, находится в ином мире и не видна), с другой — они могут описываться как прекрасные обликом, умелые воины. Битве фоморов с Племенами Богини Дану посвящена сага *Битва при Маг Туиред* (примерно IX в.), где они имеют четко выраженный антропоморфный облик. Их происхождение и появление в Ирландии не ясно, как кажется, они, олицетворяя хтоническое начало, пребывали там всегда. Форма *fomóire*, как пишет В. П. Калыгин, является поздней, которая стала возможна «после лабиализации *ā* в IX в., а форма с *ō* возникла в результате народно-этимологического сближения с *mór* ‘большой’» [Калыгин 2006: 88]. Таким образом, уже в среднеирландский период, но не ранее, следуя его логике, могла возникнуть интерпретация названия мифологического персонажа как «большие», т. е. гиганты, великаны. Из такой интерпретации исходит и Дж. Карни, который в указанной работе предлагает соотносить ирландских фоморов с великанами, описанными Исидором Севильским:

Portenta igitur vel portentuosae existunt alia magnitudine totius corporis ultra communem hominum modum, quantus fuit Tityon in novem iugeribus iacens, Homero testante. — *Существуют же чудовища поистине чудо-*

вищные, отличающиеся огромными размерами всего тела, превышающие в том людей, каким был и Титан, простертый на девять югеров,⁸ как свидетельствует Гомер.

Однако сама лексема, видимо, более ранняя и изначально имела форму *fotoire*, каким-то образом соотносимую с *tuir* ‘море’ либо с демоном *mara*, широко известным в и.-е. традиции. Но при этом, по мнению Дж. Кэри, автора статьи о фоморах в *Энциклопедии* Дж. Кука, в саге *Битва при Маг Туиред* фоморы «идентифицируются с викингами» [Koch 2006: 762]. Нам кажется, что прямых указаний на это в саге нет, хотя в других источниках такое отождествление найти скорее можно и, более того, в ранних записях *Анналов викингов* иногда называются *almuire*, ‘заморские’, что еще более увеличивает сходство. Однако, как мы полагаем, возводить образ фоморов к врагам-викингам было бы неправомерно, и, скорее, викинги могли отождествляться с фоморами, но не наоборот. По крайней мере, вряд ли викингов имел в виду составитель трактата SAM, когда писал о монстрах — потомках Хама.

Третий тип монстров — *torothair* в ирландской традиции упоминается гораздо реже. Предположительно, слово восходит к *torad* ‘продукт, фрукт; потомок’ [LEIA-T, U, T-114] и предполагает осмысление тороторов как монструозных порождений, выродков.

Суммируя наши наблюдения, мы можем сделать вывод, что среднеирландский трактат *Шесть веков мира* все же опирается в описании монстров на традицию автохтонную, местную, возможно, испытавшую на себе влияние ученой латинской традиции, но видимо — более раннее. Знакомство компилятора с христианской апокрифической традицией также, видимо, восходит к более раннему периоду.

Поэтическая компиляция *Псалтырь строф*, *Saltair na Rann* (SR), в своем изложении Библейской истории оказывается памятником гораздо более близким к самому *Ветхому Завету*, но и в ней можно найти фрагменты, отсылающие скорее к местной традиции.

Само слово *Saltair* представляет собой раннее латинское заимствование (ср. также валл. *sallwyr* < *psalterium*), которое в древнеирландском расширило свою семантику и, кроме собственно «Псалтыри», обозначало собрание однородных текстов — сборник премудрости

⁸ Югер — римская мера площади, равная 2519 м² (т. е. простертый Титан занимал площадь более двух гектаров).

(см. [LEIA-R, S 1974, S-18]). Поэтому наш перевод названия — *Псалтырь строф* отчасти условен, в принципе текст мог бы быть назван точнее — *Собрание строф*, однако в ирландистике его вообще перевести не принято, поэтому мы попытались хотя бы сохранить близость к оригиналу. *Псалтырь строф* состоит из 162 песен-поэм (cantos), общим объемом более 8000 строк, в основном перелагающих ирландскими пространными стихами ветхозаветную традицию.

Авторство этой огромной компиляции в самой среднеирландской традиции приписывалось Энгусу Келе-Де (автору известного мартиролога, жившего в начале IX в.). Основанием для этого послужила прямая отсылка, содержащаяся в 8009 строке:

Is mé Oengus céle Dé... [Stokes 1883: 117] — *Я Энгус, слуга Божий...*

однако, как отмечал уже В. Стоукс в предисловии к своему изданию, сам текст не может быть датирован столь ранним периодом и содержит такое количество среднеирландских черт, что, скорее всего, он был составлен не ранее конца X в., если не позднее⁹. Р. Турнейзен в свое время (см. [Thurneysen 1883]) датировал компиляцию основного корпуса поэмы 988 г. При этом он опирался на строки 2333—2344, в которых перечисляются «века мира» и при этом последним упоминается именно этот год как год, когда в Ирландии был падеж скота, вызванный «коровьей чумой». В работе Г. Мак Ойна, посвященной датировке и проблеме авторства SR, в общем принимается с некоторой долей условности предложенная Турнейзеном дата, однако, как отмечает автор, некоторые фрагменты, также содержащие исторические отсылки, могли быть добавлены в текст несколько позднее, причем, как он полагает, тем же автором (см. [Mac Eoin 1960]). Главной заслугой Г. Мак Ойна, безусловно, является определение того, кем именно был автор поэмы. Он пишет: «Перебирая список поэтов конца десятого века и выбирая из них возможного автора SR, мы должны искать клирика, хорошо знакомого с библейскими преданиями, а также — с местной традицией, знающего астрономию и космологию» [Mac Eoin 1960: 60]. Наиболее оптимальной кандидатурой он полагает Арбертаха мак Косе (Airbertach mac Cosse), который занимал должность *fer legend* (букв.

⁹ Сама фраза *Is mé Oengus* демонстрирует среднеирландскую инновацию: выделение копулы (связки) и несогласованность ее с субъектом. В классическом др.ирл. она бы выглядела как *Am Oengus...*

‘муж чтения’, клирик, возглавляющий скрипторий и собственно учебную деятельность монастыря) монастыря Рос Алитир в гр. Корк. Его смерть *Ульстерские Анналы* датируют 1016 г.:

Airbertach m. Coisi Dobran, airchinnech Rois Ailithir, do ec. [AU, 452]. — *Арбертах, сын Коса Добрана, глава Рос Алитир, скончался.*

Естественно, совпадение рода занятий и времени деятельности — это еще недостаточный аргумент для определения авторства, поэтому Г. Мак Ойн прибегает к более вескому аргументу и сравнивает отдельные строфы SR с небольшими поэмами, которые приписываются тому же Арбертаху. В основном — с так называемой «географической» поэмой (содержится в «Лейнстерской книге», лист 135а), повествующей, в основном, об азиатских и африканских экзотических странах, но также о Европе и ее странах и народах¹⁰. Мак Ойн находит много метрических совпадений с отдельными песнями *Псалтыри строф* (в основном — семисложник с аллитерацией и с особой рифмовкой — мужское окончание рифмуется с женским, то есть ударный слог с безударным), а также отдельные текстуальные совпадения: go deilg Dia — «создал Бог», и другие.

В настоящее время данная атрибуция *Псалтыри* считается общепринятой, хотя тот же Г. Мак Ойн в 1982 г., вновь возвращаясь к проблеме датировки авторства теста, уже высказывал предположение, что отдельные песни были интерполированы в текст позднее, причем, возможно, тем же Арбертахом после его пленения викингами в 990 г. (см. [Mac Eoin 1982: 20—21]). Примерно в это же время предположение о наличии нескольких авторов, имитирующих друг друга, было высказано в связи с датировкой SR Дж. Карни, который полагал, что поэма изначально была создана уже в конце IX в., но затем неоднократно дополнялась (см. [Carney 1983]). О «двух этапах» бытования SR пишет и Дж. Кэри, полагая, что космологические песни (в первую очередь — вторая) были написаны другим автором и несколько позднее (см. [Carney 1986: 76]). Наверное, мысль о многоступенчатой компиляции здесь оказывается наиболее логичной и верной, если к тому же мы будем отдавать себе отчет, что в данный период в Ирландии идея авторства,

¹⁰ Интересно, что остров Ирландию (inis Erend), к которому он обращается в конце поэмы, он помещает *eter Spain is Gallia* — *между Испанией и Галлией*.

с одной стороны, уже была сформирована, но с другой — ее оборотной стороной явились многочисленные примеры «псевдоавторства», приписывания себе и другим написанных ранее текстов, использование клише и всего прочего. Иными словами, текст уже не мыслился как анонимный «по определению», но его авторами могли оказываться многие поэты, каждый из которых вкладывал в него что-то свое. Сказанное, естественно, относится не только к *Псалтыри строф*. Впрочем, это вопрос особый, очень сложный и требующий отдельного исследования.

Основным источником *Псалтыри*, естественно, является *Вульгата* Иеронима, которая была значительно приукрашена и витиевато расширена, признаемся, далекими от совершенства стихами. Однако в основе этих компиляций лежало не только персональное вдохновение и вкус ирландского автора. Реконструкция источников *Псалтыри строф* имеет свою историю изучения, однако полностью исчерпанным этот материал назвать нельзя до сих пор. Сопоставление отдельных фрагментов песней с западноевропейской средневековой (и более ранней) апокрифической христианской традицией в ряде случаев демонстрирует достаточно прозрачный источник. Отчасти этот же источник просматривается в других ирландских же текстах, трактующих ту же тематику (например, компиляции *Книги захватов Ирландии* в разных ее редакциях). Но в ряде случаев мы явно имеем дело скорее с локальной традицией, причем это касается как дополнений к библейскому преданию, так и своего рода «умолчаний», которые также очень интересны. Каков в данном случае вклад уже собственно компилятора поэмы? Мы не беремся ответить на этот вопрос, однако, на первый взгляд, он предстает на удивление малым. Впрочем, данный поворот темы вновь обращает нас к проблеме средневекового отношения к понятию «авторство». Поясним сказанное несколькими примерами.

IV—XII Песни SR, описывающие историю Адама и Евы от их создания до изгнания из Рая и смерти на земле, были в свое время опубликованы с переводом и пространным комментарием (см. двухтомное издание [Greene and Kelly 1976; Murdoch 1976]), что дало возможность более детально обратиться к сопоставительному анализу данных фрагментов¹¹. В качестве основного источника компиляции *Псалтыри строф* в данном случае авторы предполагают хорошо знакомый во

¹¹ См. также примечания к песням XXV—XXXIV [Murdoch 1995].

всей Западной Европе в Средневековье латинский апокрифический текст *Жизнь Адама и Евы* (*Vita Adae et Evae*), начинающийся, однако, с описания их изгнания из Рая. Сама *Жизнь Адама* считается вторичной по отношению к более раннему, дохристианскому греческому источнику *История и жизнь первозданных Адама и Евы* (*Diegesis kai politeia Adam kai Evas ton protoplaston*, 11 г. до н. э. — 70 г. н. э.)¹². За ними стоят иудейские апокрифические тексты, описывающие сотворение мира и человека, также известные на Западе (как и в славянском мире, ср., например, *Книга святых тайн Еноха*, источник которой был написан в Египте, предположительно, в начале нашей эры и которая получила затем распространение в греческом переложении). Естественно, история бытования данных апокрифов и их переложений в средневековой Европе и в Ирландии, в частности, изучена достаточно хорошо¹³ и их описание находится вне рамок нашей работы. Мы лишь хотели показать, что добавления к преданиям Ветхого Завета, как и отступления от него, далеко не всегда были сделаны ирландским компилятором и имеют свою традицию.

Так, например, в *Псалтыри строф* так описывается происхождение имени Адам:

so go ainmniged iar sain
 ð na cethri rétglannaib,
 Archon, Dissis, rot delb Dia,
 Anatole, Missimbri.
 [Greene and Kelly 1976: 24,
 1053—1056]

*Так что он был назван потом
 от четырех звезд,
 Архон, Диссис, создал его Бог,
 Анатол, Миссимбрия.*

Источником в данном случае послужил относительно поздний апокрифический текст *Тело Адама* (*Corpus Adae*), описывающий создание первочеловека в архаической традиции — как первокосмоса, что находит свои параллели и в славянской апокрифической традиции *Книги Еноха*: «И дал Я ему имя от четырех частей: от востока, от запада, от севера, от юга. И поставил Я ему четыре звезды особые, и назвал Я его Адам» [Смирнов 2003: 299]. Имя Адама представляет собой криптограмму греческих названий сторон света: ἄρκτος — север, δύσμας — запад, ἀνατολή — восток, μεσημβρία — юг. В ирландской же

¹² Подробнее о них, а также о славянских переложениях этих источников — см. [Смирнов 2003: 331—336].

¹³ См., например, классическую работу [Macnamara 1975].

традиции мы находим аналогичную интерпретацию имени Адама в поздней глоссе к одной из редакций *Книги захватов Ирландии*:

Когда был сотворен человек и не было имени у него, сказал Бог четырем ангелам пойти искать ему имена. Михаэль пошел к востоку и увидел звезду Анатол, ее имя, и взял себе первую букву ее имени. Рафаэль пошел на юг и увидел звезду, Дусис ее имя, и взял первую букву ее имени. Габриэль пошел на север и увидел звезду Арктос и взял первую букву ее имени. Уриэль пошел на запад и увидел звезду на закате, имя ее Мессембрия, и взял первую букву ее имени. Бог сказал: Уриэль, прочти эти буквы. Произнес Уриэль: Адам. И сказал Бог: да будет так [Macalister 1938: 54, 56].

В том, что касается истории сотворения Евы, то процитированная нами редакция *Книги захватов* придерживается скорее общей традиции с описанием усыпления Адама и извлечением его ребра. *Псалтырь строф* при этом, как ни странно, о ребре умалчивает (материал, из которого была сотворена женщина вообще не назван), зато говорится, что сам процесс этого творения длился «девять полных месяцев / с тех пор, как Адам получил душу, / согласно учению мудрецов, историков / так что была создана его жена». Как полагает Б. Мердох, мотив «девяти месяцев» в данном случае скорее необычен, неоправдан сюжетно и не связан с темой сна Адама. Видимо, он возник в самой местной традиции и, возможно, добавлен был самим компилятором, пытавшимся создать библейский прецедент длительности беременности и в то же время соотнести рождение (появление) Евы с чудесным рождением Христа, совершившимся через девять месяцев после явления Святого духа (см. [Murdoch 1976: 67]). Как добавляет глоссатор позднего прозаического пересказа *Псалтыри строф* — «И после этого случая каждая женщина носит в себе семя девять месяцев» [MacCarthy 1892: 49].

Как нам кажется, локальным можно считать и описание самой Евы, впервые увиденной Адамом. В *Книге захватов* она называется *bean étrocht lān-ālainn, lān-dēnmach* [LGE 1938: 60] — *жена ясная, полно-красивая, полно-сделанная* (перевод буквальный). В примечании к аналогичному месту SR Б. Мердох пишет, что «описание красоты Евы является общим местом» [Murdoch 1976: 67], однако, как нам кажется, именно в *Псалтыри строф* это «общее место» принимает не совсем общий характер:

Amal ro dēccai a ggnūis, *Когда он увидел ее лицо,*
 dos-roega sech cach nderbdūis, *он выбрал ее из истинных сокровищ,*
 do-rangert di, ēraim nglē, *он предрек ей знание точно,*
 combad šainšerc sochaide. *что она будет постоянной любовью многих.*
 [Greene and Kelly 1976: 26,
 1069—1072]

Последняя строка — *combad šainšerc sochaide* — очень интересна как с точки зрения осмысления библейского мифа, так и для собственно истории ирландского языка в среднеирландский период. Так, во-первых, компилятор упоминает неких «многих», хотя других людей в тот момент на земле еще не было. Видимо, Ева представляет собой для автора некий обобщенный образ женщины как таковой, что в принципе согласуется и с самой ветхозаветной традицией, описывающей миф не как некие события, имевшие место в далеком прошлом, но как серию прецедентов, проецирующихся на настоящее. Ср. в самом Ветхом Завете: «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа моего. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей» (Быт. 3, 23—24)¹⁴. Однако что буквально означает сочетание *šainšerc sochaide*? Его опорой является глагольное имя *šerc* ‘любовь’, употребляющееся в разных значениях: как эротическом, так и дружески-братском. В классическом древнеирландском управляемый глагольным именем генитив (здесь — *sochaide*) всегда обозначал не агенса, а пациенса действия; отчасти это правило сохраняется и в среднеирландском. Например:

A n-at-chothfam-ni do shétaib ḡ mainib, is duit ragas ar **grádugud** Rónáin [FR, 3, 24—25]. — *Все, чем мы обладаем из ценностей и сокровищ, будет твоим* (букв.: «к тебе пойдет») *из-за любви твоей к Ронану* (букв.: «из-за твоей любви Ронана»).

Ср. также: *šerc Dé* — *любовь к Богу* (а не *любовь Бога*, хотя букв. именно «любовь Бога»); *far šerc-si do Día* — *любовь же Бога к вам* (букв.: «ваша любовь же к Богу»).

Таким образом, в указанной строке, казалось бы, следует понимать пророчество Адама так: Ева будет любить многих других людей.

¹⁴ Идея «предречения», присутствующая в оригинальном тексте в SR сохранена, но искажена: Адам предрекает Еве «любовь многих».

Причем в контексте перечисления ее достоинств в предыдущей строфе («честная, ясная, светлая, скромная, милая, красивая, умеющая распределять еду, истинная мать верных детей») мы можем трактовать строку как предречение ее гостеприимства, что для традиции ирландской среди достоинств женщины занимало одно из первых мест. Таким образом, Адам, увидевший Еву глазами ирландского компилятора, в первую очередь обращает внимание не на ее внешность, а на ее доброту, хороший характер и умение стать в будущем безупречной хозяйкой дома и матерью. Что в контексте не выраженного эксплицитно, но видимо, известного в Ирландии предания о Лилит вполне возможно и логично.

Однако наше объяснение может отчасти отказаться и натянутым. Дело в том, что в среднеирландский период, наиболее характерным примером языка которого считается как раз *Псалтырь строф*, слово *serc* постепенно из глагольного имени переходит в класс абстрактных существительных, имеющих иную систему управления. Поэтому, возможно, для компилятора сочетание *šainšerc sochaide* уже могло осмысляться как содержащее выраженного агенса и понималось как «любовь многих» (пациенсом которой является Ева). Так в древнеирл. «любовь к королю» будет выглядеть как *serc rí*, а уже в ранненовоирл. как *serc do rígh*, тогда как *serc rí* означает уже «любовь короля». В среднеирландский период еще возможны были флуктуации в области грамматики и семантики, чем этот период, в частности, и интересен, поскольку дает возможность дать несколько трактовок фразы. Говоря строго, мы не можем с точки зрения самого языка сказать, что же именно имел в виду в данном случае Арбертах мак Коссе.

Не имея возможности детально останавливаться на проявлениях автохтонной традиции на протяжении всего огромного материала SR, обратимся к одной частной теме, находящей параллели также в так называемом *Историческом прологе к трактату Великая старина*. Мы имеем в виду фрагмент, условно называемый ирландистами «цвета ветров»¹⁵.

¹⁵ Более подробно см. об этом нашей работе [Михайлова 2004]; в августе 2003 г. на эту тему нами был сделан доклад на Кельтском конгрессе в Аберистуите (Уэльс) и вызвал широкий отклик. См., в частности разработку и дополнение наших наблюдений в [Carey 2010]. Возражения нашей теории об

В романе современного ирландского писателя Фланна О'Брайена (1911—1966) *Третий полицейский* есть эпизод, а точнее — диалог, на первый взгляд просто выдержанный в общем абсурдистском духе, свойственном всему творчеству этого безумного автора:

«— Вам, несомненно, известно, что у ветров есть цвета, — сказал он. <...> — Я этого никогда не замечал. — Упоминание об этом веровании можно найти в литературе любого из древних народов. Существует четыре ветра и восемь подветров, каждый со своим цветом. Ветер с востока густо-фиолетовый, с юга — блестящий, цвета чистого серебра. Северный ветер жестко-черный, а западный янтарный. В старину люди были наделены властью воспринимать эти цвета и могли провести целый день, тихо сидя на склоне холма, глядя на красоту ветров, их падение, подъем и меняющиеся оттенки» (пер. с англ. М. Вассермана [О'Брайен 1999: 46—47]).

На самом деле представление о том, что ветра имеют свои цвета, действительно часто встречается в верованиях «древних народов», а что касается названной О'Брайеном конкретной цифры, двенадцать, и точных указаний на цвет каждого из четырех основных направлений (по сторонам света), то они имеют в качестве источника особую «ученую» древне- и среднеирландскую традицию, зафиксированную в двух дошедших до нас текстах: так называемом *Псевдоисторическом прологе* к собранию законов *Великая старина* (*Senchas Már*) и Первой песни (*Cantos I Псалтыря строф*). К началу работы над романом *Третий полицейский* (1939) оба текста были изданы и Фланну О'Брайену, который хорошо владел ирландским, скорее всего, знакомы. Мы не можем точно сказать, какой из них послужил непосредственным источником для приведенного нами фрагмента, и, более того, мы даже можем предположить, что ему была знакома дополнительно некая устная традиция, также повествующая о «цветах ветров», но в данном случае нас это особенно и не интересует.

Естественно, для нас сейчас гораздо интереснее определение источника перечня ветров в указанных среднеирландских текстах, причем очевидно, судя по полному совпадению лексем, обозначающих цвета, речь идет о каком-то одном источнике. Но где его искать? Ирландская

автохтонности перечня ветров и возведении его к традиции латинской и имеющей христианскую символику см. [Siewers 2005].

монастырская традиция питалась в равной (или не равной) мере как латинской ученостью (переводы Ветхого и Нового Завета и римских авторов), так и традицией автохтонной, и отделить одно от другого не всегда можно (литература, посвященная этой проблеме, огромна, но вывод в каждом конкретном случае в значительной степени зависит от изначальных установок исследователя). Как справедливо отмечает Дж. Кэри в преамбуле к своему переводу фрагментов *Saltair na Rann*, «переложение Библейской истории в этом собрании своеобразно переплетается с чисто ирландским колоритом» [Carey 1998: 97].

В поистине героически гигантском по охвату материала труде А. В. Подосинова *Ex Oriente Lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии* [Подосинов 1999] можно найти много параллелей к древнеирландским «цветам ветров», однако ни одна из описанных им ориентационных систем не позволяет сделать вывод, что именно она в данном случае послужила для них непосредственным источником. Так:

1. Описание сторон света как *ветров* оказывается явлением достаточно распространенным.

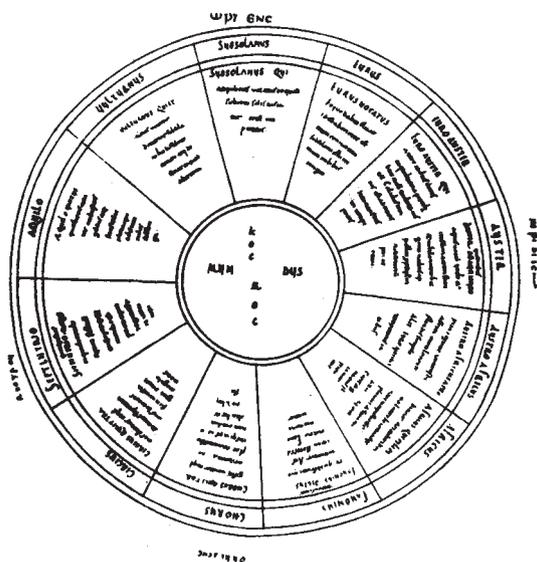
2. Выделение, кроме основных четырех, дополнительных субнаправлений также встречается достаточно часто: 12-лепестковую «розу ветров» описывал, например, Аристотель, или римский автор Марк Манилий, который в своем трактате *Астрономика* пишет: «С полюса дует суровый Борей, с востока — Эвр, с полудня — Австр и от заката солнца — Зефир. Между ними с каждой стороны рождаются еще по два ветра похожие свойствами, но называемые по-разному» (цит. по [Подосинов 1999: 246]). Отметим также, что 12-лучевая «роза ветров» описана и у того же Исидора Севильского, который, как принято считать, и тут выступил как своего рода медиатор между античной традицией и культурой Средневековья (см. об этом, в частности, подробнее в [Дитмар 1898: 59—60], рис. 11):

Двенадцать ветров упоминаются и в раннесредневековом трактате, написанном в Ирландии на вычурной латыни и называемом традиционно Гесперийские речения (*Hisperica Famina*)¹⁶.

3. Символическое закрепление за каждой стороной света какого-то цвета также универсально, причем наиболее близкой к ирландской в данном случае оказывается традиция библейская, в которой восточное

¹⁶ Издание и русский перевод см. в [Гесперийские речения 2000].

направление также ассоциируется с красным цветом, а северное — с черным (соотнесение цветовой символики южного и западного направлений библейской и ирландской систем — предмет особого обсуждения, о чем см. ниже; соответствующие схемы у разных народов см. [Подосинов 1999: 530—531]).

Средневековая роза ветров, восходящая
к Исидору Севильскому

Рис. 11

Но практически во всех культурах, где прослеживается цветовая символика сторон света, в плане выражения это закрепляется скорее метафорически или символически-опосредованно. Так, например, в Древнем Риме это воплотилось в зеленую, синюю, белую и красную «партии» болельщиков в цирке (в основном — во время конных состязаний), в Ветхом Завете следы употреблений цветовой символики проявляются в виде мастей лошадей в *Книге пророка Захарии* (цветовая символика Нового Завета и анализ *Откровения Иоанна* — см. [Подосинов 2000]), у славян — в соответствующей топонимике (Бело-руссия и пр., см. [Иванов 1980]), в Китае — в смене цвета одежды во время торжественного выхода императора (каждая сторона света при этом

ассоциировалась и с определенным временем года) и так далее. И действительно, лишь в традиции ирландской «цвета» двенадцати ветров оказываются просто скупом перечисленными, в чем, видимо, состоит и уникальность анализируемого нами прототекста.

Прозаический перечень ветров содержится в так называемом *Псевдоисторическом прологе* к собранию законов *Senchus mór* (букв. «Великая старина»), которое датируется, как принято считать, серединой VIII в. Предположительно, *Пролог* был написан позже, когда возникла потребность в историко-мифологическом основании существующей юридической традиции: его текст восходит предположительно к IX в., он дошел до нас в четырех редакциях, которые датируются уже среднеирландским периодом (XI—XII в.). В *Прологе* рассказывается о том, как святой Патрик пришел в Ирландию, чтобы обратить ирландцев в христианство, как король Лойгайре велел провокационно убить одного из его спутников и как Патрик велел королевскому поэту Дубтаху судить убийцу: устами его в ту минуту говорил Господь, и Дубтах приговорил убийцу к смерти, Патрик же затем обещал ему спасение на небесах. Это было первым «суждением», произнесенным в Ирландии после принятия новой веры, и так были приняты потом новые законы. Далее в *Прологе* кратко рассказывается о том, как Бог сотворил небо и землю, животных и людей, стихии и небесные светила, как установил он на Земле порядок и каждому творению отвел надлежащее ему место. Затем скупом перечислены ветра:

...Ro delb dó na hocht ngaetha .i. .iiii. primgaetha ⁊ ceithri fogaetha.

Ro delb dó datha na gaeth, conid sain dath cach a gaeithe dib fri araille .i. gel ⁊ corcra, glas ⁊ uaine, buidhe ⁊ derg, dub ⁊ liath. Is alad ⁊ in timin, in ciar ⁊ in odar. In derg ⁊ in buide. Anair in gaeth corcra, aneas in gel, atuaith in dub. Aniar in odar. In derg ⁊ in buide itir ngaith ngil ⁊ corcra bit. In uaine ⁊ in glas itir in uidhir ⁊ glegil bit. In liath ⁊ ciar itir in uidhir ⁊ in cirdub bit. In temin ⁊ in aladh itir in dub ⁊ in circra bit. Conid di fogaith in cach primgaith is sin. [СИН: 343]. — *Созданы им восемь ветров, т. е. четыре главных ветра и четыре дополнительных ветра.*

Созданы им цвета ветров, так что отличается цвет каждого ветра от другого, т. е. белый¹⁷ и пурпурный, зеленый и желтый, и красный, черный и серый. Есть пестрый и темный, темно-серый и

¹⁷ Здесь и далее русские эквиваленты древнеирландских цветообозначений даны предварительно-условно.

бурый. Красный и желтый. С востока ветер пурпурный, с юга белый, с севера черный. С запада бурый. Красный и желтый между ветром белым и пурпурным. Зеленый и зеленый между бурым и белым. Серый и темно-серый между бурым и серо-черным. Темный и пестрый между черным и пурпурным. Вот дополнительные ветра между главными ветрами.

Аналогичный перечень из двенадцати цветов ветров содержится в первой Песни *Псалтыри* *строф*. После рассказа о сотворении мира в тексте после упоминания о сотворении воды, рек и озер помещены строфы, содержащие практически ту же информацию, что и приведенный нами выше фрагмент «цвета ветров» из Пролога к трактату *Великая старина*:

Ri rodelb datha nangaeth
rosdelb fristratha slanaeb,
iarclechtaib rith roratha
combrechtaib cachilldatha.

*Король создал цвета ветров,
установил их рядом друг с другом верно,
после изучения течение великой милости
с наречением каждого особого цвета.*

Ingel, incorcada glan,
inglass, induaine allmar,
inbuidi, inderg, derb dána,
nisaib fergg frisodála.

*Белый, чисто-пурпурный,
зеленый, зеленый могучий,
желтый, красный, истинное искусство,
нет гнева в их встречах.*

Indub, indliath, indalad,
intemen, inchiar chálad,
indobar, doirchi datha,
nidat soirchi sogabtha.

*Черный, серый, пестрый,
темный, темно-серый жесткий,
бурый, темные цвета,
не блестят они и не легко их постичь.*

Anair incorcra glandba,
andess ingel gle amra,
atuaid indub gailbech, grach,
aniar indodur engach.

*С востока пурпурный сверкающий,
с юга белый чистый знаменитый,
с севера черный, резкий, грубый,
с востока бурый шумный.*

Inderg, inbuidi ‘male,
eter gil ocus corcraí,
indúani, inglass, croda lir,
eter huidir isglegil.

*Красный, желтый вместе,
между белым и пурпурным,
зеленый, зеленый, храброго моря,
между бурым и ясно-белым.*

Indliath, inchiar, grainne anguir,
eter huidir iscirduib,

*Серый, темно-серый, страшен их образ,
между бурым и серо-черным,*

itemen, indalad tair,
eter duib ocus corcair.
[Stokes 1883: 2]

темный, пестрый на западе,
между черным и пурпурным.

В *Saltair na Rann* содержится дополнительное указание, в Прологе отсутствующее: цвета там поделены на две группы по шесть в каждой, причем группа *odor* — *aladh* характеризуется как «doirchi datha, nidat soirchi sogabtha» — «темные цвета, они не блестящие и [не] (букв.) хорошо берущиеся», т. е., видимо, автор имел в виду, что они труднее различимы для взгляда.

Обратимся более подробно к составляющим перечень ветров цветообозначениям и их возможным этимологиям.

Corcra является ранним латинским заимствованием из *purpureus*. В древнеирландском сохраняет значение ‘пурпурный’ (напр., при описании плаща короля), но также может характеризовать цвет лица, т. е. имеет значение ‘розовый’ (ср. также *corcán caille* ‘снегирь’, букв. «лесной пурпурник»). Т. е. холодно-красный, пурпурный, сиреневато-красный, розовый.

Derg уже в среднеирландский период начинает занимать место основного цветообозначения для красного поля, вытесняя архаическое *ruad* на семантическую периферию мира природы — древесины, лисьего меха, лошадиной масти и цвета волос (ср. русск. *рыжий*). Этимологически *derg* восходит к и.-е. **dherg-o-* ‘темный, грязный’ (ср. др.-англ. *deorc* ‘темный’ и пр.; см. [IEW 251]), а семантически покрывает достаточно широкую область спектра, аналогично русскому *красный* и пр.

Buide является основным цветообозначением желтого тона в ирландском и продолжает основу **badi-os* ‘желтый, коричневый’ (ср. лат. *badius* ‘то же’ [IEW 92]), представленную к кельтских и итальянских языках. Глоссирована как *flauus* ‘желтый, золотистый, пламенный’, но также в ранних текстах может обозначать жар, болезнь, воспаление (ср. *buide Chonail* ‘чума’, букв. «желтуха Коналла»). Общая семантика, таким образом, ‘желтый, оранжевый’.

Gel — сложно для однозначной интерпретации. Строго говоря, мы не можем быть уверены в том, что др.-ирл. *gel* является собственно ЦО, так как практически во всех контекстах употребления оно может иметь в качестве условного эквивалента ‘блестящий, сверкающий, ясный, светлый’, несомненно, однако, соотношение с общей идеей *света, блеска, чистоты > белизны*. Так, например, известно своего

рода клише, при помощи которого обычно описывается цвет кожи прекрасной девушки: *gilithir snechta n-oen-aidche* — «белый как снег <выпавший> за одну ночь», где *gel*, скорее всего, следует перевести как *белый* (хотя, возможно, и *сверкающий*). Однако этим же прилагательным может характеризоваться и солнце (желтое? блестящее? золотое?), и непосредственно к нему же восходит современное обозначение луны *gealach* — видимо, «сверкающая». В качестве английского эквивалента *gel* обычно выступает *bright* [DIL-G: 58—59].

Этимологически др.-ирл. *gel* восходит к и.-е. **g'el-* [IEW 429] и оканчивается, таким образом, родственным большому числу широко представленных в разных языках цветообозначений с общей семантикой 'желто-зеленый', что позволяет предположить наличие рефлексов соответствующей семантики и у данной ирландской лексемы. Отметим также галльск. *gelamo* 'желтый' [Billy 1993: 81], восходящее к той же основе, а также валл. *gwehw* 'бледный, бледно-желтый' (в валлийском переводе *Откровения* Иоанна Богослова оно является эквивалентом гр. *hloros* в описании «коня бледного») и *gell* 'желтый, светло-коричневый' [Geiriadur... 1968: 1390]. Ср., кроме того, устойчивую метафору, описывающую здоровые крепкие зубы: *gilithir casnaide* — 'белый (?) как свежий срез дерева', т. е., видимо — бледно-желтый.

Следующее за ним обозначение цвета *uaine* может быть однозначно переведено как *зеленый*, однако определение более точной его семантики достаточно дискуссионно. Дело в том, что для протокельтского не реконструируются отдельные основы, обозначающие «зеленый» и «синий» цвета. И в бриттских, и в гойдельских языках на архаическом уровне существует только одно цветообозначение *glas* (к реконструируемому общекельт. **glasto-* [Falileyev 2000: 61], к и.-е. **gel-/glə-* 'блестеть, сверкать' [IEW 432; Schrijver 1995: 173]), покрывающее отрезок спектра сине-зеленого тона (также — 'серый'). В средневаллийском оно было отчасти вытеснено в «синюю» область после латинского заимствования *gwyrdd* (из *viridis*) с общим значением 'зеленый', в гойдельских же языках оно сохранило свою изначально широкую семантику, отчасти сосуществуя с *uaine*, традиционно описывающим естественную зелень листьев и травы. В этимологическом словаре древнеирландского языка Ж. Вандриеса происхождение данного ЦО дается как «сомнительное» [LEIA-T-U: 4], однако предложенное Ю. Норманской (в устном сообщении) возведение ирл. *uaine* к и.-е. **ug-n-* 'расти, разбухать' — представляется нам достаточно обоснованным. К тому же

оно поддерживается аналогичным семантическим развитием обозначения зеленого цвета в германских языках (*green — grow*). Таким образом, цвет ветра, маркированный как *uaine*, можно квалифицировать как насыщенный, травянисто-зеленый.

Следующий «ветер», называемый *glas*, в свете вышесказанного предстает как сине-зеленый, более «холодного» оттенка, чем предыдущий.

Западный ветер, названный *odor*, в принципе может быть исключен из «цветной» области древнеирландской розы ветров, так как анонимный составитель *Saltair na rann* включает его уже в группу «темных» и «плохоразличимых» цветов. Действительно, уже в древнеирландский период оно имело значение ‘темный, бурый’, и именно так предлагает переводить это определение Дж. Кэри [Carey 1985: 38]. Однако данная семантика является у этого прилагательного вторичной, возникшей как обозначение меха выдры (ср. также название рукописи конца XI в. *Lebor na hUidre* — «Книга Бурой коровы», возможно также «Книга Выдры», названной так по цвету переплета). Одно из др.-ирл. названий выдры (и бобра) — *odrán* — восходит к общекельтск. основе **ud-r-os* ‘вода’ (к **aied-* ‘течь’ [IEW 79]), к которой параллельно, по мнению Ж. Вандриеса, восходит и прилагательное *odor* с изначальной семантикой ‘сине-серый, бледный, водянистый’ [LEIA-M-N-O-P: O-9]. Как он пишет, «названия цветов часто варьируют и склонны к смене семантики». Прилагательное *odar*, таким образом, согласно вторичной народной этимологии стало восприниматься как образованное от названия выдры и из-за этого логично изменило и свою семантику. Отметим также предположительное сохранение исходного значения в др.-ирл. *odrad* ‘воловик’ — растение с большими **синими** цветами.

Схематически древнеирландская «роза ветров» выглядит следующим образом:

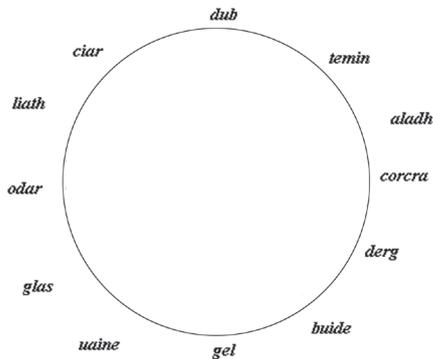

Рис. 12

Итак, мы можем реконструировать цвета южной зоны «розы ветров» в изначальной редакции источника в следующем порядке: пурпурный — красный — желто-оранжевый — ярко-бело-бледно-желтый — зеленый (травянистый) — сине-зеленый — сине-серый, что в целом дает нам хорошо знакомую современному человеку картину цветового спектра, пожалуй лишь с одним исключением: вместо выделения синего и голубого, свойственного славянским языкам (и народам), мы видим уточнение оттенков зеленого. Как известно, цветовой спектр был впервые получен в 1666 г. Ньютоном, который при помощи линзы разложил на составляющие солнечный луч. Однако совершенно очевидно, что уже за много столетий до этого человек неоднократно сталкивался с аналогичным оптическим эффектом и, кроме того, имел возможность наблюдать естественные цвета радуги. Мы полагаем, что именно зрелище величественного цветного «небесного моста» отчасти послужило толчком для расположения цветов южных ветров в соответствующем порядке: вспомним, что перечень ветров в обоих дошедших до нас текстах помещен в контекст описания сотворения мира.

Данный перечень, как нам кажется, интересен еще и с другой точки зрения: кроме попытки закрепить континуальное распределение основных цветов радуги в их заданном природой порядке, в нем видно стремление выделить то, что впоследствии получило название «основных цветообозначений». Иными словами, наивная оптическая картина мира оказывается соотносимой и с ее же наивной лексической систематизацией. Действительно, если мы будем рассматривать данный перечень «цветов ветров» как своего рода аналог фразы «каждый охотник желает знать...», т. е. как **систему**, мы поймем, например, почему др. ирл. *ruad* ‘красный, рыжий’, продолжение и.-е. **roud-*, в отличие от германских языков, оказывается ограничено в употреблении: в языковом сознании оно предстает как «неосновное» обозначение красного тона. Но если понятия *derg* и *ruad* соотносятся друг с другом примерно как русские *красный* и *алый*, то *glas* и *uaine*, несмотря на их кажущуюся синонимичность, входят в наивную систему основных ЦО «на равных правах», т. е. воспринимаются как **разные** цвета, подобно русскому *синий* и *голубой*. Показательно и отсутствие в перечне «цветов ветров» прилагательного *gorm*, которое уже в среднеирландский период получило значение ‘синий, голубой’, и затем прочно вошло в систему основных ЦО в гойдельских языках (см. [Lazar-Mein 1991]),

однако изначально обозначало скорее красные тона: ср. *grian tul-ghorm* ‘солнце с красным (? жарким) лбом’.

Северные, «темные» ветра дают нам совершенно иную картину, которую можно было бы назвать скорее ахроматической или, проще, «черно-белой», причем в данном случае, как мы увидим, также отмечается континуальность цвета, однако на этот раз по шкале «светлый ~ темный».

Так, ветер, следующий за серо-синим западным ветром, обозначается как *liath* — в поздний период основное ЦО серого тона (а также обозначение седых волос), восходящее к и.-е. **pol-/pel-/plā-* с *-t-*расширителем [IEW 804]. От данной и.-е. основы с общим значением ‘серый, не видный, темный’, а также ‘видный неясно, мутный, пелена’ образовано в разных языках достаточно много цветообозначений, семантика которых колеблется вдоль оси «темный ~ неопределенно-светлый». Ср. русск. *половый* (но также *пелена* и *поле*), лат. *pullus* ‘темный’, пали *palia* ‘седой’, гр. *πελτινός* ‘серый, бесцветный, бледный’, др. исл. *folr* ‘серый, темный’ и пр. К ирл. *liath* семантически и этимологически наиболее близко валл. *llwyd* ‘серый, седой’. Как верно отмечает Е. Рахилина, «серый связано с идеей “плохо видный”» [Рахилина 2000: 180]. В древнеирландской поэме, датируемой концом IX в., *Чудо святого Сенана (Amra Senain)* нами было встречено редкое употребление *liath* в качестве существительного со значением ‘пелена’, покрывающая глаза слепого поэта до его встречи со святым: *buí liath sen blaí...* — «была пелена без покрывала», причем интересно, что среднеирландский глоссатор этого текста уже не понял данного употребления и интерпретировал его как метафорическое обозначение «серости» рассудка, «прояснившегося» после того, как поэт встретился со святым Сенаном: *liath .i. ba liath mo inntlecht lam daille* [Breatnach 1989: 11] — «пелена (?) т. е. была серость моего интеллекта из-за моей слепоты».

К этой же и.-е. основе предположительно восходит и др.-ирл. *alad* ‘пестрый, мутный, неясного тона’ [LEIA-A: 59], также входящее в систему «северных» ветров и маркирующее ветер, дующий с северо-востока, непосредственно перед восточным «пурпурным». Таким образом, мы видим, что продвижение на север по отношению к западно-восточной оси, как бы делящей Ирландию пополам, квалифицируется анонимным составителем перечня ветров как переход от «цветной» зоны в область неясного, мутного, серо-сумеречного тона. Не случайно

автор *Saltair na Rann* отмечает, что эти ветра «трудно постичь» (*nídat* <...> *sogabtha* — букв. «не суть они <...> хорошо схваченные»). То есть, иными словами, ветра северной зоны предстают как менее различимые для зрения.

Продвигаясь дальше на север, мы встречаемся еще с одной почти синонимичной парой цветообозначений, маркирующей темные, темно-серые тона — *ciar* и *temen*. Слово *ciar*, относительно редкое по употреблению, имеет значение скорее ‘темный, черный’ и восходит к и.-е. основе **k'eiro-* (откуда и русск. *серый*, см. [LEIA-C: 95]). *Temen* также достаточно прозрачно семантически и этимологически: восходя к и.-е. **tem-* с общим значением ‘черный, темный’, оно имеет соответствующие рефлексy в разных языках — ср. валл. *tymyll* ‘темный’, русск. *темный*, скр. *tamas* ‘тьма’ и проч.

И, наконец, на самой крайней северной точке мы встречаем ветер, кодируемый как *dub* — основное цветообозначение черного тона во всех кельтских языках (ср. валл. *du*, брет. *du*, корн. *duv*, мэнск. *do*), восходящее к и.-е. **dhoub(h)-* [IEW 263] с общим значением ‘трудно доступный для зрения, незаметный, мутный, слепой и проч.’, отчасти сохранившимся в германских языках.

Что же за всем этим стоит? Иными словами, какие именно мифопоэтические представления лежат в основе данной схемы и где следует искать их источник? Нам кажется, что ответить на данный вопрос однозначно практически невозможно, поскольку, с одной стороны, следует обратить внимание на двенадцатиэлементную картину пространственной ориентации, а с другой — на распределение внутри нее уже собственно цветов.

В упомянутой нами работе Дж. Кэри, что, наверное, вполне логично, предлагается рассматривать описанную систему из 12 ветров в соотношении 4 : 8 (главные ветра ~ дополнительные ветра). Таким образом, в основе данной системы он видит четыре главных ветра, четыре цвета, каждый из которых соответствует одному из четырех главных направлений: Востоку — пурпурный, Югу — белый, Западу — темный, Северу — черный. Схема, надо сказать, довольно распространенная (см. об этом подробнее в книге А. В. Подосинова). Более того, описание аналогичного распределения цветов по сторонам света было неожиданно встречено нами при пересказе одного из многочисленных визионерских откровений, практиковавшихся в

мистическом обществе «Золотая заря»: «Мод (Мод Гонн. — Т. М.) увидела цветной талисман <...> Вилли (У. Б. Йейтс. — Т. М.) спросил ее о том, как выглядели псы, сторожившие четыре входа в крепость, и она сказала, что пес на Юге был белым, на Западе — темным, на Севере — черным, а на Востоке — красным. Еще она сказала ему, что в ее видении все первоэлементы имели свои цвета и один цвет перетекал в другой» [Greer 1995: 217]. Последняя фраза, как нам кажется, тоже довольно показательна, и именно так континуально мы и предполагаем рассматривать систему ирландских цветных ветров.

В том, что касается распределения цветов по основным направлениям, то, как мы уже отмечали, с одной стороны, мы можем видеть здесь библейское влияние (выделение красного Востока), с другой — достаточно распространенную для Евразии универсалию, ассоциирующую Север с тьмой, низом, царством мертвых и проч. (ср., например, в данной связи [Март 1936]).

Однако, выделены именно 12 точек пространства, которые в свою очередь явно подразделяются на «цветные» и «темные» в соотношении 6 : 6 (либо 7 : 5 в зависимости от нашей интерпретации ЦО *odar*) позволяет соотнести всю схему «цветов ветров» с суточным циклом. Как справедливо отмечает в данной связи А. Вежбицкая, в развитии системы представлений о цвете на самом архаическом уровне возникает в первую очередь оппозиция «светлый» ~ «темный», соотносимая с оппозицией «день» ~ «ночь». Но «что действительно представляется универсальным или близким к этому, так это различие между временем, когда человек видит (“день”), и временем, когда он не видит (“ночь”). Это универсальное или почти универсальное различие между, грубо говоря, ночью (темным временем) и днем (светлым временем), похоже, универсальным или почти универсальным образом связано с различием или различиями в описании того, что человек видит. <...> Возможно, ассоциативная связь между *черным* и *ночью* более явная и прозрачная, чем между *белым* и *днем*. Следует заметить, однако, что “белый” гораздо сложнее “черного” и содержит гораздо больше проблем, несомненно, потому что “черный” имеет в качестве универсального прототипа “кромешно-черную” (очень темную) ночь, в то время как “белый” не имеет в качестве единого универсального прототипа очень ясный день, **потому что, когда светло, можно видеть много разных цветов**» (выделено нами. — Т. М.) [Вежбицкая 1996: 232, 251]. Действительно, как известно из различных опытов,

связанных с изучением структуры сетчатки и особенностей цветового зрения человека (так наз. «колбочки», активизирующиеся на свету, и «палочки», воспринимающие очертания объектов в темноте), «при очень слабом свете предметы кажутся лишенными окраски» [Фейнман и др. 1976: 160].

Но, как пытались мы показать, древнеирландская схема «цветов ветров» содержит в себе не просто ряд оппозиций (*dub* ‘черный’ — на Севере и *gel* ‘светлый, сверкающий, белый’ — на Юге), действительно соотносимый с принципиально различными типами зрения «при свете» и «в темноте», но одновременно и цветовой *континуум*, при котором изображается движение «по спектру» (южная и, соответственно, дневная область) и — от серого к черному (северная и ночная область). Цветовые переходы будут соответствовать смене времени суток, которая также, естественно, не дискретна, а континуальна. Итак, в древнеирландской схеме «цветных» ветров мы можем увидеть особым образом закодированный «пурпурный» восход, «яркий, сверкающий» полдень, «серо-синий» закат, постепенно сменяющийся серыми сумерками, плавно сгущающимися до «черной» полночи, на смену которой также постепенно приходит «мутный» рассвет. В общем, такое осмысление пространства также не может быть названо специфически ирландским — достаточно вспомнить традиционное обозначение южных стран как «полуденных», а северных — как «полуночных». Отметим также универсальное совпадение пространственных и временных locusов — «восток» и «восход» (для кельтских языков, однако, лексически не закрепленное, ср.-ирл. *tair* ‘восток’ и ‘перед’ — и *aire* ‘восход’, букв. «поднимание»).

Вспомним, однако, что в прозаическом *Прологе к трактату Великая старина* вначале говорится не о двенадцати, но лишь о восьми ветрах. Исходя из предложенной нами идеи о том, что «цветной круг» кодирует не только пространство, но и время, мы можем с известной долей осторожности предположить, что в данном случае заимствованная ученая традиция (преломленная хронотопически уже в местной среде) наложилась на либо более архаическую, либо «народную» традицию, характерную для культур островного типа. Говоря проще, в Ирландии, как и в Исландии, суточный цикл делился не на 12/24, но на 8 условных сегментов, находящихся в естественной зависимости от смены прилива и отлива. Данная традиция сохранилась и в Уэльсе, где

сутки делятся на восемь частей, соответственно, по три часа каждая. Ср. схему (рис. 13 из книги [Pennick 1996: 18]):

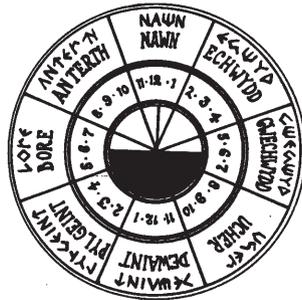

Рис. 13

Продолжение идеи отражения в нашей схеме ветров единого хромотопического комплекса, естественно, должно будет привести нас к предположению о возможности соотнесения ее и с календарным циклом, также континуальным. Действительно, она с легкостью «ложится» и на традиционный ирландский год, делящийся на две половины — «светлую», лето, от 1 мая до 1 ноября, и «темную», зиму, от 1 ноября до 1 мая. Более того, и в *Псалтыри строф*, и в *Прологе к Великой старине* после перечисления цветных ветров упоминается также двенадцатичленное деление года, в *Прологе* — очень кратко, в *Псалтыри* — пространно и описательно, с соотнесением 12 созвездий с месяцами года. Естественно, этот факт еще раз говорит в пользу того, что у обоих текстов был какой-то один источник, причем явно не только устное местное предание.

Мы полагаем, что данная идея требует дальнейшего отдельного осмысления, уточнения и, возможно, соотнесения с традиционным устройством доиндоевропейских мегалитических сооружений на Британских островах (Стоунхендж, Нью Грейндж и проч.). Данная идея, в принципе, уже высказывалась в упомянутой нами книге А. и Б. Рисов, которые наряду с пятичленной пространственной схемой пространственного деления Ирландии, склонны найти также рефлекс достаточно универсального двенадцатичленного деления. Как они пишут, ссылаясь на работу М. Даниелли [Danielli 1950], «четырёх-пятичастное деление страны сочетается также и с двенадцати-тринадцатичастным делением в столь далеких друг от друга космоло-

гиях, как исландская, китайская и мадагаскарская» [Рис 2000: 172]. В качестве примера они анализируют далее двенадцатичастное деление Исландии — четыре четверти, Север, Восток, Юг и Запад, каждая из которых делилась в свою очередь на три части, что «в совокупности давало 12 тингов», причем идею совокупности тингов воплощало собой ежегодное (!) собрание — Альтинг (в книге А. В. Подосинова описано, однако, восьмичастное разделение Исландии, соотносимое, кстати, с соответствующим членением суток [Подосинов 1999: 362], см. также приведенную нами выше схему восьмисегментного деления пространства и времени). Прямым аналогом в данном случае Рисы считают рассказ о том, как в саге *Разрушение Дома Да Дерга* верховного короля Ирландии на каждой из четырех дорог, ведущих в Тару, ждало по три короля с «подобающим одеянием». Кроме того, идею властителя, воплощающего в себе одновременно год и универсум, также поделенный на 12 частей, они видят в лице короля уладов Конхобара и его 12 воинов-героев, однако мы не совсем понимаем, кого конкретно они в данном случае имеют в виду. Так, например, в саге *Сватовство к Эмер* рассказывается о собрании и играх в королевском дворце и затем названы имена наиболее отличившихся, всего семь [Van Hamel 1933: 21]. Интересно, что далее в этой же саге говорится, что когда Конхобар решил найти для Кухулина невесту, он отправил девятерых из своих воинов в каждую пятину Ирландии, причем в тексте не совсем ясно, было ли послано по девять человек в каждую пятину или их всего было девять, но ясно, что ни о каком двенадцатичастном делении страны здесь речь не идет. Приведенные ими другие примеры кажутся более убедительными (12 родов, завоевавших Ирландию и др.), однако все они тонут в море контрпримеров, показывающих, что разделение пространства на 12 долей для кельтской традиции, если и не отсутствует совсем, то все же вторично и не универсально.

В качестве предполагаемого источника двенадцатичастного деления Рисы склонны видеть традицию библейскую, в частности — «двенадцать колен Израиля, которые объединяются в четыре группы по три вокруг скинии» [Рис 2000: 433, прим. 27], но правомерно ли в данном случае вообще говорить о каком-то конкретном источнике, поскольку они же отмечают универсальность подобного разделения, соотносимого с годовым циклом: «В Китае и на Мадагаскаре двенадцать частей вокруг космического квадрата представляют двенадцать месяцев года.

Связь этих двенадцати частей с календарем была известна и в Европе, что отмечал еще Аристотель, сообщавший, что население Афин делилось на четыре рода, по числу времен года» [Рис 2000: 173]. Более того, упоминая кратко и наши 12 ветров, они находят для них параллели в фольклоре сибирских (?) калмыков, которые представляют себе модель мира как двенадцать земель вокруг центральной горы, «с каждой стороной света калмыки ассоциируют свой цвет». В соответствующем разделе книги А. В. Подосинова отмечено, что калмыцкая система цветообозначений сторон света в целом чужда алтайской и предположительно несет на себе отпечаток «буддистской цветовой символики» [Подосинов 1999: 431]. В отличие от Рисов, о делении мира калмыками на 12 частей Подосинов не пишет ничего, хотя они ссылаются на один и тот же труд — У. Харва, *Религиозные представления алтайских народов* [Harva 1938].

Согласно данным Подосинова, опирающегося в данном случае на работу [Львова и др. 1988: 100—101], для древних тюрков, как и для ирландцев, восток также ассоциировался с утром и весной, юг — с полднем и летом, запад — с вечером и осенью, а север — с ночью и зимой [Подосинов 1999: 432]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что наше описание «цветов ветров» опирается, скорее всего, на некую ментальную универсалию, в основе которой лежат причины чисто физиологические — объективные анатомические различия в разнице между дневным и ночным зрением. В общем, примерно так же наши наблюдения оцениваются и в недавней работе Дж. Кэри [Carey 2010], который видит в расположении цветов ветров некую органическую универсалию, вызванную, прежде всего, ассоциацией Востока (и восхода) именно с пурпурным цветом. Как ни странно, его (и наша) теория в данном случае в общем не противоречат, казалось бы, принципиально противоположному взгляду А. Зиверса [Siewers 2005], который пытается доказать скорее библейское происхождение данного перечня, а точнее — его «отправной точки» — пурпурного Востока. Действительно, аналогия с Книгой Пророка Захарии может интерпретироваться и как заимствование, и как проявление все того же универсального сакрализованного взгляда архаического человека на красное восходящее солнце. На этом фоне следует, напротив, удивляться, что не во всех традициях Восток ассоциируется с красным цветом.

Но все же, как мы полагаем, неизвестный (но безусловно существовавший!) местный общий источник, как мы полагаем, имел и свою

специфику. Принципиально новым в нашем анализе ирландского перечня ветров мы считаем выделение принципа *континуальности*, а не набора оппозиций, как это обычно принято при описании системы традиционной пространственной ориентации. Цветовой код в данном случае оказался удивительно удачной метафорой. И, естественно, принципиально новым в нашем анализе перечня ветров мы видим проекцию на пространственный круг круга времени, как суточного, так и годового. Трудно сказать, как именно сложилась эта традиция, но совершенно очевидно, что, испытав на себе бесспорное влияние античной и библейской «ученой» культуры, сформировалась она уже на местной почве, и оба среднеирландских памятника, содержащие перечни «цветных ветров», опирались на один общекультурный фон.

Чудо Колума Килле — памятник XI века?¹

Поэма *Чудо Колума Килле* (*Amrae Choluim Chille*, АСС) считается одним из самых древних памятников ирландского языка (исключая эпиграфику, ранние глоссы и отдельные поэтические строфы, содержащиеся как в сагах, так и в поздних поэтических трактатах и иллюстрирующие те или иные поэтические приемы). Если считать достаточно большие по объему тексты, то, наверное, она может быть названа самым ранним из них, а благодаря своему поэтическому мастерству она по праву входит в число лучших образцов словесного наследия раннесредневековой Ирландии.

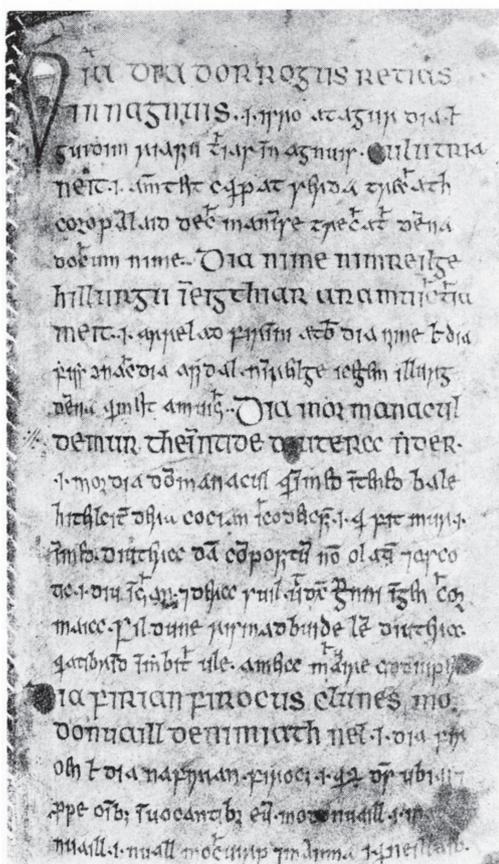
До нас дошло 10 копий поэмы, самая ранняя из которых датируется примерно 1100 г. — это так называемая «Книга Бурой коровы» (*Lebor na hUidre* — LU, f 5 a — 15 a 33), в которой содержится пролог к поэме и восемь главок. В рукописи Rawlinson B-502, которая датируется началом XII в., содержится 10 главок (*Bodl.*, f 54 a — 59 b), как и в рукописи «Книги гимнов», *Liber Hymnorum*, хранящейся в Тринити Колледже (LH, f 26 a — 28 b), которая также традиционно датируется XII в.² Все указанные рукописи (как и более поздние) содержат специальное «предисловие», в котором рассказывается о создании поэмы, а также многочисленные глоссы. Глоссы, как и предисловие, в более поздних рукописях становятся все более пространными, как бы разбухая.

¹ В расширенном виде текст раздела опубликован в [Михайлова 2009а; Михайлова 2010].

² Ряд исследователей тем не менее склонен относить LH к концу XI в. См. соответствующие издания текстов: LU — *Lebor na hUidre: Book of the Dun Cow* / Ed. R. I. Best, O. J. Bergin. Dublin, 1992 (1929). P. 11—41; LH TCD — *The Irish Liber Hymnorum* / Ed. J. H. Bernard and R. Atkinson. London, 1898. Vol. I. P. 162—183; *Bodl* — Rawlinson B 502, ‘The Bodleian *Amra Choluimb Chille*’ / Ed. W. Stokes // RC, XX. 1899. P. 30—55, 132—183, 248—287, 400—437.

Основной текст поэмы остается неизменным и выделяется более крупным шрифтом, но при этом видно, как к глоссе XI в. в XII в., например, наращивается дополнение, что позволяет не только проследить развитие мысли глоссатора (глоссаторов) и отметить языковые изменения, но и определить, какой текст является самым ранним. Естественно, не текст поэмы как таковой, а текст предисловия и примечаний к ней (см. рисунок; основной текст и глоссы к нему составляют уже как бы единый памятник).

Например, начало поэмы:

DIA DIA DORROGUS RIA
TIAS INNA GNUIS

LH: .i. isro atagur Dia † guidim dia riasnu thias ina gnúis

LU: .i. atagur Dia † guidim dia riasnu thias ina gnúis † in tan † ind inbaid thias

Bodl. .i. is mor nó is ro atagur Dia. Nó guidimm Dia riasiu thias cuce innunn. Nó in tan. Nó ind inbaid tias. [doro-gus] .i. ro thogus. ar is ruamnad fil híc.

БОГ, БОГ, ДОЛЖЕН Я
МОЛИТЬ ЕГО ПРЕЖДЕ
ЧЕМ ПОЙДУ ПРЕД ЕГО
ЛИК

LH: т. е. это много просится Бог. Или я молю бога, прежде чем предстану перед Ним. LU: т. е. /.../ Или в то время. Или когда я пойду. Bodl. /.../ [do-ro-gus] — я избран [ro-thogus], т.к. здесь (прием) «кружения песни».

Рис. 14. Начало поэмы
Чудо Колума Килле
из Liber Hinnorum

Сопоставление версий *Предисловия* и глосс ясно показывает, что самая ранняя с точки зрения палеографической «Книга Бурой коровы» не содержит самую раннюю редакцию «средневекового издания» поэмы. Предположительно наиболее ранний вариант представлен в LH, что, естественно, заставляет сделать вывод о том, что оба текста восходят к другой, еще более ранней редакции, до нас не дошедшей. В текстах глоссы не являются ни маргинальными, ни интерлинеарными, но составляют со строками поэмы единый корпус, различающийся лишь шрифтом. Тщательное сопоставление трех наиболее ранних версий *Предисловия* к АСС позволило в свое время Мойре Херберт (одному из наиболее признанных авторитетов по истории ранней Церкви в Ирландии вообще и колумбианской традиции в частности) сделать вывод, что данная проторедакция может быть датирована самым началом XI в., и даже более того: «В том, что касается времени создания этого текста, — пишет она, — то следует обратить внимание, что во всех трех наиболее ранних рукописных копиях *Amra*, в рукописи *Liber Hinnorim*, хранящейся в Тринити Колледже, в *Книге Бурой коровы* и в рукописи Rawlinson B 502 (Книга Глендалоха) присутствуют упоминания двух признанных авторитетов того времени, Маэля Сутаня, который в другом месте был назван как «первый мудрец Ирландии», и Фердомнаха, преемника (comarba) Колума Килле³. Это позволяет от-

³LU — 14, LH — 164, Bodl. — 134. В указанных фрагментах Маэль Сутань упомянут без каких-либо комментариев. В то же время эпитет «первого мудреца Ирландии» этот исторический персонаж получает в *Ульстерских анналах*, где его смерть датирована 1010 г.: Mael Suthain n. Cerbaill, ard-shui Erenn & ri Eoganachta Locha Lein, Marcan m. Cenneitigh comarba Coluim m. Cremhthainn & Innsi Celtra & Cille Da Lua, Muiredach m. Mochloingsi airchinnech Mucnama, in Christo dormierunt [AU: 440]. — *Маэль Сутань О Керваль, главный мудрец Ирландии и король Эоганахтов Лоха Лень, Маркан, сын Леннетиха, преемник Колума, сына Кримтанна и superior Инис Келтры и Кель-да-Луа, и Муредрах, сын Мохлонгса, superior Мукнам, во Христе опочили.* Ср. в *Анналах Иннисфаллена*: Moel Suthain h-Ua Cerbaill do Eoganacht, ardsui na h-Erend («первый мудрец Ирландии»), quieuit in Christo i n-Achud Deo [AI: 180]. В *Анналах четырех мастеров*, где его смерть датируется 1009 г., он назван еще более торжественно: Maol Suthain ua Cerbhaill do mhuintir Insi Faithlend, primh-saoi Iarthair Domhain ina aimsir, & tigherna Eoghanachta Locha Léin, d'écc iar n-deighbhethaidh [AFM: 760]. — *Маэль Сутань О Керваль, из общины Инис Фатлен (Инисфаллена), первый мудрец западного мира того времени и правитель Эоганахтов Лоха Лень, скончался после праведной жизни.*

нести проторедакцию *Amra* к началу XI в., а более точно — к 1007—08 годам, когда Фердомнах имел титул *comarba*» [Herbert 1989: 68].

О чем же рассказывается в данном *Предисловии*? Его составитель имел в первую очередь своей задачей сформулировать, как пишет М. Херберт, «*locus, tempus, persona and causa scribendi*» [Herbert 1989: 67] поэмы. Позволим себе дать перевод *Предисловия* в несколько сокращенном виде, по *Liber Hinnorum*, содержащей пусть наименее интересную и яркую, но зато наиболее лаконичную и раннюю его версию. Текст содержит известные противоречия, лакуны, повторы, неперево-димые фразы, которые были выровнены в более поздних редакциях, однако его некоторая «неотредактированность» предстает как свидетельство самого процесса создания традиции:

Место для Чуда *usque in finem*, то есть участок земли, который есть между Фене в Уи Тигернан в Миде до Дуна-н-Айрвред в пределах Мас-райге от Ираруса к востоку, или от Срехтрайге Слехт в Брефне Коннахта, то есть для Даллана. Колум Килле, сын Федлимида, сына Фергуса сына Коналла, сына Ниалла, написал Даллан это вот. Вот же третья причина, из-за которой пришел Колум Килле, то есть запрет, который наложили на поэтов Ирландии короли Ирландии вокруг Аэда, сына Айнмире, ибо столь велико было число поэтов и столь много тягот было от них, так что никто из мужей Ирландии не знал, что и делать с ними. Ибо тот, против кого они исполняли свою хулу, если он не умирал сразу, на нем появлялись ядовитые волдыри, которые были всем видны, и так это оставалось навеки. И вырастали волдыри на самом поэте, и он сразу умирал, если был без вины тот, кого он хулил. И вот были поэты в Ивур Киннтрахта в землях уладов, ибо дал король уладов им право гостевания на три года или на целый год. И там они были и сочиняли истории, чтобы заколдовать себя, но кажется, что им не удавалось их исполнить. Было племя рядом с ними против этих поэтов, которые готовы очернить других и рассказывают лживые повести. Послали тогда от поэтов Ирландии к Колуму Килле, чтобы он пришел к ним прежде, чем он отправится в Друм Кет, где были короли, изгоняющие их. Воззвали они имя Бога на голову Колума Килле и христианскую веру. <...> и так что было это защитой в Друм Кете. И тогда Колум Килле пришел к ним от лодки своей и было с ним еще семью по двадцать спутников. <...>

Так что взял он поэтов с собой в Друм Кет. Был же тогда Даллан, сын Форгалла, первым среди других поэтов по его искусству и мудрости. Колум Килле примирил поэтов с мужами Ирландии и с Аэдом, сыном Айнмире, так что каждому было воздано по его рангу. До сих пор го-

ворят: право почитания прежде любого права. И Колум Килле убедил короля отдать первенство над поэтами Даллану, ибо его мудрость и его поэтическое искусство превосходили всех. Сложил Колум Килле черную песнь (?), когда пошел на собрание вместе с поэтами Кормака <...> Какая цена мне за хвалу? Сказал Колум Килле, что ему будет даровано небо и многое еще другое. Как это будет узнано? — сказал слепой. Будет дано тебе твое зрение, чтобы ты сложил поэму, так что ты сможешь видеть небо, воздух и землю, пока не дойдешь до конца поэмы.

Колум Килле освободил Сканнлана, сына Кеннфаэля, из его плена⁴ и проложил Евангелие. <...> и дал восемью двадцать быков ему. <...>

Locus huius artis Друм Кет, где было Великое Собрание. Во времена Аэда, сына Айнмире, и Аэдана, сына Гаврана, было оно написано. Субъектом был Даллан, сын Форгалла, из Масрайге Маг Слехт в Брефне в Коннахте. Причина — получить небо для себя и других. Три же есть причины, почему Колум Килле прибыл из Шотландии⁵ в Ирландию, то есть освободить Сканнлана Мора сына Кенфаэля, короля Осрайге, обеспечив ему защиту, а еще — сохранить пребывание поэтов в Ирландии, потому что их хотели изгнать из-за величины их свиты и их требований, то есть было тридцать клириков (?) с ними, а пятнадцать клириков — половина свиты у оллава⁶, а всего было число <поэтов> — двенадцать сотен. <...>

Еще он должен был примирить мужей Ирландии и Шотландии из-за Дал Риады. И тогда Колум Килле пришел на Собрание и многие встали, чтобы его приветствовать. <...> И тогда Колум Килле освободил Сканнлана <...>.

Кольман, сын Ковгеллана из Дал Риады вынес суждение о ней тогда: военный поход и гостевание с людьми Ирландии, потому что это всегда идет с теми, кто владеет землей, а налоги и подать пусть платят вместе с мужами Шотландии.

Даллан тогда пошел к Колуму Килле поговорить с ним и прочел ему пролог для него, но Колум Килле не позволил это делать до времени его успения, потому что хвала подобает только умершему.

«Как я узнаю о твоей смерти, когда ты будешь в паломничестве, а я буду в Ирландии?»

Тогда указал три приметы ему Колум Килле о времени, когда надо будет сочинять хвалу. Так что будет это всадник на пестром коне, кото-

⁴ *giallacht* — скорее, «положение заложника».

⁵ В оригинале — Alban, может быть переведено и как «Британия».

⁶ Ирл. *ollam* — поэт-филид высшего разряда.

рый расскажет о смерти Колума Килле, так что его слова должны будут стать первыми словами хвалы, а еще ему вернется зрение, чтобы он смог это сделать.

В Ат Фени в Миде была пропета эта хвала, как Маэль Сутань dixit. Говорит же Фердомнах, преемник, что у Слиг Ассаль была она пропета от дуна Айбред до Креста у Дома Ломана [ЛН: 162—164].

Как мы видим, сбивчивый текст *Предисловия* в первую очередь концентрируется на истории с поэтами, которых собирались изгнать из Ирландии короли и которых защитил Колум Килле. Истории со Скэннланом и проблеме Дал Риады уделено гораздо меньше внимания. В общем это понятно, поскольку данный текст не повествует о Собрании в Друм Кете как таковом, а призван в первую очередь объяснить, как была сложена хвалебная поэма, кем и по какой причине. В более поздних Житиях Колума Килле «три причины» собрания описаны иначе, более уравновешенно⁷.

Но зачем это *Предисловие* вообще было нужно, какую цель оно преследовало и какие силы стояли за неожиданным обращением к тексту четырехвековой давности?

Как полагает М. Херберт, все предисловие и начало популярности самой поэмы было вызвано тем, что в начале XI в., когда верховную власть захватил король из Мунстера Бриан Бору (король парвеню, как она его называет), не принадлежащий к династии Уи Нейллов, возникла потребность как-то противопоставить ему некое патриотическое предание, имеющее к тому же мистически-религиозную окраску. Этим текстом и стала сама поэма *Чудо Колума Килле* и одновременно вся история ее сочинения. То есть поэма была своего рода жестом против Бриана со стороны Маэля-Сехналла II, который в 1003 г. потерял титул верховного короля и сделался вассалом нового короля.

⁷ Например, из Жития, составленного в 1513 г.: «Три были причины для того, чтобы пришел Колум Килле с востока. Во-первых, для того, чтобы спасти филидов от изгнания, из-за того, что считались они слишком могущественными, так как полагалась олламу полная свита из тридцати человек, а анруту — из пятнадцати. Во-вторых, следовало установить мир между мужами Ирландии и Шотландии по поводу Дар Риады, которая была причиной распри между ними, покуда не прибыл Колум Килле, дабы умиротворить их. В-последних же, прибыл он, чтобы освободить Скэннлана Мора, сына Киндаллада, сына короля Осрайге» [Из Жития Святого Колума Килле: 202].

Конфликт между Брианом и Маэль Сехналлом начался еще в 80-е годы⁸. Мэль Сехналл, сын Домналла, из северных Уи Нейллов, получил титул «короля Ирландии», согласно анналам, в 979 или 980 г., причем к этому времени понятие «верховный король» уже не было фикцией, а скорее всего, за ним постепенно выстраивалась идея верховной власти над всем островом. Как принято считать, отчасти это было вызвано скандинавским вторжением, которое «впервые сплотило ирландцев, осознавших свое национальное единство» [Бирн 2006: 303], о чем мы уже писали в «историческом» разделе. Первым правителем, который мог действительно считаться королем всей Ирландии, видимо, можно назвать прапрадеда Маэль Сехналла II — Маэль Сехналла I из Кланна Кольмана южных Уи Нейллов, погибшего в 862 г. После него верховная власть переходила из рук в руки, но, как правило, оставалась внутри рода Уи Нейллов, причем, как мы теперь понимаем, так сказать, «качество власти» находилось в довольно прямой зависимости от позиции того или иного короля по отношению к скандинавам, которые занимали на острове все большие территории и все более прочные позиции, вливаясь почти что на равных в междоусобные дрязги. С этого начал и Маэль Сехналл: как, например, сообщают *Анналы четырех мастеров*, в 979 г. он вместе с объединенными силами ирландцев напал на викингов Дублина и после трех дней осады подчинил их, взял заложников и освободил представителей ирландской знати, которые находились у них в плену⁹. Однако параллельно, если судить по данным анналов, Маэль Сехналл вел последовательную политику подчинения своей власти других районов Ирландии. Показательна запись от 981 г.:

Dal Cais d'orcain do Maol Sechlainn, mac Domhnaill, & bile Aonaigh Maighe h-Adhar do thescadh iarna tochait a talmhain cona frémaibh [AFM: 714]. — *Дал Кайс разграблен Маэлем Сехналлом, сыном До-*

⁸ Об их сложных взаимоотношениях на фоне общей ситуации в стране см. также в 1-й главе наст. изд.

⁹ Mór-shloighedh la Maol Sechlainn, mac Domhnaill, rí Ereann, & lá h-Eochaidh, mac Ardghair, rí Uladh, go Gullu Atha Cliath, co t-tardsat forbhais trí lá & trí n-oidhche forra co t-tuccsat gialla Ereann ass [AFM: 712]. — *«Большой поход Маэля Сехналла, сына Домналла, короля Ирландии, и Эохайда, сына Ардгара, короля уладов, против чужаков Дублина, так что осадили их три дня и три ночи и забрали заложников Ирландии.*

мнала, и священное дерево Собраниа Маг Адар было срублено после того, как его вытащили из земли вместе с корнями.

Это действие, как мы понимаем, было направлено непосредственно против Бриана, сына Кеннетига, который в то время был королем Дал Кайс. Дерево, о котором пишут анналы, было священным деревом, возле которого местные короли проходили инаугурацию.

Уже в 984 г. Бриан, вступив во временный союз с викингами Уотерфорда, напал на земли Маэля Сехналла в Миде и разгромил их. С переменным успехом оба политических лидера обменивались взаимными локальными нападениями, вступали во временные союзы как с местными королями, так и со скандинавами, пока в 996 (997?) г. возле Клонферта на королевском собрании между ними не был установлен «мирный договор» [Ó Corráin 1972: 123], согласно которому правителем севера Ирландии объявлялся Маэль Сехналл, а юга — Бриан. Через год объединенными силами они напали на викингов Дублина и, естественно, все разграбили, пожгли и взяли заложников. Год спустя викинги, объединившись с силами Лейнстера, восстали против Бриана, однако удачным для них этот акт не был: во время битвы при Гленн Мама Бриан не только разбил силы нападавших, но и взял в плен короля Лейнстера Маэльморду и изгнал из Дублина его правителя Ситрика. Позднее тот признал власть Бриана над Дублином. После этих блистательных побед король Бриан почувствовал, что не стоит далее терпеть подчиненное положение и настал час восстать против многовековой власти Уи Нейллов и против Маэля Сехналла, в частности. Мирный договор был нарушен, и, собрав вокруг себя все силы оппозиции, включая все тех же викингов, Бриан двинулся к Таре. Однако после ряда мелких поражений он решил воздержаться от генерального сражения. Посредством локальных побед и захватов Бриан сумел постепенно подчинить себе все северные районы и в 1003 (1002?) г. в возрасте 76 лет стал верховным королем Ирландии.

В 1005 г. король Бриан Бору предпринял символический объезд острова, двигаясь с юга через запад к северу, т. е. по часовой стрелке, как это делали древние короли, объезжая свои земли (рис. 15):

Рис. 15. Боевые кампании и ритуальные объезды короля Бриана (по книге [Ni Mhaonaigh 2007]).

Приехав в Армаг, положил на алтарь 22 унции золота, о чем Маэль Сутань сделал на полях *Книги Армага* запись (рис. 16):

Sic scripsi id est Caluus Perennis,
 in conspectu Briani imperatoris
 Scotorum. Ego scripsi
 id est Caluus Perennis, in
 conspectu Briani imperatoris
 Scotorum. Ego scripsi
 id est Caluus Perennis, in
 conspectu Briani imperatoris
 Scotorum.

Рис. 16

Ego scripsi id est Caluus Perennis, in conspectu Briani imperatoris Scotorum¹⁰. — *Писано мною, то есть Лысым Вечным, в присутствии Бриана, императора ирландцев.*

После 1003 г. Маэль Сехналл, который, отметим, после гибели Бриана в 1014 г. во время битвы при Клонтарфе вновь стал верховным королем, как кажется, не находился по отношению к Бриану в открытой оппозиции и даже заключил с ним относительно прочный военный союз, однако скрытая оппозиция по отношению к новоявленному «императору», видимо, существовала постоянно. В частности, это воплотилось в проведении им в 1006 (1008?) г. собрания (óenach) в Тайльtiu (в Миде).

Собрание в Тайльtiu восходит к самым древним временам и представляет собой один из главнейших праздников Ирландии, наряду с Большим собранием в Уснехе (Mórdáil Uisnig, ~ 1 мая) и Пиром Тары (Feis Temra, ~ 1 ноября). Собрание в Тайльtiu устраивалось королями Тары в начале августа, на Лугназад и, предположительно, длилось в течение недели [Vinchy 1958]. Это собрание, как мы понимаем, не было мифической фикцией, но действительно проводилось с относительной регулярностью королями Тары, причем само его отсутствие для хрониста было маркировано. Ср., например, запись в *Ульстерских Анналах* от 873 г.:

¹⁰ Цит. по [Kelleher 1963: 120]. Эпизод и соответствующая цитата из *Книги Армага* приводятся практически во всех исследованиях, повествующих о карьере Бриана Бору, см. об этом также в нашем «историческом» разделе.

Oenach Tailten cen aigi sine causa iusta & digna, quod non audiuiimus ab antiquis temporibus, cecidit [AU: 330]. — *Собрание Тайльтию не проводилось без верного и достойного повода, чего не слышали мы с древнейших времен, случилось.*

Попытка реставрации ритуального собрания была предпринята в 916 г. Ниаллом Глун-Дувом († 919) из северных Уи Нейллов (Кенель Эогань), что в свое время было оценено Э. Мак Нилом как важнейший акт, символизирующий начало последовательной борьбы со скандинавами [MacNeill 1919: 258]. После гибели Ниалла, как мы понимаем, собрание в Тайльтию практически уже не проводилось и поэтому возобновление этого ритуала Маэль Сехналлом в 1006 г. было особенно значимым. Этот праздник должен был проводиться королем всей Ирландии, который изначально, скажем очень упрощенно, имел титул короля Тары. Маэль Сехналл же, утратив власть над страной, все-таки владел областью Миде, в котором и была священная Тара, так что формально мог претендовать на то, что ему по-прежнему принадлежала если не военная, то сакрально-духовная, наследственная власть над всей Ирландией (или по крайней мере над ее северной половиной), что он своим актом и хотел продемонстрировать. Как пишет Фр. Бирн, «Поскольку Тара находилась под его властью, он мог использовать титул “король Тары” с некоторым бесстыдством: Уи Нейллы могли претендовать на гегемонию в центре страны. Это и было целью возрождения им собрания в Тальтию в 1008 г. после того, как реально он уступил верховную власть Бриану Бору. Об этом писал в его панегирике поэт Куан Уа Лотхань» [Burgne 2005: 860].

Но насколько понимал это Бриан Бору и какое отношение ко всему этому имела поэма *Чудо Колума Килле*?

То, что Бриан был королем-парвеню, не имеющим достаточных генетических оснований для верховной власти в Ирландии, мы думаем, понимал и он сам. Но, будучи не только ярким человеком и прекрасным стратегом, но и мудрым правителем, он отдавал себе отчет в том, что при отсутствии родственных связей с Уи Нейллами ему необходимо опираться на некое духовное, точнее — христианское всеирландское наследие, в равной мере почитаемое и признаваемое всеми. Таким авторитетом, безусловно, стал для него св. Патрик, который в силу своего британского происхождения не мог иметь ирландских корней и, естественно, не принадлежал ни к одному из священных локусов или

сакрализованных королевских родов. Более того, создание идеологического фона своей деятельности в виде покровительства учености входило в деятельность Бриана после 1003 г. Как пишет анонимный автор саги *Война гойделов с чужаками*, после установления мира в Ирландии и изгнания скандинавов Бриан «строил по всей Ирландии загородные церкви и святилища. Он посылал мудрецов и ученых обучать искусству и мудрости, он посылал покупать книги за морем, потому что их труды и их книги в каждой церкви и святилище все были сожжены или утоплены в водах грабителями от начала до конца» [CGG: 138]. Именно элементом данной программы «поддержки культуры и церкви» и был описанный жест в Армаге, как известно, главной церкви Патрика. Со святым Колумом Килле дело обстояло сложнее, поскольку он действительно происходил из королевского рода северных Уи Нейллов. Маэль Сехналл принадлежал к этому же роду, правда другой его ветви, и, как может на первый взгляд показаться, «публикация» поэмы, прославляющей великого святого и его дальнего родича могла быть ему выгодна и явилась своего рода жестом, направленным против безродного узурпатора. Именно так считает и М. Херберт.

Но почему ему была выгодна «публикация» поэмы, прославляющей святого, который, хотя и происходил из Уи Нейллов, все же сам находился в конфликте с ними, и, более того, в которой он предстает вовсе не как представитель королевского рода? Прежде чем обратиться к тексту самой поэмы, взглянем на упомянутых в *Предисловии* исторических персонажей — Маэль Сутаня и Фердомнаха.

Маэль Сутань Уа Керваль, как мы уже писали, называется в анналах мудрейшим ученым Ирландии (см. приведенные нами цитаты). Одновременно он был королем в одном из районов Мунстера (так наз. Лох-Лейнских Эоганактов¹¹). Как пишет К. Хьюз, «Маэль-Сутань Уа Керваль был не только правителем Эоганактов из Лох Лень (Килларни), но также “мудрецом западного мира” и членом общины Иннисфаллена, монастыря у Нижнего Озера в Килларни. Так, как мы видим, в южной половине Ирландии один и тот же человек мог занимать административный пост и в церкви, и в государстве, более того, он мог занимать высокое положение в церковной иерархии и при этом быть королем» [Hughes 1966: 222]. Вспомним, что территория Лох Лейн входила в зону, подвластную королю Бриану уже по договору

¹¹ См. его родословную в книге Фр. Бирна, табл. XV.

997 г. В то же время, запись в *Книге Армага*, сделанная в 1005 г., в которой король Бриан называется «императором скоттов», принадлежала лицу, называющему себя Лысым Вечным (Caluus Perennis), что является дословным латинским переводом имени Маэль Сутань (Mael Suthain). Кем был человек, сделавший эту запись? Эта фигура трактуется настолько неоднозначно, что в указателе к вышедшему недавно (2005) первому тому *Новой истории Ирландии* приведены два (!) лица, имеющих это имя. Один называется «Маэль Сутань из Армага», а другой — «Маэль Сутань, секретарь Бриана Бору». В то же время обращение к соответствующим статьям достаточно ясно дает понять, что речь идет об одном и том же лице и об одном и том же эпизоде: записи в *Книге Армага*. Однако Ф. Бирн в своем разделе говорит о «его (Бриана) секретаре (notary) Маэль Сутане» [Wugne 2005a: 862], тогда как К. Хьюз, описывая все тот же инцидент, говорит, что «король Бриан признал права преемник святого Патрика, <...> о чем писец Маэль Сутань сделал запись в *Книге Армага* в присутствии «императора скоттов» [Hughes 2005: 647].

Естественно, идентичность предиката предполагает и идентичность субъекта, однако у нас нет полной уверенности в том, что лицо, назвавшее Бриана императором и правитель Лох Ленъ также идентичны. Сознывая эту проблему, Дж. Кенни все же склонен был их идентифицировать и даже в своем справочном издании, посвященном ирландской Церкви, называет Маэль Сутаня духовником (anamchara, букв. ‘друг души’) Бриана Бору [Kenney 1929: 743]¹². Во всяком случае ясно одно: упомянутый в предисловии к *Amra* Маэль Сутань был не человеком Маэля Сехналла II, а человеком Бриана. Другое дело — Фердомнах, о котором Фр. Бирн пишет, что Маэль Сехналл

¹²Юджин О’Карри в своих лекциях о ранней ирландской рукописной традиции приводит среднеирландский рассказ о Маэль Сутане, в котором говорится о том, что Маэль Сутань, когда сын его был смертельно болен, пытался вылечить его, произнося латинский гимн *Altus Prosator*, приписываемый Колуму Килле. Однако мальчик умер, и тот разуверился в действительности этого текста. Один из его учеников в виде белого голубя явился к Маэль Сутаню и в ответ на его вопрос, попадет ли он в рай, сказал, что его ждет ад, потому что он в течение семи лет не читал гимн. Маэль Сутань раскаялся, и перед смертью тот же белый голубь возвестил ему, что он прощен. (см. [O’Curry 1861: 529—531]; английский перевод предания, а также анализ эпизода в связи с культом гимна *Altus Prosator* см. [Carey 1998: 29—30, 49—50].

«заменял преемника Патрика в Армаге своим собственным номинантом (nominee) Фердомнахом в качестве аббата Келлса» [Вугне 2005а: 862] с целью объединения патрицианско-колумбанских преемников и, видимо, создания общей всеирландской церкви. То есть, как мы понимаем ситуацию, Маэль Сехналл пытался противопоставить реальной военной власти Бриана свою власть, пусть не опирающуюся на земли, подати и войска, но зато сакрально узаконенную, как архаическим ритуалом Тайлтиу, так и христианскими авторитетами. И поэтому поэма, повествующая об одном из главных святых Ирландии, который к тому же происходил из старого королевского рода, к которому принадлежал и сам Маэль Сехналл, была ему выгодна. По крайней мере, таковы рассуждения М. Херберт, и безусловная логика в них есть.

Однако, нам кажется, что ситуация не так проста. Тот факт, что, согласно *Предисловию*, точное место сложения поэмы Далланом Форгаллом обсуждалось Маэль Сутаном и Фердомнахом (либо составителю предисловия были известны два мнения), показывает, что и первому Колум Килле как всеирландский святой был далеко не чужд. Совершенно очевидно, что близкий королю Бриану Маэль Сутань также поддерживал идею поднятия на щит *Чуда Колума Килле*, в котором он видел далеко не одного из Уи Нейллов, но величайшего святого, принадлежащего всей стране. Вспомним, что Бриан, выходец из королевей рода Дал Кассиев, который совершенно не мог претендовать на верховный престол, тем не менее сумел его занять, и при этом ему было важным объявить себя «императором скоттов», т. е. предводителем всего своего народа. Под императором, как пишет Мойра Ни Воны, автор недавно вышедшей книги о Бриане, подразумевался в данном случае уже вовсе не Карл Великий, который стал легендарной фигурой и перестал быть примером для подражания, а Оттоны, правители Священной Римской империи. Более того, она полагает, что образцом для Бриана служил его современник Оттон III, который в 992—1003 гг. вел активную деятельность по созданию единого клерикального пространства и называл себя при этом *Imperator Romanorum* [Ní Mhaonaigh 2007: 133].

Имперские установки обычно требуют некоей опоры в древних текстах. Так, в 1796 г. Екатерине Великой оказалось «нужным» *Слово о полку Игореве*, хотя ни лично она, ни Романовы в целом с новгород-

северскими князьями родственных связей уже не имели, да и повествуется там о поражении¹³.

Но если идея подготовки рукописи *Amra* и принадлежала кому-то из круга Бриана, ее реальное воплощение было реализовано уже скорее теми, кто держал сторону Маэля Сехналла и Фердомнаха. По крайней мере, неоднократно упоминаемая нами вставка, где говорится о разногласиях о месте создания поэмы между Маель Сутанем и Фердомнахом, ясно говорит, что компилятор стоял на стороне последнего. С точки зрения нарративной фразы «X утверждает, что А, тогда как Y полагает, что Б» прозрачно демонстрирует, что нарратор солидарен с Y. Указанные топонимы были идентифицированы в свое время В. Стоуксом [Stokes 1899: 135], и по карте видно, что разногласия принципиального характера не носят: оба склонны считать, что Даллан начал поэму где-то возле озера Лох Уарь (возле совр. Муллингара, графство Мит). Однако мы полагаем, что тот факт, что Фердомнах поместил поэта Даллана на одну из пяти священных дорог Ирландии — Слиге Ассаль («Ослиную дорогу»)¹⁴, axis Hiberniae, ведущую из Тары через Тлахтгу в Тайльтиу, достаточно значим. Предположительно, так создавалась элевация текста в целом и одновременно — элевация его автора, который предстает как священный поэт-провидец, которому в сакральном месте святой явил чудо, вернув зрение. Но кому это было на руку и, позволим себе спросить, действительно ли *Amra* была написана Далланом Форгаллом?

В том, что касается датировки поэмы, то ее первые издатели и исследователи (Р. Аткинсон [Atkinson: 1898: 224], В. Стоукс [Stokes 1899: 32], Дж. Страхан [Strahan 1896: 41]) склонялись к идее, что этот текст был намеренно архаизирован, но составлен скорее в IX—X вв. Детальный (и довольно убедительный!) анализ глагольных форм позволил Дж. Страхану отнести предположительную дату составления поэмы к первой четверти IX в. «По крайней мере, — как пишет он, — этот текст

¹³ Сказанное не означает, что мы не верим в аутентичность *Слова*. Скорее, появление этого знаменитого памятника возникло не как результат подделки, а как следствие указания лучше поискать. Кроме того, действие *Слова* происходит на территории присоединенных Екатериной земель гетманской Украины, которые в старом тексте уже называются русскими!

¹⁴ См. о ней, а также о традиции «священных дорог» в [Бондаренко 2003].

не мог быть составлен ранее 800 г.» [Strahan 1896: 44]. Однако позднее тщательный анализ текста привел к идее, что поэма не была продуктом поздней архаизации, но действительно является «одним из наиболее древних ирландских текстов, дошедших до нашего времени» [Hull 1961: 242]. «Лингвистические данные позволяют отнести этот текст примерно к 600 году, — пишет М. Херберт, — что соответствует свидетельствам, относящим ее создание ко времени смерти святого» [Herbert 1996: 10].

Тот факт, что *Amra* действительно была написана вскоре после смерти Колума Килле в настоящее время считается общепринятым¹⁵. Мы полагаем, что датировка текста *Amra* — вопрос особый, возможно, нуждающийся в дальнейшей разработке. Более того, тщательный лингвистический анализ текста поэмы, предпринятый недавно в диссертации Дж. Бизани (см. [Bisagni 2008: 104—204]), позволяет отнести отдельные главы поэмы к началу VIII в. Но принимая либо традиционную точку зрения, либо склоняясь к новой, отметим, что для компилятора начала XI в., судя по глоссам к тексту, язык поэмы действительно воспринимался как темный и не всегда понятный, поэтому ни о какой подделке *этого* времени речь не идет и идти не может!

Согласно давней традиции, автором поэмы считается Даллан Форгалл, верховный поэт Ирландии времен Аэда, сына Айнмире. По крайней мере, так об этом детально написано в прологе к поэме во всех существующих редакциях. Эта традиция сейчас установилась настолько твердо, что, как пишут в своей книге об Ионе Т. Кланси и Г. Маркус, «было бы безумием отрицать связь Даллана с поэмой» [Clancy, Márkus 1995: 97]. Однако, как сами они понимают, сейчас уже очень трудно и практически невозможно установить, как именно и когда впервые (и кем?) было соотнесено имя этого персонажа с автором поэмы-элегии на смерть святого Колумбы. Наш взгляд, направленный из нашего времени в начало VII века, когда, предположительно, прототекст поэмы был написан, не может миновать столь активный с культурной точки зре-

¹⁵ Среди работ, в которых доказывается архаичность поэмы отметим прежде всего [Thurneysen 1933; Watkins 1963; Carney 1989; Travis 1944]. Архаичность текста признается также как данность в трудах О. Бергина и Д. Грина, посвященных раннему ирландскому синтаксису. См. также [Кальгин 1986]. Ср., однако, компромиссное мнение П. Расселла, который полагал, что АСС состоит из фрагментов, относящихся к разному времени [Russell 1995: 291].

ния среднеирландский период, когда создавалась, укреплялась и распространялась собственно «Далланова традиция», или миф о Даллане. Однако у нас нет оснований утверждать, что *все*, что нам известно об этом легендарном персонаже ирландской истории, есть лишь поздние измышления. «Даллан Форгалл был первым ирландским поэтом, на которого падает свет истории» [De Blacam s.a.: 15] — пишет о нем Аод Де Блакам, один из деятелей ирландского литературного возрождения, и может быть, это отчасти действительно так.

Рассказ о смерти Даллана Форгалла содержится в поздней саге *Трудное (тяжелое) гостевание (у) Гуайре* (Tromdám Guaire), дошедшей до нас в трех редакциях, наиболее полная из которых содержится в рукописи XV в. «Книга Лисмора». Более краткая редакция (рук. Эджертон 1782) представляет собой скорее сжатое изложение саги, однако язык его — более ранний, однако не ранее периода XI—XII вв.¹⁶ Собственно говоря, сага в качестве основного сюжета имеет рассказ о том, как ко двору короля Коннахта Гуайре Айдне пришли поэты Ирландии во главе с Сенханом Торпейстом. Их бесконечные и трудновыполнимые требования заставили короля наложить на них зарок: не спать две ночи подряд под одной крышей, пока они не исполнят целиком и в правильной последовательности эпизодов эпопею *Похищение быка из Куальнге*¹⁷. Это заставило их покинуть двор короля Гуайре и отправиться на поиски, приведшие к могиле героя уладов — Фергуса, который явился поэтам и рассказал о том, как произошло похищение. Однако этому повествованию предшествует довольно объемный эпизод, в котором рассказывается о том, почему Сенхан Торпейст стал верховным поэтом Ирландии вместо погибшего Даллана Форгалла. По определению Дж. Карни, сага делится на три части: 1. Введение; 2. Состязание и 3. Квест [Carney 1955b: 171]. Рассказ о Даллане содержится во введении к саге. Королем Айргиаллы был Аэд, сын Дуаха Черного, в то время как королем Брефне был Аэд Светлый, сын Фергны. Первый обладал чудесным щитом по имени Дубгилла, и этот щит, повернутый к врагам, делал их слабыми, подобно женщине после родов. Аэд Свет-

¹⁶ О рукописях и датировках редакций см. [Dillon 1946: 90], а также в предисловии к изданию саги [Joynr 1931].

¹⁷ См. перевод сокращенной версии саги «Как было найдено *Похищение быка из Куальнге*» в изд. [Похищение быка из Куальнге 1985: 5—6].

лый захотел получить этот щит и воспользовался для этого помощью Даллана. Тот отправился к Аэду, сыну Дуаха Черного и исполнил ему хвалебную песнь¹⁸. Король предложил ему в качестве платы золото, украшения и дорогие ткани, но тот настаивал на том, что платой может быть только чудесный щит. Король отказался, и это дало возможность поэту исполнить против короля поэтическую хулу, несмотря на то, что тот напоминал ему о том, что по правилу святого Колума Киле и других святых Ирландии, неправая хула должна обратиться на самого поэта. По дороге домой Даллан внезапно прозрел и понял, что это знак скорой смерти: действительно, прибыв в Брефне он вскоре умер. Его преемником и стал Сенхан Торпейст.

Возвращение зрения, как это описано в саге, вначале поражает Даллана, который вдруг начинает различать цвет овец, пасущихся у дороги, и говорит: «Сдается мне, у меня теперь два здоровых глаза!» В ответ на радостные поздравления других поэтов он возражает, что в этом нет ничего хорошего, поскольку согласно его договору с Колумом Киле это произойдет с ним перед смертью [Joynnt 1931: 7, 196—201]. Однако это не совсем так. Согласно прологу к *Чуду Колума Киле* чудесное возвращение зрения Даллану должно было произойти после смерти самого святого: *ocus a suile do lecad do féin i cein no beth hic a denam* [Stokes 1899: 134] — *и его глаза излечатся, пока он будет делать это* (слагать поэму). По мнению Ш. О'Коляна, компилятор саги *Гостевание Гуайре*, который был несомненно знаком с прологом к поэме и составлял введение к саге, во многом ориентируясь на него, просто спутал тему возвращения зрения и предвестия смерти, предположив, что это должно явиться знаком не успения святого, а близкой смерти самого поэта¹⁹. Однако, как он же отмечает при этом, ссылаясь на работу Фр. Ле Ру [Le Roux 1961], обретение зрения в данном случае может рассматриваться как утрата слепоты, то есть утрата внутреннего видения, которым отличались ирландские поэты-филиды, само название которых восхо-

¹⁸ Темный аллегорический язык этой поэмы, как и последующих проклятий, написанных поздним слогосчитающим «прямым стихом» многими исследователями расценивается как пародия на «темный стиль» архаической древнеирландской поэзии.

¹⁹ См. [O'Coileáin 1977: 37]. В статье также проводится параллель между щитом, который Даллан требовал у Аэда, и пряжкой Тары, которую согласно прологу ирландские поэты потребовали у Аэда, сына Айнмире, верховного короля Ирландии.

дит к и.-е. основе **wel-* ‘видеть’. Мы могли бы, наверное, развить эту идею: если составитель пролога писал о пророчестве святого Колума Киле, согласно которому к Даллану вернется зрение на время работы над поэмой как знак благодарности и благословения святого, то это выглядит противоречием ко всему сказанному выше. Более того, это, казалось бы, противоречит простой логике, поскольку для слепого поэта, сочиняющего свой текст, как мы понимаем, устно (если это действительно имел в виду составитель пролога, что, в общем, не очевидно) зрение для его творчества было не нужно. Возможно, речь в данном случае шла действительно об «утрате профессиональной слепоты», но той слепоты, за которой стояли языческие магические дивинационные практики, тогда как для сочинения хвалы христианскому святому как раз требовалось отказаться от них.

Обращает на себя внимание, однако, еще одна интересная деталь: в тексте саги говорится, что в Брефне прибыл Эохайд Ригекес, каковым был Даллан Форгалл:

Is ann a mbuí Eochaidh Rí-éiceas i bhfarradh righ Brefne ꝛ ba heisin Dallán Forguil [Joynt 1931, 1, 1.14—16]. — (букв.) *Так что был Эохайд Ригес («Король мудрости, учености, знания») поблизости от короля Брефне, и это был он, Даллан Форгалл.*

Из данного текста следует, что Эохайд и Даллан — одно лицо, причем собственно синтаксис текста в данном случае не дает оснований для того, чтобы сделать вывод о том, какое именование является именем собственным, а какое — скорее значимым прозвищем. Однако, как принято считать, в данном случае сочетание Даллан Форгалл (ирл. Dallán Forgaill), которое означает буквально «слепец знания, свидетельства» (родительный падеж от др.-ирл. *for-gell, for-gall* ‘утверждение, установление, свидетельство, знание, авторитет’, глагольное имя от глагола *for-gella* ‘подтверждает, утверждает, формулирует, свидетельствует, призывает’), является чем-то вроде прозвища и «титула», намекающего, с одной стороны, на природную слепоту поэта (слепыми были многие филиды и барды Ирландии и Шотландии), с другой — на обладание им внутренним зрением, как мы уже говорили, позволяющим про-видеть, про-зреть то, что может быть скрыто для простых, «зрячих» людей.

Т. Кланси и Г. Маркус в своей книге пишут, что «настоящим именем Даллана было Эохайд, сын Коллы, сына Эрка, сына Ферадага»

[Clancy and Márkus 1995: 98], однако не указывают при этом источников, позволяющих сделать этот однозначный вывод. Насколько мы понимаем, в данном случае они опираются на совокупность поздних свидетельств: пролог к изданию *Чуда* в *Liber Hymnorum*, в котором говорится, что лицом, написавшим поэму был *Dallan mac Forgaill do Másraigib Maige Slécht a Bréifni Connacht* [Bernard and Atkinson 1898: 163] — *Даллан, сын Форгалла, из (рода) Масрайге из Маг Слехт из Брефне в Коннахте*, а также на глоссу в поздней рукописи Эджертона 1782, в которой о Даллане сказано, что «Даллан же (был) сыном Колла, сына Эрка, сына Фердага»²⁰. В то же время следует отметить, что в наиболее пространной Бодлеанской версии пролога к поэме Эохайд и Даллан не отождествляются, но предстают как два разных человека:

In tresfhecht immorro aurfhocra in da cet dec filed im Eochaid rígeces, im Dallan, in Senchan, dia ros-fost Mael-coba ri Ulad teora bliadna [Stokes 1899: 42]. — *В третий раз же было объявление вне закона двенадцати сотен поэтов, включая Эохайда Ригекеса, включая Даллана, включая Сенхана, когда их изгнал Маэль-Кова, король Улада, на три года.*

Скорее всего, здесь имеется в виду Маэль Кова, сын Фихны, король Улада с 644 до 647 г., т. е. как раз три года, и таким образом оказывается, что этот король был вообще склонен запрещать поэтам заниматься их деятельностью.

Этот фрагмент отсутствует в Прологе к ЛН, а также в версии «Книги Бурой коровы» и, видимо, является поздней интерполяцией, показывающей, что идентификация Эохайда и Даллана в конце XI века для компилятора не была очевидна.

В то же время, наиболее близкое к предложенному Кланси и Маркусом отождествлению персонажей свидетельство об истинном имени и о происхождении Даллана содержится в *Мартирологе Донегола*, составленном в 1630 г. известным антикваром и автором *Анналов* (так наз. — *Анналов четырех мастеров*) Майклом О'Клери. На 29 января он помечает день поминовения Даллана Форгалла и описывает его происхождение: «Даллан Форгалл из Магин, из потомства Коллы Уаса, верховного короля Ирландии. Было ему имя Эохайд, сын Коллы, сына Эрка. Он же написал хвалебную песнь Колуму Килле, которую называют *Чудо Колума Килле* и другое *Чудо*, маленькое, для Сенана из

²⁰ См. сноску в издании Бодлеанской версии [Stokes 1899: 36].

Инис-Катах. Он был погребен в Инис-Киль, месте, где был благословлен Коналл в Инис-Киль» [Todd 1864: 31]. В Житии Мэдока из Фьярны говорится в главе 72, что этот Даллан был у Килл-Даллана, и что «были они детьми двух братьев, т. е. Мэдок, сын Седна, сына Эрк, и Даллан, сын Коллы, сына Эрк» [Todd 1864: 30].

Согласно близкому по времени источнику, то есть *Анналам четырех мастеров*, Колла Уас («высокий, благородный») начал править Ирландией в 323 г., но на четвертый год был изгнан Миредахом Тирехом в Альбан (Шотландию), «и три сотни воинов ушли вместе с ним» [AFM, 122]. Источники, естественно, не предполагают, что Даллан (или Эохайд) был сыном этого Коллы, но лишь происходил из его рода, то есть королевского рода.

В *Истории Ирландии* Дж. Китинга (1580—1644), также составленной в начале XVII в., Даллан также отождествляется с Эохайдом Ригекесом:

Is é fá hardollamh i n-Éirinn an tráth soin Eochaidh Éigeas mac Oiliolla mic Eirc, agus is ris a deirthí Dallán Forgaill [Keating 1908, 94]. — *Первым поэтом Ирландии в то время был Эохайд Эйгес, сын Айллиля, сына Эрк, и он также называется Даллан Форгалл.*

Насколько мы понимаем, в сводном Житии ирландских святых, составленном также в начале XVII в. Джоном Колганом (1592—1658) — *Acta Sanctorum Hiberniae*, также содержится отождествление Даллана с Эохайдом, сыном Коллы, сына Эрк²¹.

Несколько иначе представлен «святой» Даллан в более ранних источниках. Упоминание Даллана, сына (!) Форгалла, содержится в другом мартирологе, так называемом Таллагтском, текст которого сохранился в Лейнстерской книге. Сам мартиролог принято относить к началу X в., т. е. к периоду более раннему, чем предположительное со-

²¹ См. об этом в жизнеописании святого Даллана, написаном уже в 1975 г. Джоном О'Ханлоном. Автор в основном ссылается в качестве источника на Дж. Колгана и сводит вместе все противоречивые свидетельства, касающиеся жизни и обстоятельств смерти поэта-святого. Убитый пиратами, согласно его редакции, Даллан призывает перед смертью поэта Сенхана Торпейста и передает ему право быть первым поэтом Ирландии в обмен на панегирик по себе (см. [O'Hanlon 1875: 496—503]).

ставление пролога к *Чуду Колума Килле*. Упоминание Даллана также поставлено на 29 января, но выглядит оно более чем кратко:

Dallan mac Forgaill ó Maigin [Best, Lawlor 1931: 13].

Обращение к анонимному позднесреднеирландскому или даже ранненовоирландскому Житию святого Мэдока († 626) также содержит упоминание о Даллане Форгалле (там он называется именно так, и уточняется его родство со святым Мэдоком — они оказываются двоюродными братьями), причем говорится, что «он был известен своей мудростью и правыми суждениями», он называется «поэтом, пророком, истинно святым человеком», причем славу эту, как пишет компилятор жития, он получил в качестве «платы и возмещения от Аэда Светлого» (см. [Plummer 1922: 265—266]. То есть мы вновь возвращаемся к отголоску той же истории, которая была помещена во вводной части саги *Трудное гостевание Гуайре*, но при этом, как это ни странно, там не говорится ни о злоупотреблении правом поэта исполнить хулу против короля, отказавшего в даре, ни о чудесном прозрении Даллана, ни о его внезапной (и, по мнению компилятора саги, заслуженной) смерти. Эохайдом он также там не называется. Текст Жития, напомним, датируется уже ранненовоирландским периодом, т. е. временем после 1200 г. и, таким образом, создавалось оно уже тогда, когда предание о Даллане как об авторе элегии на смерть святого Колума Килле получило в Ирландии широкое распространение.

Как «святой человек» Даллан Форгалл изображен и в поздних прозаических глоссах к поэтическому «Мартирологу» Энгуса (конец VIII в.), где на 29 января очень кратко добавлено: «Даллан, сын Свидетельства из Майгена» [Stokes 1905: 54] (т. е. практически так же, как и в Талагтском мартирологе, см. выше).

В *Анналах четырех мастеров* (тоже XVII в.!) также содержится упоминание о Даллане Форгалле, причем именно в связи со смертью Колума Киле (которая там датируется 592 г.):

Dallán Forgaill dixit hoc do bhás **Choluim Cille**:

Is leighes **legha** gan les
is dedhail smera re smuais
Is abhran re cruith gan chéis
sinde d'éis ar n-argain uais. [AFM: 216]

*Даллан Форгалл сказал это о смерти Колума Киле:
 Есть лечение врача без света,
 Есть отделение ежевики от костей,
 Есть песня для арфы без струн —
 так и мы после ухода нашего покровителя.*

Написанное новым «прямым стихом» (и поэтому вряд ли принадлежащее поэту начала VII века), это четверостишие тем не менее цитирует словосочетание «арфа без струн» (*Is crot cen chéis, is cell cen abbaid*. — *Есть арфа без струн — есть церковь без аббата*) из *Чуда Колума Килле* и использует тот же прием расширенного параллельного сравнения (впрочем, распространенный очень широко в разных, не связанных между собой поэтических традициях).

Мартиролог Донегола отсылает нас также к другому тексту — *Чудо святого Сенана*, которое составитель XVII в. также приписывает Даллану Форгаллу²². Действительно, в среднеирландских глоссах и небольшом прологе к поэме, посвященной святому Сенану († 544!) и совершенному им чуду — победе над водяным чудовищем, говорится:

Dallan didiu do-roine inn amra-sa do Senan do fossugud a ruisc lais iar ndenam ind amrad n-aile do Cholun Chille [Breatnach 1989, 9]. — Даллан же сложил эту песнь для Сенана, поскольку его зрение вернулось к нему после того, как он сложил другую песнь для Колума Килле.

Завершается поэма также прозаической отсылкой к истории ее создания:

Ro fossaig tra Dia do Dallan s shuile coa bas ar anoir ꝥ airmitin molta ꝥ marbnada Senain [Breatnach 1989: 11]. — Сохранил же Бог его глаза Даллану до его смерти из-за чести и признательности за хвалу и похвальной песнь Сенану.

Л. Брятнох в данной публикации поэмы, посвященной Сенану, доказывает, что, по данным языка, она не могла быть написана раньше конца IX в., и выдвигает предположение, что ее автором мог быть знаменитый Кормак Мак Куллинан († 908), король и епископ Кашеля,

²² Эта традиция оказалась настолько стойкой, что и сейчас в популярной массовой литературе можно встретить утверждения, что автором *Чуда Сенана* был Даллан Форгалл; к нашему изумлению, мы увидели ссылку на это и в предисловии к академическому изданию *Гостевания Гуайре* [Joynnt 1931: X].

автор *Глоссария*. В то же время, как он полагает, составитель средне-ирландских глосс и пролога к поэме, несомненно, был знаком с *Чудом Колума Килле* и с традицией приписывать этот текст Даллану Форгаллу и его не смутил тот факт, что, в отличие от элегии на смерть Колума Килле, посвященная Сенану поэма вряд ли может быть отнесена к жанру *marbnad* (посмертная хвалебная песнь). Относительно небольшая по объему поэма (в издании выделено 57 строк, но в оригинале деление на строки могло быть иным) как бы распадается на два фрагмента. Первый представляет собой восхваление святого Сенана за его благочестие (но при этом его победа над водяным монстром никак не упоминается). Второй, заключительный, фрагмент представляет собой обращение к святому с просьбой вернуть зрение, точнее — благодарность за возвращенное зрение²³. Видимо, именно мотив возвращенного зрения как результат восхваления поэтом святого, а также сходство названия — *Amrae* — послужили для составителя глосс толчком для отождествления автора *Чуда Сенана* и автора *Чуда Колума Килле*.

Интересен еще один момент: в *Чуде Сенана* поэт говорит о том, что возвращение зрения не приносит ущерба его поэтическому искусству:

Caín tesban
teim essgal,
scéo ní háin,
ní hain aí;
is mo aí
as moam mo áin.

[Breatnach 1989: 25]

*Прекрасно отсутствие
мрачной тьмы
и, великая вещь,
это не позорит поэзии;
больше превосходства
от этого в моей поэзии.*

(перевод условный)

Присутствующее здесь противоречие — возвращение зрения, казалось бы, не должно как-то вредить поэтическому мастерству — предстает здесь как логичное продолжение идеи, которая была нами выявлена в *Гостевании Гуайре*. То есть, иными словами, автор *Чуда Сенана* был знаком с архаической (и языческой) традицией, подчиненной идее, согласно которой слепота не порок, но своего рода ниспосланный свыше дар, который позволяет прозревать невидимое, но при этом, будучи христианином, он не хочет с ней соглашаться и ей следовать.

²³ Признаться, этот момент заставляет усомниться в верности атрибуции Л. Брятноха, поскольку епископ Кормак слепым не был.

Согласно предположению П. Хенри, мотив возврата зрения содержится в одной из завершающих строк *Чуда Колума Килле* [Henry 1978: 200]:

Rop réid menda duba dím. — Пусть легко физические изъяны темные (уйдут) от меня.

Таким образом, тема слепоты и возврата зрения была подсказана самим текстом поэмы и поэтому, когда в более поздний период появилась потребность в определении ее автора, мотив его слепоты оказался одним из определяющих.

Мы далеки от предположения о том, что имя Даллана Форгалла было «придуманно» неизвестным компилятором начала XI века, который оформил текст поэмы прологом и глоссами. Естественно, он также опирался на уже существующую традицию, точнее, был знаком с именами исторических и полулегендарных поэтов, живших в конце VI — начале VII вв. Имя Даллана, несомненно, было среди них, однако создание комплекса легенд о нем состоялось позднее, причем, как мы видим, во многом именно благодаря широкому распространению пролога к *Чуду*.

Часть из них противоречива. Так, в поздних фольклорных источниках существует совершенно другой рассказ о смерти Даллана, не имеющий ничего общего с рассказом из *Гостевания Гуайре*. Согласно преданию, он прибыл в монастырь святого Коналла Кила в Донеголе, находящийся на острове, носящем имя святого, Инис-Киль, чтобы сложить ему хвалебную песнь. Но по дороге на него напали пираты и отрубили ему голову. Однако один из монахов Коналла нашел тело и голову Даллана, приложил их друг к другу, и они срослись. Таким образом, умерший поэт был достойно погребен на острове²⁴, чем, по сути говоря, и оказывается обусловлена его дальнейшая «святость» и день его поминовения (см. рис. 17, рисунок из позднего «лубочного» мариолога ирландских святых).

Этот рассказ о мученической смерти Даллана и последующем чуде Д. О'Хогайн считает поздним и не стоящим внимания на фоне других, более полных и интересных преданий о поэте Даллане, однако, как нам кажется, он не совсем прав. Действительно, многие легенды, связан-

²⁴ См. [Ó hOgain 1991: 150]

ные с чудесами острова Инис-Киль, известны скорее по поздним фольклорным источникам, однако совершенно очевидно, что за ними стоят более архаичные предания, связанные как с жизнью самого святого, так и с островом, на котором он поставил свой монастырь в конце VI в. Этот остров, находящийся в устье Донебольского залива (на северо-востоке Ирландии), считался языческим, друидическим островом (как и остров Иона святого Колума Килле), поэтому с приходом христианства он был проклят и сделался невидимым, появляясь на горизонте лишь на краткое время. Святой Коналл, по ошибке убивший родного отца (он приревновал к нему свою молодую жену, совершенно не имея для этого оснований) и желавший в уединении искупить свой грех, обратился к Господу с просьбой сделать остров доступным для людей, переплыл туда и раскинув руки лежал на прибрежном песке так долго, что птица успела свить гнездо в его ладони и вывести птенцов. Так Коналл понял, что прощен Богом, и тогда он основал там небольшую обитель, предварительно обойдя пешком весь остров. Этот ритуальный «обход», в ирландском фольклоре носящий английское название *tugus*, по преданию, был связан с разного рода обетами, в частности — чудесными исцелениями и особенно — возвращением зрения слепым! Сакральным объектом в данном случае служит находящаяся на острове могила, «в которой похоронены двое — Коналл Кил и знаменитый поэт Даллан Форгалл» [Ó Muirghesa 1921: 256]. На фоне всего сказанного приезд Даллана Форгалла на этот остров предстает как логич-

ный, так как здесь мы вновь встречаем тему чудесного возвращения зрения. Кроме того, как мы понимаем, именно предание о смерти Даллана, об отсечении его головы и о чудесном ее возвращении как раз и послужило поводом для его локальной канонизации и включения в Таллахтский мартиролаг, а также в глоссарий-дополнение к Мартирологу Энгуса. Однако напоминаем еще раз: в отличие от позднего Мартиролога Донегола (см. выше), в этих источниках местный святой, именуемый Даллан мак Форгалл, никак не связывается с поэмой *Чудо Колума Килле*.

Рис. 17

Совершенно иной Форгалл (или Форголл) фигурирует в цикле саг, посвященных королю Монгану, сыну Фиахны († 625), «одной из наиболее загадочных фигур псевдоистории» [Ní Bhrolcháin 2009: 72]. Король Улада Монган в то же время, согласно легендарной традиции, был реинкарнацией бога моря Мананнана мак Лира, обитавшего на острове Мэн. Пророчество о рождении Монгана вложено в уста этого божества в достаточно ранней (VIII в.?) саге *Плаванье Брана*: герою является едущий на колеснице по морским волнам чудесный путник, который говорит о себе, что он бог моря и что он станет отцом и воплощением рожденного от земной женщины чудесного ребенка:

Это облик, тобою зримый, —
 Он придет в твои края, в Ирландию,
 Ибо мне надлежит путь к дому
 Женщины из Лине-Мага.
 Перед тобою Мананнан, сын Лера,
 На колеснице в обличе человека.
 Им будет рожден — на короткую жизнь —
 Прекрасный муж с белым телом...²⁵

В то же время, Монган является и воплощением Финна Мак Кумала, чем, в частности, объясняется хорошее знание им локальной традиции и историй, связанных с легендарной топонимикой Ирландии (так наз. «Старины мест» — *Dindsenchas*).

При его дворе находится поэт по имени Форгалл, который одновременно прославляет короля, складывает о нем повести и поэмы, но и находится с ним в состоянии определенного рода соперничества: каждый стремится показать, что он более образован и лучше знает, в частности, почему то или иное место получило свое название. Причем Форгалл, будучи поэтом, угрожает Монгану хулой-насмешкой, тогда как король может опираться только на собственные знания, обретенные им в его последовательных перерождениях²⁶. Интересно, что в другой повести о Монгане, где также проверяются его знания, его соперником выступает поэт Эохайд Ригекес, называемый «верховным поэтом Ирландии»,

²⁵ Пер. А. А. Смирнова. См. [Смирнов 1933: 243].

²⁶ См., например, рассказ о том, как выяснилось, что Монган — это Финн мак Кумал: [Cross & Slover 1996: 548—550].

уже знакомый нам по описанным поздним источникам, но в данном случае не отождествляемый с Далланом. В небольшой саге, датированной предположительно также VIII в., повествуется том, почему Монган был лишен потомства: Эохайд оказался трижды посрамленным в присутствии юного Монгана, который сумел ответить на вопросы клириков о происхождении кругов камней и стен крепостей, что Эойхаду, верховному поэту, известно не было. Раздраженный, он проклял сына короля, сказав:

...in t-ānius romōr tuargabais fort bethir cen āinius dar a ēisi: nīcon bia acht eachbachlaich uait ḡ nī ba mōr itir faicebtha athgabāil, ḡ nīcon festar tarad de fen [Knott 1916: 155]. — *...радость великая, которую доставишь ты себе, будет без радости в другом. Не будут тебе нужны никто, кроме прислужников при лошадях, и не будет велико твое потомство, и не будет всходов от тебя.*

Действительно, таким образом, функционально в цикле саг о Монгане поэты-хулители (не отличающиеся к тому же глубокими историческими и топонимическими познаниями!) Эохайд и Форгалл оказываются идентичными, что, как мы можем предположить, в традиции более поздней послужило толчком для их идентификации уже на уровне сюжетном. Более того, как мы понимаем, в эту традицию оказался включенным некий персонаж, связанный с раннецерковной традицией Донегола, носящий имя Даллан мак Форгалъ, что в итоге привело к «вылепливанию» на каркасе сходства имен и темы слепоты фигурки Даллана Форгалла из пролога к *Чуду Колума Килле*. Отметим, что все упомянутые нами источники всегда помещают Даллана (или Далланов) в первую половину VII в., однако совершенно очевидно, что Даллан из *Гостевания Гуайре* и Даллан, погребенный в монастыре Инис-Киль — это персонажи совершенно разные!

Но в таком случае, существовал ли поэт Даллан вообще? И если да — то к какому из «Далланов» он мог быть ближе? Мы полагаем, что сама постановка данного вопроса не совсем корректна, так как он безусловно существовал для среднеирландской и более поздней традиции, с одной стороны, и он также, естественно, существовал как пусть и не известный нам, но реальный автор прототекста *Чудо Колума Килле*, с другой. Вопрос лишь в том, кем был этот автор и какое он носил имя. Для компилятора пролога, как мы думаем, это был скорее Даллан Форгалл — поэт и хулитель, который предстает в повестях о

Монгане, тогда как «на самом деле», судя по тексту самой поэмы, это скорее был приближенный к церковным кругам Даллан мак Форгаль, о котором мы не знаем практически ничего²⁷. Теоретически мы могли бы выстроить что-то в роде схемы с кружками и стрелками, которые показывали бы, какой мотив и какое имя где и кем было заимствовано и что для чего послужило источником. Однако мы не считаем возможным рисовать такую схему, поскольку совершенно несомненно: часть звеньев этой даже не цепи, а скорее «кольчуги» навсегда утрачена, и мы не можем с уверенностью говорить о том, что именно послужило источником не только для анонимного составителя пролога начала XI века, но и для Майкла Клери и других антиквариев в середине XVII.

Обращение к тексту самой поэмы *Чудо Колума Килле* на самом деле дает скорее противоречивые результаты.

Позволим себе привести большую цитату из книги Т. Кланси и Г. Маркуса:

«Легенды, которые называют Даллана верховным поэтом и которые описывают его как члена светского сообщества профессиональных литераторов, отвлекают исследователей от свидетельств об авторе самой поэмы, из которой видно, что Даллан был хорошо знаком с церковной ученостью и прекрасно знал латынь. Он демонстрирует осведомленность с библейской традицией, как с персонажами, так и с сюжетами; он упоминает отцов церкви (Кассиана и Василия), а в случае с Кассианом он демонстрирует знание непосредственных источников; он явно знаком с аскетическим служением, а также много знает о жизни самого Колумбы; он использует латинизмы и, к тому же, также широко пользуется латинскими заимствованиями в ирландском. Все это говорит в пользу того, что сам Даллан прошел обучение в монастыре, если только не был клириком. Вне всякого сомнения, он христианин и не забывает предпослать своей поэме обращение к Богу. Более того, он демонстрирует личную привязанность к умершему святому, хотя и не называет Колумбу своим покровителем в этой жизни, как это делают другие поэты из окружения святого. При этом он описывает чу-

²⁷ Реконструированная ситуация в чем-то напоминает полуанекдот: ученые установили, что *Илиаду* написал не Гомер, а другой поэт, живший в то же время и носивший то же имя. Однако в нашем случае, как мы видим, ничего анекдотического в данной ситуации нет.

деса, происходящие на его могиле и ждет от него помощи в будущей жизни. <...> Хвала Даллана в первую очередь относится к Колумбе как ученому и те фрагменты, в которых он говорит о мастерстве Колумбы в интерпретации Библии или понимании законов, кажутся наиболее впечатляющими и эмоциональными. <...> Он также знаком с миссионерской деятельностью Колумбы среди пиктов и, как кажется, в курсе договора, согласно которому остров Иона отошел к Дал Риаве и затем был получен святым в дар от местного короля» [Clancy, Márkus 1955: 99—100].

Все сказанное более чем справедливо. Более того, обилие присутствующих в поэме латинизмов далеко выходит за пределы корпуса заимствований, связанных как с христианством, так и с монастырским бытом и особенно — работой в скриптории (*archangel* ‘архангел’, *sacart* ‘святой’, *demal* ‘демон, дьявол’, *celebrad* ‘служит (мессу)’, *axal* ‘апостол’, *angel* ‘ангел’, *salm* ‘псалом’, *lebor* ‘книга’, *léig* ‘закон’, *scóil* ‘школа’ и другие). Поэт широко использует латинские окказиональные вкрапления, как мы понимаем, привычные для него и знакомые его аудитории, на фоновые знания которой он ориентируется. Например:

Lais túath *occidens*,
cot-ro-lass *oriens*.

Сияет страна запада,
осветил он восток.

Menda — ‘физические ущербы, недостатки’, *figiur* — ‘фигуры (риторики)’, *certo* — ‘точно, несомненно’, *ius* — ‘долг, обязанность’, *gula* — ‘чревоугодие’ и так далее — это лишь небольшая часть латинских окказионализмов, использованных автором поэмы. Отметим также, что многочисленные латинизмы автор Чуда Колума Килле с легкостью помещает в аллитерирующие пары, создавая таким образом на базе архаической метрической системы новые «формулы», что, возможно, со стороны могло выглядеть чуть ли не пародийно, но безусловно опиралось на фоновые знания аудитории. Приведем в качестве примера главку V, повествующую об учености Колумбы (латинизмы подчеркнуты):

V.
 Raith rith rethes
 Dar cais caindenam
 Faig feirb fithir
 Gaiss gluassa gle
 Glinnsius salmu
 Sluinnsius leig libuir ut car Caisseoin.
 Catha gulae gailais
Libru Solman sexus.
 Sina sceo imrima raith.
 Rannais rainn co figuir eter libru leig.
Legais runa rochuad eter scolaib screptra.
 Sceo ellacht imhuaim n-eisce im rith.
 Raith rith la gréin ngescaig.
 sceo rein rith.
 Rimfed rind nime nech inchoi cech dirnais ro Columb
 o chille cuallamar.

*Прошел течение милости
 Посредством любви прекрасноделания
 Сплел слова учитель
 Разъяснял глоссы чисто
 Очищал псалмы
 Объявлял чтение книг что любил Кассиан
 Битвы чревоугодия победил
 Книги Соломона он им следовал
 Погоду и бури понимал
 Разделял разделы фигурой между книгами закона
 Читал тайны мудрецов между школами писания
 И знание вращения луны в движении
 Понимал бег солнца вооруженным
 и бег моря
 Исчислил бы звезды неба тот, кто назвал бы
 каждое благо, которое мы слышали от Колума
 Килле.*

Все сказанное, казалось бы, должно привести к логическому выводу: поэт, кем бы он ни был, входил в окружение святого Колумбы на Ионе, сам был клириком и младшим современником святого, поэма на Ионе и была написана, причем была адресована таким же ученым кли-

рикам. Однако Т. Кланси и Г. Маркус остерегаются делать такой вывод: «Нет достаточного числа доказательств того, что поэма была сложена на самой Ионе, — пишут они, — хотя она, безусловно, входила в число известных там документов. Она была знакома Адамнану, который имитирует ее в свой *Молитве*, и Беккану, который использует ту же редкую лексику. Видимо, Даллан получил информацию о Колумбе с Ионы от старейшин и преемников Колумбы, если не лично. <...> Но у нас нет оснований полагать, что сам Даллан когда бы то ни было приезжал в Британию и пересекал море, поскольку об этом у него нигде не упоминается» [Clancy, Márkus 1955: 100].

Действительно, в поэме нигде не говорится о том, что ее автор плывал на корабле из Ирландии в Иону, однако это, в принципе, и не было обязательно. Зато следует обратить внимание на дважды употребленные формы глагола в 1 лице множественного числа: *tuinnemar* ‘мы ждали’ (земли Моисея), а также:

*Rímfed rind nime, nech in-choí cech ndiruais / go — Coluimb ó Chille —
cúalammar. — Сосчитал бы звезды на небе, кто смог бы рассказать об
остальном, / что мы слышали от Голубя из Церкви.*

«Мы» в данном случае — это, несомненно, не придворный поэт короля Аэда и его окружение, а те, кто непосредственно общался со святым, впитывал от него ученость, духовность и находился под его непосредственным влиянием.

Итак, традиция уже в момент составления *Liber Hymnorum*, как и позднее, твердо приписывала авторство поэмы именно Даллану Форгаллу. Традиция обязательно приписывать все поэтические тексты какому-то конкретному лицу (включая и самого Колума Килле, и святого Патрика) была для ранней ирландской словесности очень стойкой. Мы полагаем, что понятие «неосознанного авторства», сформулированное в свое время М. И. Стеблин-Каменским, было актуально скорее для традиции скандинавской²⁸. В то же время тексты древнеирландские, создаваясь и на раннем этапе функционируя действительно как неосознанно авторские, попадая в монастырскую среду, воспитанную на христианской и античной традиции, неизбежно получали какого-то

²⁸ Ср.: «существовало понятие “автор стихов”, и оно выражалось словом “скальд”, но понятия “автор” не существовало, и не было такого слова» [Стеблин-Каменский 2003: 76].

автора, а также упоминание о времени и обстоятельствах создания текста. Поэма *Чудо Колума Килле* **должна** была иметь автора и поэтому она была приписана Даллану Форгаллу.

Чудо Колума Килле — это хвалебная песнь-панегирик²⁹. Как писал Кенни, «во всяком случае, панегирик принцу королевской крови, каковым был Колумба, был достоин “поэта-лауреата” Ирландии» [Kenney 1929: 247]. Однако это не совсем так. Славословия своим живым покровителям писали и скандинавские скальды, и ирландские же барды, и для начала XI в. это, как мы понимаем, уже становилось нормой, причем к славословиям и восхвалениям стремились как Маэль Сехналл, так и Бриан. Однако в предисловии к *Amra* анонимный компилятор пишет: «Хвала подобает только умершему», — и именно эту фразу мы считаем ключевой для определения позиции компилятора и его собственных задач и целей, которые он преследовал, описывая в прологе длинную историю создания поэмы³⁰. Для него, как можем мы видеть, судя по непосредственному содержанию, собственно политический повод для написания Предисловия к *Amra* явно уступает место более глобальной проблеме положения поэта в обществе и его взаимоотношений с властью. Напомним, что первая редакция Пролога была создана уже на исходе скандинавского вторжения, которое коренным образом изменило весь старый жизненный уклад страны.

Как сказали бы теперь, общество утратило присущую ему эзотеричность, и дюмезилевский треугольник социальных функций резко крутанул и разместил на своей вершине класс воинов. Поэты-филиды, обладающие умением не только восхвалять, но и проклинать королей, могущественные святые, также стоящие на социальной лестнице выше представителей светской власти — все это оставалось в памяти ученых сословий как своего рода образ «золотого века» Древней Ирландии, когда короли знали свое место, а поэты и святые, взявшись за руки,

²⁹ Пользуясь ирландской терминологией — *marbnath* (см. [Калыгин 1986: 24]).

³⁰ Здесь мы подходим к сложной проблеме «вечной славы», которую создает поэт королю. Являясь архаическим индоевропейским концептом, этот комплекс представлений постоянно менялся в плане выражения, в зависимости от социальных условий и смены конфессий. С сожалением оставляем в стороне проблему, далеко выходящую за рамки нашей работы: мог ли и должен ли был Даллан написать погребальную песнь тому, кто, строго говоря, не был его патроном?

постоянно им об этом напоминали. Так родилась легенда об изгнании филидов и вмешательстве святого, защитившего их.

Итак, постараемся суммировать наши выводы. Как писал еще Дж. Карни, «Кормак, король Мунстера и епископ Кашеля, написал свой знаменитый *Глоссарий* трудных ирландских слов в конце девятого века. Значимо, что в нем нет цитаций из *Amra Coluimb Chille* <...>. Для этого есть свои причины. В результате нападений викингов ирландцы покинули монастырь на Ионе в 811 г.³¹ и переместились в Келлс. Естественно, они взяли с собой наиболее важные документы» [Carney 1898: 53]. Таким образом, рукопись *Amra* изначально хранилась на Ионе, где она, как пытались мы показать, и была написана³². Лишь в конце X в. уже в Келлсе³³ был «найден» список этой поэмы (возможно, конечно, уже не первый), рассказ об этом получил широкую огласку и по решению близких к королю (императору!) Бриану лиц была подготовлена его «комментированная» копия. Однако реальное «издание текста» осуществлялось уже теми, кто, во-первых, сомневался в правомочности бриановских имперских заявок, а во-вторых, видел в фигуре филида Даллана Форгалла призрак сакрального поэта-провидца, уже уходящий в прошлое.

³¹ Точная дата перемещения общины в Келлс не совсем ясна. Видимо, это решение было принято после 806 г., когда Иона подверглась особенно жестокому нападению. В 807 г. в Келлсе началось строительство новой церкви, которое было завершено в 814 г. Видимо, именно тогда окончательное переселение и произошло (см. [O'Sullivan 2005: 529]).

³² Мы осознаем, что понятия «написана» и «записана» для средневековой культуры понятия не однозначные. Рассуждения о проблемах первых фиксаций текстов, бытовавших до этого в устной форме, для Ирландии увели бы нас сейчас слишком далеко. Мы предполагаем «по умолчанию», что создаваемый в монастырской среде поэтический памятник не долго существовал в устной форме ввиду бытовавших там общих установок на письменное слово.

³³ В ходе устной беседы М. Херберт одобрила предложенный нами «сценарий» истории рукописи поэмы, однако предположила, что местом хранения ее рукописи мог быть и монастырь в Армаге, куда также переместилась часть монахов с Ионы и который Бриан Бору точно посещал.

Предания о королях Ирландии

Среди всего изобильного сагового наследия древней Ирландии сейчас принято выделять несколько циклов, причем основным критерием при этом в первую очередь служит система главных действующих лиц:

- мифологический (повествующий не столько о создании мира, сколько о последовательном заселении острова разными племенами¹);
- уладский (или цикл Кухулина и Конхобара);
- лейнстерский (повести о Финне мак Кумале и его воинах);
- королевский (или исторический²).

Однако данное деление во многом условно и искусственно, к тому же далеко не все саги попадают в названные группы. В книге М. Диллона *Древнеирландская литература* в качестве отдельных «жанров» приводятся также «Приключения», «Странствия» и «Видения» (см. [Dillon 1948]), причем здесь, как видно уже из названий, принцип субъектный уступает место другому, основанному уже скорее на стиле изложения материала³. Примерно такое же деление всего корпуса ирландских саг на четкие «циклы» и условные «другие тексты» содержится, например, и в обзорной книге П. И. Ламбера *Кельтские литературы* [Lambert 1981: 30], однако далее автором отмечается, что так называемый «уладский цикл», повествующий о воинах короля Конхобара, на самом деле есть лишь одна из ветвей королевского цикла, лишь разработанная по

¹ Рекомендуем в данном случае русскому читателю перевод классической книги А. и Б. Рисов *Наследие кельтов* (Celtic Heritage), см. [Рис 1999], где содержится достаточно интересный аналитический пересказ основных составляющих мифологической и исторической ирландской традиции.

² См. детальное описание саг о королях Ирландии в [Dillon 1946].

³ А. А. Смирнов называл такие саги «фантастическими», см. [Ирландские саги 1933].

ряду причин более детально и, так сказать, укрупненная в изображении событий.

Согласиться с этим полностью мы не можем. Действительно, как пишет П. И. Ламбер, ирландский «мифологический» цикл на самом деле, как известно, представляет собой *историю* заселения острова, причем начинается эта история, естественно, от сотворения мира и Потопа: так средневековые ирландские *literati* пытались вписать свою микроисторию в глобальный процесс создания, становления и развития всего христианского мира⁴. Прав он и в том, что повести о королях Ирландии, в общем, также можно квалифицировать как естественное продолжение этой истории, ее локальное развитие: от полумифических фигур, являющихся скорее символами власти, к реальным историческим личностям, имена которых засвидетельствованы во многих источниках. Одна из наиболее интересных для интерпретации саг — *Разрушение Дома Да Дерга* (см. [Предания и мифы... 1991]), повествующая о гибели верховного короля Конайре, — формально относится к уладскому циклу, т. к. в ней действует сын Конхобара — Кормак, однако мотивный инструментарий текста позволяет отнести ее и к мифологическим текстам, и к повестям о королях. Но все же сам король Конхобар, живший, согласно преданию, в I в. н. э. (он умер, узнав о распятии Христа), как нам кажется, все же не может быть назван одним из легендарных правителей Ирландии, а саги о нем и его войнах довольно существенно отличаются от повестей о «реальных» (пусть на самом деле и вымышленных) королях.

Отличий тут, как нам кажется, в первую очередь следует назвать два. Во-первых, как отмечали еще А. и Б. Рисы, главной темой саг королевского цикла является обретение верховной власти, ее узаконивание. В уладском цикле собственно тема обретения королевской власти почти не затрагивается и, более того, истинно центральным персонажем цикла является не король Конхобар, а юный герой Кухулин (отчасти — другие воины). Во-вторых, что сформулировать сложнее, уладский цикл отличается от королевского самим стилем изложения материала. Так, например, в одной из королевских саг говорится о том, что святой Колум Килле подарил королю Аэду плащ, который должен

⁴ См. об этом в соответствующем разделе настоящего издания.

был оберегать его в битве⁵, но при этом плащ этот не только не описан детально, но даже не сказано, какого он был цвета. В сагах уладского цикла, как нам кажется, такое было бы невозможно. Иными словами, саги об уладах более эпичны.

Если говорить о собственно тематике цикла, точнее, о действующих в нем персонажах, то, казалось бы, отчленив, отделить его от саг об уладах, как и сагах о Финне и его воинстве, не составит труда, и, таким образом, мы должны будем автоматически отнести к королевским сагам все повести, в которых действуют короли, как верховные, так и местные, как исторические или псевдоисторические, так и легендарные, правившие в первые века нашей эры. С одной стороны, данный принцип справедлив и именно ему следует Д. Уили, который в приложении к своей статье дает список из 152-х названий саг [Wiley 2008b: 54—76], который, естественно, очень ценен сам по себе (поскольку в нем приводятся отсылки на все издания и переводы текстов), но все же демонстрирует слишком вольный подход к материалу. Как нам кажется, сага *Приключение Коннлы*, например (см. [McCone 2000]), в которой рассказывается о том, как Коннла Красный, сын легендарного короля Конна Ста Битв (II в. н. э.), был увлечен в иной мир прекрасной женщиной, скорее не может быть отнесена к королевскому циклу, поскольку основной ее пафос, ее главный нарративный фокус направлен не на проблему завоевания власти или межплеменных битв и местных раздоров. Это скорее мифологизированная повесть. В то же время сага *Видение призрака*, героем которой является то же Конн Ста Битв, безусловно, к данному циклу относится, поскольку основной центр ее повествования — эпизод, в котором королю рассказывается о его последователях на верховном троне и сообщаются детали их правления. С другой стороны, безусловно историческое и даже политическое по своей направленности позднее сочинение *Война гойделов с чужаками*, рассказывающее о короле Бриане Бору, также вряд ли может быть включено в список королевских саг, поскольку, как пишет М. Диллон, «является историческим трактатом и вообще не принадлежит к саговой литературе» [Dillon 1946: 117].

⁵ «Велел тогда Аэд, сын Айнмире, своему слуге принести ему плащ Колумкилле, чтобы надел он его этой ночью и сохранил его плащ от лейнстерцев. Обещал ему Колумкилле, что останется жив король, пока будет носить его плащ» [Предания и мифы средневековой Ирландии... 1991: 185]

И все же сказанное является в очень значительной степени упрощением. Действительно, как пишет тот же Д. Уили в предисловии к сборнику статей, посвященному сагам королевского цикла, «весь корпус саг о королях с трудом можно вычленишь» [Wiley 2008a: 9]. Во вводной статье он предлагает установочное определение данного корпуса как «нарратив в прозе или прозиметре, который фокусируется на подвигах одного или нескольких местных (native) королей» [Wiley 2008b: 14]. Однако, как понимает он сам, под данное определение подходят также саги об уладах (скорее эпические), повести о Финне и ряд текстов, которые принято относить к «мифологическим». Выделение эпического цикла на фоне общего корпуса прозаических повестей, отметим, можно также произвести с очень большой степенью относительности, причем как на уровне формальном (эпический стиль повествования), так и на уровне сюжетном. Мы полагаем, что наибольшей степенью «вычленимости» обладает скорее другой цикл повестей — Лейнстерский, или цикл Финна и Ойсина (именно он впоследствии послужил источником для создания знаменитых *Песен Оссiana* Дж. Макферсона). Этот цикл считается более поздним не только с точки зрения изображаемых в нем псевдоисторических событий (IV в.), но и с точки зрения появления и дальнейшего функционирования самих составляющих его сюжетов. Более того, именно эти повести о Финне и его лесном воинстве — фианне — трансформировались затем в фольклорные предания (как прозаические, так и поэтические) и сохранились в устной форме бытования в Ирландии и Шотландии практически до наших дней. Видимо, эти сюжеты были фольклорны изначально и функционировали в несколько иной среде.

Как нам кажется, более точное определение «королевского цикла» содержится в небольшой книге Дж. Мерфи: «Королевские саги представляют интерес не описаниями героических подвигов, но их социальной значимостью, ориентацией на судьбы народов или династий, они рассказывают о событиях, произошедших в жизни того или иного представителя династии, повествуют о сражениях, которые во многом изменили ход истории или описывают инцидент, который в дальнейшем определил тот или иной узус или обычай <...> Они являют собой примитивную историю более чем примитивную литературу и поэтому для современного читателя представляют меньшую эстетическую ценность, чем повести мифологического или героического цикла» [Murphy 1955: 47—48].

В среднеирландской ученой традиции существовал совершенно другой принцип классификации содержащегося в рукописной (и устной?) традиции нарративного наследия. Этот принцип мы назвали бы скорее «предикативным», поскольку в его основе лежит название саги, являющееся одновременно всегда и своеобразным «сюжетным кодом»: Плавания, Смерти, Сватовства, Разрушения крепостей, Угоны скота и проч. До нас дошло несколько (полных — два) списка саг, сгруппированных именно по такому принципу и построенных по характерному для средневековой словесности (видимо, унаследованному от Античности) вопросно-ответному шаблону: «Какие ты знаешь Смерти? — Не трудно сказать... и проч.»⁶. Само наличие этих списков в сочетании с действительно скудным реестром собственно «моделей» названий саг («Убийство Н.», «Сватовство к Н.», «Разрушение крепости Н.»⁷ и проч.) свидетельствуют, как считается, об архаичности традиции (действие еще важнее субъекта), а также о принципиальной устности ее бытования — рассказы об определенных «действиях» исполнялись в определенные поворотные для социума и личности моменты времени, как-то соотносимые с данными действиями. С этим трудно не согласиться, однако собственно эпичность традиции увидеть здесь тоже трудно. Существуют также мнения, согласно которым данная группировка сагового материала вообще автохтонной не является, а заимствована из *Этимологии* Исидора Севильского (см. [Ní Chonghaile, Tristram 1990]).

Обращение к конкретным спискам показывает, например, что «жанр», условно называемый как «Битвы» (*cath*), включает в себя как *Битву при Маг Туиред*, относящуюся к мифологическому циклу, так и *Битву Маг Рат* и *Битву Маг Мукрима* (см. [Mac Sana 1980: 42—43]), из которых первая повествует о реальных исторических событиях, связанных с битвой при Маг Рат 637 г., а вторая описывает перипетии, связанные с изгнанием полулегендарного короля III в. н. э. Лугайда Мак Кона (причем интересно, что *Битвой Маг Мукрима* сага называется в «Лейнстерской книге», тогда как в рукописи «Желтой книги Лекана» XIV в. она же носит название *Смерть Мак Кона*, *Aided Maic Con*, что автоматически вписывает ее в «жанр» Смерти; на само содержание это

⁶ Публикацию списков, а также подробный их анализ см. в [Mac Sana 1980].

⁷ Переложение *Илиады*, например, также получило название *Разрушение Трои*.

мало влияет). Условность «названия» саги, к какому бы циклу в нашем современном понимании этого слова она бы ни относилась, с одной стороны, предстает как очевидная: нарратор имеет в своем реестре ограниченное число глагольных имен и поэтому вынужденно называет текст одним из них, вычлняя в нем то, что может быть названо смысловым или сюжетным ядром (так, например, *Анна Каренина*, наверное, была бы названа *Смерть Анны, дочери Аркадия*, а *Война и мир* — *Битва при Бородине*). Естественно, многие как бы побочные сюжетные линии при этом отступают на второй план. Однако, с другой стороны, традиция эстетики тождества, которой подчинена была и средневековая ирландская словесность, диктовала и стоящий за названием сюжет: так саги, называемые «Пиры» (Fled), повествовали не столько о пирах как таковых, сколько о конфликте, неизбежно возникающем на данном пиру, о спорах и тяжбах и их последствиях. Поэтому слушатель, уже знакомый, например, с сагой *Пир у Брикрена*, вправе был ожидать, что и среднеирландская повесть, названная *Пир в Гусиной крепости* (Fled Dun na nGed), также будет в основном посвящена рассказу о произошедшей на пиру распре.

Условность выделения саг «королевского цикла» в общем понятна: для носителей нарративной традиции все повести представляли собой исторические предания, отмеченные общей установкой на достоверность (хотя бы внешнюю), причем, как мы понимаем, предполагаемые фоновые знания аудитории включали в себя весь пласт псевдоисторического нарратива, как относящегося к уладским героям, так и повествующего о заселении острова мифическими племенами и деятельности их потомков уже во времена, которые с известной долей условности можно назвать историческими. Но условность выделения «королевского цикла» состоит и в другом: этот «цикл» складывался на протяжении очень долго времени, примерно от VIII века (если не ранее) до XIII—XIV веков, причем одни и те же «микроциклы», группирующиеся вокруг того или иного короля, могли разрабатываться и дополняться, заново редактироваться, иногда — с неизбежными в таком случае анахронизмами.

В книге М. Диллона *Королевский цикл* насчитывается всего 25 саг⁸, но с таким небольшим числом текстов-сюжетов, которые условно

⁸ В книге М. Ни Вролхань их упомянуто всего 17! (см. [Ní Bhrolcháin 2009: 67—77]).

могут быть отнесены к «королевским сагам», современные исследователи, естественно, не соглашаются. Число королевских саг на самом деле значительно больше, даже если мы примем самые строгие ограничительные принципы отнесения того или иного текста к данному циклу. Кроме того, часть текстов не сохранилась, и мы знаем об их существовании лишь по дошедшим до нас названиям из списков саг. Все королевские саги повествуют о древних временах, о королях, правивших в первые века н. э., а завершается цикл, по мнению Диллона, сагой *Борома*, действие которой происходит в середине VII в. Очень условно саги могут быть поделены на предания о полуполюгендарных доисторических правителях и повести об исторических королях, правивших уже в христианский период, однако считать первые более древними явилось бы ошибкой. Так, например, саги о короле Монгане, правление которого датируется началом VII в. (согласно *Ульстерским Анналам* он умер в 624 г.), по данным языка относятся к VIII в. (см. [White 2006]), тогда как повести о короле Эохайде Мугмедоне († 405) были сложены уже в среднеирландский период. Как можем мы предположить, ряд протосюжетов действительно мог возникнуть в самое отдаленное время и в устной форме сохраниться до более позднего периода. И все же некоторые установочные предпочтения и явные тенденции позволяют отнести время сложения основного «костяка» преданий о королях Ирландии именно к среднеирландскому и несколько более позднему периоду, что, наверное, не случайно. Мы предпочитаем говорить в данном случае не столько о «королевских сагах», сколько именно о **преданиях** о королях, поскольку один и тот же материал, одни и те же имена и сюжеты — все это кочевало из сагового нарратива в хвалебные поэмы, трактаты, в рассказы о «старинах мест» (*Dindshenchas*), в ключительный раздел *Книги захватов Ирландии* и во многое другое. В общем, это процесс, наверное, универсальный.

Период с 1014 до 1169 г. (собственно, от викингов до норманнов) был для Ирландии временем бурным, беспокойным и, как можно сказать, шатким. Естественно, мира и покоя эта страна не знала практически никогда, и вся ее история — это повесть о постоянных внутренних войнах, к которым набеги викингов добавили, как это ни странно, не так уж много. Но это только на первый взгляд. Как верно отмечал Д. Бинчи в уже процитированном нами выше классическом фрагменте, скандинавское вторжение лишило страну ее привычного, патриархального уклада, расшатало законодательную систему и, что наверное наи-

более важно, вынудило церковь потерять свой авторитет. Отсюда — усиление борьбы за власть, отсюда — неизбежный возврат к язычеству. Однако принципиально новым, как нам кажется, для ирландского общества того времени была смена представлений о королевской власти, проявившаяся как раз в порождаемых ретроспективно повестях о правителях прежних времен. Как известно, реальной верховной власти в Ирландии не было практически никогда, и единственным королем, который мог реально претендовать на звание «верховного короля Ирландии», был король-узурпатор, король-парвеню, выходец из Мунстера — Бриан Бору. «Бриан был действительно первым правителем всей Ирландии», — пишет о нем К. Хьюз [Hughes 1968: 32], однако она не совсем точна: Бриан был не только **первым**, он был практически **единственным** верховным правителем острова, обладавшим реальной властью. «Политическое господство, которое Бриан Бору сумел установить в начале XI в. и которое, может быть, позволило ему победить данов при Клонтарфе в 1014 году, превратилось в ничто после его гибели в этом сражении» [Отвай-Рутвен 1968: 40]. Наследником Бриана считался его сын Доннхад, однако реально он унаследовал только трон в Мунстере (где правил до 1064 г.), однако правление его там не было успешным. Как, например, пишут о нем *Анналы четырех мастеров*:

1018: Mac **Catharnaigh**, mic **Aodha** do **Uibh Caissení**, do coimhionn-saigheadh for **Dhonnchadh** mac **Briain**, co t-tarat beim do claidhebh ina chend, & dar a láimh gur ben an lámh, .i. a bhass dheas dé. Terna iaram mac **Briain**, & ro marbhadh mac **Catharnaigh**. [AFM 794]. — *Сын Катарна, сына Аода из Уи Кассиев, напал на Доннху, сына Бриана, и ударил его мечом по голове и по руке, так что отрубил ему руку — правую кисть. После этого сын Бриана бежал, а сын Катарна был убит.*

На верховный трон, естественно, претендовал Маэль Сехналл из Уи Нейлов, который до этого был смещен с него Брианом. Действительно, он получил этот титул, по крайней мере согласно Анналам, однако власть его ограничивалась северными областями, причем с постоянным оспариванием территорий. В 1022 г. Маэль Сехналл скончался, после чего в стране nastало междуцарствие, началось оспаривание власти, борьба «законных» королей с «королями оппозиции» (rí co fressabra), что, как пишет О'Кыв, «очень сложно ясно описать. Бывали периоды, когда в Ирландии вообще не было короля, а временами она подчинялась совместному правлению» [О'Суív 1984: 121]. Среди восьми названных

автором королей, правивших до начала норманнского завоевания с условным титулом «верховный король» лишь двое относились к династии Уи Нейлов, другие же оказывались выдвинутыми из Коннахта, Мунстера и даже Лейнстера, причем представителем последнего был достаточно яркий правитель — Диармайд, сын Доннхада на-Маэльм-Бо, который занимал трон с 1040 до 1072 г., пока не был обезглавлен во время сражения с Конхобаром, сыном Маэля Сехналла, королем Миде⁹. Диармайд постоянно, но тщетно пытался реставрировать в Ирландии единую верховную власть. Показательным Ш. Даффи считает тот факт, что в 1052 г. Диармайд захватил Дублин, цитадель скандинавов, и объявил себя их королем¹⁰. После его смерти трон перешел к внуку Бриана — Тайрделбаху, сыну Тайга († 1086), естественно из Мунстера, а затем — к его сыну Муйрхертаху Уа Бриану († 1119). Но видеть за этим реставрацию или, точнее, установление некоей «династии О' Брианов» мы не имеем права. После Муйрхертаха верховный трон временно вернулся к Уи Нейлам, затем вновь был ими утрачен, но, что главное — повторяем — сама эта верховная власть была призрачной и непрочной. Естественно, результатом этого явилось возникновение постоянных мелких войн за некое условное понятие «верховной власти». Как писал компилятор *Анналов четырех мастеров* на 1145 г., *socadh mór issin mbladhainsi so mboí Ege ina fód crithaigh* — *столь велики были войны в этом году, что Ирландия вся стала дрожащей землей*, так что «призвание варягов», начавшееся в 1169 г., выглядело действительно логичным. Но это уже особая тема, причем тема очень не простая. Как справедливо пишет об этом Фр. Бирн, «Эта эпоха не была ни эпохой упадка, наступившего после золотого века святых и ученых, ни анархической прелюдией к англо-норманнскому нашествию. <...> Эти годы

⁹ Год спустя сам Конхобар Мак Маэль Сехналл был убит собственным племянником Мурхадом, сыном Фланна. В пасхальный четверг 1073 г. голова Конхобара была похищена из склепа Тайрделбахом, внуком Бриана Бору, но затем чудесным образом сама вернулась обратно. То есть, как мы видим, древний обычай «охоты за головами» начал практиковаться вновь.

¹⁰ Столицей Ирландии Дублин официально стал уже в период норманнского завоевания, однако уже во второй половине XI в. и затем в XII в. этот город постепенно и стихийно начинал осмысляться как центр страны и символ верховной власти. Показательно в данном случае также вторжение в Дублин в 1154 г. Муйрхертаха Мак Лохланна, короля из Уи Нейлов. Формально во второй половине XII в. Дублин входил в провинцию Лейнстер.

стали свидетелями возникновения местного феодального общества из общества, трибализм которого подвергался постепенным изменениям под влиянием постоянного усиления династической власти. Этому процессу положило конец англо-норманнское нашествие, хотя при иных обстоятельствах подобное событие могло бы подтолкнуть его к окончательной кристаллизации» [Бирн 2006: 305].

Для нас сейчас важнее другое. Как пишет все тот же классик изучения королевской власти в Ирландии — Фрэнсис Бирн, «Именно в период междуцарствия (1022—1072) ученые люди, принадлежавшие как к светским, так и к церковным кругам, разработали доктрину о существовании с незапамятных времен верховной королевской власти над всей Ирландией, которая была сосредоточена в Таре и которой с эпохи пришествия христианства до узурпации Брианом Боромой были облечены потомки Ниалла Девяти Заложников. Вымысел ученых послужил толчком к возникновению новых амбиций. Добиваясь этой химерической власти, могущественные короли провинций Уа Бриайн, Уа Конхобайр, Мак Лохлайнн и Мак Мурхада наступали и наносили ответные удары <...> И все же прежние верховные короли вряд ли обладали большей фактической властью, и правители, подобные Муирхертаху Уа Бриайну или Тордейльбаху Уа Конхобару, были «королями с протестом» только по сравнению со своими легендарными псевдоисторическими предшественниками» [Бирн 2006: 305—306]. Как пишет о том же Ш. Даффи, «ученые сословия сфабриковали протоисторию страны, в которой отводилось место всем династиям и разным народам, обитавшим на острове, и присвоили каждому своего первопредка. <...> Со временем сами Уи Нейллы стали верить этой пропаганде, верили, что они были законными правителями Ирландии и восходили к великому и истинному королю Ниаллу Девяти Заложников, который первым стал верховным королем страны на самой заре ее истории» [Duffy 1997: 32—33].

Но псевдоисторическую традицию еще надо было создать, мифологизировать, развивать и хранить. Этим занимались поэты и ученые люди (по определению Бирна), которые создавали и передавали «местные мифы, предания о старинах мест, генеалогии, списки королей и их синхронизацию. Многие были не только обработаны и разработаны, но и просто сфабрикованы. Их задача не была чисто исторической в современном понимании этого слова. Это были предания и этиологические мифы, нарративы, сложенные в стихах и в прозе, которые раз-

ясняли происхождение рода или династии, его территории и владения. Это была не только литература, это были своего рода хартии законности правления» [Ó Corráin 1972: 76]. Во многих повестях королевского цикла рассказывается о «верховных правителях» Ирландии, однако, «как показали современные исследователи, вся эта традиция на самом деле была фикцией¹¹, созданной для того, чтобы угодить амбициям могущественных королей из Уи Нейллов, которые как реакция на скандинавское вторжение IX в. начали расширять область своего правления. Но в начале XI в. эти сочинения начали восприниматься как отражение исторической реальности и в завоевании власти Бриан, выходец из южных земель, стал восприниматься как узурпатор, нарушивший закон давних времен. Его узурпация казалась противоречащей древним установлениям, в которых видели историческую реальность, и его образец стал моделью для дальнейших действий по обретению власти. Верховный трон оказался свободен для того, кто мог захватить его силой» [Lydon 2003: 13—14]. Но, насколько мы понимаем, законность власти в «древние времена» была в большей степени вымыслом, сфабрикованным уже в среднеирландский период, и поэтому Бриан Бору оказывался «узурпатором» власти лишь с позиций поздней псевдоисторической традиции, во многом к началу XI в. уже оформленной и имеющей свою мифическую историю и свои «вехи» в виде славных правителей, якобы обладавших в свое время сакральной властью.

Естественным в этом процессе оказывался, как принято считать, откат к языческой вере, древним практикам и ритуалам, которые если и не исполнялись реально, то пребывали как бы в качестве постоянного фона псевдоисторической традиции, на котором и складывались прецедентные предания о великих королях древних времен (как в саговой форме, так и в виде полухвалебных-полуисторических поэм). Как пишет, например, К. Симмс, «королевская власть обрела сакральный характер, благодаря прочному языческому наследию» [Simms 2000: 11]. Данный процесс, как нам кажется, может быть в принципе уподоблен и закону языкового развития, согласно которому языковые изменения представляют собой, по сути, накопление и последующее узаконивание накопившихся «ошибок», которые регулярно встречаются в живой речи, а также в письменных памятниках. Но в таком случае можем ли

¹¹ В оригинале — fiction, то есть «вымысел, литература», однако более близкий русский эквивалент здесь более точно передает суть.

мы говорить о **возврате** к язычеству? Если и можем, то лишь отчасти, поскольку вряд ли речь здесь может идти о реальном восстановлении архаических друидических ритуалов (аналогично тому, как речевые ошибки не представляют собой архаизацию нормы). Скорее, мы имеем здесь дело с активизацией народных суеверий, которые лишь отчасти могли соприкасаться с реальными дохристианскими культами Ирландии, в основном же были скорее аморфны и давали материал для возникновения новых легенд и сюжетов, новых символов, лишь имитирующих кельтскую архаику.

Если главной темой королевского цикла можно назвать тему законного обретения Власти¹², то, наверное, главной и центральной сагой окажется предание о сыновьях Эохайда Мугмедона, правившего в IV веке, отца знаменитого Ниалла Девять Заложников — основателя династии Уи Нейллов¹³, причем базовым эпизодом цикла в целом окажется в таком случае знаменитая сцена из саги *Приключение сыновей Эохайда Мугмедона*¹⁴ — встреча Ниалла у лесного источника с безобразной старухой, превратившейся в прекрасную девушку, когда он принял ее условие возлечь с ним в обмен на воду: «Иди теперь к своим братьям, — сказала женщина, — и возьми с собой воду. С этой поры вовеки пребудет власть у тебя и твоего потомства, кроме двоих из потомков Фиахра — Дати и Айлиля Молта. И еще один король будет из Мунстера, Бриан Борома, и все они станут короли без протеста. Какой увидел ты меня прежде, ужасной, в зверином обличье и дикой, такова и власть, ибо редко достается она без сражений и распрей, но

¹² Вновь обращаясь к сравнению с уладским циклом, отметим, что в нем тема «обретения власти» носит характер явно вторичный и оказывается менее важной, чем мотив личного прославления героя, т. е. «обретения славы». Действительно, рассказ о том, как король Конхобар обманом, с помощью своей матери, обещавшей стать женой короля уладов Фергуса, если тот «всего на полгода» уступит трон ее сыну, стал королем уладов, в королевском цикле был бы невозможен (см. русский перевод саги об этом — *Сказание о Конхобаре, сыне Несс* в [Саги об уладах 2004: 15—21]).

¹³ *Анналы четырех мастеров* датируют смерть Ниалла «после тридцати семи лет правления Ирландией» 405 г.; никаких преданий об обретении им власти в анналистских записях не содержится.

¹⁴ Издание см. [Stokes 1903]. Русский перевод саги см. в [Предания и мифы... 1991]

для кого-то оборачивается прекрасной и доброй» [Предания и мифы... 1991: 212]. Имя короля Бриана ясно свидетельствует о позднем происхождении саги (она датируется уже началом XII в.). В этом поздне-среднеирландском предании, по мнению К. Симмс, необычайно ярко запечатлелся переход к иным ценностным установкам: от концепта «праведного правления», характерного для более раннего периода, к мифу о фатальном, хтоническом обретении власти посредством исполнения архаического обряда соединения будущего короля с божеством земли (см. [Simms 2000: 43]). Как нам кажется, принципиально новым является в данном случае еще один момент: власть осмысливается как своего рода временная боевая или охотничья добыча, как результат везения, благоволения судьбы, а не законного рождения и достойного личностного комплекса. Исторический фон, сама жизнь, таким образом, диктовали и сюжеты, которые сами затем становились жизненными моделями, прецедентными эпизодами, вокруг которых развивались уже реальные исторические события.

В данном эпизоде обращает на себя внимание еще одна деталь: в нем происходит явная контаминация двух тем, которые, в принципе, могли существовать и раздельно — соитие будущего короля с женским хтоническим существом, символизирующим страну или землю, с одной стороны, и олицетворение Власти или Судьбы в виде жидкости, обрести которую должен избранник, с другой. Каждая из составляющих имеет свою традицию бытования в псевдоисторическом нарративе и каждая, естественно, имеет долгую историю изучения, однако, как мы понимаем, вопрос о происхождении этих мотивов, точнее — о точке отсчета, начиная с которой мы можем говорить об устойчивости мотива в традиции и о нахождении протосюжета или текста, который в данном случае мог бы быть назван прецедентным, исследователями почти не ставился. Кроме того, особый интерес представляет отчасти самостоятельная тема предречения будущему верховному королю имен его последователей, которая получила более эксплицитное развитие в отдельной саге также королевского цикла — *Видение призрака* (Baile in Scáil [Murray 2004]).

Мотив соединения короля с женщиной, символизирующей Власть, представляет собой для ирландской культуры своего рода общее место и традиционно считается уходящим корнями в архаическое языческое прошлое сакрального этиологического нарратива. Как писал еще Пр. Мак Кана в классической работе на эту тему, «повесть о местном

законном обретении власти опирается на мифологические образцы, хотя и повествует об относительно поздней исторической традиции» [Mac Sana 1955: 112]. Его исследование посвящено анализу довольно поздней (среднеирландской или даже ранненовоирландской!) саги *Мор Муман и смерть Куану, сына Альхине*¹⁵, в которой рассказывается о том, как дочь исторического короля Мунстера из Лох Лейнских Эоганхтов Аэда Беннана (VII в.) по имени Мор утратила рассудок, бродила по полям и лесам Ирландии и обрела вновь свой облик и разум, лишь воссоединившись с местным королем Фингенем и родив ему сына — зачинателя новой династии. По мнению М. Ни Вролхань, «в способности оплодотворения проявляется своего рода тест законности королевской власти» [Ní Bhrolcháin 2009: 106]. В то же время, как указывает Мак Кана, безумие и обретение рассудка в данном тексте являются как бы субститутами темы смены облика (старуха — юная красавица): «Образ богини, меняющий свое обличье и одежду, когда она находится вне контакта со своим супругом и королем, является необычайно распространенным во всей нашей литературе» [Mac Sana 1955: 84]¹⁶. Архаичности и универсальности данных двух сюжетов в традиции философской посвящена также классическая работа М. Вратнах *Богиня Власти как Богиня Смерти* [Bhreathnach 1982].

Действительно, если Анима, как пишет Юнг, может одновременно представлять и как воплощение мрака, и как «ангел света», персонифицированная в мифопоэтической традиции смерть также может представлять в двух обличьях — и как прекрасная женщина, и как уродливая старуха, олицетворяя собой классическую пару Эрос и Танатос¹⁷.

В данной связи необычайно показателен эпизод из *Топографии Ирландии* Гиральда Камбрийского, написанной уже в 80-е годы XII в., т. е. сразу вскоре начала норманнского завоевания (см. рис. 18). Автор описывает обряд посвящения местного короля (на севере Ульстера в районе Тирконалл), в ходе которого тот должен символически сово-

¹⁵ Издание см. [O’Nolan 1912].

¹⁶ В работе Р. Братнах *Дама и король: Тема в ирландской литературе* данная фигура, имеющая облик одновременно и прекрасной девушки, и безобразной старухи, получила особое название — *puella senilis* (см. [Breatnach 1953]).

¹⁷ О «двуликой женщине» см. также в работе [Johnston 1995]. Трактовка того же образа в духе мифологической архаики содержится в работе [Ross 1973: 139—164].

купиться с белой кобылой, затем — перерезать ей горло, после чего ее варят в огромном котле, король купается в этом бульоне и затем все вместе поедают мясо жертвенного животного (*collecta in mum universo terme illius populo, in medium producitur jumentum candidum. Ad quod sublimandus Ule non in principem sed in beluam, non in regem sed ex legem, coram omnibus bestialiter accedens, non minus impudenter quam imprudenter se quoque bestiam profitetur. Et statim jumentum interfecto, et frustatim in aqua decocto, in eadem aqua balneum eipatur, Cui insidens, de carnibus Ulis sibi allatis, circumstante populo suo et convescente, comedit ipse. De jure quo lavatur, non vase aliquot non manu, sed ore tantum circumquaque haunt et bibit Quibus ita rite, non recte completis, regnum illius et dominium est confirmatum* [Giraldus Cambrensis 1867: 21, 5]). Несмотря на очевидные индоевропейские параллели (древнеиндийский обычай «Ашвамедха»), данное описание все же, как принято считать, вряд ли базируется на реальных практиках, хотя, вероятно, и не было полностью сочинено Гиральдом, желавшим опорочить ирландских вождей и изобразить их грубыми язычниками (см. рис. из норманнской рук. XII в.). Скорее, здесь речь может идти о фольклорной традиции, местных легендах, которые автор услышал в виде устного предания (см. об этом подробнее [Simms 2000: 21—22]). Но даже если в XII в. этот обряд и не исполнялся, предание о нем, безусловно, отражает архаические представления об обретении власти как о ритуальном браке короля с женским божеством, символизирующим страну, землю.

Тема персонификации Власти в лице отдельной женщины, являющейся супругой многим королям также изучена довольно основательно; впервые она была описана в ранней работе Т. О'Майлле *Медб Круахана* [O'Máille 1928]. Как нам кажется, образ этой символической королевы действительно может быть назван скорее специфически ирландским (ср. также достаточно ранние сюжеты о браке с представительницей иного мира в сагах *Недуг Уладов*, *Приключение Коннлы* и др.), однако сопутствующая ему тема «символического питья» вряд ли является заимствованной из германской традиции, где она также имеет широкое распространение (см. об этом в детальном и обширном исследовании *Леди с чашей меда* [Enright 1996]). Скорее, в данном случае мы можем говорить о возможном взаимовлиянии и установлении некоей общей системы тем и образов для общего культурного пространства, сформировавшегося в результате длительных контактов. Характерно, что в работе О'Майлле королева Медб (у которой было девять мужей

и все они были верховными королями), имеющая прозвище *leth-derg* ‘полукрасная’, еще не интерпретируется как персонификация «красного эля», а осмыслиется скорее как «кровавая» [O’Máille 1928: 143]; в более поздних работах твердо установилось понимание власти как питья именно на уровне номинации (см. об этом подробнее [Рис 1999б: 84—85]).

cauda p[ro]uideret. Lurpis n[on] re[gi]s
 et n[on] d[omi]n[us] q[ui]s[que] p[ro]ferat ar[ti]c[ul]u[m]:
 deu[er]u[m] iustare n[on] iudic[us] ar[ti]c[ul]u[m]
 — uerunt[em] q[ui]n[on] h[ab]u[er]u[n]t t[er]ra[m] nec
 iu[ra]n[ti]a[m] p[ro]u[er]e uoluit n[on] iure[m] iu[ra]n-
 die: ar[ti]c[ul]u[m] lab[ri]s uel i[n] boue
 ra p[ro]c[ur] uerunt[em] uerbor[um] uerunt[em]
 uer[um] d[omi]n[us] p[ro]c[ur] g[er]it d[omi]n[us] i[n] u[er]o
 o[mn]i[um] u[er]o p[ro]c[ur] i[n] ap[er]t[is] i[n] u[er]o
 b[er]u[m] q[ui]s[que] que b[er]u[m] i[n] u[er]o i[n]
 ab[er]u[m] i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o

puer[um]. Auct[or] a u[er]o quib[us]d[am]
 q[ui]s[que] ann[is] s[er]u[er]u[m] quod[am] t[em]p[or]e
 p[ro]c[ur] ad b[er]u[m] i[n] i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 ann[is] a u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 p[ro]c[ur]ant d[omi]n[us] i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 sub i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 cep[er]u[n]t. s[er]u[er]u[m] i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 s[er]u[er]u[m] i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 a[n]i[m]a[m] r[em]an[er]e se i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 R[em]an[er]e i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o
 p[ro]c[ur]are i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o i[n] u[er]o

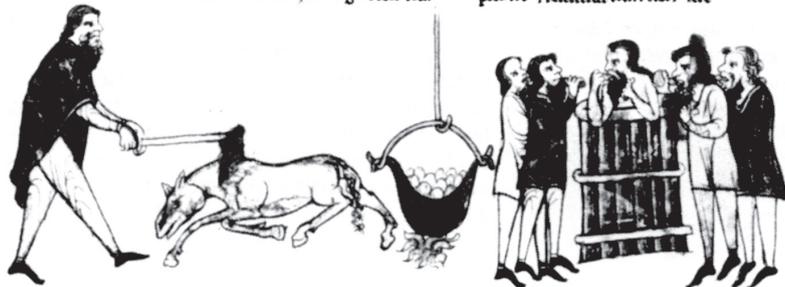

Рис. 18. Инаугурация короля Ульстера
 (рисунок из норманнской рукописи XII в.)

Тему персонификации Власти как «ритуального опьяняющего напитка, который королю или герою подносит богиня, осуществляя его связь с иным миром» [Ní Bhrolcháin 2009: 103], наверное, можно считать достаточно архаической для ирландской или даже шире — кельтской традиции, и таким образом, возможно, переосмысление и популярность этого сюжета именно в среднеирландский период уже на чисто нарративном уровне как раз и является одним из упоминаемых нами выше «откатов к язычеству», о котором писала К. Симмс. Возможно, как мы увидим, не только на уровне нарративном, но и, так сказать, в «мифологизированном жизненном бытии». М. Ни Вролхань в своей книге упоминает в данной связи легенду об основании города

Марселя (Массилия, был основан греками-фокейцами в VII в. до н. э.), в которой упоминается следующий ритуал: женщина выбирает мужа, поднося ему напиток, однако это свидетельство, как нам кажется, еще не позволяет говорить о символическом значении питья именно как власти. Однако, как нам кажется, в становлении сюжета о персонификации напитка как власти могла проявиться и довольно поздняя тенденция реализации того, что было названо М. Скоукрофтом «этимологическим нарративом» [Scowcroft 1995: 124 ff.].

Еще (или уже?) в *Глоссарии* Кормака дается следующее пояснение слова власть — *flaith* .i. fo-laith. *Laith* .i. cuirm [Meyer 1913: 47]. — *Власть, т. е. хорошее питье. Питье т. е. пиво.*

Само слово *laith*, как правило, самостоятельно встречается редко и употребляется скорее в сакральном смысле, т. е. не как «напиток» вообще, а как ритуальное питье, символизирующее власть. Ср., например — ...in *laith farrabái* Oengus ‘the ale at wich O. has been’ (i.e. the kingship which O. enjoyed) [DIL-L: 33]. — *Питье, при котором был Энгус, т. е. королевство, которым Энгус правил.* Контаминация в древнеирландском слов *flaith* — *laith*¹⁸ не имеет этимологической основы, однако в среднеирландский период в композитах регулярно наблюдалась лениция анлаута второго элемента, в данном случае *f* дал нулевой звук, действительно превращая *-flaith* в *-laith*¹⁹. Глоссаторы того времени были знакомы с этим феноменом и в ряде случаев «достраивали» неэтимологическое *f*, образуя новые лексемы. В других случаях возникала как бы паронимическая аттракция, порождающая целые сюжеты. Один из них, касающийся уже не сагового нарратива, но жизненных реальностей, отраженных в *Анналах*, был подробно описан в свое время Э. Триндад в работе *Ирландская Гормфлат как символ власти* [Trindade 1986]²⁰. Автор анализирует образы трех королей, носивших имя Гормфлат, личная жизнь которых была довольно бурной. Интересно, что в заключительной главе книги А. Гудхера о битве при Клон-

¹⁸ Ирл. *flaith* восходит к и.-е. **wel* ‘владеть’ и родственно русск. *власть*. *Laith* предположительно восходит к и.-е. **lei-* / **loi-* (ср. готск. *leiþu* ‘вино, сидр’, др.в.н. *lith* ‘вино, пиво’ и проч.).

¹⁹ Ср., например, аналогичное образование в слове *culín* ‘красотка’ < *cul finn* ‘волос светлый’ (т. е. блондинка).

²⁰ См. об этом также в нашей работе *Королева Горм(ф)лат — имя как микротекст* в [Михайлова 2004].

тарфе и сопутствующих ей социальных переменам в Ирландии (см. [Goedheer 1938]) говорится о развитии в Ирландии IX—XI вв. «сильной власти». Он называет в данной связи имена четырех ирландских королей, Федельмида Мак Кримтанна († 847), Кормака Мак Куллинана († 908), Ниалла Глун-Дува († 908) и Бриана Бору (и только их!), не говоря при этом, что все они объединены и тем признаком, что были женаты на женщинах, носивших символическое имя Горм(ф)лат. Для нас же, естественно, данный момент предстает как значимый. Более того, в работе М. Ни Воны, посвященной «трем Гормлат», акцент делается именно на том, что функционально данный образ начинает, так сказать, «работать» только в сочетании с мужем, претендующим на верховную власть и являющим собой отчасти также полуисторическую-полумифическую фигуру [Ni Mhaonaigh 2002: 24].

Само имя Гормлат Э. Триндад кажется более чем символичным, но, надо отметить, в средневековой Ирландии оно встречается достаточно часто, причем в основном в период после скандинавского завоевания. В среднеирландском трактате *Старины жен*, в котором перечислены по именам и кратко охарактеризованы все жены королей, упомянуто 19 разных Гормлат [Banshenchus 1931: 446]. Э. Триндад безусловно права, утверждая, что лежащая в его основе семантическая мотивировка действительно может содержать в себе намек на то, что его носительница являет собой персонификацию власти. Первый элемент имени, прилагательное *gorm*, является цветообозначением с необычайно широкой и сложной семантикой: «красный, темно-красный, фиолетовый», «темный», «синий» (последнее значение закрепилось в современных гойдельских языках). В качестве переносного оно получило значение «знаменитый, выдающийся» (видимо: «красный» > «заметный»). Второй элемент имени Гормлат может интерпретироваться двояко, чему способствует и наличие двух его написаний: *Gorm-laith* и *Gorm-fhlaith*. Как правило, в оригинальных рукописях предпочтителен первый вариант, однако в ряде текстов (например — в *Анналах Клонмакнойса*) встречается и второй. Интересно, что автор английской версии этих *Анналов*, составленной в 1627 г. (см. [Murphy 1896]) транскрибирует это имя как *Gormphly*, т. е. предполагает, что в данном двучленном имени изначально в анлауте второго элемента присутствовал /f/. Надо сказать, что примерно так же рассматривает это имя и Ю. Улих, который в своем словаре ирландских сложных имен дает форму *Gorm(fh)laith* [Uhlich 1993: 263]. Доказывает ли все это, что сама тема «питье-

власть-женщина» носит поздний характер? Мы не уверены, что имеем основания говорить о позднем происхождении данной темы, однако ее реактуализация в среднеирландский период кажется несомненной. По крайней мере, в сагах королевского цикла, как пишет М. Скоукрофт, «сюжет далеко отходит от возможного архаического архетипа» [Scowcroft 1995: 137].

Еще более ярко и символично тема предречения королю его будущих преемников и мотив «пророческого питья» звучат в уже упоминаемой нами саге *Видение призрака*, героем которой является легендарный доисторический король Конн Ста Битв. Протоверсия саги датируется примерно серединой IX в. (в тексте присутствует ряд древнеирландских форм, см. [Muirgha 2004: 4]), однако дошедшая до нас редакция, по данным уже скорее историческим, как принято считать, «была составлена между 1022 и 1036 гг.» [Herbert 1992: 273], то есть после смерти Маэля Сехналла, но до смерти Флатбертаха Уи Нейла, боевые победы и мирная кончина которого в монастыре упомянуты в саге. Содержание этого довольно краткого текста сводится к следующему: Конн находился в Таре и однажды, гуляя у крепостного вала, наступил ногой на камень, который застонал от этого. Находящийся рядом филид объяснил королю, что этот камень — камень судьбы, *Lia Fáil*, завезенный Племенами Богини Дану, и его особенность — кричать, когда на него ступает верховный король. Вскоре на поле Тары спустился туман, и из тумана перед королем появился всадник и пригласил его в свое жилище. Они вошли в роскошный огромный дом с золотыми столбами и увидели девушку, сидящую на кресле из хрусталя. Рядом с ней стоял золотой котел, а в руке у нее была золотая чаша. Неподалеку на золотом троне сидел призрак, назвавшийся Лугом, сыном Этне, и обещавший Конну назвать имена всех королев, которые будут править после него. Девушка дала Конну мяса быка и напоила его из золотой чаши красным элем (в оригинале *dergfhlaith*, букв. ‘красная власть’), сказав при этом, что каждый из названных королев получит от нее такой же напиток по указанию призрака. Далее в тексте следует список из 57 правителей, причем первым назван Арт Одинокый, сын Конна, замыкает его Флатбертах, правда после него названо еще шесть имен, не упомянутых в Анналах (предположительно — локальные короли, правившие в более раннее время). Имя каждого короля сопровождается упоминанием о сроке его правления, а также об основных битвах, в которых ему суждено будет победить. Направленность со-

ставителя данной редакции текста на прославление рода Уи Нейлов здесь очевидна и если король Бриан и упомянут в ней, то лишь как узурпатор, в течение двадцати лет отнимавший престол у законного короля Маэля Сехналла:

rus Brían ó .xx. himach rígi nÉgend [Murphy 2004: 47] — *Захватил от него на двадцать (лет) Бриан королевство Ирландии.*

Непосредственным источником для данной поздней компиляции²¹, несомненно, послужила поэма²² *Видение Конна* (Baile Chuinn Chetchataig [Bhreathnach, Murray 2005]), в которой перечисляются будущие короли Ирландии, представшие (?) перед королем Конном. Последним королем в этом списке назван Финехта Фледах, умерший в 695 г.²³ Данную, более раннюю, версию К. Мюррей возводит к прото-сюжету, датируемому им VII веком и находит параллели к данному сюжету в валлийской традиции (безумец Мирдин, прототип чародея Мерлина, пророчествует своей сестре о будущих правителях). Нами был неожиданно найден необычайно близкий по своему сюжету рассказ, опубликованный в 1820 г. в Минденских ведомостях, взятый из «записок г-на Галльона, изданных в 16 столетии» [Лаврентьева 2006: 418]. В заметке рассказывается о том, как французская королева Екатерина Медичи вызвала итальянского чернокнижника Гаурико и убедила его показать ей всех королей, которые будут править Францией. Видение заканчивается образом огня и разрушения, видимо, подразумевающим Французскую революцию 1789 г. Естественно, данный эпизод в качестве источника не мог иметь среднеирландскую сагу. Поиск какого-то общего, возможно опосредованного источника привел нас к

²¹ Ю. О'Карр считает, что текст саги датируется примерно 1000 г. и, более того, предполагает, что он был составлен тем же лицом, которое затем создало аналогичную «монастырскую компиляцию» того же сюжета: епископу Брикину является ангел и показывает ему всех аббатов — его преемников (см. [O'Curry 1861: 419]. Сопоставительный анализ двух памятников см. также [Murray 2002].

²² Предположительно — фрагмент не дошедшей до нас саги.

²³ О датировке правления Финнахты Фледаха и ее соотношении с возникновением самой саги см. [Murphy 1951: 149—150]. Мифологический контекст самого сюжета соотносится с легендой о святом Граале в [Carey 2007: 23—26].

известному эпизоду из 6-й книги *Энеиды* Вергилия²⁴, в ходе которого Сивилла при помощи отца Энея Анхиза показывает основателю Рима «души великих мужей, что от нас унаследуют имя» (см. [Вергилий 1971: 238—241]). То, что Вергилий в Древней Ирландии (как и во всей средневековой Европе) был хорошо известен, факт очевидный, и остается лишь пожалеть, что комментаторы *Видения призрака* не обратили внимания на этот очевидный источник. Впрочем, к среднеирландским трактовкам «сакральности» королевской власти это уже прямого отношения не имеет.

Возвращаясь к эпизоду со старухой у колодца и, шире, рассказу о сыновьях Эохайда Мугмедона, следует отметить, что этот сюжет существует не только в виде прозаической саги, но и как поэма, приписываемая придворному поэту Маэля Сехналла — Куану Уа Лохланн († 1024). Как пишет С. Пассмор, «это была своего рода инаугурационная ода, посвященная вступлению короля на престол Тары» [Passmore 2008: 148]. Сопоставляя эти два текста, она обращает внимание на то, что в саге XII в. упоминается и король Маэль Сехналл («... никто не владел больше Ирландией, кроме детей его (Ниалла. — Т. М.) и потомков до Крепкого Бойца из Уснеха Маэльсеклайна, сына Домналла» [Предания и мифы... 1991: 212]), и Бриан Бору, в то время как в поэме Куану собственно имена королей не названы и гораздо большее место отведено роли поэта Торны и друида Ситхенна, которые дают Ниаллу совет, как вести себя, чтобы обрести верховную власть. «В прозаической, более поздней, версии Ниалл изображен гораздо более свободным в своих поступках» [Passmore 2008: 150]. В то же время, в поэме Ниалл описан как преемник Конна Ста Битв:

‘Masu let, ar Torna trick,
daromla Banba mbarrbricc,

lád chúaird nÉrenn im thuind thair

dar lébenn Cuind Chétchataig’

[Joynt 1908-10: 96]

*Если он твой, сказал Торна мудрый,
пусть он насладится Банбой пе-
стререрхой,*

*пусть он обойдет Эрин с восточной
стороны,*

по землям Конна Ста Битв.

²⁴ За эту «подсказку» мы благодарим Т. А. Михайлову (Смирнову), не задумываясь указавшую на знаменитый эпизод, хрестоматийный для всех, кто занимается классической филологией.

По мнению С. Э. Пассмор, с которым мы, наверное, должны будем согласиться, поэма Куану имела своей целью не только прославление Маэля Сехналла и рода Уи Нейллов (потомков Ниалла), но и указание на важность советчика при короле и, в частности, на место поэта в обществе. Анонимный составитель прозаической версии, писавший на сто лет позднее, большее внимание уделял сцене встречи со старухой, роли чудесного питья, и его текст выглядит скорее как волшебная сказка (а упомянутый в тексте узурпатор Бриан, наверное, свидетельствует об ослаблении авторитета Уи Нейллов в начале XII в.).

Интересно, что этот же сюжет был вновь оформлен в поэму уже в начале XIII в.²⁵ Она представляет собой хвалебную песнь Катулу Кровдергу, правившему с 1189 до 1224 г., и поэтому в список «предреченных» королей включен и он сам, и другие потомки... Бриана, брата Ниалла, поскольку Катал был внуком Конхобара из Коннахта, легендарным предком которого был не Ниалл, а его брат (см. об этом подробнее [Ó Corráin 1986: 146]). Но, как верно отмечает Пассмор, «каждый из текстов, посвященных Ниаллу, демонстрирует не только изменение концепции королевской власти в Ирландии, но и изменение роли поэта в Ирландии. Он все больше обрисовывается как пророк и «делатель королей» [Passmore 2008: 169]. Ее наблюдение очень интересно, однако мы не уверены в том, что за этим действительно стоит, как она полагает, усиление роли поэта в обществе, кроме того, акцентуация роли поэта происходит как раз в поэтических авторских памятниках, тогда как анонимная прозаическая версия, в фокусе эмпатии которой оказывается фигура самого Ниалла, хронологически занимает промежуточное положение. Скорее, муссирование проблемы места поэта в обществе и его положения при короле говорят о шаткости положения этого сословия в период Средневековья, впрочем, это уже совсем другая тема²⁶.

Но если поэма Куану оказывается фактически **первым** текстом, в котором рассказывается о сыновьях Эохайда Мугмедона, о встрече со старухой у колодца и о достойном поступке Ниалла, обеспечившем ему и его потомкам верховную власть, не стоит ли сделать вывод, что весь сюжет был просто **придуман** этим человеком, причем примерно в 1015 г.? Мы бы остереглись делать столь поспешный вывод. Так, на-

²⁵ Издание см. [Ó Cuív 1983].

²⁶ Отчасти мы ее уже касались, см. [Михайлова 2008].

пример, в более ранней саге *Разрушение Дома Да Хока*, повествующей о гибели короля Кормака сына Конхобара, говорится, что когда король и его воины подошли к броду Ат Луайн, «увидели они у брода прекрасную женщину, которая мыла свою колесницу, подстилки и сбрую» [Предания и мифы... 1991: 133]. Заметив, что вся сбруя пропитана кровью, король спросил женщину, чью сбрую она отмывает, на что получил ответ: «Сбрую короля, обреченного на смерть. Это твоя сбруя, о Кормак...». В этом же эпизоде данная женщина называется Бадб, то есть носит имя одной из ирландских богинь войны, разрушения и смерти. В следующем эпизоде, когда король и его люди останавливаются на ночлег в Доме Да Хока, где суждено им встретить смерть, им вновь является женщина, судя по тексту, носящая то же имя — Бадб, однако облик ее оказывается удивительным образом измененным: «Так сидели они и вдруг увидели приближающуюся к Дому женщину — с огромным ртом, темную, быструю, покрытую сажей, хроющую и слепую на левый глаз. Темный дырявый плащ был на ней. Черен, словно спинка жука, был каждый сустав ее от головы до земли. Серые волосы падали ей на плечи. Прислонилась она плечом ко входу в Дом и стала пророчить воинам беды и предрекать несчастья. Так говорила она: Печальны будут воины в Доме, тела омоются кровью, будут тела без голов на земле Дома да Хока...» [Предания и мифы...1991: 136]. Интересно, что изменение облика Бадб в тексте никак не мотивируется, что было, видимо, вызвано тем, что возможность обладания двумя обличьями у подобного персонажа предполагалась уже сама собой и не нуждалась в комментариях. Однако о соитии с этой женщиной и о получении от нее чудесного питья в саге ничего не говорится.

Гораздо более близкий сюжетно эпизод содержится в трактате *Верность имен* (Cóir Anmann), посвященном описанию того, откуда тот или иной герой или правитель получил свое имя и прозвище (тоже своего рода «этимологические нарративы»). Так, о короле Лугайде Лайгде рассказано следующее:

Лугайд Лайгде и другие. История эта о том, откуда взялись прозвища пятерых сыновей Дайре Домтеха, то есть пятерых Лугайдов, ибо каждого его сына звали Лугайд. Не трудно (сказать). Было предсказано, что один из сыновей Дайре будет править Ирландией и имя его будет Лугайд. Поэтому всех их назвали Лугайд.

(во время охоты на золотого оленя братья попадают в лес, где находят дом; в доме много еды и питья, но охраняет все это старуха, страшная своим видом. Она предлагает еду тому, кто согласится разделить с ней ложе, открыто говоря, что тот «получит власть и королевство». Соглашается на это только Лугайд, который до этого убил золотого оленя, почему старуха дает ему прозвище — Laígde, букв. «олений», от *láeg* ‘олень’.)

Лугайд Лайгде провел ночь с ней в обмен на еду и питье. <...> И показалось ему, что блеск ее лица был подобен свету солнца в майский день. И источала она аромат, подобный запаху свежих трав и цветов. И он соединился с ней тогда. Она сказала ему: «Славным был твой путь, ибо я Власть и ты овладел Властью над Ирландией». [Arbuthnot 2005: 101—103].

Приведенный нами текст содержится в наиболее ранней версии трактата, в более поздней (см. [Stokes 1897: 316—322]) редакции представлен более развернутый и детальный рассказ об этом же приключении, практически, однако, не вносящий ничего нового в трактовку сюжета в целом. В предисловии к своему изданию В. Стоукс приходит к выводу, что трактат в целом «вряд ли был составлен ранее XII века» [Stokes 1897: 286]. Но даже если мы согласимся с издательницей процитированного выше эпизода в том, что отдельные фрагменты *Верности имен* могли быть составлены в древнеирландский период и лишь позднее сильно модернизированы лингвистически и в значительной степени дополнены (см. [Arbuthnot 2005: 61]), мы не можем с уверенностью говорить о том, что данный рассказ о Лугаиде и старухе является некоей ранней протOVERCERСИЕЙ предания о Ниалле и сыновьях Эохайда Мугмедона. Итак, широко представленный в поздних королевских сагах сюжет о персонификации Власти в виде женщины и о соитии с ней будущего короля вряд ли реально является отголоском кельтской языческой архаики и в основном был оформлен уже в среднеирландский период. Но в то же время полностью отказаться от идеи увидеть в ней реализацию древней темы *Nieros Gamos*, «священного брака», мы, наверное, все же не осмелились бы²⁷.

²⁷ Об индоевропейских параллелях мотива см., например, [Morten and Morton 1992].

Среднеирландские предания о Конне Ста Битв и о Ниалле Девять Заложников относятся к, так сказать, легендарной, доисторической части псевдоисторических повестей о правителях Ирландии. Саги, посвященные деяниям их потомков, также легендарных королей, в ряде случаев датируются более ранним временем — VIII—IX вв. Однако противоречия здесь нет, поскольку осмысление истории, а точнее — ее создание зачастую проходило как бы в обратном порядке: реальным историческим и псевдоисторическим правителям, деяния которых были описаны и оформлены в саги в древнеирландский период, позднее домысливались легендарные предки. Иногда фантастический элемент присутствует и в ранних сагах.

Так, например, к сагам королевского цикла можно отнести небольшой круг преданий о короле Монгане, правившем в VII в. на северо-востоке Ирландии в области Дал Арайде. Монган, сын Фиахны, видимо, был реальным историческим персонажем. *Анналы четырех мастеров* датируют его смерть 620 г. [AFM 244], а *Хроника Скоттов* — 624 [CS 58], причем обстоятельства его смерти в обоих источниках (в первом случае — по-ирландски, во втором — на латыни) указаны идентично: он погиб от удара камнем, который нанес ему Артур, сын Бикара из Британии. Согласно тексту, основной массив саг о Монгане датируется VIII в. (см. [White 2006: 25]), то есть их компиляция отстоит от жизни реального персонажа не более чем на сто лет. И при этом цикл преданий о Монгане представляет собой наслоение фантастических и мифологических мотивов: он был воплощением божества моря Мананнана, сына Лира, и одновременно — Финна, сына Кумала, предводителя воинства фениев. Он посещал иной мир, был провидцем и мудрецом. Его рождение предсказано также в саге *Плаванье Брана*²⁸. В то же время в ряде текстов Монган предстает как не столько праведный, сколько знающий и мудрый король, которому ведомы предания, связанные с историей местных топонимов. В нашу задачу не входит детальное описание этого странного цикла саг, возникших, безусловно, еще в доскандинавский период, однако они иллюстрируют два момента: во-первых, образ мудрого правителя, восходящий к ученой традиции «праведно-

²⁸ Русский пер. см. [Смирнов 1933: 243—244]. Кстати, в поэтическом проществе о Монгане в этой саге упоминается и его гибель: «Драконов камень морской паразит его». См. о Монгане также выше в настоящей работе.

го правления» (ирл. *fir flathemonn* ‘правда правителя’)²⁹, который был сформирован довольно рано и послужил своего рода стержнем, на базе которого затем возникали более поздние королевские нарративы; во-вторых, оппозиция «фантастика — реальность», которую можно было бы постараться увидеть, сравнивая поздние и ранние королевские саги, на самом деле вовсе не является некоей закономерностью.

Возвращаясь к теме ретроспективного воспроизведения истории «с обратной перспективой», отметим, что если сага *Видение Конна* может быть датирована концом VII в. (по крайней мере ее протOVERсия), то уже рассказ, в котором содержится пророчество о рождении самого Конна и о его потомках, датируется временем более поздним — примерно «концом древнеирландского периода, т. е. IX или X вв.»³⁰ [Vendryes 1953: xxii]. Мы имеем в виду сагу *Видение Фингена* (*Airne Fíngéin*), которая считается «важнейшим преданием цикла Конна Кетхатаха» [Бондаренко 2003: 37]. Основное содержание саги³¹ представляет собой рассказ о пророчестве женщины из сидов по имени Ротниам о чудесах, которые произойдут в ночь на Самайн (1 ноября) некоему Фингену, сыну Лухта. Кроме интересных топонимических преданий (детально описанных в книге [Бондаренко 2003], в пророчестве Ротниам содержится рассказ о рождении великого короля:

— *Вот несравненное чудо, — сказала женщина, — сын этой ночью родится у Фейдлимиды, сына Туатала Техтмара, короля Ирландии. Всей Ирландией завладеет он и разделит ее на пять королевств, и на-родятся от него пятьдесят три правителя Ирландии*³². Пребудут они

²⁹ См. об этом в обстоятельной работе [Фомин 2009], а также [Watkins 1979: 181—198].

³⁰ То есть уже временем скандинавского завоевания Ирландии.

³¹ Полный русский перевод см. [Предания и мифы... 1991: 145—151].

³² Сопоставление этого числа с порядком перечисления королей в *Видении призрака* (в котором всего названо 66 правителей, включая самого Конна) относит нас примерно к концу VIII в., когда правили исторические короли Ниалл Фроссах и Доннхад. Видимо, это время могло бы считаться отправным пунктом, указывающим на дату создания протOVERсии сюжета, однако мы полагаем, что понимать текст *Видения Фингена* буквально вряд ли возможно; к тому же списки королей в разных источниках значительно отличаются друг от друга.

все королями до Ораинеха Уснеха³³, хоть и не поровну доведется им править (Пер. С. Шкунаева [Предания и мифы 1991... 145]).

Сам Конн в пророчестве предстает скорее как король-завоеватель, победитель, король — установитель самой королевской власти³⁴ и чуть ли не основатель Тары, легендарной столицы верховных правителей Ирландии, король, разделивший страну на пять областей (пятин)³⁵. Однако в поэтическом пророчестве Ротниам содержится также предсказание о рождении его внука, Кормака мак Арта, который уже являет собой образец «праведного правителя»:

Gignid huã do iar siudiu
Cormac a ainm uã Cuinn,
bid ail fhirinne cech trátha
co barr esgach brátha buirr.

*Родится внук ему потом
Кормака его имя, внук Конна.
он будет скалой правды во все времена
до вершины водяной (?)
Вечного суда стойкого.*

[Vendryes 1953: 21,
II.270—273]

В саге *Приключения Кормака в обетованной стране*, описывающей посещение иного мира Кормаком, сыном Арта, внуком Конна, где он действительно предстает как символ «праведного правителя», отчасти находят свои параллели предания о Монгане как о мудром короле, получившем свои знания в виде символического видения. В предисловии к своему переводу саги А. А. Смирнов полагает, что «дошедшая до нас версия саги сложилась после прихода скандинавов в Ирландию (в IX—X вв.)» [Смирнов 1933: 280], то есть примерно в то же время, что и *Видение Фингена*, однако все же, как нам кажется, видеть в появлении в саговом нарративе о королях Ирландии темы «праведного правления» именно реакцию на скандинавское вторжение было бы слишком поспешным. Хотя, наверное, некоторая связь здесь действительно есть.

³³ Король с таким именем не идентифицирован.

³⁴ О его стремлении «к исполнению закона короля (recht rí) над всей Ирландией» в связи с протагонистом саги — Фингеном — см. [Бондаренко 2007: 100—105].

³⁵ Согласно другим текстам о нем, на так называемые две половины — Половину Конна и Половину Мога; причем от имени легендарного Конна, как принято считать, происходит название одной из исторических областей — Коннахт.

Основной сюжет саги — рассказ о том, как король Кормак получил в ином мире золотую чашу, «чтобы пользоваться ею для различения правды от лжи» [Смирнов 1933: 287]. Чаша распадалась на три части, если перед ней говорили «три слова лжи» и соединялась вновь, если перед ней говорили «три слова правды». В саге также рассказывается о чудесном источнике с пятью потоками, «источнике мудрости», откуда пьют все люди искусств и ремесел.

Рождение Кормака и его первое «правое суждение» описаны в саге *Битва при Маг Мукриме*³⁶ (Cath Maige Muirime), также датируемой среднеирландским периодом. Сага в целом посвящена конфликту между «неправым» королем Мунстера Лугайдом Мак Коном и Артом, сыном Конна, отцом Кормака. Кормак был зачат отцом перед решающей битвой, в которой тому было суждено погибнуть, с дочерью друида, предрекшего эту гибель. Став в течение семи лет королем Тары, Лугайд взял Кормака на воспитание:

Как-то однажды чужие овцы паслись на лугу королевы, жены Лугайда. Просили Мак Кона разрешить это дело, и сказал он, что должно возместить ущерб за овец. Кормак, в ту пору маленький мальчик, лежал подле своего приемного отца.

— Нет, — сказал он, — лучше будет постричь овец за выщипанную траву, ибо она снова вырастет на лугу, а шерсть на овцах.

— Это по справедливости, — сказали тут все, — и воистину решил так сын истинного короля.

Тотчас же одна сторона дома рухнула на ту, где раздалось неправое суждение.

[Предания и мифы... 1991: 159].

К циклу о Кормаке примыкает еще несколько саг, в которых он проявляет себя не только как мудрый правитель, но и как храбрый воин, однако в целом именно первый мотив может быть назван для саг о нем «магистральным», что позволило Т. О'Кахаси в небольшой, но известной книге *Героическая биография Кормака мак Арта* прийти к выводу, что «с повторяющимся выделением на теме правды правителя и ее благого эффекта цикл Кормака мак Арта выражает в рамках героической биографии местную идеологию королевской власти, которая также на-

³⁶ Русский пер. см. [Предания и мифы... 1991: 152—161], издание см. [Stokes 1982].

ходит параллели в ученых трактатах и законах» [Ó Cathasaigh 1977: 65]. Примерно также описывает главную идею цикла саг о Кормаке К. Доуни: «Способность королей распознать неправду и высказать правое суждение, как это требуется от истинного правителя, является общим местом для раннеирландской идеологии королевской власти» [Downey 2008: 129]. Однако повторяем еще раз, основной корпус саг о Кормаке сложился уже в среднеирландский период, и возможно, традиционное введение темы «праведного правителя» в ткань нарратива произошло лишь тогда, хотя сам концепт «правды правителя», несомненно, имеет более раннее происхождение и уходит конями в ученую традицию раннехристианской Ирландии. Так, например, король Ко-найре из саги *Разрушение Дома Да Дерга*³⁷, датируемой периодом древнеирландским, выглядит совершенно иначе, чем разумный Кормака: это тоже «праведный правитель», несущий благо своей стране, однако он не мудр осознанно, самостоятельно, а скорее представляет собой избранную богами пассивную куклу, основная задача которой — не нарушить наложенные на него странные гейсы-запреты³⁸.

Образ короля Кормака, сына Арта, является, наверно, наиболее ярким примером реализации в псевдоисторическом нарративе концепта «правды правителя», однако, естественно, он не уникален. Приведем в качестве примера эпизод из саги *Повесть о Ниалле Фроссахе*, повествующей уже об историческом короле из Уи Нейллов (так наз. Племени Эогана), который правил Ирландией в конце VIII в. (он умер, согласно анналам, в 778 г.). Сага также относится к среднеирландскому периоду и сохранилась в рукописи «Лейнстерская книга» (XII в.)³⁹. В саге рассказывается о том, как во время ежегодного королевского собрания перед королем появилась женщина с ребенком на руках и обратилась к нему с вопросом:

Ar do rigi ḡ ar do flaithe mnas, or s, finta dam-sa tria firinni flatha cóich athair collaide in meic sea, ar ni fetar-sa fessin. Ar thonigim-se ftiin fót firinni flatha-su ḡ fón rig follomnaiges ind uli ddtíl nach fetar cin o fer-scal fri hilbliadna innassa [Wiley 2005: 20]. — *Твоим королевством и твоей королевской властью, — сказала она, — объясни мне при помощи правды правителя, кто отец этого мальчика, ибо я этого не знаю. Клянусь*

³⁷ См. [Предания и мифы... 1991: 102—127].

³⁸ О королевских гейсах в целом см. [Sjöblom 2000].

³⁹ Перевод и анализ текста см. [Greene 1976: 30—37].

правдой королевской власти и властью Короля, который правит нами, что я не знала мужчины в течение многих лет.

Как пишет Д. Уили, «эта просьба представляет собой проверку истинности и законности власти короля, который должен определить, кто является отцом ребенка. Для Ниалла этот тест является необычайно важным, потому что умение узнать правду является неперенным условием законности власти в древней Ирландии. Если бы ему не удалось ответить, он совершил бы грех против “правды правителя” и предстал бы как незаконный король» [Wiley 2005: 21].⁴⁰

Позднее фигура Кормака, сына Арта, становится образцом праведного правителя в хвалебной поэзии IX—XI веков. Как пишет Ю. О’Карри, «поэт Маэльмура, который умер в 844 г. называет его Кормаком *Seolach*, Музыкальным, намекая на его тонкий и добрый ум и расположение. Кеннет О’Хартиган († 973) дает яркое описание значительности Кормака и его дворца в Таре. Куану Уа Лохланн не менее красноречив в описании ума Кормака и его личных качеств и славы его правления» [O’Curry 1861: 42]. В последнем случае имеется в виду одна из так называемых *Метрических старин мест* (Metrical Dindshenchas), посвященная Таре⁴¹. В ней действительно не только восхваляется сам Кормака, но и упоминается якобы написанная им легендарная *Псалтырь Тары*, в которой собраны все исторические предания:

Cormac, ba cundail a maith;	<i>Кормака, было стойким его добро;</i>
ba súi, ba file, ba flaith;	<i>был мудрецом, был поэтом, был правителем;</i>
ba fir-brethem fer Fêne,	<i>был истинным судьей для фене.</i>
ba cara, ba cocéle.	<i>Он был другом, он был товарищем.</i>

Cormac, rochlái cóicaith cath,	<i>Кормака, что выиграл пятьдесят битв,</i>
roshflaig Saltair Temrach;	<i>составил Псалтырь Тары;</i>
isin tSaltair-sin atá	<i>в этой Псалтыри есть</i>
a n-as dech sund senchusa.	<i>все хорошее, что есть в истории.</i>

[Gwynn 1903: 14]

⁴⁰ В дальнейшем Ниалл определил, что женщина имела сексуальный контакт с другой женщиной, которая до этого была близка с мужчиной, и его семя проникло в ее лоно.

⁴¹ Согласно другим источникам, автором поэмы был не Куану, а Кеннет Уа Хартиган, также упомянутый выше О’Карри (см. [Gwynn 1903: 62]).

Мы должны понимать, что поэт, написавший это восхваление Кормака, кончающееся сожалением, что «Бог не защитил Тару», имел в виду также потомков Кормака и законных королей Тары (если авторство действительно принадлежит Куану, то оно в первую очередь было адресовано Маэль Сехналлу из Уи Нейллов). И аудитории того времени это было понятно, причем вряд ли здесь было что-то специфически ирландское. И поздние саги о королях, и хвалебная поэзия — все опирались на выстроенный постепенно общий псевдоисторический костяк последовательности правителей Ирландии, начиная от Конна Ста Битв и его отца (или деда) Туатала Техтмара и кончая Ниаллом Девять Заложников, основателем династии, который, согласно легендарной традиции приходился Конну прямым потомком (Конн — Арт — Кормак — Карьпре Лифехарь — Фиаху Сраптине — Муиредах Тирех — Еохайд Мугмедон — Ниалл). От Ниалла, основателя династии Уи Нейллов (букв. «потомков Ниалла»), происходило несколько ветвей, каждая из которых могла претендовать на верховную власть и в каждой из которых насчитывалось несколько выдающихся полуисторических королей, также нашедших отражение не только в Анналах, но и в королевских сагах (см. рис. 19 — схему из книги Фр. Бирна). В то же время перечень королей, уже легендарных правителей, продолжался и в глубь веков. Так, например, в саге *Разрушение Динн Риэ*⁴² рассказывается о гибели Ковтаха Каэла, прадеда Туатала Техтмара, который правил «за триста лет перед Христом» (см. [Предания и мифы... 1991: 144]).

Перечень королей содержится также в саге *Борома*⁴³, рассказывающей о том, как короли Ирландии, один за другим, брали дань скотом с лейнстерцев. Сюжет саги негомогенен, и собственно фабульный нарратив содержится лишь в последнем фрагменте, где дается довольно детальный эпизод, повествующий о том, как святой Молинг (из Лейнстера, VII в.) сумел обмануть короля Финнахту, выманив у него в обмен на свою хвалебную песнь обещание не брать дань «до понедельника». На самом деле под «понедельником» понимается Судный день, и таким

⁴² Текст саги датируется примерно IX в. Перевод см. [Предания и мифы... 1991: 141—144], издание см. [Greene 1955].

⁴³ Текст сохранился в «Лейнстерской книге» и датируется примерно X—XI вв. (см. [Dillon 1946: 103]); издание текста см. [Stokes 1892a)].

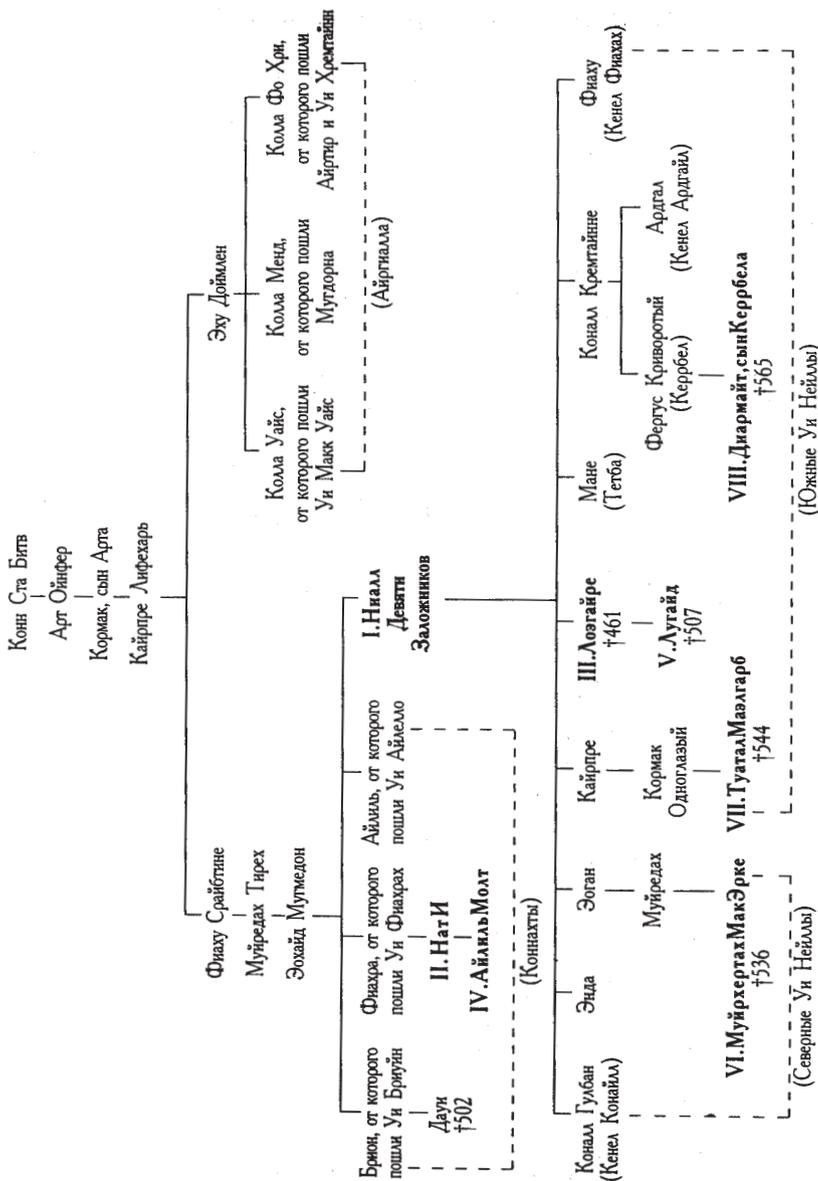

Рис. 19

образом, Финнахта оказывается обязанным не брать дань никогда⁴⁴. До этого сага представляет собой перечисление королей, которые брали дань с лагенов (лейнстерцев), причем первым это стал делать Туатал Тхтмар, уже называемый верховным королем, якобы чтобы отомстить за смерть своих дочерей, взятых в жены королем лагенов Эохадом. Естественно, романтическая история о незаконном двоеженстве — поздний вымысел, за которым скрывается рассказ об этнических конфликтах на острове, о победе гойделов над так наз. «подвластными племенами» (*aithechthuatha* — ‘платящие дань народы’). Видимо, в данном случае сюжет саги восходит к исторической традиции⁴⁵ (или псевдоисторической), отметим, что данный эпизод, а также перечень королей и одержанных ими побед в тексте *Борома* во многом совпадает с уже упомянутым нами трактатом *Перечень королей*, входящим в *Книгу захватов Ирландии*.

Обращает на себя внимание, однако, упомянутый нами эпизод, в котором сталкиваются король Финнахта и святой Молинг (далее — противником короля выступает в тексте уже святой Адамнан). Мы полагаем, что в этом сюжете еще не в достаточно эксплицитной форме, но уже содержится мотив, который может быть назван своего рода «магистральным» для ряда поздних саг королевского цикла: мотив неправоты короля по отношению к святому (шире — клирику) и наказания короля при помощи вмешательства иррациональных сил, как правило призванных этим клириком. Появление такого сюжета вполне логично, если мы вспомним, что «практически каждый ученый, упомянутый в Анналах до 1200 г., будь то поэт (*file*), историк (*senchae*) или законоворитель (*brethem*), идентифицируется как клирик или учитель в церковной школе» [Simms 2005: 35].

В саге *Борома* обманутый святым Моллингом король Финнахта (см. выше) все же решает отказаться от своего обещания «не брать дани до понедельника» и собирается вновь обложить лагенов податью. Однако увидев это, Молинг обратился к Богу:

*О всевластный мой Господь, всех королей творец под небесами,
правитель, ведающий тайны, способный отразить Финнахта,*

⁴⁴ См. [Предания и мифы... 1991: 191].

⁴⁵ О Туатале Тхтмаре и связанным с ним «историзме» см. классическую работу [O’Rahilly 1946: 154—169], а также интересное исследование [Warner 1995].

*Финнахта, не бывать уж на ложах тебе королевских,
проклятье мое и небес Господина, тебе, король Тары, Финнахта*
(Пер. С. Шкунаева).

И далее в саге, естественно, рассказывается о том, как **проклятый** Моллингом король вскоре погибает в битве. Аналогичных примеров того, как обиженный королем святой отвечает ему вербальным проклятием или звонит в колокол, что символически было также приравнено к проклятию, как в сагах, так и в житийной литературе того времени можно встретить достаточно много. С одной стороны, как нам кажется, все эти эпизоды в качестве прецедентного (внутри собственно ирландской традиции) могут иметь сцену из *Псевдоисторического Пролога к трактату Великая Старина*, описывающему конфликт короля Лойгайре, сына Ниалла, и святого Патрика. Этот текст представляет собой достаточно самостоятельное законченное произведение, возникшее предположительно в среднеирландский период (т. е. после X в.). В основе его сюжета лежит описание истории создания свода законов, которые сочетали бы в себе традиционные нормы, восходящие к древнейшим временам, и новые установки, ориентирующиеся на христианские ценности. Вся история носит характер притчи и связана непосредственно с многочисленными рассказами и эпизодами «Патрицианского традиционного нарратива» — описанием того, как крестил Ирландию святой Патрик. Естественно, данный рассказ вряд ли может считаться историческим, несмотря на реальность многих действующих лиц и привязанность его к определенной дате (432 г. н. э.), отсюда и его традиционное для ирландистики название — «Псевдоисторический пролог»:

Когда истинная вера установилась среди мужей Ирландии и восприняли все они Завет Христа, когда король Лойгайре и его друиды поразились могуществу Патрика и великим чудесам, которые явил он в их присутствии мужам Ирландии, все они уверовали и подчинились воле святого Патрика. И тогда лучшие из людей собрались и обратились к Лойгайре, чтобы установить всем сообща в стране новый закон, который был бы истиннее и справедливее тех законов и правил, по которым жили они ранее. Тогда направили они к Патрику посла, чтобы просить его явиться в это собрание.

И за день до того, когда не было еще Патрика среди них, стали совещаться между собой мужи Ирландии. И спросил их Лойгайре:

«Что, скажите мне, показалось вам самым сложным из того, чему учил вас святой?» «Не трудно сказать: закон всепрощения, — ответили они, — потому что если грехи каждого будут ему отпущены, что же помешает людям заниматься убийством и разбоем, и каждый тогда сможет убить своего ближнего, если не будет бояться, что будет за это проклят». «Как же мы поступим?» — спросил их тогда Лойгайре. «А как ты сам собираешься поступить?» «Вот что я предлагаю, — сказал он, — если вы согласитесь, то пусть сам Патрик пройдет испытание. Пусть же на его глазах будет убит один из его людей. И если он простит убийцу, мы подчинимся его закону, а если он не простит его, мы его закон не примем».

И таков был план Лойгайре и его людей: пусть назначенный ими человек убьет возничего Патрика, который будет сидеть на колеснице впереди святого при въезде на собрание. И было это исполнено по приказу Лойгайре. Когда же слуга Патрика был убит прямо перед ним и упал с колесницы на землю, святой воздел глаза свои и руки к небесам, будто оттуда ждал он помощи и совета. И в тот же миг содрогнулась земля и буря пронеслась над всем островом и содрогнулись мужи Ирландии, и бросились врассыпную воины, что стояли вокруг, устранившись того, что содеяли — убили невинного...⁴⁶

О смерти Лойгайре, сына Ниалла, в *Перечне королей*⁴⁷ говорится, что он начал собирать дань с лейнстерцев, и они захватили его в плен а затем убили между двух холмов, поскольку он поклялся «солнцем и луной», что освободит их от дани, но «солнце и луна отомстили ему» (см. [LGE, V: 356]). Д. Уили отмечает, что конфликт Лойгайре с Патриком вписывается в общую линию, которая может быть выделена для повестей о королях из так наз. южных Уи Нейллов; суммируя, он называет эту тему «взаимоотношения церкви с государством» (church-state relations [Wiley 2008b: 19]). В данной связи он упоминает также короля Диармайда Мак Керрвалла и сыновей Аэда Слане, однако здесь он, безусловно, не совсем прав. Действительно, согласно преданию, Диармайд († 565), сын Фергуса Керрвала (Криворотого), сына Коналла Кремтайне, погиб «тройной смертью» (он был убит копьем, сожжен в

⁴⁶ Цит. по нашему переводу, см. [Михайлова 2006].

⁴⁷ Во фрагменте, начинающем историю королей «от принятия веры» до времен Рори, сына Тордейльбаха Уа Конхобара (короля Коннахта), т. е. до конца XI в., что еще раз отсылает нас к проблеме датировки *Перечня* в целом.

доме и утонул в бочке с пивом, причем при этом на его голову упала потолочная балка) в результате его неправого суждения: он обвинил святого Колума Килле в «воровстве» копии Псалтыри, принадлежащей святому Финниану (Колум Килле тайно скопировал ее для себя)⁴⁸. Кроме того, перед этим Диармайд сжег дом Фланна, сына Димы, который также, спасаясь от жара, утонул в чане для мытья, и на этот раз короля проклял уже св. Киаран, сказав, что ему суждена будет такая же смерть. Текст саги о смерти Диармайда (*Aided Diarmata meic Cerball*)⁴⁹ датируется уже примерно началом XII в., когда, как пишет В. Сайерс, «функции арбитра, в руках которого находится жизнь короля и который имеет право вершить над ним суд, являя собой сверхъестественную личность, переходят к христианскому клирику» [Sayers 2008: 115]. Он справедливо отмечает, что до этого проклинать неправого короля было прерогативой филида, также наделенного сверхъестественной силой, однако не были ли и эти многочисленные рассказы о «силе поэтического слова» древнеирландского поэта также поздними компиляциями? Впрочем, это вопрос особый.

Сыновья Аэда Слане, Блатмак и Диармайд, согласно преданию, умерли во время чумы 665 г., которую вызвали своими проклятиями ирландские клирики, недовольные их правлением.

Однако, как мы должны отметить, конфликт короля и святого, обычно завершающийся наказанием неправого короля, описан далеко не только в этих текстах и касается далеко не только Южных Уи Нейллов. Так, в небольшом цикле, посвященном событиям конца VI — начала VII вв., центральными фигурами которого являются северные Уи Нейллы — Аэд сын Айнмире († 598) и его сын Домналл сын Аэда († 642), также значительное место занимает тема конфликта короля и святого, причем воплощения наказания короля принимают разные формы: от гибели в битве до безумия (постоянного или временного). Так, в саге *Пир в гусиной крепости*, также датируемой XII в.⁵⁰, рассказывается и о проклятии Тары святым Руаданом, и о том, как епископ Эрк из Слане, у которого люди короля отобрали гусиные яйца для пира, проклял сам королевский пир, а также о ссоре Домнала с его воспитанником

⁴⁸ Об обстоятельствах смерти Диармайда см. подробнее в книге А. и Б. Рисов [Рис 1999: 382—386].

⁴⁹ Издания двух редакций саги см. [SG: 72—82; Wiley 2002].

⁵⁰ Или даже несколько более поздним периодом, см. [Herbert 1989].

Конгалом из уладов, которому вместо гусяного яйца досталось лишь куриное:

Домналл сказал святым людям Ирландии, что были в доме:

— *Поспешите за Конгалом, — сказал он, — и верните его обратно, чтобы мог я воздать ему то, что ему положено.*

Святые пошли за Конгалом, чтобы связать его проклятием, и подняли свои посохи, чтобы позвонить в колокольчики.

— *Клянусь своим оружием, — сказал Конгал, — что ни один из этих клириков не выйдет отсюда живым, если я или кто-нибудь из моих уладов будет ими проклят!*

[O'Donovan 1842: 38]

Результатом конфликта становится битва при Маг Рат (637 г.), вполне историческое событие, положившее начало административному отделению переселенцев из северо-западной области Дал Риادا в Шотландию. К этому же циклу примыкает сага *Безумие Суибне*, повествующая о том, как местный король области Дал Арайде оскорбил святого Ронана, бросил в него копьё, а тот проклял его безумием, и несчастный король, превратившись в странное существо, называемое *geilt*, в течение долгих лет носился по лесам Ирландии, пока его не приютил святой Молинг. В его доме Суибне и принял предреченную ему Ронаном «смерть от копьё»⁵¹.

Тема наказания неправого короля безумием содержится также в поздней саге (М. Диллон склонен датировать ее примерно 1200 г.) *Боевой путь Келлаха* (Caithréim Cellaig)⁵². Действие саги происходит в середине VI в. (в тексте описана смерть отца Келлаха, Эогана Бела, которая в Ульстерских анналах датируется 542 г.), ее герой, Келлах, отказывается принять церковный закон и подчиниться святому Киарану, в результате тот проклинает будущего короля и тот, как и Суибне, в течение года скитается по лесам в полудиком состоянии. Конец данного эпизода саги отличается от конца предыдущей: на Келлаха нисходит Святой дух и возвращает ему рассудок, он становится одним из самых

⁵¹ Анализу этой саги в свое время мы посвятили два монографических исследования (в обоих в качестве приложения помещен русский перевод), см. [Михайлова 1999] и [Михайлова 2001]. Оригинальное издание см. [O'Keefe 1913].

⁵² Издание текста см. [Mulchrone 1978].

ученых людей своего времени и епископом Киллалы. В дальнейшем, правда, он вступает в конфликт с королем Гуайре, и тот подсылает к нему убийц... Келлах принимает смерть. Интересно в данной связи название саги: сложное слово *caithréim* означает буквально «битвенный бег, движение», но ни о каких битвах, в которых принимал участие Келлах, в саге не говорится. Видимо, здесь срабатывает условность называния сюжета, требование назвать сагу одним из ограниченного числа глагольных имен, о которых мы говорили вначале.

Отчасти конфликт короля и святого изображен в также достаточно поздней саге *Смерть Муїрхертаха, сына Эрк*⁵³, повествующей о гибели короля из Северных Уи Нейллов (согласно *Ульстерским Анналам* — в 536 г.). Согласно сюжету, причиной гибели короля стала его любовь к женщине-сиде по имени Син, которая велела ему изгнать из дома законную жену и священников. Узнав об этом, епископ Кайрнех, проклял короля и приказал вырыть ему могилу:

— *Тот, кому приготовлена эта могила, — сказал он, — конченный человек; поистине, конец его царствованию и владычеству.*

Он велел бить в колокола: это было проклятием королю.

(Пер. А. Смирнова)

В данном случае необычайно интересным представляется наблюдение М. Херберт, которая пишет, что начало саги (встреча короля на берегу реки с одинокой женщиной из иного мира) как бы отсылает к традиционной теме «король и женщина-власть», но на самом деле соединение с этой женщиной приносит лишь вред и «на символическом уровне сюжет демонстрирует опасность отхода от общей линии подчинения Церкви» [Herbert 1997: 31]. На самом деле, ситуация несколько сложнее, поскольку, как мы пытались показать, образ женщины-власти, которая должна соединиться с истинным королем, не так уж архаичен и если и восходит на каком-то глубинном уровне к фигуре богини-матери, то в традиционный саговый нарратив пришел уже из фольклора, причем постскандинавского.

Муїрхертах тоже умирает «тройной смертью» и этот мотив, естественно, имеет в ирландистике свою историю изучения и, наверное, действительно восходит и к обряду инициации, и к практике жертво-

⁵³ Русский пер. см. [Смирнов 1933: 261—278], издание текста см. [Ní Dhomhachda 1964].

приношения (точнее — ритуального убийства) короля⁵⁴. Архаические корни, безусловно, имеет и тема безумия, в которое временно погружается проклятый святым король. Присутствует она и в житийной литературе: так, в ранненовоирландском Житии святого Колумбы приводится эпизод, в ходе которого Конал, сын короля Аэда, оскорбляет спутников святого, «так что трижды девять из них было ранено»:

Молвил тогда Колум Килле: «Кто направил этих людей против нас?», и ответили ему, что это был Конал. Колум Килле проклял Конала, и в трижды девять колоколов пробили против него, так что сказал кто-то: «Конал получил колокола». Из-за этого прозван был он «Конал Колокольный». Отнял у него клирик его королевское достоинство и честь и лишил его разума, так что стал он безумным с тех пор, кроме того только времени, что требовалось ему на испражнение.

(Пер. С. Лопуховой, см. [Михайлова 1997])

Но в данном случае все это не так уж важно. Какие бы конкретно формы (пусть ограниченные в своем наборе и необычайно интересные сами по себе) ни принимала реализация проклятия святого, для нас в данном случае интересна сама «магистральная тема» утраты власти неправым королем. И если в более ранних сагах она реализовалась как посланное свыше знамение того, что король оказывается «неправым» (ирл. *anfíath* ‘невластным’)⁵⁵, в текстах более поздних неправота короля воплощается в его конфликте со святым или клириком⁵⁶.

Интересно, что в поздней саге *Трудное гостевание у Гуайре* (*Gromdám Guaire*⁵⁷) король Коннахта Гуайре († 662) противостоит не клирикам, а поэтам (Сенхану Торпейсту и Даллану Форгаллу), которые злоупотребляют его гостеприимством. И лишь вмешательство св. Киарана

⁵⁴ Дополнительные примеры, а также обзор литературы см. в [Михайлова 2001: 149—203].

⁵⁵ Об употреблении термина в трактатах и ранних законах см. [Jaski 2000: 76—77].

⁵⁶ В главе «Король и святой» нашего исследования [Михайлова 1999] приводится много примеров аналогичных конфликтов из других саг, а также из житийной литературы, однако, к сожалению, не делается попытки расположить материал хронологически, что могло бы дать интересные результаты.

⁵⁷ Издание см. [Joynt 1931].

(к тому времени давно умершего) и совет брата короля — отшельника Марбана — позволяют королю избавиться от «тяжелых» гостей (он накладывает на них зарок: не спать две ночи под одной крышей, пока они не исполнят от начала до конца и в правильной последовательности *Похищение быка из Куальнге*).

Итак, мы можем прочертить преемственную линию образов королей в сагах (говоря очень условно): для ранних текстов характерен образ посланного свыше короля, типа короля Конайре, сам приход которого предречен поэтами-провидцами и который существует как своего рода символ сакральной власти, опутанной друидическим зарокami; позднее появляется образ активного короля-победителя, короля-реформатора (Туатал Тхтмар, Конн Ста Битв); ему на смену приходит король-мудрец, правящий благодаря соблюдению древней «правды правителя» (Кормак сын Арта); затем следует языческий образ короля, получающего власть из рук божества земли, с которой он связывается узami сакрального брака, и, наконец, в поздних текстах появляется фигура «невластного» правителя, который выступает против святого, и, как правило, гибнет позорной гибелью. И странным образом, в данном случае происходит совпадение датировок правления этих королей (от доисторических, полупоэтических до реальных королей VI—VII вв.) и датировок самих текстов (от VIII до XII вв.). Естественно, все сказанное очень упрощено, требует более детального анализа, и выведенное нами правило знает множество исключений, что и понятно.

Так, например, доисторической фигуре Арта, сына Конна, посвящена очень поздняя сага, датируемая уже началом новоирландского периода (XIII в.). — *Приключения Арта, сына Конна и сватовство к Дельбхэем* (Eachtra Airt Meic Cuind ocus Tochmarc Delbchaime Inge MORGAIN)⁵⁸. Сага, напоминающая скорее волшебную сказку и начиненная традиционными мотивами (согласно Д. О'Хогайну, «бродячий сюжет № 313» [Ó' hOgain 1991: 42]), изображает совсем иной образ короля Конна. После смерти любимой жены он попадает под влияние Бегумы, коварной и распутной женщины из иного мира, которую даже сами сиды изгнали к людям за ее непристойное поведение. Влюбленная в Арта, она становится женой его отца и, видимо, из мести за неразделенное чувство, уговаривает Конна на год изгнать

⁵⁸ Издание текста см. [Best 1907: 149—173].

сына из Ирландии. Через год он возвращается, играет с мачехой в шахматы, проигрывает и та посылает его за легендарной красавицей Дельбхаэм (ее имя и означает «милый облик»). Тот находит девушку, но, естественно, женится на ней сам, а коварную мачеху изгоняют из Тары. Отчасти сага перекликается со *Смертью Муірхертаха, сына Эрк*, в которой также изображается «в отрицательном ключе» тема соединения короля с женщиной из иного мира: казалось бы, имеющая архаический сакральный смысл, эта связь оказывается, напротив, губительной.

Тема незаконного изгнания Арта приводит нас к еще одному сюжету, также представленному в ряде саг королевского цикла, однако, как правило, повествующих не о верховных, а о местных, локальных королях. Мы имеем в виду образ «короля-изгнанника», в большей степени представленного в сагах о провинциальных правителях. Так, например, в уже упомянутой нами саге *Разрушение Динн Риг* изображается король лагенов Лабрайд Лонгсех. Его имя значимо: как говорится в тексте, при рождении он был немым и получил прозвище *Moen* ‘немой’, будучи уже подростком, он вдруг заговорил во время игры и тогда получил прозвище *Labraid* ‘говорящий’, которое затем превратилось в его имя. Второе прозвище — *Longsech* ‘изгнанник’⁵⁹, в самой саге не упоминается, однако именно так он назван в поздних поэмах, а также в *Книге захватов Ирландии*, где отчасти пересказываются события *Разрушения Динн Риг*, но также упоминается о гибели самого Лабрайда от рук Мельге, сына убитого Лабрайдом Ковтаха. В данном источнике он называется «королем Ирландии». Упоминается Лабрайд Лонгсех и в Бодлеанской версии глосс к поэме *Чудо Колума Килле*, где кратко рассказывается о том, как он вдруг заговорил, и о его изгнании из Ирландии (см. [Stokes 1899: 429—433], а также в трактате *Верность имен*, где тоже объясняется его имя:

Labraid Loingseach .i. araili ro bai for loingius arna indarba do Cobthach Cael Breg [Arbuthnot 2005: 109]. — *Лабрайд Лонгсех, то есть некто,*

⁵⁹ Само слово *longes*, традиционно переводимое как «изгнание», образовано от *long* ‘корабль’ и изначально, видимо, предполагало изгнание за море, но со временем изменило значение. Кроме того, этим же словом в текстах саг часто обозначают не собственно «изгнание», но то, что можно было бы назвать «вынужденной эмиграцией».

кто отправился в изгнание после того, как его приговорил Ковтах Каэль из Бреги.

Причиной изгнания Лабрайда в самой саге оказывается его конфликт с Ковтахом Каэлем, сыном Угаине Мора, убившим до этого своего брата Лоэгайрена Лорка, а также его сына Айлиля Айне, отца Лабрайда. Внучатый племянник короля, Лабрайд вырастает в его доме и становится славным и щедрым, за что завистливый Ковтах и изгоняет его из Ирландии. Однако Лабрайд и его спутники отправляются на восток, в Мунстер, где юный принц находит невесту, женится, а затем возвращается и убивает Ковтаха. Тема наказания «неправого короля» здесь накладывается на мотив этнических конфликтов лагенов и жителей северной части Ирландии, «половины Конна»⁶⁰.

Довольно близко по сюжетной схеме и предание о зачинателе династии правителей Мунстера — Коналле Корке. Сага о нем, как принято считать, сложившаяся уже в VIII или IX в. (см. [Hull 1941]), была оформлена в саговый нарратив несколько позднее и, как полагает Д. Спроул, представляет собой в чем-то отражение аналогичного предания о Ниалле Девять Заложников и становлении династии Уи Нейллов (см. [Sproule 1985]). В рассказе о рождении Коналла Корка, помещенном в трактате *Верность имен*, говорится, что у его матери Ларь Дерг (букв. «красная кобыла») была сестра по имени Фейдлим:

Она была ведьмой (ban-aímit), и она пришла к дому короля в ночь, когда родился Корк. Все другие ведьмы Мунстера пришли к дому в ночь, когда он появился на свет. Эти ведьмы обычно нападали и губили маленьких мальчиков. И одной из них была Фейдлим, дочь Мохайре. Она была внутри дома, когда другие ведьмы стали стучать в двери. И тогда мальчика спрятали под котлом, что был в доме, и ведьма Фейдлим стала на его защиту. Но ведьмы вошли в дом и зажгли огонь под тем котлом, так что у мальчика навсегда одно ухо стало красным от ожога. От того и его прозвище — Корк, красный⁶¹ (сокращенный пер., оригинал см. в [Stokes 1897: 312]).

⁶⁰ О Лабрайде см. также [Ó Cuív 1965; Ó Cathasagh 2002; Ó hUiginn 1990].

⁶¹ Один из многих вторичных осмыслений топонимического элемента. Прозвище Корка в данном тексте возводится к латинскому заимствованию *corcair* ‘пурпурный, красный’, однако, скорее всего, речь идет об одном из

Далее в саге рассказывается о том, как Коналл был взят на воспитание Кримтанном, названным в тексте королем Ирландии. Жена Кримтанна оклеветала Корка, и он был изгнан в Шотландию к королю пиктов с тайным посланием на огаме, в котором говорилось, что посланный должен быть убит. Однако на спящего Коналла наткнулся ученый муж и, пожалев юношу, изменил знаки огама: теперь в них говорилось, что его следует женить на дочери короля. Как пишет об этом сюжете Фр. Бирн, «перед нами любопытный ранний европейский вариант интернационального фольклорного сюжета о Протее и Беллерофонте в форме, которую позднее использует Саксон Грамматик в истории о Гамлете» [Бирн 2006: 214]. После смерти Кримтанна Коналл Корк вернулся в Ирландию и случайно на рассвете разжег костер для себя и своей жены именно в том месте, где, согласно предречению местного друида, должен быть Кашель, столица местных королей, и править ею должен будет тот, кто первым зажжет огонь в определенном месте и в определенное время⁶². «Гамлетовский» сюжет с измененными письменами, видимо, является привнесенным в сагу, с другой стороны, в ней много специфических кельтских фольклорных сюжетов, и, как пытались мы показать, главным в ней является, как и в предании о Лабрайде, создание местной легенды об основании династии. Образ самого короля-изгнанника, напоминающий сюжеты о младшем брате, Иване-дураке и прочих сказочных героях, которые несправедливо обвинены, изгнаны, но затем возвращаются с невестой и занимают главенствующее положение,

перифрастических обозначений «племени, потомков», распространенном как раз в районе Мунстера: ср. *Corcu Duibne* etc. Видимо, восходит к др.-ирл. *corca* 'овес, злаки', употребленном в значении «семья, потомство» (см. [LEIA-C: 208]).

⁶² Отчасти сюжету собственно саги предшествует трактат о «нахождении Кашеля», датируемый древнеирландским периодом (предположительно — VIII в.). В нем рассказывается о том, как королевские свинопасы во время чудесного сна увидели Корка, а затем им была **показана** череда королей Мунстера, потомков Корка. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с вергилианским мотивом чудесного предречения-провидения преемников и правителей (см. сюжет о «видении Конна»). Как пишет Фр. Бирн, цитирующий в своей книге этот фрагмент целиком, «перечень королей первоначально завершался именем Катала, сына Фингуне (721—742 гг.), а остальные имена были добавлены писцом, трудившимся в конце IX в.» [Бирн 2006: 217].

несомненно фольклорен и имеет множество параллелей. Однако нам и было важно показать фольклорность сюжетов об ирландских королях, сложившихся в саги, как правило, после начала скандинавского завоевания.

Естественно, поскольку собственно саговые нарративы складывались в разное время и в разных школах, мы можем ожидать, хотя бы в ряде случаев, разного описания одного и того же исторического или псевдоисторического короля. Приведем в качестве примера изображение короля Мунстера Катала, сына Фингуне, в сагах *Битва при Альмайне* (ок. X в.) и *Видение Мак Конглинне* (XII в.). На уровне сюжетном, говоря строго, особенных противоречий здесь не наблюдается. В *Битве при Альмайне*⁶³ Катал изображается как храбрый защитник своих земель (не только Мунстера, но и Лейнстера, то есть всей «половины Мога») от Фергала, сына Маэль Дуйна (из северных Уи Нейллов, † 722), который вопреки договору вновь решил обложить южные районы данью скотом⁶⁴. Фергал изображен в саге как типичный «неправый король», который не только нарушил межплеменной договор, но и сжег храм и отобрал у прокаженного, находящегося под его защитой, корову, за что тот проклял короля. Естественно, после этого Фергал пал в сражении. Ему противостоит король Катал, который, хотя и выступает на защиту Лейнстерцев, жалеет убитого Фергала, обмывает отрубленную голову короля и готовит ему достойное погребение и богатую тризну.

Видение Мак Конглинне, написанное, предположительно, лет на двести позднее, представляет собой лишь один эпизод из жизни короля Катала: спасение им от казни бродячего поэта, которого недостойно приняли в своей обители монахи, за что он собрался сложить против них поэтическую хулу. Король Катах изображен в саге не столько отрицательно, сколько сатирически, поскольку им овладел «демон обжорства»:

⁶³ Русский перевод см. [Предания и мифы... 1991: 193—197], издание см. [Stokes 1903a].

⁶⁴ Согласно *Ульстерским анналам*, это действительно произошло в начале 721 г., смерть Фергала во время Битвы при Альмайне датируется там же декабрём 722 г., так же, как датирована она в тексте саги: «на третий день декабрьских ид».

Катал, сын Фингуне, добрый король, что правил Мунстером; иначе герой-воин великий он (был). И таков был этот воин с яростью пса, с аппетитом лошади. Сатана, то есть демон обжорства был в его груди и ел обычно его еду вместе с ним. Окороков и быков по три порции, да еще трижды по двадцать испеченных хлебов, да котел свежего пива, да тридцать молодых кур — вот его доля. Хорош был этот пир, но ему всего этого было мало.

[Jackson 1990: 1]

В дальнейшем в саге рассказывается о том, как монахи решили убить Мак Конглинне, но тот потребовал королевского суда, уверяя, что он еще не сложил самой хулы, но лишь угрожал сделать это. Представ перед Каталом, поэт так долго и искусно рассказывал о чудесных землях, полных прекрасной еды, что демон обжорства покинул короля и устремился к самому Мак Конглинне, который успел столкнуть его в огонь и сжечь. За это Катал решил простить поэта, несмотря на недовольство жадных и обидчивых монахов.

Собственно говоря, этот текст, написанный, как и все прочие, в клирикальной среде, направлен скорее против самих клириков-монахов, но, поскольку действие саги происходит в середине VIII в., видимо, против неких абстрактных монахов прежних времен. Предположительно, в данном тексте могла в искаженном виде отразиться реформаторская деятельность XII в. Как пишет Дж. Риан, «не стоит удивляться тому, что за время постоянных битв со скандинавами слава нашей нации, столь истово до этого преданной христианству, заметно поблекла. Церковь в те времена сильно ослабла, хотя бы по той причине, что именно она была объектом постоянных нападений, а клир столь заметно поредел, что в некоторых районах вообще не служили мессы. Победа при Клонтарфе принесла здесь мало пользы, поскольку страна в целом являла собой арену общего смешения дел нашей нации» [Ryan s.a.: 70]. Об утрате религиозного пыла, упадке учености и «падении моральных стандартов» духовенства пишет и Б. О'Кыв [Ó Cuív 1984: 107]. Многие церковные должности передавались по наследству и временами их занимали лица, не имеющие сана, знание латыни резко ухудшилось, часы мессы не соблюдались, отмечались многочисленные нарушения целибата, исповеди перестали быть регулярными, знать не заключала церковных браков и временами возвращалась к полигамии. Обо всем этом с возмущением писал святой Бер-

нар Клервосский со слов ирландского клирика св. Малахия († 1148, ирл. Máel Maedóc), Житие которого он позднее написал. В то же время, анналистские записи той поры буквально пестрят упоминаниями о сожженных монастырях, впрочем — не столь уж многим больше, чем в предшествующие столетия. И Малахий, учредивший в Ирландии ряд цистерцианских аббатств, и другие деятели ирландской церкви, создавшие Синод в Келлсе в 1152 г.⁶⁵, и многие другие реформаторы — все стремились восстановить местный авторитет Церкви, с одной стороны, и наладить отношения с Римом, с другой, что, как известно, в целом успеха не имело, наверное потому, что просто запоздало. Не случайно поход английского короля Генриха II 1171 г. в Ирландию был благословлен папой Адрианом IV и формально имел своей целью возвращение греховных ирландцев в лоно Церкви и «распространение истинного христианства среди грубого и непросвещенного народа» [Ó Cuív 1984: 108]. Наверное, такое определение ирландцев, принявших христианство уже в начале V в. и известных своей латинской ученостью в так наз. «темные века», не совсем справедливо, но для нас в данном случае важно не это. Как писал Бернар Клервосский об Ирландии уже XII в., «в стране царит жестокое варварство и язычество пребывает под личиной христианства» [Bernard of Clairvaux 1978: 38]. То есть, как мы писали в начале, упадок старого социального уклада привел и к упадку христианской учености, что привело к возврату к язычеству, а точнее — к обращению к народным суевериям и чисто фольклорным преданиям. Но все это было не так просто: клирики не только ощутили снятие запрета на фиксацию устных народных легенд, но и сами принимали участие в сотворении новой нарративной традиции, в которой смешивались библейские предания и местные легенды, которые в целом, что самое главное, были ориентированы на ирландских правителей, как верховных, так и локальных, от которых в конечном итоге существование клириков и зависело. И изображение «идеального правителя», и образ «неправого короля», оскорбляющего святого — все это были элементы одной парадигмы, меняющей со временем свои предпочтения.

Естественно, составленные клириками псевдоисторические предания о королях прошлых веков сохранялись не только в самих сагах, но

⁶⁵ О церковных реформах XII в. см., например, в кратком изложении в [Flanagan 2006; Gwynn 1992]. Естественно, это особая и очень сложная тема.

наполняли и глоссарии, ученые трактаты, глоссы к законам, генеалогии, перечни королей и многое другое, что составляло средневековую ирландскую историческую традицию в целом. Возможно, как это ни странно, собственно Анналы стоят тут несколько в стороне, но, наверное, это тема для особого исследования⁶⁶.

Этот же материал использовался и в хвалебной поэзии того времени, которая в основном также слагалась учеными-клириками⁶⁷ и также была в основном направлена на прославление королей и их великих предков. Институт «свободных бардов» к XII веку еще только начал формироваться, но сам жанр хвалебной поэмы, как принято считать, сложился раньше (см. анализ образца «первого панегирика» IX в. в [Flower 1947: 27—28]). Более того, как мы понимаем, панегирическая поэзия как таковая существовала (да и продолжает существовать) практически у всех народов, естественно, знали ее еще и древние галлы. Как пишет, например, Лукан в поэме *Фарсалия*, перечисляя племена и социальные группировки противников Рима:

*Также, барды, и вы, векам сохранившие в гимнах
Сильные души мужей, загубленных жадной войною,
Распространили теперь, беспечные, множество песен.
<...> Народы
Северных стран, в ошибке такой, должно быть, блаженны,
Ибо несноснейший страх — страх смерти их не тревожит.*

[Лукан 1951: 20]

⁶⁶ Вряд ли мы когда-либо восстановим реальное отношение компилятора псевдоисторического текста к записанному им нарративу. Но понятно, что (в отличие от исландской традиции) абсолютный критерий достоверности к саговой традиции применим не может быть. Так, как известно, ирландский текст *Похищения быка из Куальнге* в «Лейнстерской книге» кончается словами: «Благословение каждому, кто достоверно запомнит Похищение, как записано здесь, и ни в чем от него не отступит». За этим торжественным финалом добавлена фраза на латинском языке (предположительно она принадлежит так наз. «писцу Т», см. [O'Sullivan 1966: 24]): «Я же, который записал эту повесть (historiam), а точнее вымысел (fabulam), не беру на веру рассказанных здесь историй. Ибо многое здесь наущение лукавого, иное причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам» [Похищение 1985: 327].

⁶⁷ См. об этом, например, [Mac Sana 2004].

В древнеирландской поэтической традиции на самом раннем этапе сформировался особый жанр — *marbnath* («смерте-песнь»), представляющий собой перечисление заслуг умершего и, в частности, его щедрости по отношению к поэту. Более того, как полагает В. П. Кальгин, поэма жанра *nath* уже в значении «хвалебная песнь» могла иметь своими корнями именно «погребальную песнь, основу которой составляло именно упечение славы» [Кальгин 1986: 24].

Однако в указанный период наметилось отличие: хвалу начали писать не умершему королю, а живому, однако традиционное для более раннего времени восхваление именно умершего поэтами нашего периода отчасти соблюдалось: они обращались к легендарным предкам короля-покровителя или к героям мифологических преданий, представляющим собой как бы своего рода «прецедентную галерею» прославляемого короля. Приведем в качестве примера анонимную поэму *На смерть любимого гуся*, в которой в завуалированной форме прославляется Бриан Бору. Стихотворение датируется концом X в. и предположительно адресовано Мор, дочери Доннхада, жене короля Маэль Сехналла II, смерть которой Анналы четырех мастеров датируют 985 г. (*Mór, inghen Donnchada, mic Ceallaigh, bainríoghain Éireann, d'éc.* — *Мор, дочь Даннхада, сына Келлаха, королева Ирландии, умерла*). Согласно содержанию заключительной строфы, король Бриан Бору предстает еще живым и, более того, еще не является королем всей Ирландии:

A Mór Maigne Moige Síul⁶⁸,
 bec a dainme esbaid n-éion;
 má shaíle éc duit fo-déin,
 nách bét dot chéill cáine géoid?

A ingen Donnchada druin,
 ara fuil borrfada ban,
 nách cúala scél (solma cein),
 inn úair fot-geir do géd glan?

Nách cúala garc nat don glēo
 is marb Conn Cétchathach Cúa,
 ocus Corbmac, ocus Art?
 esbach in mac is in t-úa.

⁶⁸ Топоним неясен.

Nách cúala díl Crimthainn chóir,
meic Fhidaig, do fhinnchloinn áin,
ocus Éogain Taídlig tess
fo-cheird cess for Clíu Máil?

Nách cúala in ngním ngeimleach ngarc,
marb Eochaid Feidlech na ferg,
ocus Crimthann, cride Níad,
ocus Lugaid dá Ríab nDerc?

Nách cúala in íuboile n-airc
dá bfuair Íugaine núall n-uilc?
Nách cúala in foraire, fecht,
dá ro melt Conaire Cuilt?

Nách cúala Mongán, maith láech,
do thuitim hi condáil chrích,
ocus Cermait Milbél mín
mac in Dagda déin do díth?

Nách cúala an lámdaith do lot,
Cú Chulainn rop ánrath ait? —
Ocus ní ra-fannaig fer
do neoch ro gab gaí ‘na glaic.

Nách cúala in ngním ngalann ngann,
Fothad Canann (clú nád binn),
ocus in ríghéinnid ríam
dár b ainm toísech na Fían Finn?

Nách cúala Fergus, cíarb án,
dár ba lán cech lergus lór,
ocus Manannán mac Lir
a m’anamán min, a Mór?

Géoid i nÉirinn re linn mBríain,
Brían ro gab Éiblinn co n-ór;
maith cara fil ocut Brían:
fíal flaith Chinn Mara, a Mór.
[Murphy 1956: 88—90]

*О Мор Долины Дола Сиула,
мала печаль — утрата птицы;
если поймешь, что и тебе суждена смерть,
разве не оскорбление для твоего разума оплакивание гуся?*

*О дочь Доннхада крепкого,
которая полна женских сложностей,
разве не слышала повести (быстро это),
если так печалит тебя твой чистый гусь?*

*Разве не слышала о героях, которые не для битвы,
умер Конн Ста Битв из Куа⁶⁹,
и Кормак⁷⁰, и Арт,
утрата сына и внука.*

*Разве не слышала весть о Кримтанне славном,
сыне Фидаха⁷¹, из светлого рода благородного,
и Эогане Тайдлехе⁷² теплом,
который нарушил мир в Клиу Маль?⁷³*

*Разве не слышала о деянии сковывающем ужасном,
что мертв Эохайд Фейдлех⁷⁴ гневный,
и Кримтанн⁷⁵, с сердцем героя,
и Лугайд двух Красных полос?*

⁶⁹ Конн Ста Битв, легендарный король.

⁷⁰ Внук Конна, сын Арта, сына Конна.

⁷¹ Кримтанн, сын Фидаха — легендарный король, правивший в начале V в.

⁷² Эоган Тайдлех — предок династии мунстерских Эоганахтов, он же Mug Nuadat, Eogan Mór.

⁷³ Клиу Маль — область в Мунстере.

⁷⁴ Эохайд Фейдлех — легендарный верховный король Ирландии I в. до н. э., отец королевы Медб.

⁷⁵ Кримтанн — видимо, Кримтанн Ниа Нарь, сын Лугайда Красных Полос — согласно преданию, Кримтанн был сыном сестры королевы Медб Клотры, которая зачала его от своего собственного сына Лугайда Красных Полос. Последний был зачат Клотрой от ее трех братьев, поэтому на его теле при рождении были две красных полосы, маркирующие зоны «отцов». Дитя двойного инцеста, Кримтанн полюбил женщину сиду по имени Нар, ушел к ней в волшебный холм, но выйдя оттуда, вскоре умер.

*Разве не слышала о времени трудном,
когда получил Угайне⁷⁶ крик горя?
Разве не слышала о бдении тогда,
когда был раздавлен Конейре⁷⁷ Колта?*

*Разве не слышала о Монгане⁷⁸, добром воине,
который пал в сражении у границ,
а о Кермате Сладкоречном⁷⁹,
сыне Дагды⁸⁰ быстрого, как он погиб?*

*Разве не слышала, что имевший крепкую руку
Кухулин погиб, который был героем?
И не превосходил его муж,
который когда либо брал копьё или вилы⁸¹.*

*Разве не слушала о деянии великом странном
Фотада Кананна⁸² (слава что хороша),
или о королевском фенин раньше,
по имени вождь Финаны Финн?*

⁷⁶ Угайне Великий — легендарный король Ирландии, примерно IV в. до н. э., один из прародителей правящих династий в Коннахте и Лейнстере.

⁷⁷ Конайре Колта — видимо, имеется в виду Конайре Великий, рассказ о гибели которого содержится в саге *Разрушение Дома Да Дерга*.

⁷⁸ Предположительно — Монган из чудесного холма (Mongán a ssídib), который упоминается в стихотворных «Старинах мест», однако, возможно, автор имеет в виду легендарного короля Уладов Монагана, сына Фиахна, который был чудесным воплощением то ли Мананнана, сына Лира, бога моря, то ли Финна, сына Кувала.

⁷⁹ Кермалл Сладкоречный — один из второстепенных персонажей *Книги захватов Ирландии*, принадлежал к Племенам Богини Дану, согласно преданию, пал от руки бога Луга, который приревновал к нему свою жену.

⁸⁰ Дагда — один из главных божеств-демиургов из Племен Богини Дану.

⁸¹ Вилы (glac) — здесь тоже вид оружия, видимо, трезубое копьё, которое Кухулин метал под водой большим пальцем ноги.

⁸² Фотад Каннан — персонаж из цикла Финна.

*Разве не слушала о Фергусе⁸³, который был благороден,
слава о котором наполняет моря,
а о Маннани, сыне Лиры,
о моя душенька нежная, Мор?*

*Гуси в Ирландии во времена Бриана,
Бриана, который захватил Эвлиу⁸⁴ с золотом;
хороший друг у тебя Бриан:
благородный властитель Кенн Мара⁸⁵, о Мор!*

Панегирики бардов норманнского периода в подобных уловках уже не нуждались. Возможно, определенную роль здесь сыграло и влияние скандинавской скальдической поэзии, вполне допускавшей сочинение хвалы живому конунгу и, более того, исполняемой ему публично. Вспомним, однако, приведенные нами в предыдущем разделе известные слова святого из среднеирландского пролога к поэме *Чудо Колума Килле* — Даллан Форгалл хотел написать благодарственную хвалебную песнь, но:

*Даллан тогда пошел к Колуму Килле поговорить с ним и прочел ему пролог для него, но Колум Килле не позволил это делать до времени его успения, потому что **хвала подобает только умершему**.*

Колум Килле был не только святым, чуждым мирской славы, он был потомком Ниалла Девять Заложников и принадлежал к роду Северных Уи Нейллов и, в глазах анонимного составителя Пролога к поэме XI в., придерживался старых, благородных взглядов. Правители Ирландии X—XII вв. (и тем более позднее) столь щепетильны уже не были.

Но это тоже совсем отдельная тема.

⁸³ О Фергусе — видимо, имеется в виду Фергус, сын Лейте, который победил водяного дракона.

⁸⁴ Эвлиу — гора севернее Лимерика.

⁸⁵ Видимо, совр. Кеннмар, графство Керри.

Разрушение Трои **и другие обработки античных сюжетов**

Свой очерк *Язык и литература до 1169 г.*, опубликованный через много лет после смерти автора в *Новой истории Ирландии*, Джеймс Карни завершает разделом, посвященным ирландским обработкам античных сюжетов. Этой теме он отводит всего одну страницу из 60-ти (см. [Carney 2005: 509—510]), видимо, не считая ее особенно достойной внимания. В вышедшей недавно книге М. Ни Вролхань *Введение в древнеирландскую литературу* [Ní Bhrolcháin 2009], отличающейся необычайной широтой охвата материала и богатым справочным аппаратом, этим памятникам вообще не находится места. Более того, в известной книге К. МакКона *Языческое прошлое и христианское настоящее древнеирландской литературы* [McCone 1990], называемой иногда «библией антинативизма¹» [Бондаренко 2003: 46], ни *Разрушение Трои*, ни другие широко известные на средневековом Западе обработки античных сюжетов даже не упоминаются. Исследователи видят в этих текстах нечто маргинальное, лишнее, возможно, чуждое автохтонной ирландской традиции и поэтому мало достойное внимания. Кроме того, их, во многом справедливо, считают поздними и поэтому, по определению, не играющими большой роли в становлении всего корпуса нарративной традиции средневековой Ирландии, воплотившегося как в собственно сагах, так и в поэмах, глоссах, Анналах и ученых трактатах.

¹ Под «антинативизмом» в ирландистике принято понимать научное направление, согласно основной концепции которого дошедшие до нас древне- и среднеирландские нарративы не являются реликтами устной и языческой автохтонной традиции, лишь поверхностно обработанной христианскими компиляторами, но изначально — обработками ветхозаветных и античных сюжетов, искусственно перенесенных на местную почву.

Данный подход во многом парадоксален. Многие исследователи, включая того же «основателя антинативизма» Дж. Карни, отмечают с той или иной степенью уверенности или предположительности значительное влияние на формирование местной традиции хорошо знакомых в ученых кругах раннесредневековой Ирландии античных сюжетов и образов, а также отдельных тем и изобразительных приемов. Так, например, еще Р. Турнейзен предполагал, что составленная примерно в начале VIII в. протOVERсия эпopeи *Похищение быка из Куальнге* испытала значительное влияние *Энеиды*, с которой компилятор был, безусловно, хорошо знаком (см. [Thurneysen 1921: 96—97]). Описание детских подвигов уладского героя Кухулина, как и вообще наличие «детских подвигов» в создании традиционной героической биографии, как предполагалось, возникло под влиянием описания детских подвигов Геракла (см. [Ó hUiginn 1992: 39]). Изображение странной «боевой колесницы с серпами», на которой выезжает против врагов Кухулин, кажется просто списанным с *Киропедии* Ксенофонта², среди подвигов уладского героя называется победа над амазонками, а сцена появления на свет короля уладов Конхобара, в ходе которой его мать, следуя указаниям наблюдающего за звездами жреца (друида) искусственно задерживает роды, чтобы ребенок родился в наиболее благоприятный с астрологической точки зрения момент, поразительно напоминает рождение Александра Македонского Олимпиадой «под руководством» жреца Нектанеба. Аналогичных примеров можно было бы привести еще много, и, как мы понимаем, часть окажется достаточно спорной и объясняться они могут скорее сходством типологическим. Наиболее известным в ирландистике случаем подобного спорного влияния античной традиции на ирландский нарратив считается описание Дж. Карни возникновения так наз. «приема наблюдателя», который, по его мнению, появился под влиянием знаменитой сцены «смотрения со стен» в *Илиаде*. «Прием наблюдателя» заслуживает особого внимания, и мы вернемся к нему позднее, пока же зададимся вопросом: так почему же ирландские обработки античных сюжетов, оказавших несомненное влияние на местную традицию, занимают при описании самой этой традиции только маргинальное положение?³

² См. об этом подробнее в нашей работе [Михайлова 1989: 39].

³ Наши слова не означают, что ирландские обработки античных сюжетов не изучались кельтологами вообще. Естественно, все они изданы, им

Наверное, по той причине, что сами эти обработки как **тексты**, а не как совокупность сюжетов и образов, действительно кажутся скорее маргинальными, и, например, компилятор *Похищения*, если и находился под влиянием *Илиады*, то, конечно, опирался не на саму *Илиаду*, но и не на ирландское *Разрушение Трои*, а скорее — на латинский текст *De excidio Troiae* псевдо-Дареса. И так во всем. Но в чем-то, как нам кажется, это и не совсем так, и наши «маргинальные» тексты для традиции среднеирландской казались уже чем-то важным и органично вписывающимся в состав фоновых знаний культурной элиты, подобно тому, как *Гамлет* Шекспира для английской литературы гораздо важнее, чем описанный Саксоном Грамматиком в *Деяниях данов* рассказ об Амлете. Иначе вряд ли рассказ о падении Трои занял бы место в самой знаменитой компиляции XII в. — «Лейнстерской книге»⁴.

В своем очерке Дж. Карни называет следующие дошедшие до нас компиляции-обработки античных сюжетов:

1. Разрушение Трои — Togail Troí;
2. Приключения Энея — Imtheachta Aeniasa;
3. Блуждания Улисса сына Лаэрта — Merugud Uilix maic Leirtis;
4. Разрушение Фив — Togail na Tebe;
5. Повесть об Александре — Scéala Alaxandair maic Pilip;
6. Гражданская война — In cath catharda (переложение *Фарсалии* Лукана).

Список этот в общем скорее традиционен для западноевропейской средневековой литературы (применительно к французской литературе см., например, об этом в книге [Михайлов 1976], а также шире — [Грабарь-Пассек 1966; Костюхин 1972]⁵), особенно в том, что касается

посвящено множество статей, а также ряд монографий, из которых отметим, например, [Stanford 1976; Harris 1998].

⁴ Говоря об этой знаменитой рукописи и называя ее «собранием всего свода ирландской культуры того времени», Р. Флауэр называет помещенные на ее листах *Книгу захватов Ирландии*, *Похищение быка из Куальнге*, старины мест, поэмы, посвященные королям Лейнстера, наставления Кормаку и «наконец, *Таллахтский мартиролог* и другие тексты религиозного содержания» [Flower 1947: 112]. *Разрушение Трои* даже не упомянуто. Более того, в электронном издании «Лейнстерской книги», выложенном на ресурсе usc/celt.ie, по непонятной причине этот большой фрагмент просто выпущен. Прямо обидно!

⁵ В указанных, претендующих на «обзорность» работах ирландские тексты также даже не упомянуты, так что они оказываются как бы дважды мар-

сюжетов о Трое, об Энее, о Фивах и, конечно, об Александре Македонском. Все они имеют установленные источники и, как правило, не восходят непосредственно к античным оригиналам, но возникли на базе широко распространенных латинских пересказов. Для традиции ирландской все они достаточно поздние (*Гражданская война* и *Блуждания Улисса* могут быть датированы уже началом новоирландского периода), хотя сами сюжеты, как мы уже говорили, были известны в Ирландии на несколько веков раньше. Однако, будучи поздними для традиции ирландской, они оказываются «значительно более ранними, чем аналогичные памятники западноевропейской литературы, в которой самые ранние обработки датируются XII веком» [Hiller 2010: 41]. Сюжеты о Трое, об Александре и об Энее, предположительно, уже бытовали в Ирландии в той или иной форме в X в. (см. подробнее о датировках [Hiller 1996/97: 15]).

Ирландское переложение *Одиссеи* представляет собой отчасти загадку: если источники других обработок в принципе понятны и известны, записанное предположительно на рубеже XII и XIII вв. фрагментарное и краткое (в издании — всего 287 строк) описание приключений Улисса (Merugus Uilix Maic Leirtis, букв. «Блуждания Улисса, сына Лерга»⁶) не имеет прямых западноевропейских аналогий и представляет собой, по определению Р. Флауэра, «странную переработку, не имеющую, насколько мне известно, нигде никаких параллелей» [Flower 1947: 137]. Маловероятно, что источником мог быть непосредственный текст Гомера, потому что, как пишет У. Стэнфорд, «Где ирландец мог видеть рукопись *Одиссеи* и какой ирландец тогда смог бы прочесть ее!» [Stanford 1976: 117]. По крайней мере, как более осторожно отмечает издатель этого памятника Р. Мейер, «ни один из источников до сих пор еще не обнаружен» [Meyer 1977a: xiv]. За прошедшие годы этот источник так и не был найден, и, как пишет Б. Хиллер, «ирландское предание об Улиссе с трудом может быть выведено из существующих источников» [Hiller 2010: 42]. В то же время, отдельные упоминания о самом этом персонаже в ирландской традиции встречаются, и, более

гинальными — и внутри своей традиции, и в списке средневековых обработок античных сюжетов. А ведь многие из них сложились раньше, чем аналогичные западноевропейские памятники.

⁶ Издание текста см. [Meyer 1977].

того, они в общем понятны и вычислимы: они если и не восходят непосредственно к самим античным памятникам, то по крайней мере генетически родственны сюжетам о Трое и об Энее, в которых этот персонаж также упоминается (подробнее об этом см. в [Hiller 1992; Hiller 1996/97]). Поэма Гомера в ирландской саговой интерпретации в значительной степени сокращена и во многом искажена. В ряде случаев за текстом действительно просматривается сюжет оригинала (эпизоды с поеданием священных быков Солнца, посещение циклопа Полифема), однако в большинстве случаев греческие предания во многом изменены. Так, например, в саге описано, как Улисс по длинному туннелю спускается в спальню Пенелопы, что, как полагает Мейер, является искажением мотива о посещении царства мертвых и Персефоны; мех Эола, в который были заключены ветра, превращается в ирландской обработке в маленькую шкатулку, которую странный персонаж по имени Судья Истины (Brethem na fíriní) вручает Улиссу с запретом раскрывать ее до возвращения домой.

Интересно встречающееся в эпизоде посещения острова циклопов упоминание свидетельства из *Энеиды*, отсылающее, возможно, не к самому тексту Вергилия, но к его же ирландской обработке:

Áirmiter fear do muintir Uilix do dul ar dreimní 7 ar deáithi gurub é in fear sin dorala d’Ainias mac Ainichis dia mbaí for loingis [Meyer 1977: 3, 73—75]. — Говорится, что один из мужей Улисса бежал в панике и смятении, и это тот муж, которого встретил Эней, сын Анхиза, в своем плавании⁷.

Действительно, в *Энеиде* (3-я песнь) рассказывается о встрече Энея на острове циклопов с одним из спутников Одиссея, который не успел сесть на корабль:

*Я на Итаке рожден, Улисса несчастного спутник.
Имя мне — Ахеменид; Адамаст, мой отец небогатый
(мне бы долю его!), меня отправил под Трою.
Спутники, в страхе спеша порог жестокий покинуть,
Здесь позабыли меня в пещере огромной Циклопа!*

(пер. С. Ошерова)

⁷ Ср. в Приключениях Энея: *gom-facbad-sa gan fis, gan fairiugud dom muintir, uair rochadus ar sechran uaidib [Calder 1907: 12]. — Я был оставлен незамеченным моими людьми, потому что я ушел блуждать от них.*

Как мы понимаем, компилятор *Блуждания Улисса* справедливо видел предание об Энее в качестве одного из элементов фоновых знаний своих адресатов и, более того, ссылка на этот знакомый сюжет исполняла для него своего рода верификативные функции.

Эпизоды возвращения на Итаку (которая в саге уже не изображается как остров) оказываются измененными довольно значительно. Никаких женихов у ирландской Пенелопы нет, но когда Улисс проникает в ее спальню, он видит ее спящей рядом с прекрасным юношей. Трижды он поднимает свой меч, чтобы убить обоих, но трижды останавливается, вспомнив предостережение Судьи Истины: задерживать дыхание и думать, прежде чем действовать. Наконец, Пенелопа просыпается и обращается к юноше: *Uch, a mhic, anois tárfas dam t'athair-siu ós ar cinn...* [Meyer 1977: 8, 235] — *Ах, сын, сейчас мне привиделся твой отец, стоящий рядом с нами...* Улисс понимает свою ошибку и выходит из укрытия к жене и сыну. Пенелопа, однако, отказывается узнать своего мужа и лишь появление собаки Улисса, которая кидается к хозяину (эпизод из *Одиссеи!*), заставляет ее поверить, что это действительно он.

Текст наполняется дополнительными фольклорными мотивами, не имеющими прямых античных источников⁸, как, например, три совета (*trí comairli*), которые тот же Судья Истины дает Улиссу в обмен на тридцать унций золота⁹: 1. задерживать дыхание и думать, прежде чем сделать что-либо; 2. идти прямой дорогой, а не обходными тропами; 3. остаться здесь до завтрашнего утра. Видимо, по мнению издателя, «компилятор мог где-то слышать это предание, а может быть, и прочитать (в каком-то из латинских пересказов *Одиссеи*) и затем позднее, через значительный промежуток времени, записать его, причем к тому времени в его голове сохранилось лишь незначительное число

⁸ Более детально анализ саги и составляющих ее сюжетов и тем см. [Meyer 1952].

⁹ В связи с этим отметим, что в тексте последовательно используется двадцатеричная система исчисления и «тридцать» передано как *deich n-uíngí fichet* — букв. «десять унций на двадцать», ср. также *deich n-uíngí ḡ cethrí fichit* — «девятьюсто» (букв. «десять унций и четырежды двадцать», ср. франц. *quatre vingt dix!*). Эта система противоречит и древнеирландской норме, и более позднему литературному узусу, однако еще в начале XX в. встречалась в ирландских диалектах. Ее предположительно субстратное происхождение и соотнесение с французской системой счета «на двадцатки» могли бы стать предметом самостоятельного исследования.

эпизодов» [Meуer 1977a: XVI]. По мнению Б. Хиллер, устные предания о странствиях Улисса к началу XII в. были распространены в Западной Европе достаточно широко, и «автор *Блуждания Улисса* знал про Одиссею так же, как любой современный взрослый человек знает о ней, хотя вряд ли многие читали ее, тем более в оригинале» [Hiller 1996/97: 35].

Интересно и название саги: слово *merugud* ‘блуждание, метание; безумие’, насколько нам известно, как название саги встречается только в данном конкретном случае, тогда как другие античные сюжеты получали в ирландской традиции характерные для нее именованья, взятые из ограниченного «реестра» автохтонных названий¹⁰. Нам кажется понятным и логичным, что *Илиада* превратилась в *Разрушение Трои*, но почему тогда *Одиссея* не стала *Плаванием Улисса* (**Immram Uilix*)? Видимо, это объясняется поздним происхождением памятника и выпадением его из филидической нарративной традиции, точнее говорит о том, что ко времени создания *Блуждания* традиция эта уже распалась¹¹.

Этот небольшой и, по мнению Р. Мейера, «слабый» текст, дошел до нас в трех списках, причем во всех случаях в обрамлении других переработок античных сюжетов: в рук. XV в. «Книга Баллимота»: между *Разрушением Трои* и *Приключениями Энея* (за которыми следует *Повесть об Александре Македонском*), в рук. Дублин № 12 (отметки писцов позволяют датировать ее 1491—1493 гг.) между *Третьей*

¹⁰ Списки названий саг сохранились в трех текстах, построенных по «вопросно-ответному принципу»: какие ты знаешь Сватовства, Разрушения, Убийства, Угоны скота и проч. То есть среднеирландский (возможно — и более ранний) компилятор традиции в целом располагал нарративы не по принципу субъектов (как делаем мы это сейчас), а опираясь на предикаты. См. об этом в [Mac Sana 1980].

¹¹ Б. Хиллер полагает, что ирландский термин оказывается очень близким греческому оригиналу: от греч. *odyssāo* ‘гневаюсь’, то есть герой предстает как тот, на которого прогневались боги, безумец (по определению Лосева — «человек божеского гнева», см. [Лосев 2000: 243]), и название саги следует скорее переводить как *Безумие* [Hiller 2010: 42]. Мы в свое время, кстати, также отмечали соотнесение названия саги с основой **mer-* ‘безумие, блуждание; неясное мерцание, мгла’, см. [Михайлова 1999]. Наверное, Б. Хиллер в данном случае права, однако именно осмысленное и точное название как раз и говорит о разрушении канона (или шаблона) традиции.

*Троей*¹² и сагой *Убийство родича сыновьями Тантала* (Fingala chlainne Tanntail)¹³, в рук. Stowe 992 (15 в.) между *Убийством родича сыновьями Тантала* и *Повестью о Минотавре*¹⁴. То есть, как мы понимаем, компиляторы рукописных сводов уже осознавали относительную сюжетную (и жанровую?) близость античных «саг», о чем ясно свидетельствует рукописный конвой каждого текста. В общем, для XV века это было естественно.

Другим, также относительно поздним текстом считается раннеириландское (примерно начало XII в.¹⁵) переложение поэмы римского историка и поэта Марка Лукана *Фарсалия, или Гражданская война* (Bellum Civile), повествующей о борьбе Цезаря с Помпеем, закончившейся полным поражением последнего на полях Фарсалии, на севере Греции (48 г. до н. э.)¹⁶. Этот текст считается одним из самых объемных ирландских нарративов, в котором «сложная и аллюзивная поэзия Лукана передана простой ритмизованной прозой, орнаментированной местными мотивами и формулами» [Hiller 2006: 960]. Как принято считать, ирландское переложение, получившее название *In Cath Catharda*¹⁷ (в названии использовано определение, образованное от слова *cathair* ‘крепость, укрепленное поселение, город’, то есть буквально воспроизведено латинское название), в основном действительно восходит к поэме Лукана, которая была хорошо известна в ученых кругах Ирландии того времени. В то же время, предположительно, компилятор мог воспользоваться трудами историков Орозия, Исидора Севильского (перечисление государств и правителей мира), сочинениями Беды, а также — так наз. Бернскими схолиями к Лукану, составленными примерно в IX в. Текст сохранился более чем в 10 списках, относительно

¹² Продолжение *Разрушения Трои*, см. об этом ниже.

¹³ В названии также употреблен специальный ирландский юридический термин *fingal* ‘убийство родича’ (ср. среднеириландскую сагу Fingal Ronáin — *Убийство Ронаном родича*).

¹⁴ Два последних текста, кстати, Карни вообще не упомянуты!

¹⁵ О лингвистической датировке текста, позволяющей отнести его примерно к 1100 г. см. [Sommerfelt 1920/21: 39]. В некоторых работах текст датируется более поздним периодом.

¹⁶ Русский комментированный перевод самой *Фарсалии* см. [Лукан 1951].

¹⁷ Издание см. [Stokes 1909].

поздних. Принято считать также, что известность данной компиляции, а точнее — сама тема гражданской войны повлияла на местную позднюю компиляцию *Победа Тордельбаха* (Caithréim Thoirdhealbhaigh, XIV в.), в которой повествуется о реальных событиях — «гражданской войне в королевстве Томонда, в ходе которой Тордельбах, сын Тайга О’Бриана и его потомки изгнали его дядю Бриана Рыжего О’Бриана, и его сыновей и лишили их трона, а также параллельно случайно нанесли поражение англо-норманнскому правителю Томонда Ричарду де Клэру» [Simms 2009: 75]. Как полагает процитированный автор, «переложение латинской поэмы могло, например, повлиять на описание того, как на битву собираются правители разных королевств» [Simms 2009: 76]. В общем, это мнение считается общепринятым, не случайно в издании этой ирландской саги С. О’Грэди в качестве приложения помещен начальный фрагмент из *In Cath Catharda* (см. [O’Grady 1929: 193—224])¹⁸.

В книге Дж. Харриса о специфике ирландских переложений античных сюжетов, об их «пристройке» к ирландскому, изначально — устному, аллитерирующему, пышному, богатому синонимичными эпитетами стилю саги *In Cath Catharda* посвящен целый раздел, в котором вполне убедительно и ярко показано, как ирландский компилятор в присущей ему манере ритмизованной аллитеративной прозы переложил сюжет из римской истории (см. [Harris 1998: 119—158]). Нам же, отчасти вслед за другой исследовательницей — Ж. Борч, хотелось бы обратить внимание на то, как среднеирландский интерпретатор передает знаменитый пассаж о человеческих жертвоприношениях у галлов, обыкновенно цитируемый в книгах о религии континентальных кельтов. Ср. у Лукана (строки 444—446):

et quibus inmitis placatur sanguine diro
Teutates horrensque feris altaribus Esus
et Taranis Scythicae non mitior ara Dianae.

¹⁸ Как мы думаем, до прихода норманнов в Ирландии вообще не существовало противопоставления гражданской войны войне с иноземными завоевателями (несмотря на атаки викингов) и по сути все многочисленные войны были как раз в нашем понимании — гражданскими. По крайней мере многие из них, целью которых было смещение с трона того или иного рода, личная вражда и так далее, но вовсе не борьба против иноземных завоевателей.

(в русском переводе:

*Также и те, что привыкли поить человеческой кровью
Еза ужасный алтарь, или дикого в злобе Тевтата,
Иль Тараниса, чей лик не добрей, чем у скифской Дианы.*

[Лукан 1951: 19—20]).

В Бернских схолиях эти строки комментируются следующим образом: «человека помещали головой вниз в котел, чтобы он задохнулся там, посвящая его Тевтатесу, или подвешивали его на дереве ради Эсуса, или сжигали людей в деревянном коробе ради Тараниса» (цит. по [Borsje 2007: 44]).

Среднеирландский компилятор явно не ассоциирует ирландцев (у которых в дохристианскую эпоху, как было показано в многочисленных исследованиях, также практиковались человеческие жертвоприношения, воплотившиеся позднее в тему «тройной смерти» правителя¹⁹) с изображенными Луканом кровожадными галлами, и имена галльских богов ему чужды. Ср. в *Гражданской войне*:

Tancadar ann popul na Teotonedha. is acu sen nó idpraitis fola daini i tempol Ioib & Mercurir & Mairt [Stokes 1909: 56]. — Пришли туда народы тевтонов. Это у них проливается кровь людей в храме Юпитера и Меркурия и Марса.

Действительно, по одной из версий Бернских схолий, Тевтатес отождествляется с Марсом, Эсус — с Меркурием, а Таранис — с Юпитером; «мог ли ирландский писец быть знаком с этим текстом?» — пишет Ж. Борч и, будучи очень скрупулезным и осторожным исследователем, отвечает сама себе: «У нас нет точных свидетельств о том, что этот текст был в его распоряжении» [Borsje 2007: 44]. Мы же полагаем, что если он и не мог иметь этот текст непосредственно «под рукой», то скорее всего, знал его в пересказах, причем, возможно уже в *interpretatio romana*, отождествляющих вслед за Цезарем галльских богов с функционально близкими римскими божествами. Имя галльского бога Тевтата (*Teutates*) при этом явно интерпретируется ими как этноним — тевтоны.

Еще интереснее переложение следующих строк: ср. у Лукана (447—462):

¹⁹ См., например, [Ward 1970]; в целом литература по вопросу огромна.

uos quoque, qui fortes animas belloque peremptas
 laudibus in longum uates dimittitis aeuum,
 plurima securi fudistis carmina, Bardi.
 et uos barbaricos ritus moremque sinistrum 450
 sacrorum, Dryadae, positis repetistis ab armis.
 solis nosse deos et caeli numina uobis
 aut solis nescire datum; nemora alta remotis
 incolitis lucis; uobis auctoribus umbrae
 non tacitas Erebi sedes Ditisque profundi 455
 pallida regna petunt: regit idem spiritus artus
 orbe alio; longae, canitis si cognita, uitae
 mors media est. certe populi quos despicit Arctos
 felices errore suo, quos ille timorum
 maximus haut urguet leti metus. inde ruendi 460
 in ferrum mens prona uiris animaeque capaces
 mortis, et ignauum rediturae parcere uitae.

(в русском переводе:

*Также, барды, и вы, векам сохранившие в гимнах
 Сильные души мужей, загубленных жадной войною,
 Распространили теперь, беспечные, множество песен.
 Вы же, друиды, опять с окончаньем войны возвратились
 К богослужениям злым и к варварским вашим обрядам.
 Вам лишь дано познавать богов небесную волю
 Или не ведать ее; вы живете в дремучих дубравах,
 Где не сияют лучи: по учению вашему тени
 Не улетают от нас в приют молчаливый Эреба,
 К Диту в подземный чертог: но тот же дух управляет
 Телом и в мире ином; и если гласите вы правду,
 Смерть посредине лежит продолжительной жизни. Народы
 Северных стран, в ошибке такой, должно быть, блаженны,
 Ибо несноснейший страх — страх смерти их не тревожит.
 Вот и стремится солдат навстречу мечу и охотно
 Гибель приемлет в бою, не щадя возвращаемой жизни.)*

Ср. в среднеирландской Гражданской войне:

Tancadar ann popul dianadh ainm **Bardi**, popul íat sén lángnáthaighitis
 filidhecht & duana molta do dénam. Is assin iderar **baird** & bairdne isin
 Scotíc, & a m-bi do míleadaib **Césair** ic forbhais docum in catha. Tancadar

ann popul na druidecda, popal iat s en da fognaitis fesa & faistine & no gn athaitis taisc elad for r ethaibh rend & r etlann, & is ed atbertis trena fesai-b demhnacdaibh anmanna in lochta ba marbh isin mesraighthisea do breith tresin tendtigi fodes & a tabairt i corpaibh ele isin mesraighthi descertach.

Druide anmanna na popul sin, & **Druis** ainm a **cathrach**. Is ass en atberar **dru i** & dr aidhecht isin Scotie [Stokes 1909: 58]. — *Пришли туда народы бардов, народ который обычно стихи и хвалебные поэмы слагает. И потому говорят «барды» и «бардическое искусство» у скоттов, все воины Цезаря были восхвалены ими. Пришли туда народы друидов, народ, который обычно владеет тайным знанием и предрекает будущее, и узнает грядущее по бегу звезд и светил, и это говорится, что по их дьявольскому учению, что души тех, кто умер в тех районах (на севере), уходят в районы на юг и помещаются в другие тела, в тепле. Друидами называются эти народы, Друид — имя их города. Отсюда слова друид и друидизм у скоттов*²⁰.

В общем, от своего исторического и конфессионального недавнего прошлого среднеирландский компилятор отказывается полностью и пересказанную Луканом кельтскую доктрину переселения душ понимает как-то странно, а принимать — явно не хочет.

Однако, как мы видим, в целом ирландский текст довольно близок к латинской поэме и, видимо, действительно является ее прозаическим переложением. Для ирландских саг на античные сюжеты случай это, скорее, редкий, хотя и не является исключением.

Как пишет Б. Хиллер, «ближе к латинскому оригиналу, чем другие переложения классической литературы, чем, возможно, объясняется несовершенство ирландского нарратива и относительное невнимание²¹ к памятнику исследователей» [Hiller 2006: 1679], является сага *Разрушение Фив*²², перелагающая необычайно популярную в Средневековье поэму римского поэта I в. н. э. Публия Папиния Стация *Фиваида*.²³ Сейчас многими забытый и известный лишь специалистам, поэт Ста-

²⁰ Ко времени составления текста слово dr aidhecht, «друидизм», видимо, уже получило позднее значение — «волшебство, магия». Под «скоттами» понимаются ирландцы, называемые так в латинской традиции.

²¹ См., однако, специальную главу, посвященную этому памятнику в [Harris 1998: 159—200].

²² Издание текста с переводом см. [Calder 1922].

²³ Русский комментированный перевод см. [Стаций 1991].

ций был необычайно широко известен в Средневековье и в эпоху Возрождения; как пишет о нем Ю. А. Шичалин, «еще более трехсот лет после Данте²⁴ Европа видела в Стации одного из величайших поэтов, и, таким образом, свыше полутора тысяч лет Публий Папиний Стаций был безупречным поэтическим авторитетом для читающих по-латыни европейцев» [Шичалин 1991: 228]. Переложения Стация появляются в Западной Европе в период развитого Средневековья, причем наиболее известным считается французский анонимный *Роман о Фивах* (см. о нем [Грабарь-Пассек 1966: 208—209; Михайлов 1976: 41—43]), датируемый примерно серединой XII в. Что касается датировки ирландского переложения, то оно относится скорее уже к ранненовоирландскому периоду (см. [Mugick 1993: 97]), однако в одной из маргиналий к так называемой редакции D саги *Разрушение Трои* среди источников компиляции называются Вергилий, Дарес, и *Stair*, «знаменитый поэт франков». Последнее слово было интерпретировано К. Мейером как искаженное *Stait*, за которым ирландский компилятор ошибочно предполагал позднего галльского ратора и историка Стация Урсула (см. об этом подробнее там же). То есть, как мы понимаем, Стаций был известен в Ирландии уже в X в., времени предполагаемого создания *Разрушения Трои*, и о влиянии континентальных переработок как источников здесь вообще нельзя говорить²⁵.

Обращает на себя внимание и название ирландского текста — **To-gail** на Тебе, демонстрирующее, по мнению Л. Мирик, «желание вписать данный текст в существующую автохтонную традицию» [Mugick 1993: 77]. Мы не уверены, что это так, скорее здесь просто сыграла роль магия шаблона, заставляющая увидеть в сюжете некое главное «действие», кодирующееся глагольным именем-названием, набор которых, как известно, был очень ограничен. Как верно отмечает она же, традиционной для ирландских «Разрушений крепостей» темы госте-

²⁴ Стаций изображен Данте в XXI песни *Чистилища*.

²⁵ Как пишет в другом месте Л. Мирик, ирландские переложения античных сюжетов все, как правило, возникли раньше, чем западноевропейские, и шли своими путями, и хотя имели те же источники, но пришли к ним своими путями (см. [Mugick 1993: 70]). Почему в бурное время, каким был для Ирландии X в., ученая традиция вдруг обратилась к столь отдаленному материалу — сказать трудно. Возможно, это было проявлением того же желания вписать собственную историю в мировую, которое побудило создать такую объемную компиляцию как *Книга захватов Ирландии*.

приимства, кончающегося побоищем, в *Разрушении Фив* нет. В то же время, как пишет об ирландском переложении Стация У. Стэнфорд, герои Древней Греции переодеты здесь в ирландские одеяния, холмы — зеленые, море — серое, а на берегу растут типичные ирландские цветы — наперстянка, клевер и жимолость [Stanford 1976: 83].

Сюжет о разрушении Фив был в поздней западноевропейской средневековой традиции разработан достаточно широко, однако его популярность не сопоставима с другим сюжетом — жизнеописанием исторического персонажа, который со временем превратился в символ успешной царской власти и боевых походов: мы имеем в виду, конечно, фигуру Александра Македонского, не утратившую своего ореола и в наши дни²⁶. Его жизнеописания, обрастающие многочисленными мифическими деталями, появляются уже в позднюю античную эпоху, причем, как пишет М. Грабарь-Пассек, «о походах Александра, может быть, уже при его жизни (напомним: 356 — 323 до н. э. — *Т. М.*) и немедленно после его смерти стали появляться сочинения, написанные участниками этих походов и лицами, близкими к Александру (Птоломеем, Клитархом, Каллисфеном, Анаксименом и др.)» [Грабарь-Пассек 1966: 173]. Среди наиболее значительных памятников следует назвать его биографию, включенную Плутархом в его *Сравнительные жизнеописания*, а также труды Квинта Курция Руфа и Арриана. Однако, как принято считать, для дальнейшего развития сюжета наиболее важную роль сыграл анонимный греческий труд *Деяния Александра* (начало III в. н. э.), автор которого присвоил себе имя племянника Александра — Каллисфена, почему анонимный автор получил условное имя «псевдо-Каллисфен»²⁷. Примерно через сто лет он был переведен на латинский язык Юлием Валерием, который в свою очередь послужил источником для более поздних сочинений (подробное изложение книги псевдо-Каллисфена см. в процитированной книге М. Грабарь-Пассек, издание см. [Mueller 1846]). Кроме многочисленных фантастических приключений на дне моря и в воздухе, а также посещения чудесных земель, автор Деяний вводит (возможно — не сам и не впервые) в биографию Александра

²⁶ «Александр Македонский герой, ... но зачем же стулья ломать!»

²⁷ О судьбе сочинения псевдо-Каллисфена в средневековой русской литературе см. [Костюхин 1972: 42—55]. Там же см. о восточных легендах об «Искандере».

интересную деталь: его отцом оказывает не Филипп, а египетский жрец и прорицатель Нектанеб, бежавший в Македонию и проникший к матери Александра Олимпиаде под видом змея²⁸. Возможно, за этим стояла идея узаконить власть Александра над Египтом, но, хотя бы отчасти, как мы полагаем, здесь могла и просто сыграть роль шаблонная эпическая необходимость обеспечить героя «чудесным рождением». В дальнейших разработках эта тема присутствует далеко не всегда.

Так, Орозий, автор *Семи книг против язычников* (начало V в.), придерживается скорее исторической версии и вообще видит в Александре скорее беспощадного тирана, алчущего свежей крови не только врагов, но и друзей и родных. Возврат к мифологической трактовке Александра мы видим в труде некоего архипресвитера Льва, который в X в. в Неаполе нашел греческий текст псевдо-Каллисфена и затем переложил его в виде сокращенного латинского сочинения, озаглавленного им *Повесть о сражениях* (*Historia de proeliis*)²⁹. Именно этот текст принято считать основным источником для позднейших переложений биографии Александра Македонского в Средневековье уже на национальных языках (отчасти — на латыни).

Первым таким памятником М. Грабарь-Пассек называет небольшую поэму XI в. провансальского поэта Обри Безансонского, которая полностью до нас не дошла. Не умаляя значения, как исторического, так и литературного как этого, так и последующих сочинений³⁰ на данную тему, мы можем сказать, что на самом деле первенство здесь принадлежит не ей: первое средневековое переложение биографии Александра Македонского появилось уже в X в. в Ирландии. Мы имеем в виду прозаическую *Повесть об Александре* (*Scéla Alaxandair*)³¹, затем переработанную и дошедшую до нас уже в тексте XIV в. в «Книге из

²⁸ В дальнейшем Александр, якобы узнав от Нектанеба тайну своего рождения, сбросил его со стены крепости.

²⁹ Издание см. [Pfister 1913].

³⁰ Так, например, после появления в XII в. французской поэмы об Александре Ламбера ли Торту, который первым использовал рифмованные двенадцатисложные дистихи, появился термин «александрийский стих». Хотелось бы также отметить исландское переложение предания об Александре — *Сагу об Александре* (об источниках и краткий пересказ текста см. [Матюшина 2002: 164—167]).

³¹ Комментированное издание с немецким переводом см. [Peters 1967].

Баллимота» — *Деяния Александра Великого* (Iomtusa Alexandair Móir). Говорить о непосредственном источнике этого текста (точнее — текстов, потому что несомненным представляется факт существования в той же Ирландии еще каких-то обработок этого популярного сюжета) мы не можем. Так, его издатель Э. Петерс полагает, что «ирландский Александр» наиболее близок к обработке псевдо-Каллисфена пресвитером Львом — к тексту *Повесть о сражениях*, тогда как другие исследователи склонны, ввиду сухости текста и отсутствия, например, темы Нектанеба, видеть в *Повести об Александре* скорее разработку орозиевой трактовки, а также апокрифических посланий Александра к Аристотелю (см. [Tristram 1989; Meyer 1949])³². В рукописи сам компилятор называет источники своего труда:

Adfetaim dia imteachtaib ḡ dia gnimradaib fond uile domun co cumair o thosach co dered amal ro scrib ad lebraib na scel ḡ a lebraib na antequitatus ḡ isna cronicib ḡ episdil Alaxandair [Peters 1967: 102]. — *Я повествую о его странствиях и о его подвигах по всему миру от начала и до конца, как это описано в книгах о повестях, и в книгах об Античности, и в хрониках, и в послании Александра.*

Петерс видит здесь прямые отсылки к Орозию, хронике Евсевия, а также посланию Александра Аристотелю, и мы не оспариваем его мнения. Однако следует отметить, что после данного фрагмента в Книге из Баллимота помещена глосса, в которой говорится, что «другие же полагают, что Александр был сыном Нектанеба Египетского» (см. [Peters 1967: 170]), что показывает знакомство с данной темой переписчика. Мы уделяем теме апокрифического происхождения Александра Македонского от жреца Нектанеба такое внимание, потому что, как мы полагаем, этот мотив (рождение короля не от отца, а от жреца, вступившего в связь с королевой, а также искусственное задерживание самих родов ради момента, когда появится на свет великий правитель, что предсказывается тем же жрецом) присутствует и в повести о рождении Конхобара. Ср.:

— *Женщина, если в твоей это власти, пусть лишь завтра, а не сегодня, принесет твое лоно то, что хранит оно. Будет тогда твой сын*

³² О валлийском «Александре» (Anryuedodeu Allyxander) и его соотношении с латинскими и ирландскими обработками см. [Tristram 1990].

королем Улада или даже всей Ирландии, и слава о нем навеки сохранится в наших землях.

— Я сделаю так, — сказала Несс. — Один лишь есть у него путь, и я освобожу его, когда будет надо.

И вышла Несс на дуг на берегу реки Конхобар. Села она на камень у самого края. И опять стала она испытывать родовые муки. Так сказал тогда Катбад и предрек рождение Конхобара <...> И тогда девушка позволила ребенку родиться, и славным был ее сын [Саги об уладах 2004: 12].

И:

Давно прошли сроки разрешения, а королева все носила свой большой живот и горько выговаривала Нектанебу, который нарочно задерживал роковой час, пока не сбудутся благоприятные небесные знаки. С утра садилась она на высокий родильный стул и даже спала на нем, плача и жалуясь. Наконец Нектанеб с башни крикнул: «Пора!» — и Олимпиада взревела, как телка, не помня себя от боли, не слыша грома, не видя молнии, сверкнувшей из чистого неба.

Второй фрагмент процитирован нами... из *Подвигов Великого Александра* Михаила Кузмина, но это лишь показывает, насколько прочным был этот блуждающий мотив и насколько неточным является определение непосредственного источника для средневековых переработок. Рассказ о рождении Конхобара датируется более ранним периодом (ок. IX в.) и явно отсылает к огромному пласту устного предания, измерить границы которого мы не можем, но значение которого для формирования мотивного инструментария как средневековой литературы, так и более поздней велико необычайно (см. наш анализ предания об Улиссе).

Упоминание фараона (!) Нектанеба в некоторой отдаленной и смутной связи с преданиями об Александре встречается и в *Книге захватов Ирландии*, составление которой датируется примерно тем же периодом. Так, во втором разделе второй редакции *Книги* говорится:

Forond Nechtenibus ba rí ind Éigipt ind inbaid sin. Hiss é sin in cóiced rí déc ar fichit farsin Forand ro báiged i m-Muir Rúaidh: 7 ba sí ind aimsir sin doluid Alaxandir Mór mac Pilip isin nAsia, co riacht Éigipt 7 dobreth ind Éigipt día réir 7 ro díchuir in Éigipt 7 do chart a ríg Nectenipus a Héighipt ind Eitheóip; 7 ro chumtacht primchathair laiss ind Éigipt .i. Alaxandria a

hainm [LGE, II: 38]. — *Фараон Нектанеб был царем Египта в то время. Был он двадцать пятым царем после фараона, который утонул в Красном Море. Это было то время, когда Александр Великий, сын Филиппа, пришел в Азию, дошел до Египта и взял над ним власть, опустошил Египет, и изгнал Нектанеба из царей Египта в Эфиопию, и основал главный город того Египта под названием Александрия.*

Были ли эти Нектанебы идентичны друг другу? Мы не можем ответить на этот вопрос и, более того, полагаем, что среднеирландскому компилятору он просто и не мог бы быть задан.

Как и в других античных обработках, в которых локальный сюжет обычно вписывался в макромифологему, собственно рассказу об Александре ирландский компилятор предпосылает довольно большой фрагмент, посвященный его «предшественникам» — пяти величайшим правителям мира: *Coic grimflaithiusa ro batar for in domuin...* [Peters 1967: 99] — *(Вот) пять главных властителей, которые были в этом мире...* Точнее, в тексте говорится не столько о самих «властителях», сколько о «властях», т. е. народах, прославившихся в истории — ассирийцах, халдеях, семитах, персах и эламитах. Далее говорится о прославлении греков и римлян, причем все возводятся к сыновьям Ноя, что в целом, как мы понимаем, имеет целью возведение единого исторического древа, в котором имплицитно присутствуют и не упомянутые в самом тексте гойделы (точнее их предки).

По своему стилю *Повесть об Александре* скорее отличается от традиционного древне- и среднеирландского прозаического нарратива: в ней практически нет описаний, метафор, аллитерирующих эпитетов и синонимов, почти нет изображений одежды и оружия, которые в других античных переработках трогательно выдают повседневный мир ирландского компилятора. *Повесть* — скорее действительно напоминает сухую хронику, оживленную лишь время от времени восторженными оценками. Почему этот текст вообще появился, сказать трудно, причем, напомним, что Ирландия первой откликнулась на не выраженный открыто призыв архипресвитера Льва — создавать повести о деяниях великого Александра Македонского на местных диалектах, наверно чтобы приблизить его, естественно, не «к народу», а напротив к местной же аристократии³³, получающей такой вот чудесный образец для подражания. Конечно, в нашем случае довольно заманчивым будет

³³ Плохо понимающей латынь.

провести параллель между появлением *Повести об Александре* и началом правления короля Бриана Бору, тем более, что в поздней *Войне гойделов с чужаками* он открыто называется:

Rob é an tAlaxandar tailc, talcair tanaiste ar treoir, ocus ar oirbert, ocus ar innsaighibh ar eathaibh, ocus ar coscraibh [CGG: 204]. — *Был он Александром мужества, мужественным правителем в битвах и сражениях, и в чести, и в достоинстве, и в атаках, и в победах.*

Однако, как полагает Петерс, обилие глагольных форм с инфигированным местоимением не позволяет отнести протOVERCию саги даже к началу правления короля Бриана и говорит о более раннем происхождении ирландской компиляции, так что непосредственное соотношение фигуры этого могущественного правителя с образом Александра Македонского оказывается скорее натянутым. Наверное, в данном случае вопрос о датировке чисто лингвистической в соотношении с датировкой исторической лучше оставить открытым.

В общем примерно то же можно сказать и о более значительном и важном для литературной истории Ирландии памятнике — саге *Приключения Энея* (Imtheachta Aeniasa³⁴). Ко времени ее первого издания в 1907 г. была известна только одна редакция, сохранившаяся в «Книге Баллимота», поэтому Дж. Калдер датировал этот текст примерно серединой XIV в., исходя из модернизированного языка. Однако, как пишет в предисловии к новому изданию памятника 1995 г. Э. Поппе, за эти годы было найдено еще две редакции саги, явно восходящие к не сохранившемуся и гораздо более раннему источнику, что в целом позволяет датировать проторедакцию *Приключений Энея* примерно XII в. [Poppe 1995: 31—32]. Впрочем, данная мысль высказывалась в свое время еще Дж. Мерфи, который полагал, что сага впервые была составлена «в середине XII в. и базировалась непосредственно на латинском оригинале, причем послужила своего рода продолжением *Разрушения Трои*» [Murphy 1932: 380].

Как справедливо считают многие исследователи, как бы поздно ни сложилось в Ирландии само переложение *Энеиды* как прозаического текста, латинский оригинал постоянно присутствовал в качестве некоего базового фонового знания в ученых кругах и во многом повлиял

³⁴ Первое издание см. [Calder 1907].

на компиляции автохтонной традиции. Р. Хофманн полагал, что Вергилий был известен в Ирландии уже в VII в. [Hofmann 1988]), однако данная точка зрения не является общепринятой (см., однако, о предполагаемом источнике *Видения Конна* в нашем разделе о королях Ирландии). Для более позднего периода (VIII—IX вв.) восприятие *Энеиды* как своего рода «героического бэкграунда» становится в ирландистике уже общим местом, и влияние Вергилия на саги уладского цикла в целом и *Похищение быка из Куальнге*, в частности, уже никем не оспаривается (см. обзор мнений в [Ó hUiginn 1992: 36—41]). *Энеида* с ее многочисленным флешбэками, повествующими о Троянской войне и других связанных с ней сюжетах, послужила как бы каналом-источником для традиции в целом и повлияла на автохтонные компиляции. Более того, в процитированном О'Хигинном анонимном стихотворении XII в. многие ирландские герои эксплицитно уподобляются античным:

Cosmail gach áen-fher d'íath Emna d'fhír ar Tróe muirnig na máer: ropo data a n-áirem uile gach sáir-fher don chuire cháem. [Ó hUiginn 1992: 37]	<i>Подобен каждый муж земель Эмайн мужу из Трои знаменитой героями, было бы приятно перечислить их всех, каждого славного мужа круга милого.</i>
--	---

Как это ни парадоксально, ни рассказ о гибели Трои, ни повесть об Энее, составленные на ирландском языке (как и на других вернакулярных диалектах западной Европы) до какого-то периода просто не были никому нужны, настолько хорошо образованные круги общества были знакомы с латинскими оригиналами.

И все-таки рассказ об Энее в Ирландии появился. Зачем же?

В предисловии к первому полному³⁵ изданию *Приключений Энея* Дж. Калдер писал, что основной целью компилятора было «просто написать историю (scél)» [Calder 1907: XV], что, естественно, в дальнейшем послужило удачной отправной точкой для разного рода полемики вокруг вопроса об основных целях ирландского переложения *Энеиды* и других античных памятников в целом. Естественно — не «просто написать историю»! В «альтернативном» *Новом предисловии к Приключениям Энея* Э. Поппе ставит сам факт переложения латинской поэмы среднеирландской прозой в прямую зависимость от исторической

³⁵ Эпизод любви Энея и Дидоны под названием Cairdius Aenias ocus Didaine был опубликован Т. Вильямсом в 1899 г. [Williams 1899].

ситуации в самой Ирландии. Как он пишет, «интерес ирландских *litterati* к их собственному языческому прошлому и очевидные параллели героического фона их собственных подвигов с деяниями античных героев послужили главной причиной адаптации классических текстов на ирландском языке, причем для этого выбирались самые авторитетные авторы, начиная от псевдо-Дареса и кончая Вергилием» [Porpe 1995: 29]. Но это, в принципе, можно было бы сказать и о всех других переложениях, если смотреть на них с позиций метафорических: вспомним, что Бриан назывался «Вторым Александром». Применительно к Энею ситуация была несколько иной и для Ирландии эта фигура была более актуальной. Как он же отмечает ранее, «“Приключения Энея” не просто возрождали мир древности, но также служили основой объяснения происхождения всего западного мира» [Porpe 1995: 8]. Эней для ирландцев был важен как бы дважды: с одной стороны, как основатель Рима (который, кстати, в самой саге не упоминается), создатель во времени и в пространстве некоего отправного пункта, от которого мифологическое, циклическое время превращается в невозвратное центробежное движение. Не случайно, Эней упоминается также и в *Книге захватов Ирландии*:

Fria lind side ro toglad Troe din thógáil dedenaig. Secht mbliadna iarsin thógáil sin, co tuc Aenias mac Anaciss Lauinia ingen Latin meic Puin [LGE-I: 36]. — В то время Троя была разрушена в последний раз. После этого разрушения через семь лет Эней, сын Анхиза, взял (в жены) Лавинию дочь Латина.

Фрагмент этот вставлен в рассказ о распаде наций после Вавилонского столпотворения и выделении гойделов в отдельную нацию. Гойделы, таким образом, как бы приравнены к латинянам и в тот же момент истории обретают собственную судьбу, соотносимую по времени с историей Рима. Важной была также представленная в самой Энеиде и тема предречения будущих правителей, их облика, их подвигов и побед, представленная и в сцене некромантического видения Энея, которому Сивилла показывает при помощи призрака его отца будущих правителей Рима, и в описании чудесного щита, который Венера вручает Энею и на котором также при помощи экфрасиса символически предречены будущие герои и победы его потомков (переложение этой сцены см. [Calder 1907: 124], в ирландском тексте названы также *echtarcenela* — «далекие племена», в которых можно угадать и ирландцев).

Для Британских островов началом истории роль Энея не ограничивалась. В *Истории бриттов* Гальфрида Монмутского говорится, что от брака с Лавинией у Энея родился сын Сильвий. Впоследствии он вступил в связь с племянницей своей бабки, и в результате родился Брут, который случайно убил своего отца, был изгнан и после многих приключений и странствий, согласно пророчеству Дианы, приплыл к «обетованному острову, который звался тогда Альбионом». Победив живших там гигантов, он воцаряется там: «Наконец Брут по собственному имени нарекает его Британией, а своих сотоварищей бриттами; ведь ему хотелось в этих названиях запечатлеть навсегда свое имя. Отсюда и язык народа, который прежде назывался троянским или исковерканным греческим, впоследствии стал называться бриттским» [Гальфрид Монмутский 1984: 17].

Ф. Кокс (см. [Сох 2006: 82]) в своем очерке о трансформации вергилиевского нарратива в Ирландии полагает, что потомками Энея изображаются и сами ирландцы (как одно из изображенных на щите Энея «далеких племен»), поскольку само описание одного из его воинов практически дословно совпадает с традиционными описаниями ирландских прекрасных героев:

Ba cruthach an maccaem robai etarru. Mong fhochos orbhuidhi fair, rosc gorm glainidi ina chind. Ba cosmail ri forcleithi cailli cetmuin no fri sian slebi cechtar a dha gradu. Andar lat ba fras do nemandaib rolad ina ceand. Andar lat ba dual partaingi a beoil. Ba gilithir ri snechta n-oen aidhi a braigi ḡ a cneas ar cheana... [Calder 1907: 120] — *Был прекрасен юноша, шедший среди них. Грива золотых волос над ним, глаза синие блестящие на его лице. Подобны примуле майского дня или горной наперстянке были его щеки. Казалось, жемчуг струится по его лицу. Казалось, из парфянской кожи его губы. Подобно снегу, выпавшему в одну ночь, была его шея и вся его кожа...*³⁶

³⁶ На этот эпизод обращает внимание и Э. Поппе, более того — в своем *Предисловии* он приводит фрагмент из саги уладского цикла *Сватовство к Ферб* (Tochmarc Ferbe), в котором дано описание прекрасного воина, настолько дословно совпадающее с приведенным выше, что, как кажется, нет смысла его и цитировать (см. [Windisch 1897: 464]). Однако Поппе полагает, что данное описание относится к спутнику Энея — Палласу, поскольку тот упомянут в предыдущей фразе: «Прекрасным было их шествие — Эней во главе отряда, и Ахест, и вожди троянцев, и конница из Аркадии с Палласом, сыном Эвандера, позади них». Однако, как полагаем мы сами вслед за Ф. Кокс, следующее за

Описание действительно разительно напоминает многочисленные экфрастические описания ирландского традиционного нарратива, но все же мы не решились бы увидеть в этом прекрасном юноше специально введенного ирландца. Во-первых, описания героев сами во многом восходят в свою очередь к классической традиции (см. об этом, в частности, [Swartz 1985]), а во-вторых, как мы понимаем, изобразительный инструментарий среднеирландского компилятора был довольно беден и в своем изображении античных воинов он опирался лишь на собственную традицию, к иному, впрочем, и не стремясь, как и многие другие «переводчики» античных текстов в средневековой Европе. Но впрочем, этот странный и как бы «лишний» по сюжету юноша действительно привлекает внимание.

В целом же, обращение к сюжету об Энее в Ирландии, как кажется, должно иметь и иные, более глубокие корни, те же, которые выросли и в анонимном французском поэтическом *Романе об Энее*, написанном в Нормандии между 1150 и 1165 гг. (см. о нем, например, [Михайлов 2002]). Данная тема уже далеко выходит за рамки нашего небольшого очерка.

Другое дело — как именно перелагалась *Энеида* ирландским компилятором. В самом первом издании фрагментов *Приключений Энея* — эпизода любви Энея и Дидоны — его издатель Т. Вильямс писал, что ирландский «переводчик» *Энеиды* стремился «написать свою повесть так, чтобы она подходила для его ирландской аудитории» [Williams 1899: 419]. Издатель отмечает девять основных различий между оригиналом (который, по его мнению, переводчик и не стремился точно воспроизвести) и ирландской версией:

1. сокращение ряда эпизодов;
2. изменение порядка эпизодов;
3. изменение отдельных трактовок действий героев;
4. добавление собственных рассуждений либо взятых из какого-то иного источника;
5. изменение имен, топонимов и иных деталей, а также сокращение сверхъестественных деталей *Энеиды*;

этим описание относится все же к кому-то другому, кто также находится в этом отряде, а употребленный при слове «юноша» (an массаем) определенный артикль в данном случае диктуется не контекстом, а дефинирующим объект описания придаточным: *Va cuthach an массаем gobai etarru. — Был прекрасен (тот) юноша, который был среди них.*

6. изменение стиля поэтического языка оригинала в том, что касается сравнений, метафор и прочего;
7. пропуск предыстории героев, а также сокращение имен богов;
8. введение описаний, традиционных для ирландского эпоса;
9. обильное использование аллитерирующей прозы.

Говоря о сюжетных изменениях, которым подверглась *Энеида* в старофранцузской обработке, А. Д. Михайлов, к сожалению, не давая конкретных сносков, пишет, «Принято полагать, что между французским стихотворным текстом и античной поэмой существовал какой-то прозаический латинский памятник, ставший тем самым посредником между двумя произведениями. К такому выводу заставляют прийти бросающиеся в глаза отличия одного памятника от другого. Между тем очевидность этих отличий еще не обязательно указывает на существование такого памятника. <...> Утрата многих составляющих *Энеиды*, как целых больших эпизодов, так и огромного количества деталей и одновременно появление эпизодов новых, вполне могло произойти непосредственно при переложении поэмы Вергилия неведомым нам средневековым поэтом» [Михайлов 2002: 60—61]. Сопоставление французского стихотворного романа и ирландского прозаического нарратива демонстрирует временами удивительное сходство, особенно в том, что касается изменений сюжетных, сокращения эпизодов, отсутствия упоминаний мелких античных божеств и прочего, что действительно заставляет предположить существование некоей латинской протOVERсии, стоящей за обоими текстами. Но, повторяем, это тема отдельной работы, очень перспективной, но уже выходящей за рамки нашего очерка.

В том же, что касается плана выражения, то ирландская *Энеида* действительно предстает как памятник автохтонный, причем явно несущий на себе также следы христианского влияния. Так, например, говоря об огне вулкана Этна, ирландский переводчик отмечает:

Teni bithbeo ‘sin tshleb sin dogress, co maided a duibdiad ꞥ a lasra a huamaib ꞥ a haircelaib in tshlebi sin amach dogress. Dia fhis do dainib conad do suthine tine iffirn dogni dia sin, ar is ed aderait araile conad dorus du dhoirsib iffirnd sliab Eathna [Calder 1907: 10]. — *Вечно живой огонь горит на этой горе, так что столбы темного дыма и блестящего пламени поднимаются из нещер и кратеров этой горы. Бог сделал это для людей, чтобы те знали, что вечен огонь ада, говорят же другие, что гора Этна и есть ворота в ад.*

Сюжет действительно отчасти сокращен, отчасти — переставлены акценты (отсылаем здесь к новому *Предисловию* Э. Поппе), и, естественно, текст изобилует аллитерирующими эпитетами в духе среднеирландской орнаментальной прозы, однако поэтических вставок-монологов в тексте уже нет. В общем, сказанное относится и к другим античным переработкам. Остановимся тем не менее лишь на одном эпизоде, о котором мы уже отчасти упоминали выше в связи с анализом саги *Видение призрака*. Мы имеем в виду знаменитый эпизод «Эней и Сивилла», в ходе которого появляется призрак отца Энея Анхиза и рассказывает ему обо всех его потомках, которые будут править Римом, называя их поименно и давая краткие характеристики их правления. Для Вергилия это «тени будущих инкарнаций, которые пребывают в ином мире в ожидании времени своего появления на земле» [Ogden 2001: 244]. Для ирландского интерпретатора, как мы понимаем (или как думаем, что понимаем) — уже нечто иное, скорее просто видение будущего, расположенного в особом пространстве, ориентированном скорее вертикально — на холме. То есть взгляд в будущее — это взгляд вверх и вперед. Сам текст эпизода странным образом сочетает в себе отказ от традиционного античного экфрасиса, видимо, для нарратора ассоциирующегося уже скорее с вымышленным эпосом, и установку на знание — называние имен правителей, причем правителей исторических, чем этот эпизод оказывается близким к *Видению призрака* и его прототексту — *Видению Конна*. В отличие от Вергилия, ирландский компилятор уже не дает описаний внешности правителей и не строит эпизод на черед диалогов и узнаваний, отец Энея лишь перечисляет правителей (teit Anachis for a tuitem [Calder 1907: 90] — *Идет Анхиз перечислять*), однако в тексте все же еще постоянно присутствует тема «видения», воплощающаяся лишь в повторяющемся глаголе *atchi* ‘ты видишь’. Этот эпизод, как и все *Приключение Энея*, — новая рецепция Вергилия, отличающаяся от ранней, восходящей, предположительно еще к VII в.³⁷ и во многом повлиявшей на становление автохтонной нарративной традиции. Компилятор, наверное, действительно хотел создать текст, соответствующий канонам среднеирландского сагового нарратива, но в полной мере сделать это уже не мог или не хотел (возможно, как полагает Э. Слоткин, под влиянием континентальной

³⁷ О знании трудов Вергилия в раннехристианской монастырской среде см. [Kenney 1929: 286—287; Hofman 1988].

традиции, создавшей свою линию трактовки жизнеописания Энея, см. [Slotkin 1978—79: 444]).

Наиболее значительным ирландским текстом, трактующим античную традицию, считается рассказ о гибели Трои, получивший, естественно, соответствующее название — *Togail Troí* — *Разрушение Трои*. В отличие от *Приключений Энея*, его источником является не греческий гомеровский оригинал, но несколько латинских переложений этого сюжета, трактующих *Илиаду* иногда довольно свободно и далеко ушедших от собственно оригинала. Они же послужили основой для других трактовок рассказа о Троянской войне — см. например, огромный поэтический французский *Роман о Трое* Бенуа де Сент-Мора (XII в.) или прозаическую исландскую *Сагу о троянцах* (XIII в.³⁸). Опираясь на одни и те же тексты, каждая традиция трактовала их, естественно, по-своему, как в плане выражения и собственно формы, так и в плане содержания. Ирландцы здесь также остаются в общем верны себе, однако следует отметить, что их «Троянская война» появилась раньше других, уже в X в., что позволило затем уже внутри автохтонной традиции создать еще один текст, носящий то же название, но во многом отличающийся от первого, а также ряд исторических поэм, в которых рассказывается о событиях Троянской войны. Упоминаются троянцы и в *Книге Захватов Ирландии*, причем неоднократно.

Как пишет М. Грабарь-Пассек, «время между II и V вв. н. э. оставило нам несколько произведений, разрабатывающих его (сюжет о Троянской войне. — *Т. М.*) вновь и вновь, правда на более родственной ему почве, не в римской, а в греческой литературе, причем и в стихотворной, и в прозаической формах» [Грабарь-Пассек 1966: 83]. Оригиналы до нас не дошли, и данные памятники сохранились только в латинских более поздних переложениях, которые в свою очередь и послужили источниками для дальнейших обработок. Среди них выделяются две прозаические повести³⁹. Одна из них, *Дневник Троянской войны* (*Ephemeris Belli Troiani*), приписывается Диктису, который был спутником критского царя Идоменей и проделала с ним весь поход (то есть это как бы

³⁸ О датировке см. [Матюшина 2002: 230].

³⁹ См. также в книге Грабарь-Пассек анализ греческого прозаического диалога ритор Филострата (начало III в.), известного под названием *Диалог о героях* (с. 85—91).

взгляд псевдоочевидца). Повесть сохранилась в латинском переводе IV в., однако в 1907 г. был найден греческий оригинал, датируемый II в. Другой текст — краткое изложение событий Илиады — *О гибели Трои* (*De Excidio Troiae Historia*) также имеет фиктивного автора — фригийца Дареса, который упоминается Гомером как сторонник троянцев. До сих пор не известно, существовал ли более ранний греческий оригинал этого текста. Сам факт такой возможности предполагается в прологе к латинскому памятнику, в котором говорится, что оригинал был найден в Афинах в I в. н. э., однако, как полагает Л. Мирик, это могла быть поздняя латинская подделка (см. [Myrick 1993: 35]).

Однако, как полагаем мы вслед за У. Мак Гьяральтом (а также отчасти и Ж. Доттенем — см. [Dottin 1924]), для традиции ирландской, да и не только для нее, рассказ о гибели Трои имел в качестве источника не только упомянутые достаточно поздние тексты (и ряд других, также поздних), но все ту же *Энеиду*: «Сцены сражений в ирландском *Разрушении Трои* напоминают *Энеиду*, хотя и написаны были более чем на сто лет раньше, чем *Приключения Энея*. Автор, несомненно, был знаком с самой *Энеидой*, и, как показал еще Мерфи [Murphy 1932], ирландские клирики не только знали Вергилия наизусть, но и использовали текст *Энеиды* на уроках латинского языка» [Mac Gearailt 2000/2001: 82]. Но говоря об источниках очевидных и письменных, мы также не должны упускать из виду трудно уловимое устное предание, некий слой фоновых знаний ученого клирика средневековой Европы, в который, несомненно, входила и повесть о Троянской войне, и образы ее героев.

Сравнивая прозаические повести псевдо-Диктиса и псевдо-Дареса, Л. Мирик пишет, что «*Дневник Троянской войны* Диктиса вне всяких сомнений отличается более высоким художественным уровнем, чем повесть Дареса» [Myrick 1993: 21], и она, безусловно, права. Повесть Диктиса⁴⁰ и больше по объему, и более стройна композиционно. В ней описана предыстория войны и ее последствия. Просматривается и «точка зрения автора», который последовательно называет троянцев варварами, а также постоянно упоминает не только о неких «похищенных сокровищах», но и о плате, которую получают воины за участие в сражении. В общем, как показывает это Грабарь-Пассек, поэма Гомера перенесена в мир «римского чистогана периода поздней империи» (в предисловии характерным образом упоминается и Нерон), а союзники

⁴⁰ Издание текста см. [Eisenhut 1958].

Трои из Азии и Африки изображены как лживые трусы, явно уже готовые принять на себя почетное римское рабство⁴¹. Как мы понимаем, «греческий оригинал» также был составлен уже в эпоху Империи, и «римский колорит» присутствовал уже и в нем.

На этом фоне текст Дареса действительно выглядит более бедным и бледным: как отмечают многие исследователи, это не собственно художественное произведение, а скорее пересказ-саммари событий Троянской войны и предшествующих им эпизодов, однако именно своей сухостью этот текст как раз и оказывался более выгоден для трактовки и дальнейшей разработки. Если у Диктиса просматривается и личность компилятора, и отпечаток эпохи (как оригинала, так и более позднего латинского переложения), у Дареса мы находим лишь сухое изложение событий. Однако своеобразная интерпретация гомеровской традиции присутствует и в нем: так, в него введена линия любви Елены и Париса, которые якобы ранее встретились в храме на острове Кифере и полюбили друг друга, а также добавлено довольно странное, также краткое и суммарно-анкетное описание внешности героев (в терминологии современной критики — «портретный каталог»), как мы понимаем, лишенное античной клишированности⁴². Например:

Helenam similem illis, formosam, animi simplicis, blandam, cruribus optimis, notam inter duo supercallia habentem, ore pusillo.

Priamum regem Trojanem vultu pulchro, magnum, voce suavi, aquiline corpore.

Hectorem blaesum, candidum, crispum, strabonem, pernicious membris, vultu venerabili, barbatum, decentem, bellicosum, animo magnum, civibus clementem, doctum, vatem (§ 12).

Елена походила на них (Кастора и Поллукса), она была красива, с простой душой, милая. Со стройными ногами, имела родинку между двух бровей и изящный рот.

Приам, царь троянцев, был очень красив, величествен, с сильным голосом, с могучим телом.

⁴¹ Подробнее см. [Грабарь-Пассек 1966: 92—98].

⁴² Оба мотива нашли «бурное» развитие в старофранцузском *Романе о Трое* Бенуа де Сент-Мора, который к тому же во вводной части открыто ссылается на текст Дареса как на основной источник.

Гектор звучен, красив, кудряв, зорок, с гибкими членами, много почтенный, бородастый, благородный, воинственный, великодушный, уважаемый гражданами, ученый, умный.

За Даресом, безусловно, следует и ирландский компилятор в своем *Разрушении Трои*, однако его текст нельзя назвать ни переводом, ни даже переложением, хотя в отдельных фрагментах он, казалось бы, почти дословно следует этому источнику. Особенно актуально это для так называемой I-й редакции *Разрушения Трои*, сохранившейся в рукописи TCD H.2.17, а также в виде отдельного фрагмента в Лейнстерской книге (fol 397a ff.)⁴³. II-я редакция *Разрушения Трои*, гораздо более пространный (но также незаконченный) сохранился также в нескольких рукописях — в той же Лейнстерской книге (fol 217a ff.)⁴⁴, а кроме того, в уже упоминаемой нами Книге Баллимота и в двух рукописях, также датированных примерно XV в. В данном случае важно то, что «портретный каталог» Дареса, опущенный в первой редакции и в тексте Лейнстерской книги второй редакции, присутствует в этих рукописях, что предполагает, что компиляторы поздних рукописей также имели текст Дареса «под рукой».

Первая редакция *Разрушения Трои*, как было показано Г. Мак Ойном в его детальном анализе глагольных форм памятника (см. [Mac Eoin 1960/61]), датируется X в., тогда как вторая — предположительно уже началом XII. Существует также III-я редакция саги, значительно отличающаяся по содержанию от первых двух: в ней добавлен большой фрагмент о детстве и юности Ахилла, предположительно восходящий к *Ахелеиде* Стация, а также ряд других эпизодов. Однако в целом сюжетная линия сохранена, и в тексте также присутствует «портретный каталог». Кроме того, в ней содержится своего рода отдельный сиквел, озаглавленный *Третья Троя* (In tres Troí), в котором рассказывается о том, как город был восстановлен, но затем разрушен вновь. Третья редакция не издана до сих пор.

Как и текст Дареса, все ирландские редакции *Разрушения Трои*, собственно говоря, распадаются на три связанных между собой фрагмента: 1. описание плавания аргонавтов и рассказ о Ясоне и Медее; 2. повесть о подвигах Геракла (который изображается союзником

⁴³ Издание текста см. [Stokes 1884].

⁴⁴ Издание текста см. [Stokes 1881].

троянцев); 3. собственно рассказ о Троянской войне. Но если у Дареса первые два фрагмента описаны более чем сжато, а Медея даже не упомянута, то ирландские компиляторы уделяют им гораздо больше внимания, пользуясь при этом дополнительными источниками (см. об этом подробнее в книге Л. Мирик).

Обе редакции, причем вторую — в гораздо большей степени, отличает специфическая ирландская манера изложения материала, с характерными аллитерирующими синонимами, пространными описаниями, детальными изображениями героев, их внешности и вооружения, которые находят свои параллели в автохтонной традиции. Так, например, описание внешности, одежды и оружия Гектора во второй редакции почти дословно совпадает с изображением анонимного «героя на колеснице», также содержащимся в Лейнстерской книге и предположительно описывающем Кухулина⁴⁵. Однако, говоря о «традиционных ирландских описаниях внешности героев» (вслед за очень многими исследователями), мы, как мы уже писали, должны понимать, что сам этот нарративный прием если не прямо восходит к классической традиции, то по крайней мере явно испытал ее влияние. Как пишет Д. Шварц, «Поскольку экфрасис был одним из наиболее рекомендуемых и используемых нарративных приемов в западной Европе в XI и XII вв., было бы странно, если бы эта неоклассическая техника описаний внешности персонажа не достигла Ирландии, ученые люди которой постоянно были в контакте с западной Европой в течение шести веков» [Swartz 1985: 134]. Мы полагаем (без особой уверенности, однако), что ирландская нарративная техника описания внешности героя обладает и собственной спецификой, проявляющейся в том, что данные описания непременно требуют введения наблюдателя, перед глазами которого предстает описываемый объект. И дело здесь не в субъективности описания, но во введении таким образом хронотопической составляющей «здесь и сейчас». Не случайно в описании «героя на колеснице» постоянно вводится своего рода зачин — «я видел»⁴⁶.

⁴⁵ См. об этом тексте как особом «тренировочном упражнении» в нашей работе [Михайлова 1989].

⁴⁶ Безусловно, все сказанное нуждается в дальнейшей разработке. Кроме того, тема косвенного влияния античной традиции на ирландский эпос также практически не была затронута нами, однако с огромным сожалением мы должны отказаться от дальнейшего ее анализа, поскольку это выходит за рамки нашего очерка.

Ирландская изобразительная специфика состоит также в использовании в обеих редакциях особого приема, который в ирландистике получил название «прием наблюдателя» (*watchman device*), на анализе которого мне хотелось бы, наконец, остановиться подробнее.

На особенность нарративного приема «косвенного узнавания» группы персонажей по описанию и распространенность его в кельтской традиции обращал внимание еще Р. Турнейзен, который писал, что аналогичные описания встречаются и в валлийском мабиноги *Брануэн*, а также в исландской саге *Laxdaela Saga* (в русском переводе: *Сага о людях из лососевой долины*, гл. 63) [Thurneysen 1921: 61]. Как мы понимаем, данный «прием» он считал чисто кельтским, во всяком случае вопроса о его происхождении он не ставил. Позднее, в известной книге 1948 г. Майлза Диллона *Древнеирландская литература*, где также кратко был описан данный прием, была впервые сформулирована идея, что пространственные описания ирландских героев и их последующее «узнавание по описанию» были заимствованы из знаменитой сцены «тейхоскопии» (*teixoskopia*) Третьей песни *Илиады* [Dillon 1948: 11]. Как известно, в ней изображены Елена и Приам, которые стоят на стенах Трои, Приам описывает ахейских воинов, а Елена по описанию узнает их (Агамемнона, Одиссея и Аякса). Для традиции античной данный прием вошел в реестр обязательных изобразительных средств, как пишет Ю. А. Шичалин, «Тема «поход семерых против Фив» предполагала основные образы и эпизоды, которые в свою очередь соотносились с аналогичными образами и эпизодами других произведений. Такова, например, знаменитая «тейхоскопия» — смотр войск с городской стены: вестник перечисляет отряды аргосцев Этеоклу в трагедии «Семеро против Фив» Эсхила; у Еврипида в «Финикиянках» дядька перечисляет Антигоне отряды аргосцев; у Стация Форбант (дядька) перечисляет Антигоне отряды, защищающие Фивы; прообраз — Елена, называющая Приаму ахейских героев» [Шичалин 1991: 256]. Действительно, в Фиваиде Стация присутствует сцена тейхоскопии, однако обращает на себя внимание, что монолог Форбанта в ней почти не прерывается репликами Антигоны (за одним исключением) и сцена в качестве основного «месседжа» имеет скорее описание и перечисление героев, но не узнавание их⁴⁷.

⁴⁷ В принципе, например, аналогичное описание можно найти в поздней (XII в.) саге королевского цикла *Битва Маг Рат*, когда Дубдиад, друид мятежного короля Конгала Каэха, поднимается на холм и описывает с него отряды

Идея М. Диллона о том, что непосредственным источником приема «узнавания по описанию» является Илиада⁴⁸ была затем развита Дж. Карни, который первым дал название приему — «прием наблюдателя» (watchman device — [Carney 1955a: 307]). По его мнению, «прием наблюдателя» призван в первую очередь ввести для слушателя или читателя новый персонаж или группу персонажей. Композиционно он строится следующим образом:

1. К группе наблюдателей приближается одно или несколько новых лиц;

2. среди наблюдателей присутствует «знающий наблюдатель», который был знаком с ним (с ними) ранее;

3. «незнающий наблюдатель» описывает приближающихся;

4. «знающий наблюдатель» узнает их по описанию и называет их имена.

Данный прием действительно распространен в ирландской нарративной традиции достаточно широко, он представлен в *Похищении быка из Куальнге*, *Опьянении уладов*, *Пире у Брикрена*, *Разрушении Дома Да Дерга*, а также, в усложненной и модифицированной форме, и в ирландском переложении *Илиады* — *Разрушении Трои*, причем в последнем тексте он, бесспорно, является добавлением ирландского компилятора и не имеет ничего общего ни с текстом Дареса, ни с самой сценой тейхоскопии из *Илиады*.

В обеих редакциях *Разрушения Трои* вместо сцены стояния на стенах и описания приближающейся армии представлен как бы субвариант «приема наблюдателя», названный П. Симс-Вильямсом «ошибочным наблюдением» (erroneous watchman device [Sims-Williams 1977/78: 93]). Он состоит в том, что, во-первых, в тексте не описано непосредственное наблюдение над новыми персонажами, но их описание обычно дается *post factum* из уст лица, посланного на разведку

верховного короля Домналла, спешащие сразиться с ним (см. [O'Donovan 1842: 180—188]). Этот эпизод содержит в себе, с одной стороны, информацию о противниках Конгала, с другой — яркие и цветистые описания воинов, которые самоценны как таковые, однако ни диалога с вопросами («кто этот муж...»), ни узнавания в нем нет.

⁴⁸ Строго говоря, Дж. Карни, в отличие от Диллона, не говорит об *Илиаде* как о непосредственном источнике приема, но лишь упоминает, что он встречается в этом памятнике, как и в *Фиваиде* Стация, и отмечает, что он «не готов думать об этих параллелях в терминах «независимого происхождения».

(или оказавшегося в таком положении)⁴⁹. Во-вторых, он состоит в том, что вместо реалистического описания воина наблюдатель описывает гротескную картину движущегося леса, горы, блеска огня, сверкающего озера и проч., что на самом деле является метафорическим описанием приближающегося войска. Характерно, что в большинстве случаев «несведущим наблюдателем» здесь выступают слуги, пастухи или иные, действительно несведущие лица. Так, в Разрушении Трои описано, как Приам отправил послов (techtaire — букв. «ходоков»), чтобы они высмотрели, какое войско приближается к стенам Трои. Ср. в Первой редакции:

«Andar-lem ém amal rodercus» ar sé, «domárfis tromchéo tiughaide ɣ glasnél dub dorchaide forsín fhairce, co roleth co níulu nime, cona acus nem huasa cind ɣ coná hacus ler fona longaib, ar rolín dorchatu in cocáí ó nem co talmáin.

Domárfás farsín fogur gáeithe gére gailbighe: indarlem nothrascérad fidbada in betha, amal esnad mbrátha.

Rochuala breisim thornige more: andar-lem bah é in nem dorochair, no in muir rothráigh, no in talam roscáil i n-ilrannaib, no amal nothutitís frosa rétlánd for dreich an talman».

«Ali, ced eter sin?» ar Priam.

«Ni ansae» ar in techtaire. In glasnél tiugaide atchonnarc úasin ler, it hé anála na curad ɣ na lath ngaile rolínsat dreich na fairge ɣ a cobán fil etir nem ɣ talmáin, fobíthin frísócaib in gal ɣ fiuchiud na ferge failbraige i nerbruinnib na láech lánchalma, conid fair roimretar a feirg for imarbáig ind imrama co rolín in n-áer úasa.

Fogur na gáithe gairge atchúala, is hí osnadach ɣ holcfadach na tréfer sin la scís ind imrama ɣ la himhnúth cosnama tosaig... [Stokes 1884: 28]

— *То, что я увидел, сказал он, показалось мне тяжелым густым туманом и серым дымом, темным и мрачным, который исходил из небесных облаков, хотя небеса были не близко, и море под кораблями было не близко, нельзя было их разглядеть от тьмы, что простиралась от небес до земли.*

Почудились мне завывания бурного ветра. Казалось, трещат на ветру стволы леса, будто перед Судом.

⁴⁹ В книге Л. Мирик такой субтип приема называется espionage [Myrick 1993: 132 ff.].

Услышал я шум свирепой бури: казалось, небо падает вниз, или море поднимается вверх, или земля раскалывается на множество частей, или ливень звезд обрушивается на лик земли.

— *Ох, что же это?* — сказал Приам.

— *Нетрудно сказать, сказал посол. Густое серое облако, которое я увидел над морем, это дыхание героев и сильных воинов, которое покрыло лик моря и пространство между небесами и землей, потому что шум и хрип вырываются из груди храбрых воинов, которые спешат на битву, и оно вырывается из их груди над ними.*

Шум ветра, который я услышал, это бег и марш этих сильных мужей, что тяжел от усталости плавания и боевого похода их вождей...

В данном случае прием «ошибочного наблюдения» оказывается нарушенным, поскольку сам посол объясняет Приаму, что стояло за странным зрелищем, представшим перед ним (сказанное им, таким образом, предстает как собственно метафора, причем понятная ему самому и им же созданная). Во второй редакции «прием ошибочного наблюдения» сохранен в более чистом виде: посланный дозорный видит густой лес, шумное море, черную тучу и проч., но вопрос «что это?» задают стоящие рядом троянцы, а «сведущим наблюдателем» оказывается в данном случае сам Приам, который и объясняет, что увиденное — приближающиеся корабли ахейцев.

Прием «ошибочного наблюдения», который можно было бы назвать скорее метафорическим описанием, встречается довольно часто в ирландской автохтонной традиции, причем в текстах достаточно ранних. Ср., например, аналогичное описание из *Похищения быка из Куальнге*:

Оставил их Мак Рот и пошел взглянуть на великое поле Миде. Недолго пробыл он там, как вдруг услышал вдали содрогания и гул, шум и грохот. Мнилось ему, будто небеса рухнули на землю или многогорьбное, голубокрайнее море хлынуло на земной мир, или сама твердь раскололась, дрожая, или, быть может, повалились лесные деревья на стволы, развилки да ветки друг друга. По полю же мчалось великое множество диких зверей, и земля Миде едва виднелась за ними.

Воротился Мак Рот и поведал об этом Айллиу и Медб, Фергусу и знатным ирландцам.

— *Что это было, о Фергус?* — спросил Айллиль.

— Нетрудно ответить, сказал тот, - шум, гул и грохот, гудение, вой, громовые раскаты слышались из леса, где было войско уладов. Немало героев и воинов рубили мечами деревья против своих колесниц. Оттого и неслоь множество диких зверей, так что земля Миде едва виднелась за ними...

[Похищение 2004: 375].

Аналогичное «метафорическое описание» известно также в валлийском мабиноги *Брануэн, дочь Лиры*: пастухи короля Матолуха прибегают к нему с известием, что гора движется по морю, а по бокам от горы — два озера:

...mae genhym ni chwedleu ryued: coet rywelsom ar y weilgi, yn y lle ny welsam eiryuot un prenn [Thomson 1961: 10]. — у нас удивительные вести: мы видели лес над морем, где раньше мы не видели ни одного куستا.

На это тот отвечает, что это великан Бран вброд идет из Уэльса в Ирландию.

Использование «приема опосредованного наблюдения» в ирландской традиции далеко не всегда имеет метафорический характер. Так, например, в саге *Разрушение Дома Да Дерга* в сцене разведки Ингкелла даются вполне (относительно?) реалистические описания воинов, собравшихся у очага в доме Да Дерга возле короля Конайре (сведущим наблюдателем в данном случае является Фер Рогайн, знающий ирландскую знать), см. [Предания и мифы средневековой Ирландии 1991: 114—125].

Например:

— Я видел покой, и было в нем три славных воина в шелковых плащах. В каждом плаще золотая закладка. Три копны золотистых волос у тех воинов, что доходят до бедер, когда распускают их они. Стоит поднимать им глаза, как и волосы поднимаются до кончиков ушей. Вьются те волосы, словно шерсть на голове барана. Пять золотых колец и дворцовый факел над головой каждого воина. Всякий, кто ни есть в Доме, дорожит их деяниями, голосом, словом. Узнаешь ли ты их, о Фер Рогайн?

Тут зарыдал Фер Рогайн, так что вымок у губ его плащ и не услышали они от него ни слова, пока минула треть ночи.

— *О малыши, — сказал тут Фер Рогайн, — должно мне делать, что делаю. Это Обал, Облени и Корпре Муск — три сына короля Ирландии*⁵⁰.

Интересно, что необычайно близкое «узнавание по описанию» присутствует в исландской *Саге о людях из лососевой долины*. Мы сами вначале обратили внимание на это поразительное сходство, но в дальнейшем оказалось, что это не только отмечал еще Р. Турнейзен, но что данный феномен имеет длительную историю изучения (см. в указанной работе Симс-Вильямаса), причем скандинависты в данном случае склонны видеть здесь скорее развитие автохтонного германского приема, присутствующего также в повести о Дитрихе Бернском и отчасти — в усеченном виде — в других исландских сагах. Альтернативным мнением, к которому, естественно, склоняемся и мы, является то, что в данном случае речь скорее идет о заимствовании приема из ирландского сагового нарратива⁵¹. По ходу сюжета один из героев саги, Хельги, ждет людей, которые должны отомстить ему за совершенное ранее убийство. Утром он посылает мальчика-пастуха «на разведку». Вернувшись, тот рассказывает, что видел сидящих у костра незнакомых людей:

— *Там сидел один человек на крашеном седле, в синем плаще. Он был высок ростом, и у него был воинственный вид. Над висками у него была лысина, и зубы его были все время видны.*

Хельги сказал:

— *Этого человека я сразу узнаю по твоему рассказу. Ты видел Торгильса, сына Халы, из Хёрдаля [Сага о людях из лососевой долины 1999: 372]*⁵².

В дальнейшем таким образом описываются и узнаются еще девять человек.

Исландские параллели подводят нас вплотную к проблеме самого происхождения данного приема. Как мы уже писали, М. Диллон видел в нем непосредственное заимствование из Третьей песни *Илиады*, что

⁵⁰ Пер. С. Шкунаева, с. 117.

⁵¹ О влиянии ирландской псевдоисторической традиции на исландскую как в плане содержания, так и в плане выражения см. [Ó Corráin 1998a: 22 ff.].

⁵² Пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман

все же кажется нам маловероятным. Греческий язык в ранней Ирландии распространен не был и не был известен собственно текст Гомера, хотя те или иные устные переработки сюжета, как и рассказа о странствиях Одиссея, могли функционировать в монастырской ученой среде. Однако не обязательно связывать «прием наблюдателя» именно с самой *Илиадой*. Он в свою очередь мог иметь опосредованное античное происхождение, причем двоякое: с одной стороны, традицию применения приема экфрасиса, имеющего развитие в поздней латинской риторике (см. об этом [Swartz 1985]), с другой — традицию теихоскопии, тоже представляющей собой нарративный прием, позволяющий описать и детализировать приближающиеся вражеские отряды. В свое время, обращаясь к анализу «приема наблюдателя», мы были склонны считать, что его источником «может послужить не только литература, но и сама жизнь, в которой аналогичные ситуации «узнавания по описанию» возникают довольно часто» [Михайлова 1995: 10]⁵³. На самом деле, как ни странно, это не совсем так, причем в якобы «жизненном» использовании данного приема в тексте акцент может ставиться как на узнавании, так и на описании. Так, в приведенном нами (в указанной работе) эпизоде узнавания по описанию в *Трех мушкетерах* Рошфора и Миледи, которых описывает Д'Артаньян, а узнает Де Тревиль, нарративно важным, безусловно, является сам факт узнавания. В то же время в другом, также приведенном нами примере из *Мастера и Маргариты*, конечно, фокус нарратора направлен на сатирическое описание:

Я пришел через две недели и был принят какой-то девицей со скошенными к носу от постоянного вранья глазами. — Это Лапиенникова, секретарь редакции, — усмехнувшись, сказал Иван, хорошо знающий тот мир, который так гневно описывал его гость.

Для традиции античной, как и для ирландской, вне всяких сомнений само описание является самоценным, причем в ряде случаев собственно «узнавание» выглядит сюжетно избыточным: так, например, в сцене «парада» уладских воинов в *Похищении быка из Куальнге*, когда король Айлиль и королева Медб «узнают по описанию» уладских воинов, со многими из которых они были уже до этого хорошо знакомы.

⁵³ Аналогичного мнения, как оказалось, придерживался и У. Стэнфорд, см. [Stanford 1970].

И в свою очередь изощренный прием «ошибочного наблюдения», источником которого П. Симс-Вильямс, возможно, справедливо полагал архаическую устную традицию загадывания загадок, строящихся на развернутой метафорике (см. [Sims-Williams 1977/78]), также, естественно, акцентируется на самом описании персонажа. Причем, что интересно, название загадываемого объекта базируется не на реальном отгадывании, а действительно на узнавании, точнее — знании, причем способность дать правильный ответ оказывается своего рода тестом принадлежности к определенному микросоциуму. Впрочем, это особая и сложная тема.

Мы полагаем, что длинные метафорические описания героев в «приеме наблюдателя» имеют в ирландской традиции, как мы уже отмечали выше, дополнительную специфику, что в принципе не исключает и опосредованного античного влияния: персонаж в них описывается всегда глазами другого персонажа, что в целом создает иллюзию сценичности и в общем — приближенности аудитории к описываемым событиям. Именно поэтому «портретная галерея» Дареса оказалась для ирландского нарратора чуждой: Дарес лишь сообщает о внешности персонажа, но никак не верифицирует ее, кроме того, сообщение о «простодушии» Елены также никак не подтверждается его словами. Но дело не только в верификации: вспомним, что ирландская нарративная традиция, пусть и поздняя, все-таки уходит корнями в традицию филидического нарратива, традицию устного исполнения сказителем, само название которого этимологизируется как «видящий» (к и.-е. **wel-*). Но что видящий?

В саге *Опьянение уладов* присутствует довольно большой по объему эпизод, в котором «прием наблюдателя» сочетается с классической теихоскопией: Кром Дероль, друид мунстерского короля-чародея Ку Рои, со стены (!) видит приближающееся войско уладов, по очереди описывает группы воинов, а сам Ку Рои описывает их королю Айллилу королеве Медб. Среди собственно уладов друид *видит* еще несколько персонажей:

— *Вижу я, едут вслед за этими людьми три сильных, крепких мужа в боевых доспехах, — сказал Кром Дероль, — и двое из них совсем молоды и юны. А у третьего воина густая длинная темно-пурпурная борода. И столь легка их поступь и поступь их чудных коней, что не сгибается*

трава под их тяжестью и не роняет на землю даже капель росы. Но никто из войска не видит тех воинов, они же видят всех.

— *Вот поистине тонкое и таинственное описание*⁵⁴, — сказала Медб.

— *Тонки и таинственны люди, которых он описал,* — сказал Ку Рои.

— *Кто же они?* — сказал Айлиль.

— *Нетрудно сказать,* — сказал Ку Рои, — *это три мастера из Племен Богини Дану: Дельбаэт, сын Этленда, Энгус Молодой, сын Дагды, и Кермат Мильбель. Явились они сюда перед рассветом, чтобы разогреть доблесть и боевой пыл уладских воинов, а теперь едут они прямо посреди войска, но поистине никто из воинов не видит их, а они видят все войско* [Опьянение уладов 2004: 95].

Аналогичным образом среди других воинов описан и бог Дагда, которого также «никто в войске не видит».

Таким образом, использованное в «приеме наблюдателя» описание призвано не только изобразить персонаж, но и отсылает к достаточно архаическому концепту «видения — знания — провидения» древнего поэта-сказителя (см. об этом также в разделе о Чуде Колума Килле и его предполагаемом авторе — Даллане Форгалле, поэте, обладающем слепотой провидения). Все сказанное неожиданным образом вновь возвращает нас к шестой песни *Энеиды*, в которой, если посмотреть на текст под данным углом зрения, мы можем увидеть «прием наблюдателя»: несведущим наблюдателем здесь оказывается Эней, сведущим — Анхиз, явившийся из царства мертвых, а присутствующая сивилла — медиатором между мирами, приоткрывающим завесу времени:

«Кто, скажи мне, отец, там идет с прославленным мужем?

Сын ли его иль один из бесчисленных потомков героя?

Спутников сколько вокруг! Каким он исполнен величием!

Но осеняет чело ему ночь печальной тенью.

*Слезы из глаз полились у Анхиза*⁵⁵, *когда отвечал он:*

«Сын мой, великая скорбь твоему уготована роду:

⁵⁴ В оригинале в эпизоде употребляется слово *tuarascbáil* (см. [Watson 1967: 24—32]), глагольное имя от глагола *do-fúarascab* ‘описывает, сообщает’, но также ‘узнает’, употребляющемся, как правило, применительно к тайному знанию филидов и их способности видеть будущее.

⁵⁵ Ср. в процитированном нами эпизоде из саги *Разрушение Дома Да Дерга: Тут зарыдал Фер Рогайн...*

*Юношу явят земле на мгновенье судьбы — и долгие
Жить не позволят ему...* [Вергилий 1971: 241].

То, что Вергилий стал знаком в образованных кругах Ирландии уже довольно рано — широко известно (см., например, [Hofman 1988: 197]). Широко признано также, что *Энеида* послужила своего рода прецедентным текстом для создания собственной эпопеи *Похищение быка из Куальнге*. Мы полагаем, что шестая песнь *Энеиды* повлияла и на традицию прорицания будущих правителей, представленных в сагах *Видение Конна* и *Видение Призрака*. Соотносится, как видим мы теперь, этот эпизод и с «приемом наблюдателя», восходящим, как было принято считать, к гомеровской тейхоскопии. И невольно встает вопрос: а только ли Дарес был источником ирландского *Разрушения Трои*? Нельзя ли найти в нем реминисценции из второй песни *Энеиды* — рассказа Энея о гибели Илиона? Ведь называл же Вергилия в качестве одного из источников саги автор маргиналии к поздней ее рукописи. Но это тема отдельного исследования, которому в нашем очерке места нет...

Глава III

СРЕДНЕИРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

«Среднеирландский» — проблема временных рамок

Проблема выделения хронологических качественных различий внутри единого поступательного процесса языкового развития всегда представляет значительные трудности, причем по многим причинам. Во-первых, не совсем ясно, каков должен быть процент накопленных «ошибок», позволяющих говорить о свершившемся переходе от состояния *A* к состоянию *B*, не ясно и насколько должен быть широк лингвистический охват, эти изменения регистрирующий: фонетика, морфология, синтаксис, изменение лексического состава — все вместе, или хотя бы что-то одно? Естественно, данные перемены происходят во всех обозначенных направлениях, но текут с разной скоростью и оказываются в разной степени значимыми. Применительно к языку ирландскому, дошедшему до нас, в том, что касается изучаемого периода, только в письменной форме, мы также не можем с уверенностью говорить о том, что переписываемый каждым конкретным писцом текст не подвергался либо намеренной архаизации, либо был подвергнут модернизации при последующих переписываниях. Как писал в свое время А. А. Королев, «Как известно из классической филологии, хронологически наиболее ранняя рукопись совсем не обязательно дает лучший текст, который может обнаружиться в гораздо более позднем документе. Такая ситуация постоянно наблюдается и в ирландистике. <...> Нельзя забывать, что именно в рукописях XI—XVI вв. (составляющих громадное большинство всего наследия) найдется весьма мало

текстов, адекватно отражающих лингвистическую реальность времени своего создания. Если списки древних текстов практически никогда не адекватны оригиналу, то и тексты, современные рукописям, часто написаны на архаизованном или лжеархаизованном языке» [Калыгин, Королев 1989: 122].

Но дело не только в кривизне зеркала поздней рукописи. Совершенно очевидно, что уже в самый период, определяемый как «среднеирландский», внутри самой словесной традиции наблюдалось (точнее — существовало) несколько языковых страт, в разной степени подвергшихся языковым инновациям. «Наблюдать» их мы можем также в разной степени. Предположительно, наиболее архаичным был язык поэзии, которая в силу метрических особенностей всегда оказывается наименее подверженной переменам¹. Своего рода архаизованная клишированность могла наблюдаться и в эпическом саговом нарративе. Язык хроник мог быть более живым, хотя и в нем, несомненно, присутствовали своего рода клише, описывающие типические ситуации. Язык памятников, новых по своему жанровому составу — в основном религиозного характера, мог давать большее число системных инноваций. И уж конечно самым «новым» и максимально приближенным к разговорным формам должен был оказаться язык глосс, которые, скажем, забегая сильно вперед, писались уже не к латинским текстам, а к собственным, ирландским, но уже значительно удаленным во времени.

Периодизация любого языка обычно в той или иной степени оказывается привязанной к неким важным историческим событиям, происходящим в обществе. Однако это далеко не всегда так, и в процессе языковых сдвигов обычно намечается известная ретардация, особенно если в обществе не произошло никаких серьезных социальных катаклизмов. Поэтому отмечать начало среднеирландского периода временем первых набегов викингов будет ошибочно и лингвистически, и исторически. За первые сто лет присутствия скандинавов в Ирландии там, в общем, мало что изменилось, если не считать, конечно, многочисленных потерь. Действительно, сожжения монастырей, возможно, привели к тому, что мы уже никогда не узнаем о существовании каких-либо древнеирландских рукописей, погибших при пожаре, но это не означает, что тексты, которые создавались уже в тот период,

¹ Точнее, так было тогда, в период установки на тождественность культуры своим образцам; к поэзии Нового времени сказанное не относится.

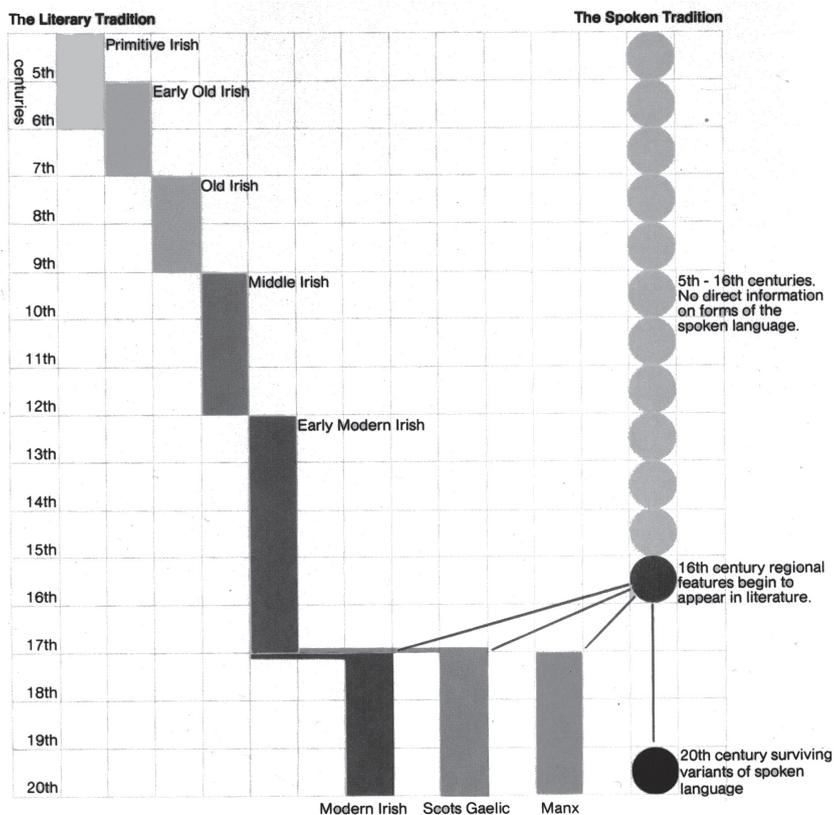
начали записываться на более разговорном языке. Качественные изменения внутри самих носителей письменной культуры (а лишь на них мы можем ориентироваться) произошли позднее, когда церковь как бы «опростилась», о чем мы уже писали выше. Таким образом, начало среднеирландского периода, если говорить об этом с точки зрения исторической, скорее всего должно будет падать примерно на середину X в. или на его начало².

Естественно, данная проблема неоднократно уже обсуждалась исследователями, понимающими, с одной стороны, что к какому-то компромиссному решению прийти все равно придется, а с другой, осознающими неизбежную условность любой периодизации. Краткий обзор существующих мнений был дан в *Истории ирландского языка* в разделе *Среднеирландский*, написанном Л. Брятнахом (см. [Breatnach 1994: 221]). Так, в работах, учитывающих не только чисто языковые, но и «общекультурные» перемены в литературной традиции, существует общая тенденция располагать среднеирландский период примерно между 900 и 1200 г. Дж. Мерфи, например, в своем издании «Средневековой ирландской поэзии» предлагает выделять новый этап развития словесной традиции после 900 г., базируясь на достаточно заметном в поэтическом тексте смешении заударных гласных, которые писцом произносились уже без маркированного различия: *céile* ~ *céili* [Murphy 1956: XX]³. Д. Грин в своем кратком очерке ирландского языка также выделяет как среднеирландский период от 900 до 1200 г., полагая, что он характеризуется тем, что «в это время происходила конкуренция между живой речью народа и старыми стандартами, причем последние поддерживались учеными людьми, которые сами уже не обладали ни достаточными знаниями, ни авторитетом, чтобы их поддержать» [Greene 1966: 12]. Конец среднеирландского периода он предлагает связывать с норманнским завоеванием и началом распространения в Ирландии культуры нового типа. Примерно такая же

² Во «Введении в кельтскую филологию» в соответствующем разделе, написанном А. А. Королевым, содержится опечатка — «середина IX в.» вместо X [Калыгин, Королев 1989: 161], ср. его же датировки на с. 107 («среднеирландский: с 950 по 1150 г.»); к сожалению, в переиздании 2006 г. опечатка не была исправлена.

³ Отметим, однако, что данное смешение могло происходить и в момент переписывания текста, который возник в более ранний период.

схема представлена в таблице, демонстрирующей не только периоды развития ирландского языка, но и его постепенное приближение к разговорным формам, которая помещена в небольшом, но очень информативном издании — М. О'Мурху *Ирландский язык* [Ó Murchu 1985: 54].

В то же время в *Грамматике древнеирландского языка* Р. Турнейзена начало среднеирландского периода датируется также 900 г., однако конец помещается в середину XVII в. [Thurneysen 1946: 1]. И примерно так же выделял «среднеирландский» на исторической оси языкового развития Ж. Доттен, который свой *Учебник среднеирландского языка* в основном строил на описании текстов XIV—XV вв. [Dottin 1913]. Таким образом, тот, кто захочет составить для себя картину

соответствующего языкового состояния, пользуясь учебником Доттена, парадоксальным образом, думая, что занимается среднеирландским освоит ранненовоирландский. На схеме О'Мурху достаточно ясно видно, что середина XVII в. представляет собой в языковом развитии качественный скачок, после которого в литературные тексты стали проникать не только разговорные, но и диалектные формы. И поэтому вполне логичным оказывается выделение долгого периода от X до начала XVII вв. как своего рода переходного периода, внутри которого существуют два субпериода: от 900 до 1200 г. и от 1200 до 1650 г. (естественно, грубо ориентировочно). Таким образом, если понимать под термином «среднеирландский» период языкового разброда и шатания, который кончился выделением шотландского и мэнкского языков, с одной стороны, и распадом самого ирландского на диалекты, с другой, мы должны будем принять точку зрения Турнейзена и датировать этот период X—XVI вв. Но если понимать под этим же термином более специфический период — начало языковых изменений, лишь наметивших редукцию гласных, например, и начало перехода к аналитизму, то правильнее будет ограничить его 1200 г.⁴ Отчасти этот период может быть назван завершающим этапом древнеирландского языка, так сказать — его испорченной, упрощенной формой. За ним в таком случае последует период, который собственно указанным «разбродом» и характеризуется и который многими исследователями считается как бы «нулевым», базовым периодом, предворяющим уже новоирландский период (согласно терминологии О'Мурху — «Ранненовоирландский»).

В принципе, из сказанного уже должно стать понятным, что и сам среднеирландский период также может быть в свою очередь поделен на субпериоды. Так и предлагает поступить, например, К. Джэксон, который в своем предисловии к среднеирландскому тексту — *саге Видение Майк Кон Глинне* (*Aislinge Meic Con Glinne*) предлагает традиционный среднеирландский период с 900 до 1200 г. поделить еще на три: 1) X в. — «раннесреднеирландский» (основной характеризующий памятник — *Saltair na Rann, Псалтырь строф*); 2) до конца XI в. —

⁴ Сосуществование древне- и среднеирландских форм в текстах указанного периода отмечает и К. МакКон, определяющий среднеирландский как «приложение к древнеирландскому периоду, а не его замещение» [McCone 2005: 174].

«промежуточносреднеирландский» (характерные памятники — некоторые саги в «Книге Бурой коровы», глоссы к *Книге гимнов* — *Liber Hymnorum* и проч., сага *Разрушение Трои* в «Лейнстерской книге» — *Togail Troi*); 3) до конца XII в. — «поздний среднеирландский» (характеризуется, например, прозаическими частями саги *Похищение быка из Куальнге* в «Лейнстерской книге», сагой *Гражданская война* — *Cath Catharda*, переложением *Фарсалии* Лукана) [Jackson 1990: XXIII]. И у него, безусловно, есть основания для данного членения отрезка «лингвистической оси», который действительно отличался значительной динамикой инноваций (на то он и был «средним» — т. е. срединным, промежуточным). Однако все же нет оснований требовать такой скрупулезности от исследователя текстов по той причине, что и сами тексты далеко не всегда последовательны в фиксации и даже в наличии принципиальных инновационных черт, подобно тому как в октябре может вдруг вернуться летнее тепло, а в конце мая неожиданный снег покрывает зеленую траву.

Следуя за Л. Брятнахом и А. А. Королевым, мы будем придерживаться второй точки зрения. К тому же историческая канва языкового развития невольно подталкивает нас связать начало среднеирландского периода с установлением «постоянного присутствия» викингов на карте Ирландии, а его завершение — с Норманнским завоеванием, начавшимся в 1169 г. Влияние истории здесь также, естественно, будет сказываться на языковом развитии с известной ретардацией.

Лексические изменения

В настоящее время в истории ирландского языка проведено много исследований, касающихся развития фонологии, морфологии и синтаксиса, меняющихся при переходе от древнеирландского к среднеирландскому, а затем — к новоирландскому языковым состояниям. На этом фоне развитие лексики остается незаслуженно обойденным¹, в то время как именно эволюция языкового состава лежит в основе лексико-статистического метода, принятого в современной глотто-

¹ Естественно, мы не имеем в виду работы, описывающие латинские, скандинавские, англо-норманнские и английские заимствования.

ронологии². С одной стороны, это можно понять: лексика наименее системна и поэтому наиболее сложна для структурного описания, но с другой, именно лексические изменения в первую очередь отражают развитие языкового социума.

Если базироваться на методе глоттохронологии, то мы должны будем попытаться определить одно или два, не более, «базовых» понятий ирландского языка, которые неизбежно должны были измениться за период от классического древнеирландского (VII—IX вв.) при переходе к среднеирландскому. Естественно, сделать это далеко не просто, поскольку у нас нет достаточных оснований для того, чтобы из группы синонимов, входящих в плане выражения в стословный список, выделить именно базовые лексемы, причем как для первого периода, так и для второго. В первую очередь здесь приходит в голову новое местоимение 1 лица множественного числа, «мы», которое видоизменилось в ходе перестройки всей системы личных местоимений (см. в соответствующем разделе). Так, др. ирл. *sní* перешло в среднеирландский период в форму *sinn*, однако мы не уверены, что можем «засчитать» эта замену, т. к. произошла она на базе того же этимона при помощи эмфатической частицы: 1 pl. *sní* ~ emf. *sinni* > *sinn*.

Предположительно, нужным нам «кандидатом» может быть названо понятие «красный», которое, как нам кажется, уже в среднеирландский период стало реализоваться как базовое *derg* (совр. ирл. *dearg* — несомненно базовое обозначение «красного»), оттеснив более архаическое *rúad* ‘красный’ (к ОК **rowdo-* < и.-е. **h₂rud^h-tu-*, см. [Matasović 2009: 315]) в область языковой периферии (фразеология, обозначение рыжих волос и меха животных). Так, кажется показательным пример из саги *Болезнь Кухулина* (текст датируется IX—X в.):

Fil i cechtar a dá grúd / tibri derg amal crú rúad [Dillon 1953: 21, 618—619] — *Есть на каждой его щеке / ямочка красная, подобная алой³ крови.*

Ср. пример из этого же текста:

² Основы метода, а также сам «стословный» список базовой лексики см. в [Бурлак, Старостин 2005: 129—148].

³ Перевод *rúad* как «алый», естественно, был нами дан условно, лишь для того, чтобы показать различия в употребленных ЦО.

is álaind cech nderg [Dillon 1953: 25, 720] — все красное красиво.

Понятие «кровь», также входящее в базовый список и в современном ирландском кодирующееся лексемой *fuil*, в среднеирландский период, как представляется, еще обслуживается двумя синонимами — *fuil* и *crú*, причем, как принято считать, первое обозначает текущую кровь, тогда как второе является скорее общим обозначением.

Предположительно, замена базового понятия для «воды» (*dobur* ~ *uisce*) могла произойти уже на самом раннем этапе, т. к. др.-ирл. *dobur* (ср. валл. *dwfr* ‘то же’) уже в классическом древнеирландском встречается, как правило, лишь в составе композитов, ср. *doburchú* ‘выдра’ (букв. «собака воды») ~ совр. ирл. *madra uisce* ‘то же’.

В общем, однозначного ответа, какое именно слово из базовой лексики знаменовало собой переход к среднеирландскому состоянию, мы дать не можем. Одни гадания и предположения. Другое дело — изучение лексики не базовой, гораздо более мобильной и поддающейся изменениям. Одной из наиболее интересных с данной точки зрения является лексико-семантическая группа «термины родства», как правило, достаточно замкнутая и ограниченная по своему составу, но при этом отличающаяся маркированной динамикой. Обратимся к ряду понятий, входящих в данную группу.

Так, безусловный интерес с данной точки зрения представляют собой понятия «сын» и «дочь», индоевропейские обозначения которых традиционно считаются утраченными в кельтских языках в целом. Наш анализ неизбежно потребует небольшого диахронического отступления и неизбежных параллелей из других кельтских языков.

Как было принято считать, старое индоевропейское обозначение *дочери* (**dhugH* [Szemerényi 1977: 21] либо **dhug(h₂)-tér* [Mallory, Adams 2006: 472]) сохранилось во многих языках-потомках, за исключением албанского, италийских языков, а также кельтских⁴. Единственным рефлексом считалось др.-ирл. *der* ‘дочь, девушка’, сохранившееся в композитах и представляющее собой сокращенную форму и.-е. основы (см. [O’Brien 1956: 178], «an allegro-form» [Matasović 2009: 110]). Как правило, слово фигурирует в качестве первого элемента двучленно-го имени, за которым следует генитив второго элемента, имеет также

⁴ Ср. также предположительное возведение к и.-е. основе ср. перс. *duxš* ‘принцесса’ в [Kullanda 2002: 92] при монг. *ökin* ‘дочь, девушка, принцесса’ [Рыкин 2009: 89].

формы *Dar-*, *Tar-*, *Ter-* и предположительно означает «дочь такого-то», однако фигурирует не в качестве патронима, а как имя собственное. Например — *Derfhinn*, *Der(b)forgaill*, *Derluga*, *Daróma*, *Derfiled* (если первые имена традиционно возводятся к именам божеств, то последнее означает «дочь поэта», кроме того, странным образом это имя в ирландской традиции фигурирует как мужское, в книге Д. О'Коррания и Ф. Магир приводятся двое святых-мужчин, его носивших (см. [Ó Corráin, Maguire 1990: 71])). Причем следует отметить, что в редких случаях лексема может фигурировать и самостоятельно, как в указанной синтагме (например — *Der gréine* 'дочь солнца' = «роса», см. [LEIA-D: 53]), так и самостоятельно. В так называемом «темном языке поэтов» приводится сочетание *mór ndear .i. mór mban* — «много ... т. е. много женщин». Данное употребление ставит под сомнение точность семантики и этимологии самого слова. Действительно, приведенные имена и словосочетания вполне могут быть интерпретированы «как жена такого-то» или «солнечная женщина». С другой стороны, в «Глоссарии» Кормака Мак Куленаня (начало X в.) это же слово поясняется как *.i. ingen* 'девушка, дочь, молодая женщина' [Meyer 1913: 41]. Кроме того, данную лексему, возможно, следует как-то соотносить с др.-ирл. *ander* 'молодая девушка, женщина', которое тем же Кормаком глоссируется как: *Ander .i. ben .i. ní der .i. ní hingen* [Meyer 1913: 9] — «*андер*, то есть женщина, то есть не девушка, то есть не дочь». Данная наивная этимология маловероятна, т. к. и.-е. отрицательная префиксальная частица в гойдельском дает узкое расширение *in-*, тогда как префикс *an-*, имеющий усилительное значение и не имеющий точной этимологии, семантики «отрицательности» не имеет. Хорошо знающий латынь, епископ Кормак этого не понимал, и поэтому его этимология, приводимая Ж. Вандриесом, естественно, является лишь казусом. Однако предлагаемое им же соотнесение гойдельской лексемы с валл. *anneir* 'телка' [LEIA-A: 76] все же не кажется нам правомерным фонетически: бриттские языки, в отличие от гойдельских, не стремились ассимилировать консонантные кластеры. С другой стороны, однако, семантический переход «телка — девушка» предстает как достаточно фреквентивный и засвидетельствован также и в ирландской саговой традиции. Более того, соотнесение названий *сына* и *дочери* (*мальчика* и *девочки*) с обозначениями детенышей животных (молодых животных и т. п.) встречается достаточно часто, причем направление семантического перехода здесь трудно установить. Ср., например, приведенное О. Трубачевым

русское диалектное употребление *дочка* в значении «молодая свинья» [Трубачев 2006: 57] и др.-ирл. *suth* ‘помет, потомство (животных)’, восходящее к и.-е. обозначению *сына* (см. [LEIA-RS: 205]).

Найденная в начале 70-х годов в Ларзаке (Франция) галльская свинцовая табличка, датируемая I в. н. э., обогатила континентальные кельтские лингвистические данные лексемой *duxtir* с предположительным значением ‘дочь’ (либо ‘воспитанница, ученица’, см. [Lejeune 1985: 133], а также [Sims-Williams 2007: 3]). В любом случае, этимология слова разногласий не вызывает.

Предположенная М. Леженом «суженность» семантики лексемы, как кажется, подтверждается тем фактом, что в галльском в более широком значении ‘девочка, девушка, дочь (?), женщина’ представлено продолжение другой и.-е. основы: **ġenh*₁ ‘рождать, производить’ [IEW: 373 ff.] > галльск. *geneta*, *genata*, *gnetā*, *nata* [Delamarre 2003: 177, 181]; ср. также оск. *genetai* ‘дочь’.

Лексема представляет собой адъективное образование с формантом *-t-* от и.-е. корня **ġn-t-ā*, причем в галльском широко зафиксирован и мужской вариант образования, как в NP (*Meddu-gnatus*, *Eposo-gnatus* etc), так и самостоятельно, с предположительным значением ‘мальчик, сын’. Обращение к корпусу галльских надписей позволило нам сделать странное наблюдение: все употребления «женской» формы лексемы представляют собой фрагменты надписей, выполненных на очень специфических объектах — пряслицах, прикрепленных к веретену, через которые проходила нить (о работе с данными объектами см. [RIG: 317]). Таким образом, это были специфически женско-девичьи предметы, и традиция писать на них шуточные надписи, как и вообще вся эпиграфическая традиция Галлии, восходит к позднему Риму (надписи на пряслицах были распространены и в древнескандинавском, и в средневековом русском регионах). Аналогичные объекты с латинскими надписями также часты как в самой Галлии, так и в позднем Риме, и также часто на них фигурирует слово, обозначающее женщину или девушку. Например: SALVE TU, PUELLA; AVE DOMINA; SALVE, DOMINA; SALVE SOSOR; AVE VALE BELLA TV [RIG: 318]. Ср. галльские аналогичные тексты (нумерация дана по [RIG], перевод предположительный):

L-112: NATA VIMPI / CVRMI DA — *девочка красивая, пиво дай*

L-114: GENETA / VIS CARA — *девочка, будь милой*

L-115: M (N?)ATTA DAGOMTA / BALINE E NATA — *девочка хорошая... девочка*

L-119: MONI GNATA GABI / BVDDVTTON IMON — *приди девочка, возьми мой...*

L-120 : GENETTA IMI / DAGA VIMPI — *девочка я есть хорошая красивая*

Точная семантика лексемы неизвестна, но сопоставление с латинскими данными и сам характер надписей предполагает скорее значение ‘девушка, девочка’, чем ‘дочь’.

В островном кельтском мы находим продолжение этой же основы в валлийском *geneth* ‘девочка, девушка’ (при *merch* ‘дочь’ < ОК **merkka*), а также в древнеирландском *gen* ‘молодая женщина, девушка’ (редкое слово из глоссариев, см. DIL: *gen*-2). Спирантизация в ауслауте валлийского *geneth* позволяет вывести исходную протобриттскую форму с вторичной (видимо — экспрессивной) геминатой: **genettā* (см. [Mogriis Jones 1913: 133]). Предположительно, эта же основа является базой для вторичного образования в др.-ирл. *ingen* ‘1. девушка; 2. дочь’ (в первом значении в среднеирландский период вытеснено лексемой *caíln* с неясной этимологией, см. ниже). О слове *ingen* епископ Кормак Мак Кулленань в начале X в. писал в своем глоссарии, предлагая ту же (!) этимологию:

Ingen .i. in-gin .i. nī ginither ūaithe. Nō in-gen .i. nī bean. Gune graece, mulier latine [Meyer 1913: # 773]. — *Ingen, то есть не рождающая, либо in-gen не-женщина. Gune по-гречески, mulier на латыни.*

Слово *ingen* (ср.-ирл. *iníon* ‘дочь’, *Ní* в патронимах и современных фамилиях) было впервые засвидетельствовано в форме INIGENA в загадочной билингве («bilingual puzzle» [Jackson 1953: 185]), или в надписи, которая «с известной долей осторожности может квалифицироваться как билингва» [McManus 1991: 61]. Речь идет об огамической надписи № 362 из Уэльса (см. [СІІС: 346]):

AVITORIA FILIA CVNIGNI — AVITTORIGES INIGENA CUNIGNI
(либо : INIGENA CUNIGNI AVITTORIGES).

Как мы полагаем, огамическое ирландское *Avitoriges* (m. gen.) и латинское *Auitoria* (f. nom.) в этой билингве не противоречат друг другу и представляют отражение своего рода культурного диалога: попытку

имитации римской системы «*graeuomen-pomen-cognomen*», сделанную гойделом (или бриттом?) и записанную огамическим письмом. Таким образом, *Avitoria* является не только дочерью Авиторика (*Avitorix*, подобно тому, как, например, *Tullia* является дочерью Марка Туллия), но также, что указано в надписи, принадлежит к роду *Cunigni*. Ср., например, другую латинскую надпись, также найденную на территории Британии:

Dis M(anibus) / Verecu(n)d(a) Rufi **filia cives** / Dobunna annor(um) XXXV... — *Богам Усопших, Верекунда, (дочь) Руфа, дочь из рода (племени?) Добуннов, в возрасте 35 лет...* (RIB 621, see [Raybould, Sims-Williams 2007: 90]).

В данном контексте мы можем предположить, что огамическое слово INIGENA, которому в билингве, казалось бы, соответствует лат. *filia*, на самом деле употреблено в значении *filia cives*, то есть — «местная, уроженка». Более того, можно предположить, что ирландское слово не является продолжением ОК **eni-genā* ‘урожденная, рожденная в семье’ (ср. галльск. *Enigenus* [Evans 1967: 206]), но представляет собой раннее латинское заимствование из *indigena* ‘местная, уроженка данных мест’. В пользу этого говорит сама форма слова. Согласно К. Джэксону, вокалическая перегласовка *ě > ĭ* («повышение», вызванное влиянием краткого *i* в след. слоге) имело место только в сер. VI в., то есть после апокопы, которая датируется второй пол. V в. Однако надпись в целом имеет доапокопную форму, в таком случае исконное др.-ирл. слово должно было бы иметь вид **ENIGENA*. Впрочем, датировка огамических надписей обычно бывает затруднена намеренной архаизацией текста, часто проводимой резчиком достаточно последовательно и умело. В любом случае, лексема вытеснила в гойдельском и.-е. обозначение дочери и до начала средне-ирл. периода имела широкую семантику — «дочь, девушка, девочка, молодая женщина». Сходной семантикой обладала и валлийская *merch* (< **merio-* ‘junger Mann’, с формантом *g* и аффективной геминацией, ср. лит. *mergà* ‘девушка, служанка’ [IEW 738—39]).

Наша идея о заимствовании термина для дочери в гойдельском может быть поддержана данными уральских языков. Так, в саамском лексема для дочери является раннебалтийским заимствованием: из **tektäre*, а в финском и эстонском, предположительно, имеет скандинавское происхождение: ср. финнск. *tyttär* при шведск. *dottir*. Прото-формы

для дочери не реконструируются ни в уральском, ни в алтайском (см. [Koivulehto 2001: 241; Sammallahti 2001: 404; Рыкин 2009]).

Чем могла быть вызвана утрата и.-е. обозначения «дочери» в островных кельтских языках, причем, как видно из разности самих лексем, произошедшая скорее всего параллельно и на собственно лингвистическом уровне не имеющая тождественных генетических корней (в отличие от также утраченного и.-е. *сына*, который возводится к ОК **mak^wk^w-os* с достаточно проблематичной этимологией)?

С одной стороны, параллельная утрата и.-е. слова для *дочери* в островных кельтских языках может быть объяснена наличием у ирландцев и бриттов особого института «воспитания» (др.-ирл. *altramm*), согласно которому дети из знатных семей передавались специальным воспитателям и получали при этом более высокий социальный статус. Слова «детского языка» *aite* и *muimme* при этом получали значение ‘воспитатель’ и ‘воспитательница’ («личные формы получали статус обозначения приемных родителей» [Kelly 1988: 86]), ср., однако, валл. *tam* и *tad* со значением ‘мать, мама’ и ‘отец, папа’. В то же время в современных ирландских диалектах (= в простонародном употреблении) др.-ирл. обозначение воспитанника *dalta* может употребляться при обращении к сыну или дочери.

С другой стороны, мы полагаем, что утрата и.-е. терминов для обозначения дочери (как и сына) в островном кельтском вписывается в процесс так называемой «лингвистической революции», произошедшей одновременно в британской и гойдельской ветвях кельтских языков в IV—VI вв. н. э. и имеющей несомненные социальные корни. И возможно, в той или иной степени связанной с принятием христианства. Иными словами, социальная терминология вслед за смещением социальных слоев общества претерпела также специфические изменения и вызвала ряд семантических сдвигов, не выходящих при этом за рамки уже описанных и широко засвидетельствованных «шифтеров». Действительно, семантический сдвиг ‘девушка, девочка’ — ‘дочь’ — ‘служанка’ (также как ‘мальчик’ — ‘сын’ — ‘слуга’) представляет собой одну из универсалий (а точнее — фреквенталий), засвидетельствованных во многих языках (см. [Zalizniak 2008]). Ср. чешск. *děvice*, польск. *dziewka* ‘девушка’, при лужецк. *dźowka* ‘дочь’ и чешск. *naše holka* ‘наша девочка = дочь’; ср. также русск. *девочка* в значении ‘дочь’, а также (в просторечии) *дочка* в значении ‘девушка, девушка’ (см. [Трубачев 2006: 56]). При этом следует обратить внимание на двунаправленность

семантического процесса, при котором сдвиг-шифтер происходит внутри одного широкого семантического поля, не выходя за его рамки.

Со временем в среднеирландский период в связи с дальнейшим развитием общества происходит изменение половозрастной стратификации, требующее заполнения возникающих семантических ниш. Так, если на ранней стадии развития языка лексема *ingen* имела значения ‘дочь’ и ‘девочка, девушка’ и даже ‘молодая женщина’, в ср.-ирл. она сохранила лишь первое значение, ‘дочь’, тогда как для *девушки* начало использоваться слово *cailín*, имеющее, предположительно, в качестве исходного значение ‘служанка’. Слово является диминутивным образованием от архаической формы *caile* мужского рода. Этимология его неизвестна (см. [LEIA-C, 12]), уточняющая семантика дана все в том же «Глоссарии» епископа Кормака:

Caile do chaillig coimēta tigh is ainm [Meyer 1913, # 243] — «Калье» от старухи-сторожа дома это имя.

В свое время мы уже предлагали нашу этимологию лексемы, соотнося ее с груз. *kal-* ‘женщина’, *kale* ‘девушка’, а также тюркск. **kalin* ‘сноха-невестка, девушка’ [Михайлова 2007: 58], однако сейчас эти идеи нам кажутся скорее фантастическими. Теперь, возможно, бросаясь в другую крайность, мы предлагаем другую этимологию этого же слова, возведя его не как Кормак к *caillech* ‘старуха’ < lat. *pallium* ‘покрывало’, а к др.-ирл. *cailech* ‘чаша, сосуд’ < lat. *calyx* ‘чаша’ (таким образом, слово *cailín* оказывается чем-то вроде **зонтец*: — *зонтик* — *зонт-ик* — *зонт* — *зонт-ец*). То есть слово *чаша* было интерпретировано как псевдо-адъективное образование, от которого затем было восстановлено название служанки-женщины, занимающейся посудой, а затем к нему был добавлен диминутивный суффикс. Данная этимология носит характер чисто предположительный.

Ср. также при этом предложенную с известной долей сомнения Мэллори и Адамсом исходную этимологию и.-е. обозначения дочери — **dhuġ(h₂)-tér* из **dhug-* ‘еда’, т. е. ‘та, которая готовит еду’ [Malloy and Adams 2007: 148]). Данный семантический переход является скорее нетипичным. Во многих языках мира засвидетельствован переход *мальчик* → *слуга* (а также *девочка* → *служанка*), то есть значение ‘(неквалифицированный) слуга, помощник’ возникает на базе социо-исторической реальности: неквалифицированную, подсобную работу исполняли дети-подростки. Возможно, семантическое развитие здесь

носит несколько более сложный характер (ср. известное соотнесение русск. *раб* и *ребенок*: к ОС **orb-* ‘слабый, беспомощный; не имеющий прав’ [Черных 1994: 91, 102], см. там же и.-е. параллели). Так, например, о половозрастной стратификации и соответствующей семантической деривации писал этнолог В. А. Попов, «Как известно, использование терминов, обозначающих первоначально детей, юношей, девушек и неиницированных, для номинации лиц низкого социального положения (рабов, зависимых, подчиненных) — универсальное явление в истории социального развития. Поэтому не удивительно, что у аканов термин *абоффра* (дитя) получил еще значения: слуга, зависимый; *акоа* (дитя) — раб, слуга и т. п.; *абаава* (молодая женщина) — служанка; *абасимма* (молодая женщина) — низшая, простая и др.» [Попов 1981: 95].

В свете сказанного хорошо известный русскому читателю пример из романа «Двенадцать стульев» лингвистически вполне обусловлен: «— Ну ладно, — сказал Остап со вздохом, — соглашаюсь. Но со мною еще *мальчик-ассистент*. <...> — Вот это ваш мальчик? — спросил завхоз подозрительно. — Мальчик, — сказал Остап, — Разве плох? *Типичный мальчик*. Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень!»

Однако назвать данные переходы универсальными мы все же не можем, они скорее фреквентальны. В древнеирландском аналогичный семантический переход засвидетельствован у лексемы *gilla* изначальным⁵ значением которой являлось «юноша-подросток, достигший возраста, когда впервые берут оружие» (см. [DIL]), сохранившей свою многозначность и в более поздний период (см. [Dinneen 1927: 536]).

Отметим вновь, что др.-ирл. *cail* ‘служанка’, от которого при помощи уменьшительного суффикса было образовано *cailín*, не имеет надежной и.-е. этимологии, и таким образом, возвращаясь к предположению о ее субстратном происхождении, мы можем реконструировать сложную линию семантической деривации лексемы: относя-

⁵ Говоря строго, мы не можем здесь быть уверены, как из значений действительно следует считать первичным. По данным текстов очевидно, что значение ‘слуга’ у *gilla* более частотно, и мы можем предположить, что составители словарей ирландского языка просто автоматически поместили его как «производное» по аналогии с описанным частотным семантическим переходом. Видимо, данный вопрос требует особого рассмотрения, опирающегося на этимологию лексемы, которая нам неясна.

щеется к до-кельтскому слою субстратной лексики, слово могло иметь значение ‘девушка, девушка’, которое затем развилось в ‘служанка’, и именно в последнем значении оно было заимствовано в ирландском. Ср. аналогичные русские заимствования — *гарсон* (из франц., ‘слуга в ресторане, официант’) и *бой* (из англ., ‘слуга местного происхождения в английских колониях’), а также окказиональное старопетербургское словоупотребление «медхен-циммер» (*Mädchen Zimmer*) — «небольшая комната при кухне, предназначенная для прислуги». Однако данные лексемы (довольно ограниченные по употреблению) в современном русском языке не получили соответствующего широкого семантического развития.

В валлийском семантический сдвиг, разделяющий понятий «девушка» и «дочь», либо произошел раньше, либо засвидетельствованные валлийские данные относятся к более позднему периоду, по крайней мере лексемы *merch* и *geneth*, насколько мы понимаем, в средневаллийских текстах не находились в конкурирующей семантической позиции. Ср., однако, перевод валлийского *merch* как *maid* в примере из текста XVI в. у Моррис-Джонса:

Llyfr Ofydd a fydd i ferch — The *maid* shall have a book of Ovid [Morris Jones 1913: 170].

В древневаллийском ни одна из этих лексем не фиксируется! Интересно, что постепенно (еще не в среднеирландском, но уже в новоирландском, возможно, в XVI в.) др.-ирл. *tacc* с необычайно широкой исконной семантикой ‘сын, мальчик, ребенок’ также сужает свое значение до ‘сын’, и образовавшуюся семантическую нишу заполняет лексема *buachail* (ср. брет. *bugel* ‘ребенок’), образованная от др.-ирл. *bó caill* букв. ‘корово-следящий, пастух’. То есть мы вновь можем зафиксировать нетипичный семантический сдвиг в рамках того же поля: *слуга* → *мальчик*. Валлийский язык, в котором также возникла необходимость обозначения понятия «мальчик» (при старом полисемантическом *tar*, фиксирующемся с широким спектром значений еще в средневаллийских памятниках⁶) пошел по другому пути семантической деривации и образовал лексему *bachgen* ‘мальчик’ из *bach* ‘маленький’, реализовав другую возможность семантического перехода (ср. русск. *мальчик*).

⁶ См. примеры соответствующих древнеирландских и средневаллийских употреблений в [Mikhailova 2007: 14].

В любом случае, семантический сдвиг внутри поля происходит как реакция на социальные изменения в обществе, в частности перемены в осмыслении половозрастной стратификации социума.

Представляется перспективным в данной связи расширить исследование путем привлечения понятий «ребенок, дети» в ирландском и валлийском языках, которое так же тонко лавирует внутри одного семантического поля и так же находится в зависимости от социальных сдвигов, проявляющихся, в частности, в динамике поло-возрастной стратификации.

Так, для средневаллийского характерно употребление заимствованного из латыни слова *plentyun*, образованного путем искусственного выделения сингулятива из коллективного pl. *plant* 'дети' (< *planta*, ср. аналогичные русские образования: *трава* — *тра-вин-к-а*, *снег* — *снежин-к-а*). Это же слово было заимствовано в ирландском (причем судя по переходу лат. p > k, заимствование принадлежит к числу ранних). Однако др.-ирл. *cland* > *clann* не получило аналогичного семантического развития и вплоть до настоящего времени сохранило значение 'потомство, дети (по отношению к родителям)'. Для передачи понятия «ребенок» (в противоположность «взрослому») употреблялись слова из так называемого «детского языка»: *lelap* > *lenab*, а также — *noidiu* (слово не имеет надежной этимологии, по предположению Вандриеса, может быть образовано от отрицательной частицы и корня **weid* 'знать', т. е. ребенок описывается как «не знающий» [LEIA-M, N, O, P], ср., однако, русск. *няня* при греч. *vávoç* 'дитя, малыш'). Однако данные лексемы обозначали скорее совсем маленьких детей, младенцев. В древнеирландском для обозначения детей (в противопоставлении взрослым) долгое время употреблялось слово *mass*, имеющее широкое значение: «мальчик, сын, юноша, ребенок (также и женского пола)». Ср. *mac-bratt* — 'детская одежда'; в текстах законов употребление *mass* в значении 'ребенок, невзрослый' встречается регулярно, но, на наш взгляд, не должно выглядеть аномально — ср. аналогичное русское употребление *внуки* в значении «дети детей» без различия пола. Отмеченное нами сужение значения лексемы *mass* до 'сын' образовало семантическую нишу, которая оказалась заполненной уже поздним норманнским заимствованием: *page* 'паж, слуга' > *páiste* 'ребенок'. Таким образом мы вновь видим «работаящий» механизм семантической фреквентации: *слуга* → *ребенок*.

Не выходя из сферы семейных связей, отметим также появление уже в среднеирландском новых обозначений для «брата» и «сестры». Так, в саге *Рождение Кухулина* в рук. «Книга Бурой коровы» для передачи понятия «сестра» еще используется др.-ирл. *siur* (продолжение и.-е. основы **swesōr*). Например:

Conchobur dano i sudiu inna charput ḡ a fiur⁷ Deichtine os sí maccdacht. Is sib a hara dia brathair [LU 320, 10563—64]. — *Конхобар же сидел в своей колеснице и его сестра Дехтине, которая была взрослой девушкой. Она была возницей для своего брата.*

Ср. пример из этой же рукописи (сага *Сватовство к Эмер*, текст датируется примерно началом X в.):

Ní téchtae dom dul fri fer, ol in ingen, i fiadnaisi na sethar as siniu andú [Van Hamel 1933: 31, 26]. — *Не идетя мне идти за мужа, сказала девушка, прежде сестры, которая старше меня.*

Судя по данным Словаря ирландского языка, это же слово еще широко употреблялось в его исходном значении в X—XI вв. (например — в *Псалтыри строф*). Однако, в позднесреднеирландском мы уже встречаем новообразование, закрепившееся вплоть до нашего времени: *derb-siur* > *deirfiúr*, букв. «истинная сестра», *derb-bráthair* > *deartháir*, букв. «истинный брат». Ср. из саги *Видение Мак Конглинне*:

...dáig boí cét-shercus écmaise dó fria Lígaig ingin Moíle Dúin, rig Oilig ḡ derbshiúr-side do Fhergal mac Moíle Dúin [AMCG: 1, 20—21]. — ... *ибо любил он далекой любовью Лигайг, дочь Майль Дуйна, короля Айлеха, а была она сестрой Фергалу, сыну Майль Дуйна.*

Ср. аналогичное употребление в рук. «Лейнстерская книга» в саге *Убийство Ронаном родича*:

Is and-sin trá tánic Dond co tarlaic cend a hathar for a brunni-si ḡ cend a mmáthar ḡ cend a derbráthar [FR: 9, 193—195]. — *И тут пришел тогда Донд и бросил голову ее отца ей на грудь, и голову ее матери, и ее брата.*

⁷ О переходе ленированного *sw* > *hw* > *f* см. [Thurneysen 1946: 84].

Считается, что противопоставление лексем *bráthair* ~ *derbráthair* развилось под влиянием традиции монастырской, то есть в монастырских кругах префикс «истинный» призван был обозначать родича по крови, тогда как просто *brat* обозначал брата духовного. Сказанное справедливо для новоирландского состояния, однако в период более ранний, как это видно уже из примеров Словаря ирландского языка, *derb-* при терминах родства был призван также как-то уточнить его степень и отделить просто братьев и сестер от двоюродных, единокровных, единоутробных, а также — сиблингов по браку. И вновь среднеирландский период здесь демонстрирует время лексико-семантического разброда, время разрушения старой системы и становления новой.

Характеризовалось это время, естественно, не только появлением новых лексем, но и изменением семантики старых, причем подчиняясь неким (пока не выявленным) законам универсального «семантического шифтинга». Рассмотрим в данном контексте диахронических семантических сдвигов градуальные изменения семантики древнеирландского *céile*.

Эта лексема *céile*, фиксируемая в самых ранних памятниках эпиграфики гойдельского периода, принадлежит к архаическому пласту общекельтской «социальной» лексики. В то же время, в разные периоды истории языка ее семантика значительно варьировала, что привело к появлению на современном этапе развития языка двух фиксируемых в качестве словарных значений этой лексемы: *céile-1* — «товарищ; супруг, свойственник» и *céile-2* — «другой, один из двух» (см. [Ó Dónaill 1977: 216]).

Первые фиксации лексемы *céile* принадлежат к так называемым «огамическим надписям» (IV—VI вв.), предположительно — мемориальным надписям, выполненным на камне особым, огамическим письмом (сочетание черт и зарубок, нанесенных поперек вертикальной оси, см. [Королев 1984; McManus 1991]). Надписи представляют собой генитивы имен собственных и содержат ограниченное число апеллативов (около 20), в основном, уточняющих идентификацию собственно именованного, например: *X сына Y-ка* или *X племянник Y-ка*, или *X сына из рода Y-ов*. Апеллатив CELE (CELI) встречается всего в пяти надписях, организованных по модели X CELI Y, либо усложненных — X сына Y-ка CELI Z-а (см. надписи № 109, 128, 142, 215, 275 по каталогу Р. Макалистера [Macalister 1945]).

Семантика лексемы в огамических эпитафиях реконструируется условно, поскольку, как пишет А. А. Королев, «в древнеирландском слово имело широкий круг значений: ‘слуга, вассал, подданный; товарищ, спутник, коллега’. Вполне возможно, что в огамический период это слово имело значение ‘спутник вождя’, ср. описания у древнегреческого географа Посейдония общества галлов, где у каждого вождя было несколько “сотоварищей”, “паразитов” или нахлебников» [Королев 1984: 111]. Сопоставление с галльским социальным устройством кажется нам здесь не совсем правомерным, но несомненно, что во составе NP в эпитафии CELÉ, безусловно, имеет характер терминологический, то есть детерминирует социальную принадлежность и статус умершего. Видимо, семантика «спутник вождя» или «дружинник» предстает как наиболее перспективная.

В *Ульстерских анналах* элемент *Céle* четыре раза встречается в составе NP (см. [O’Brien 1973: 230]), что говорит о его частичной десемантизации в древнеирландский период. Позднее этот элемент уже не входит в состав композитов собственных имен.

Исходное значение лексемы на прото-кельтском уровне и ее этимология составляют давнюю проблему. Сопоставление с бриттскими данными (валл. *cilydd* ‘друг, товарищ’, брет. *e-gile* ‘другой, второй из двух’) позволяет реконструировать протокельтскую лексему с (предположительно) аблаутным чередованием, **kēlyo-* / **kilyo-*, которая, по мнению Р. Матасовича, «с затруднением может быть ассоциирована с каким бы то ни было и.-е. корнем» [Matasović 2009: 200]. В то же время, Ж. Вандриес, отмечая несогласованность гойдельского и бриттского вокализма (а также предполагая не совсем верно наличие в др.-ирл. форме *céile* дифтонга), все же был склонен возводить лексему к и.-е. **k’ei-* [IEW 540], давшую продолжение в лат. *civīs* ‘согражданин’, готск. *heiwa-frauja* ‘хозяин дома’ (калька с греч. *oiko-despótēs*), др.-в.-н. *hīwa* ‘супруга’, др.-исл. *hy-ske* ‘семья’, лит. *seiwa* ‘то же’ и др. ([Orel 2003: 173; LEIA-C: 52]; см. также [Delamarre 2003: 112], семантику и.-е. концепта «семья, брак, дружба, супружество» в [Бенвенист 1995: 221]). В настоящее время мы склонны придерживаться традиционной этимологии кельтской лексемы, и предложенные нами же в [Mikhailova 2007: 18—19] сопоставления с алтайскими (тунг. **kēlu-me* ‘своjak, шу-рин; слуга’, эвенк. *kēlūme* ‘своjak’ и др.) и уральскими (финнск. *kylä* ‘семья, дом’) кажутся нам сейчас отчасти надуманными, хотя и не лишены интереса. Вокализм в данном случае реконструируется крайне

ненадежно, но семантические деривации, как кажется, соответствуют индоевропейским. А именно семантические переходы в настоящее время находятся в центре нашего внимания.

В древнеирландский период лексема *céile* отчасти сохраняет значение, реконструируемое для языка огамических надписей — «воин-дружинник, клиент», однако говорить здесь о **тождественности** мы не имеем права принципиально. За пять веков (со времени ее первых фиксаций) ирландское общество претерпело значительные социальные изменения и поэтому план содержания *céile* неизбежно должен был измениться. Собственно историческая его составляющая находится сейчас вне нашей компетенции, однако отметим, что слова Д. Бинчи о том, что «*céile* в языке законов сохраняет свое исходное значение в сочетании *sóer-chéle*» [Binchy 1941: 80], предстают отчасти сомнительными: мы не можем знать, какое значение было **исходным**. Представляется возможным лишь говорить о социально-терминологическом употреблении лексемы в рамках юридической терминологии, лишь отчасти соотносимым с огамическим. Действительно, в языке законов *sóer-chéle* «свободный дружинник» обозначает свободного члена общества, который при этом находился в зависимости от правителя (одна из форм вассалитета, полностью в Ирландии так и не развившегося). Этому термину был противопоставлен *céle gíallnai* ‘дружинник службы’, которое позднее было заменено на *doer-chéle* ‘зависимый дружинник’. Наш перевод («дружинник») в достаточной степени условен, поскольку ирландский термин включал в себя не только воинскую обязанность, но и разного рода установленные выплаты дани. Таким образом, др.-ирл. *chéle* в узком юридическом смысле не имеет эквивалента, поскольку является специфическим правовым термином, отражающим отношения вассальной зависимости в период от VII до X вв. Д. Бинчи предлагает пользоваться термином *клиент*.

Начиная с VIII в. в Ирландии возникает отшельническое движение, кодируемое новым употреблением лексемы в сочетании *céle Dé*, являющимся калькой латинского *servus Dei*. Значение в данном случае соотносимо с юридическим.

Параллельно возникает другое традиционное употребление *céile* со значением «партнер по браку, муж». Ср. ср.-ирл.:

Timarnad duit iarom óm chéiliú [Dillon 1953: 5, 134]. — *Послано тебе тогда от моего мужа.*

Данное употребление, отметим, находится вне развитой и сложной др.-ирл. брачной терминологии, закреплённой в законах. Однако со временем именно оно, видимо, ввиду изменений внутри самого института брака, закрепляется как базовое. Так, в тексте, датированном XI в., мы уже встречаем употребление сочетания *banchéile* в значении «жена» (см. [Van Hamel 1941: 96, 13]). В др.-ирл. префикс *ban-* (gen. pl. от *ben* ‘жена, женщина’) имел словообразовательный характер, с его помощью образовывался женский эквивалент обозначения мужчины (*cáinte* ‘заклинатель’, *bancháinte* ‘заклинательница’ и пр.). Таким образом, *banchéile* означает усл. «подруга». В новоирл. период оно трансформировалось в *bean chéile*, и сам элемент *-chéile* трансформировался в терминообразующий элемент родства по браку. Ср. совр. ирл. *máthair chéile* ‘теща, свекровь’ (*mother-in-law*).

Также параллельно в языке развивается фразеологическое употребление *céile* со значением (усл.) «другой, один из двух», датировать появление которого достаточно сложно. В текстах IX в. такое употребление уже встречается, например: ... ní dergní nechtar de olc fría chéile [Meid 1967: 15, 376] — *не сделали они зла друг другу* (букв. «против другого»). В более поздний период аналогичных предложений устойчивых употреблений встречается очень много. Ср., например — *ón chluais go chéile* ‘из одного уха в другое’, *le chéile* ‘вместе’ и проч.

Аналогичные употребления широко представлены в британских языках. Ср. валл. *or mor bwy gilydd* ‘от моря до другого’, *map eguile* ‘бастард, букв. сын другого’, брет. *e-gile* ‘другой, второй’, корн. *y-gyla* ‘то же’. В данном случае представляется логичным реконструировать данное значение уже на протокельтском уровне, однако мы в этом не уверены. С нашей точки зрения, мы скорее имеем дело с одним из универсальных (точнее фреквентальных) семантических переходов. Ср. русск. *друг* → *другой*, *друг* → *другинник*, а также *frend* → ‘сексуальный партнер’ (в настоящее время фиксируется и в русском языке как в виде словоупотребления *друг*, так и в форме заимствования *бой-френд*).

Наши «семантические очерки», как мы сами понимаем, не столько поверхностны, сколько ограничены самим материалом, да и рамками работы в целом. Область семейного права, претерпевшая в среднеирландский период значительные изменения, оказалась, естественно, для

анализа наиболее перспективной семантической зоной⁸. Но, конечно, есть и другие, не менее интересные, обратиться к которым мы предложили бы читателю.

Перестройка фонетической системы

Многие фонетические изменения, произошедшие в среднеирландский период (и частично уже наметившиеся к концу древнеирландского), как мы понимаем, далеко не сразу нашли свое отражение в орфографии, которая оставалась традиционной. Кроме того, X—XII вв. были периодом, когда создавались не только новые памятники, но и компиляции из старых текстов, которые переписывались с недошедших до нас рукописей. Однако многочисленные расхождения, регулярные «ошибки» писцов, а также данные поэзии позволяют представить себе совершившиеся изменения довольно ясно.

В области вокализма только долгие ударные гласные сохраняли свою пятифонемную систему: *á, ó, ú, é, í*. Краткие ударные гласные начали проявлять склонность к смешению, и таким образом, как пишет К. МакКон, к концу среднеирландского периода в языке оставалось всего три кратких ударных гласных фонемы: /a/, /o/, /i/ [McCone 2005: 174]. Сказанное, как мы понимаем, не означает, что в более позднем развитии кратких ударных фонем /e/ и /u/ уже не существовало, скорее — он отмечает общую тенденцию к вокалическому смешению, вызванному, видимо, очередным увеличением темпа речи, с одной стороны, и большей маркированностью оппозиции палатализованный — непалатализованный согласный, с другой. Мы имеем в виду сейчас, естественно, изменения в вокалическом окружении соответствующего консонанта.

Так, наличие палатализованного согласного после ударного краткого гласного предполагало присутствие особого палатализирующего глайда, который на письме обычно обозначался буквой *i*. Постепенная вокализация данного глайда могла привести к изменению шири-

⁸ Было бы интересно также проследить развитие др.-ирл. обозначений приемных родителей — *aite, mummi* — в современные *oide* ‘учитель, наставник’ и *tammi* ‘мама’ в связи с упразднением самого института отдавания детей на воспитание в другие семьи.

ны раствора при произнесении гласного, делая его более узким. Так, *ai* могло перейти в *oi* (*aided* ‘смерть’ — *oitte*, pl.) или даже в *ei* (*aile* ‘другой’ > *eile*, *maic* ‘сына’, gen. sg. > *meic*). *oi*, в свою очередь, могло фонетически перейти в звук /i/, хотя на письме сохранялось отчасти старое написание, причем не всегда последовательно. Так, например, слово *coire* ‘котел’ могло писаться как *caire*, *coire*, *cuire*, причем все они произносились как /kir’э/ (в современном ирландском слово восстановило исходный вокализм). Звук /e/, за которым следовал палатализованный согласный, также начинал требовать дополнительного глайда-призвука, который уже в новоирландский период полностью вокализировался. Например: *menic* ‘часто’ > *meinic* /me’nik/ > *minic*, *tene* ‘огонь’ > *teine* /te’ne/ > *tine*. Соответствующий глайд, как правило, в среднеирландских текстах обозначался и на письме.

Аналогичным образом, если после звука *e* или *i* следовал непалатализованный согласный, после него вводился особый де-палатализованный глайд, на письме обозначаемый буквами *o/a*. Ср. *echu* ‘коней’, асс. pl. > *eochnu*, *énu* ‘птиц’, асс. pl. > *éonnu*, *fer* ‘муж’ > *fear* /f’ar/. Дальнейшая вокализация глайда также произошла уже в ново-ирландский период, когда произошел окончательный регулярный переход *e* > *ea* в слоге, начальный согласный которого палатализован¹. В ранне-новоирландский период эти изменения стали воспроизводиться и орфографически. Поэтому понятно, почему, например, древнеирландское *mír* ‘кусочек, порция’ /mi:r’/ сохранилось в современном ирландском в орфографической форме *mír*, тогда как *fír* ‘правда, истина’ /fi:r’/ передается уже как *fíor*. Если консонант палатализован не был, это могло привести к полному переходу *e* > *a* (*cech* ‘каждый’ > *cach*, *cen* ‘без’ > *gan*²).

Ряд регулярных изменений вокализма в ударном слоге четких объяснений не имеет, например: *fota* ‘длинный’ > *fata*, *bodb* ‘ворона; ведьма’ > *badbh*, *cos* ‘нога’ > *cas*, *cloch* ‘камень’ > *clach*, последние два фонетических перехода в языке не закрепились и видимо объясняются диалектными флуктуациями (см. [Carey, рук., 5]).

Гораздо более серьезные изменения пережил в этот период безударный вокализм, подвергшийся сильной редукции. Только гласный /u/

¹ Так постепенно складывалось хорошо известное в орфографической норме современного ирландского языка правило: «узкий — с узким, широкий — с широким» (*caol le caol, leathan le leathan*).

² Об озвончении согласных в проклитиках см. ниже.

сохранил свою огубленную окраску и мог передаваться графически как *и* или как *о*, демонстрируя, видимо, некий общий огубленный редуцированный звук (например, *la Ulto* ‘с уладами’ < *la Ultu*, асс. pl.). Все же остальные безударные гласные редуцировались до швы /ə/, причем касалось это и заударного слога, и стоящих перед значимым словом проклитик.

Так, например, предлог *oc* /og/, выступающий, естественно, как проклитика, редуцировался до /əg/, что графически воплощалось в написания *ic*, *ac*, *oc*. Подвергся редукции и артикль, который, например, вместо /in/ звучал как /ən/, а вместо /inna/ (мн. ч., род. пад. ед. ч. ж. р. и др.) как /ənə^h/, откуда позднее развились две смысло-различительные формы *an* — *na*. Копула, также часто выступающая как проклитика, утратила свою релятивную форму, т. к. формы *is* ‘он есть’ и *as* ‘который есть’ фонетически слились в одном /əs/. Утрата формы естественным образом повлекла за собой и частичную утрату самой категории релятивности в глаголе.

Аналогичным образом редукция заударных гласных, т. е. — в основном — маркирующих именные и глагольные флексии, в ряде случаев также привела к постепенной утрате соответствующих морфологических категорий. Так, существительные -*io*- и -*ia*- основ, кончающиеся в древнеирландском на разные гласные звуки, перестали различаться практически во всех падежах, кроме датива множественного числа — *ib*. Слова типа *críde* ‘сердце’, *céile* ‘слуга, товарищ’, *daltae* ‘ученик’ начинают произноситься практически одинаково во всех падежах, кроме творительного / дательного множественного числа (*crídib* /cr’id’əv/ и проч.).

Аналогичным образом редуцируются и окончания прилагательных, кончающихся на гласный, типа *buide* ‘желтый’.

В глаголе аналогичным образом сливаются фонетические формы *as-rubart* ‘он сказал’ и *as-ruburt* ‘я сказал’, что является первым шагом к упрощению глагольной парадигмы в целом.

В области консонантизма в среднеирландский период произошло меньше изменений, революционного характера они, в общем, не носили и в своем большинстве отмечались еще древнеирландским периодом. В основном они относятся к области упрощения консонантных кластеров.

Так, группы *-ln-* и *-ld-* > дали *-ll-*, тогда как *nd* > *nn*, а *mb* > *mm*. Например: *comalnaithir* ‘исполняет’ > *comallaid*; *accaldam* ‘говорит, беседует’ > *accallam*; *cland* ‘семья, потомство’ > *clann*; *imb* ‘масло’ > *imm*. Это было известно и переписчикам среднеирландского периода, поэтому в их текстах часто встречаются гиперкорректные формы типа *ceud* ‘голова’ (вм. *cenn*), *crand* ‘дерево’ (вм. *crann*) и так далее.

Внутри консонантного кластера иногда отмечается метатеза: *éisteacht* ‘слушание’ вместо др.-ирл. *éitseacht*, *baistid* ‘крестит’ — вместо др.-ирл. *baitsid*, *faistinech*³ ‘будущий’, букв. «предсказанный» — вместо др.-ирл. *faitsinech* (от *faith* ‘пророк, прорицатель’), *bérlda*⁴ ‘речь, язык’ — вместо др.-ирл. *bétrae* (букв. «уст-речение»), *ingantus* ‘необычный’ — вместо др.-ирл. *ingnatus*.

Ленированные /m/ и /b/ начинают смешиваться, поскольку графически (консонант в слабой позиции — на конце слова или между гласными) двумя разными знаками отражаются фонетически близкие звуки (условно — /v/). Например: *náem* (совр. *naomh*) ‘святой’ — вместо др.-ирл. *nóeb*. Ср. также приведенный Л. Брятнахом пример: *ro-t-marmais* (-marbais) — *Ты себя* (букв. — тебя) *убил* [Breatnach 1994: 235].

В начале слова группы *ml-*, *mr-* переходят в *bl-*, *br-*. Например: *bruig* ‘земля, участок’ — вместо др.-ирл. *mruig*, *blicht* ‘молоко’ — вместо др.-ирл. *mlicht*, *brath* ‘предательство’ — вместо др.-ирл. *mrath*, *braich* ‘мука’ — вместо др.-ирл. *mraich*, *blas* ‘вкус’ — вместо др.-ирл. *mlas*.

В проклитке наблюдается переход /k/ в /g/ — *co* ‘со’ > *go*, *cen* ‘без’ > *gen* > *gan*, *cech* ‘каждый’ > *gach*. Но если слово *cech* находилось под ударением, анлаут сохранялся: ср. современное выражение *mar is eol do cach* — «как известно **каждому**». Аналогичным образом префикс /to-/ переходит в /do-/.

В исходе слога /l/ переходило в /r/. Например, др.-ирл. *amal* ‘подобно, как’ перешло в *mar*, *ol* ‘сказал’ — в *or*, *ar*.

И наконец, следует отметить возникновение неэтимологического *f*, которое появлялось перед гласным. Это явление было основано на знании говорящими того факта, что ленированное /f/ давало нулевой звук. Например: *ní faccaim* ‘не вижу’ — вместо др.-ирл. *ní accim*.

Спорадически начала меняться и орфография, постепенно приспособляясь к фонетике. Так, согласные буквы *p*, *t*, *c*, которые в

³ Обозначение будущего времени в грамматиках.

⁴ В современном ирландском — обозначение английского языка.

древнеирландском передавали в «слабой» позиции (в интервокальном положении и на конце слова) звуки /b, d, g/, уступают место буквам b, d, g, отражающим реальное произношение⁵. В то же время появляются диграфы bh, dh, gh, возникшие по аналогии с th, ch, которые передают, соответственно, ленированные b, d, g, звучащие как /v, ð, ɣ/. Написание двойных согласных на конце слова, передающее не геминату, а обычный согласный, но не подвергшийся лениции (*mass* ‘сын’, *bratt* ‘плащ’, *brocc* ‘барсук’ и проч.) постепенно уступает место обычному согласному. Однако правило это соблюдалось далеко не всегда, причем внутри одной рукописи могло соблюдаться непоследовательно, что в целом приводило к общему нарушению древнеирландской орфографической нормы, для среднеирландских писцов уже явно не совсем понятной и лишенной логики⁶.

Артикль

В среднеирландский период артикль, который в языке развился на базе демонстратива и оформлял только определенные контекстом существительные в известной степени упростился, в первую очередь — в том, что касалось его формы. Артикль был клитикой со всеми вытекающими отсюда последствиями. То есть он оказался в безударном положении во фразе, образовывал с существительным единую синтагму и, естественно, подвергся редукции. Во-первых, это выражалось в том, что его опорный гласный /i/ утратил свои фонетические черты и превратился в некую обобщенную шву, которая в орфографии могла быть представлена разными способами (см. об этом выше). Во-вторых, гласный i, который произносился уже максимально нейтрально, начал вообще утрачиваться. В первую очередь

⁵ Реальное — еще в древнеирландский период! Таким образом, как мы видим, орфографические изменения в данном случае свидетельствуют не только о собственно фонетике, но и о смещении понятия «норма».

⁶ И в общем, их тут можно понять, поскольку древнеирландская орфография, особенно в том, что касалось передачи согласных в слабой позиции, ориентировалась не на собственное более раннее состояние, а на графику, принятую в Британии в период, предшествующий лениции.

это коснулось артикля ж. р. в генитиве, а также — многих форм артикля множественного числа, имеющих в древнеирландском форму *inna*, которая перешла в *na*. Этот переход считается наиболее ранним хронологически и фиксируется еще в классическом древнеирландском (см. [Thurneysen 1946, 293]).

Ср., например, строка из стихотворения X в., демонстрирующая нормированность усеченной формы артикля: поскольку число слогов в строке было задано размером, форма *na*, как мы понимаем, была определена уже метрически, а не явилась результатом небрежности позднего переписчика¹:

Cé thríalltar a chuimrechsom / nó geimel na chois... [Murphy 1956: 40] —
Пусть бы кто-нибудь связал их / или (повесил) цепи на ноги...

Более того, форма множественного числа мужского рода *ind* также по аналогии уже в среднеирландский период заменяется на *na*, *ind fhir* > *na fir*, *in chaith* > *na caith* ‘эти мужи, эти коты’. Начальный гласный существительного при этом перестает ленировать, видимо, также по аналогии с формами женского рода.

Параллельно в артикле мужского рода произошла консонантная ассимиляция *nd* > *nn*, что в целом привело к значительному сокращению форм артикля как таковых и к сведению системы в целом лишь к двум дистинктивным формам: *in* > *an* и *na*. Именно эти формы представлены и в современном ирландском.

Интересно, что редукцию несколько иного плана мы видим в среднеирландский период в артиклевых формах, слившихся с предлогом. В свое время слияние артикля с предлогом, если он кончался на гласный, привело к сохранению начального *s*- старого демонстратива, на базе которого развился артикль еще в древнеирландский период. Ср. — *isind*, *lasin* etc. Так, например, форма *isa* представляла собой соединение предлога *i* ‘в’ и артикля среднего рода *a*. В древнеирландском правильной была фраза: *isa tech* ‘в этот дом’, тогда как в среднеирландский период выпадению подвергнулся не гласный *i*, как можно было бы ожидать, судя по современной форме *sa teach*, а гласный *a*, например, *is'tech ndorcha* — «в темный дом» (слово *tech* среднего рода и вызывает назализацию следующего за ним существительного). Форма (аккузативная) *is'tech* в дальнейшем адвербиализовалась и превратилась

¹ Метрическая схема стихотворения — 7³ — 5¹.

в современное наречие *isteach* ‘внутри’, тогда как сам артикль приобрел в данном употреблении форму *sa* (*sa teach*), видимо, в результате аналогии с беспредложными формами. Подобным образом дативная форма *isin tig* ‘в том доме’ преобразовалась в *is'tig* и образовала наречие *istigh* ‘внутри’. Форма артикля среднего рода *isan*, за которым следовало слово, начинающееся на гласный, фонетически сливалась с аналогичными формами других родов, в которых вместо *isind* употреблялась сокращенная форма *sin*, а точнее — *sən*, которая затем графически перешла в *san*; ср.: *sind aimsir* «в то время», но *sin aidchi adúair* «в ту очень холодную ночь», *san cath sin* «в той битве» (< *isind cath*). В современном ирландском форма *san* употребляется только при существительных, начинающихся на гласный.

Судя по реальным текстовым употреблениям, форма *sa* также могла употребляться параллельно, поскольку среднеирландский период, как известно, отличался размытостью самого понятия нормы. Ср., например, из стихотворения, которое датируется концом X или началом XI в.:

soig is mé do-chóid sa crann [Murphy 1956: 50] — *по праву это я должна была бы пойти на дерево*².

Слово *crann* — среднего рода.

В том, что касается независимого артикля среднего рода, имевшего в номинативе и аккузативе форму *a*, то в среднеирландский период наметилась тенденция к замене ее на аналогичную форму артикля мужского рода — *in*. Это послужило первым шагом к утрате среднего рода в целом. Ср., например, в *Псалтыри строф* (этот текст традиционно считается наиболее репрезентативным для демонстрации смешанных среднеирландских форм):

SR 5152 *a leth n-aill* — *другая сторона* (древнеирландская форма, артикль среднего рода, после существительного — назализация);

SR 1288 *ro léic in leth n-aill d'Adamh* — *он оставил другую сторону Адама* (гибридная форма, назализация сохранена, но артикль принимает форму мужского рода);

² Стихотворение представляет собой монолог Евы, которая кается в своем грехе, и сочетание «пойти на дерево», видимо, означает «быть распятым, казненным».

SR 275 in leth aili — средний род утрачен полностью³.

Ср. также из среднеирландской саги *Видение Мак Конглинне*:

co n-accsa in loch lemnachta <...> co n-accsa in tech léir-gníma... [AMCG, 25] — *увидел то озеро* (ср. род) *парного молока* <...> *увидел тот дом, исполненный трудов*...

Ср. также в уже процитированном стихотворении о Еве:

Mé tuc in n-uball an-úas. — *Это я сорвала яблоко сверху*.

При слове *яблоко* среднего рода стоит артикль мужского рода, но при этом перед гласным анлаутом сохранена историческая назализация.

Во множественном числе артикль с предлогом, стоящий в дательном падеже, который в классическом древнеирландском имел окончание *-aib* получает тенденцию к утрате конечного согласного. Так, *donaib* > *dona*, *cosnaib* > *cosna*, *fornaib* > *forna* etc. Например:

Co-n-accai a tech cona (вместо *cosnaib*) úatnib findruinib and [Hollo 2005: 56]. — *Увидел дом с колоннами белобронзовыми там*⁴.

Is ann-sin ad-bert Murchad mac Brain re háen dona slugaib [Cath Almaine, 25]. — *И тогда сказал Мурхад, сын Брана, одному из войск*.

Gabsat ingenai míne macdachta fosaic 7 fritháilem do na slógaib 7 do na sochaidib [AMCG, 19]. — *Начали* (букв. «взяли») *девушки нежные юные мыть ноги и прислуживать воинам и ратникам*.

Ocus ro lá in scolaigi tuathi 7 gentlecht isna h-il-blassaib-sin [AMCG, 2]. — *И поставили школяры заклинания и заговоры в эти вкусные кусочки*.

В последнем примере также интересно ошибочное употребление датива вместо аккузатива после предлога ‘в’ со значением направления действия — букв. «в этими вкусными кусочками». Однако, как показывают уже более поздние, ранненовоирландские данные, именно форма множественного числа датива-аблатива существительного ввиду ее специфичности сохранялась довольно долго и в какой-то период воспринималась как единственная (!) форма плюралиса.

³ Примеры цитируются по [Breatnach 1994: 258].

⁴ Обратим внимание, что при слове «дом» еще стоит артикль среднего рода.

Процесс упрощения артиклевых форм множественного числа, предположительно, датируется более ранним периодом, чем утрата форм артикля среднего рода. Так, например, в тексте *Видение призрака* (Baile in Scáil), который датируется началом X в., регулярно используются усеченные формы датива множественного числа, ср.:

Laa ro buí Cond i Temraich iar ndíth dona rígaib... [Murray 2004: 33] — *Однажды был Конн в Таре после гибели королей* (букв. «королям», здесь форма употреблена верно).

Однако в этом же тексте встречается и артикль среднего рода, причем с правильной назализацией следующего слова синтагмы, ср.: *a llá ndédenach* [Murray 2004: 33] — «в последний день». В рукописи начала XVI в. (Harl.) представлена более поздняя, причем искаженная форма: *la deginach*.

Существительное

Утрата среднего рода.

Главным отличием среднеирландской именной системы является утрата среднего рода, которая, как мы понимаем, явилась следствием слияния форм артикля в номинативе во всех трех родах (см. выше). Стоящему в стороне артиклю *a* просто не оставалось места в грамматической системе, ориентированной на морфологизацию анлаутных чередований существительного, ставших, естественно, более релевантными в условиях сокращения самих артиклевых форм. Процесс утраты среднего рода проходил постепенно, что выражалось в частичном сохранении склонения по среднему роду и в назализации прилагательного, а также несогласованного определения, относящегося к существительному среднего рода. Как пишет К. Джексон, последний пример назализации прилагательного после существительного среднего рода может быть датирован 998 г., поскольку он иллюстрируется соответствующей записью в *Ульстерских Анналах* [Jackson 1990a: 80]. Видимо, имеется в виду запись:

Sluagad n-aíll la Brian i l-Laighniu coro innir. [AU, 426] — *Военный поход другой Бриана против лагенов и их разграбление.*

У нас нет уверенности в правомерности такой точной датировки, т. к. во-первых, во всем дальнейшем тексте *Анналов*, как мы проверили, слово *Shuagad* не стоит с определением и мы не знаем, как могло бы быть согласовано это определение в дальнейших погодных записях. Во-вторых, окончательная редакция *Ульстерских Анналов* была составлена достаточно поздно, и мы не можем быть уверены в том, что компилятор точно воссоздавал грамматическую норму описываемого им периода: возможно, имела место архаизация. Ср., например, в тех же *Анналах* запись на 770 г.:

Coscra dh Atha Cliath ria Ciannacht for h-U Teig [AU, 224]. — *Поражение у Ата Клиата Уи Тейгов от Коннахта.*

Отметим, однако, что во втором примере речь идет не о согласовании прилагательного с существительным, что демонстрирует более прочную синтагматическую связь, но о согласовании внутри именной синтагмы, где связи были менее прочными.

Как бы то ни было, пример 998 г. достаточно значим.

По наблюдению Дж. Кэри, при словах, которые в древнеирландский период относились к среднему роду, назализация прилагательного или определения, выраженного существительным, но образующего с определяемым словом единую фонетическую синтагму, является более сохранной в именах собственных, что в общем понятно и предсказуемо. Ср. приведенные им примеры: *sóiced nGáleoín* — пятинна галеойнов, *Slíab nEblinde* — Гора Эвлин [Carey, рук. 24]. Добавим к этому, например, *Loch n-Echach* ‘озеро лошадиное’, давшее современный английский вариант топонима *Loch Neagh* (аналогичных примеров в английской топонимике очень много, ср. также современное английское название знаменитой столицы уладов Эмайн Махи — *Navan* < an *Emain* /n-*evan*/ с описанным выше переходом *e > a*). Сохранялась назализация и в таких устойчивых словосочетаниях, как, например, *Síl nAdaim* ‘семя Адама’ («человечество»), *tech n-óla* ‘питейный дом’ и др. Интересно с данной точки зрения сопоставление разных редакций трактата *Верность имен* (*Cóig Anmann*), который, предположительно, был составлен еще на исходе древнеирландского периода, но затем претерпел множество изменений. Текст так наз. версии CA2 ее издатель Ш. Арбутнот относит к началу среднеирландского периода, а версии CA3 — к его концу (см. [Arbuthnot 2005: 70—72]). Ср. CA2:

Cenel n-Eogain ro cuirsead fo dairchis iad o cath Leithe Caim amach [CA 2005: 82]. — Род Эоганов покорил для платы дани их со времен битвы Лет Кам.

Ср. САЗ: Cinel¹ Eóghain.

В то же время, происхождение назализации постпозитивного определения, видимо, перестает быть понятной носителям языка (переписчикам) и «правило» утрачивает свою грамматическую мотивированность, в результате чего из своего рода гиперкоррекции возникают такие псевдоархаические формы как *gnīm ngann* ‘резкое действие’, *caingen nglé* ‘повод битвы’, *o sruth nEofraith* ‘от течения Ефрата’ и проч. То есть назализация добавляется и при согласовании прилагательного со словами мужского и женского рода. По определению Дж. Кэри, переписчик воспринимал такую назализацию как «нечто орнаментальное».

Утрачивая средний род и принимая артикль и форму прилагательного мужского или женского рода, старые слова среднего рода -о- основы в течение некоторого периода сохраняли свой прежний плюралис: *scél* — *scéala* ‘повесть — повести’, *biad* — *biada* ‘кушанье — кушанья’, etc.

При замене среднего рода на мужской или женский, как мы понимаем, язык следовал не семантической стратегии, а скорее морфологической. Так, слова старой -s основы, которые в генитиве были сходны со словами женского рода ā-основы предпочтительно принимали женский род: *mag* — *maige* ‘долина’, *glenn* — *glinne* ‘равнина, поле’, *tír* — *tíre* ‘земля, страна’, *nem* — *níme* ‘небо’, *glúin* — *glúine* ‘колени, поколение’ и так далее. Естественно, есть и исключения, например, *tech* — *tíge* ‘дом’ стало словом мужского рода, но в современном ирландском имеет нерегулярный генитив, восходящий к старой форме: *tí*.

Изменение и смешение типов склонения существительных.

Утрата среднего рода отчасти сохранила в языке модели парадигм слов среднего рода, в частности — омонимию форм номинатива и аккузатива как в единственном, так и во множественном числе, что в дальнейшем привело к слиянию этих форм в один так называемый «прямой падеж».

¹ Форма *cinel* также явно более поздняя.

При этом образование форм плюралиса у слов среднего рода по модели *cenél* — *cenéla* ‘племя — племена’, *loch* — *locha* ‘озеро — озера’ послужили моделью для слов, исконно мужского рода типа *mug* — *moga*² ‘раб — рабы’. Данная модель распространилась и на гетероклитическое склонение, в частности — на дентальные основы. Например, *f. slige* — *sliged* ‘путь — пути’ дало в среднеирландском плюралис *sligeda*. Более того, этот же тип образования в свою очередь послужил моделью для таких псевдодентальных парадигм как *gilla* — *gillada* ‘слуга — слуги’, *céile* — *céileda* (OI *céili*) ‘товарищ — товарищи’ (подробнее об изменениях данного типа см. в [Greene 1974, 194—195]; [Strachan 1905]). Формы дентального плюралиса послужили моделью для образования одного из продуктивных типов плюралиса и в дальнейшем. Так, синкопированные формы аккузатива множественного числа типа *cin m.* — *cinta* (nom. pl. *cinnaid*) ‘вина, грех, ошибка’ послужили моделью для появления форм множественного числа и у слов, относящихся к другим основам, например, *glenn* ‘долина’ — *glenta* (OI pl. *glinne*), изначально — *-s* основа, средний род: слово в начале приняло женский род и в современном ирландском имеет формы *glinn*, gen. *glinne*, pl. *glinnte* (при диалектном — *glinntseacha* [Dinneen 1927: 547]). Однако нейтральное значение ‘долина’ это слово имеет только в диалектном континууме, в котором параллельно примерно с тем же значением образовалась и форма мужского рода — *gleann* (gen. *gleanna*). В словаре О’Доналла, фиксирующем искусственную норму современного ирландского, принятую в 1958 г., обе лексемы признаны существующими, однако их семантика нюансирована: *gleann* стало основным словом для обозначения долины, тогда как *glinn* получило переносное значение «твердь, опора».

Отметим в свою очередь реинтерпретацию генитива консонантной основы типа OI *triath* — *trethan* ‘море — моря’, MI *trethan* — *trethain* как номинатива с последующим втягиванием слова в парадигму *-o*-основы. Аналогичным образом как *-o*-основа реинтерпретировалось слово *míl* ‘воин, солдат’ (gen. *miled*), относящееся к дентальным основам: *mílid* стало употребляться в качестве номинатива (в современном ирландском закрепилась форма nom. *mile*, gen. *mileadh*, pl. *mileadha*).

Более того, *-o*-основа воспринималась как наиболее продуктивная с точки зрения формообразования и поэтому втягивала в свою модель

² Джексон отмечает также формы n. pl. *mogaid*, g. pl. *mogad*.

слова, изначально имеющие другой тип склонения. Так, например, часть слов -и- основы также получала генитив по типу С', однако, надо отметить, это относилось не ко всем существительным, а только к наименее употребительным. Ср. пример, приведенный Д. Мак Манусом³ (рукописные материалы для курса «Среднеирландский язык»): *fir chosaíd* (OI *coitho*) *is catha* (LL 31668) — *мужи войны и битвы*. Слово *cath* 'битва' сохраняет свой старый генитив (отметим — вплоть до настоящего времени), тогда как *cocad* 'война' реинтерпретируется, видимо, как менее заштампованное (ср. совр. ирл. *cogadh* — *cogaidh*).

Смешение падежных форм.

В первую очередь смешение падежных форм затронуло слияние форм номинатива и вокатива во множественном числе. В единственном числе тематических основ (в основном — о- основ) вокатив удержался до современного языкового состояния (*mac* — *a mhic!*).

В вокативе и аккузативе множественного числа произошла редукция заударной флексии и одновременно вокализация о-глайда, маркирующего непалатализованность согласного; так из форм *echu*, *firu*, *énu* развились формы — *eocho/a*, *fioro/a*, *éono/a*. В то же время наметилась тенденция употреблять в аккузативе (и вокативе) множественного числа соответствующую номинативную форму. В слове *fer*, как пишет Д. МакМанус, которое обращало на себя пристальное внимание как грамматистов того времени (бардические грамматики), так и просто носителей языка, установились даже две нормы употребления: в поэзии в аккузативе мн. числа употреблялась форма *fiora*, а в прозе — *fer* [MacManus, рук. 8].

Формы номинатива множественного числа начали употребляться в сложных числительных, в то время как при простых еще сохранялись исконные аккузативные формы. Ср., например, из *Похищения быка из Куальнге* («Лейнстерская книга»):

Fostaíd ocht n-eóno díb. Ocus dobretha ceirt máir iar sain 7 fastaid sé eóin déc díb [ТВС-LL, 32]. — *Поразил он восемь птиц из них. И взял он большой камень потом и поразил шестнадцать птиц из них.*

³ Пользуюсь случаем поблагодарить Джона Кэри (Юниверсити-Колледж Корк) и Дэмиана МакМануса (Тринити-Колледж Дублин) за любезно предоставленные ими материалы соответствующего курса.

Ср., однако, далее:

«Tuc lat na eóncu, a Ibaig» ar in mac bec. — *Возьми птиц с собой, Ивар, — сказал маленький мальчик.*

Ср. пример из этого же текста, который приводит Л. Брятнах — *ga scoir in gilla na eich* (вместо *inna eochu*) — *мальчик запряг коней*, иллюстрирующий употребление номинатива множественного числа вместо аккузатива уже в самой «классической» позиции: в качестве объекта переходного глагола. Отметим, однако, что употребление формы *eich* вместо *echu/eochu* для среднеирландского нарратива является уже чуть ли не обязательным и, как мы полагаем, отчасти спровоцированным своего рода формулой, в которой это слово употреблялось в пассиве и, следовательно, требовало номинатива. Ср., например, в *Похищении* (LL):

‘geib ar n-eich dún 7 innil ar carpat <...> — Is⁴ gabtha na eich, iss innilti in carpat [ТВС-LL, 78] — ...*запряги* (букв. «возьми») *для нас наших коней, оснасти нашу колесницу.* <...> *Запряжены* («взяты») *кони, оснащена колесница.*

Ср. аналогичное формульное употребление в той же «Лейнстерской книге» в саге *Опьянение уладов*:

At-bert Cú Chulainn a eich do gabáil dó 7 a charpat do indell. ‘Is gabtha na eich 7 iss innilti in carpat’ ar Laeg [МУ, 3]. — *Сказал Кухулин его коней ему запрячь и его колесницу оснастить для него. «Кони запряжены и колесница оснащена» — сказал Лоег.*

Смещение номинативных и аккузативных форм к концу среднеирландского периода становится довольно регулярным.

Параллельно наблюдается спорадическое смешение аккузативных и дативных форм существительного, иллюстрирующих нарушение системы предложного управления. Так, например, после предлога *i* ‘в’ со значением местонахождения должен стоять датив, а направления — аккузатив. Ср., однако, из саги *Видение Мак Конглинне*:

co mbárar... isin tech n-oiged (OI isind tig aiged) [АМС 8] — *так что они были... в гостевом доме.*

⁴ is = it!

Мы полагаем, что употребление аккузативных форм вместо дативных и даже номинативных, часто отмечаемое исследователями, на самом деле не является сознательным употреблением данного падежа, но лишь неоправданным, орнаментальным использованием назализации, исторической сути которой носители языка, конечно же, уже не осознавали.

Предположительно, также «орнаментальность» сопровождала и неоправданное употребление множественного числа датива, флексии которого, как мы уже отмечали выше, столь маркированные по форме, начинали восприниматься просто как показатель плюралиса как такового. Ср., например, *eter sídaib* (вм. *síde*) в поздней интерполяции в среднеирландском тексте саги *Болезнь Кухулина*:

Robad astrach aidchi is lá / eter sídaib Sétantá — *Так что бродящий ночью и днем / среди сидов Сетанта* [Dillon 1953: 13] (см. подробнее в [Dillon 1953: XIV]).

Ср., однако, русск. устар. *промеж нас* при современном *между нами*.

Прилагательное

В отличие от существительного, развитие прилагательного от древнеирландского к среднеирландскому состоянию затрагивало не только категории падежа, рода и числа, но и такие аспекты как оппозиция атрибутивной и предикативной функций и система степеней сравнения (последняя в древнеирландском была очень сложна и знала, кроме традиционных компаратива и суперлатива, также экватив). Со всей очевидностью можно сказать, что в целом развитие прилагательного неуклонно двигалось по линии все большего аналитизма, причем во всех названных аспектах.

Так, прилагательные в атрибутивной функции, которые в древнеирландском сочетались с характеризуемым ими существительным в роде, числе и падеже, отчасти начали упрощать систему зависимости, выражаемую изначально как в анлаутных чередованиях (лениция и эклипсис), так и в наличии соответствующих флексий. Так, например, как отмечает К. Джексон, если в др.-ирл. во множественном числе прила-

гательных мужского рода -о- склонения фиксировалось окончание *C'*, воплощенное в палатализации консонантного ауслота (*marb ~ mairb* 'мертвый ~ мертвые'), при существительных женского рода (отчасти и среднего) это же прилагательное оформлялось флективно как -*Ca* (*marba*) [Jackson 1990: 89]. В среднеирландский период прилагательные во множественном числе «мужского» типа постепенно вытесняются прилагательными «женского» типа, т. е. вместо *maicc bicc* употребляется *maicc becca*¹ 'маленькие мальчики'. Уже в версии *Похищения быка из Куальнге* из «Книги Бурой коровы» часто встречаются сочетания типа *broitt brecca* 'пестрые плащи', *broit dubglasa* 'темно-зеленые плащи', *ech duba* 'черные кони' etc. В «Лейнстерской книге» такое употребление становится регулярным.

Прилагательные с палатальным конечным согласным основы (-*io/-ia-* типа) практически теряют флексии и сохраняют только одну форму (*buide* 'желтый — желтые', etc), за исключением, как можно уже заранее догадаться, датива множественного числа. Однако к концу среднеирландского периода характерное дативное окончание -*a(i) b* прилагательных всех типов утрачивает консонант и сохраняет лишь различие в гласном (-*a/-e*). Ср., например, из саги *Видение Мак Конглинне*:

ó na biadu² immda inganta ilerda [AMCG 89] — *от кушаний многих необычных обильных.*

Реконструируемая древнеирландская фраза: ó biadaib immdaib ingnataib ilardaib. Ср., однако, в том же тексте смешанные употребления:

cosna biadaib oirerda ingantaib [AMCG 31] — *с кушаниями сладкими необычными.*

В то же время, отметим, что анлаутные чередования прилагательных, вызванные утраченными флексиями существительных, не только сохраняются, но и приобретают морфологически значимый характер. Действительно, при совпадении флексий сочетания *fer buide / fer*

¹ Д. МакМанус отмечает такое употребление уже в языке глосс: Wb. maicc soima (maicc soim) 'дорогие сыновья' [MacManus рук., 11].

² Аккузатив употреблен вместо датива!

mbuide ‘желтый’³ муж — желтых мужей’ маркером генитива плюралиса остается только назализация прилагательного!

В древнеирландском прилагательное в предикативной функции согласовывалось, как правило, с числом копулы, которая употреблялась в таких конструкциях, и, естественно, с числом существительного: *it móra inna arma* — *оружия (суть) велики*. В среднеирландский период происходит поэтапное упрощение подобных конструкций: в начале прилагательное принимает сингулятивную форму, а уже на исходе XI в. копула также начинает ставиться в единственном числе. Ср.: «Горы высоки» — *It arda inna sléibe* > *it aird*⁴ *inna sléib(t)* > *it arda na sléib(t)* > *is ard (iad) na sléibte* [MacManus, 15].

Степени сравнения прилагательных

Знаменитый древнеирландский синтетический экватив, выражающийся в специфических формах на *-idir/-ithir*, на деле использовался далеко не со всеми прилагательными и уже в классическом древнеирландском не представлял собой продуктивной модели и употреблялся лишь применительно к определенному набору наиболее распространенных прилагательных (см. [Meid 1967]). Если он употреблялся скорее в пространственных сравнительных описаниях, то для выражения идеи равноправности, для выражения собственно эквативности в наличии какого-либо качества уже в самых ранних памятниках использовался префикс *com-* — рефлекс распространенного в западной и.-е. зоне адверба **kom* с общим значением совместности, близости и проч. (см. [IEW 612—613; LEIA-C: 161]). В средневаллийской эквативной аналитической конструкции он выступает скорее еще как префикс, однако позднее «отделяется» в предлог, продолжая вызывать соответствующие мутации анлаута прилагательного. Ср. совр. валл.: *Maе e sun ddued â'r frân* ‘он черный, как ворон’ (букв.: со-черный...). Однако, насколько мы понимаем, в классическом древнеирландском данный

³ Некоторая семантическая странность сочетания «желтый муж» не должна смущать читателя: в ирландском языке, как и во многих других, цветообозначения приобретают дополнительные значения, тем или иным образом мотивированные. Так, в частности, прилагательное *buide* «желтый» постепенно получает дополнительное значение — «ветхий, старый». Ср. знаменитое начало стихотворения «Плач старухи из Берри»: *Is mé Caillech Bérrí, Buí...* [Murphy 1956: 74] — *Я Старуха из Берри, Желтая...*

⁴ Момент, когда слово *гора* перешло из среднего рода в мужской!

префикс оформлял не столько объект сравнения, сколько, выступая в словообразовательной функции, образовывал новые прилагательные (и даже существительные) со значением равенства признака и сходства. Например — *comshuthain* ‘такой же по годам’, *comshlán* ‘такой же здоровый’, *comlann* ‘такой же полный’ и так далее. Примерно нечто подобное валлийскому происходит и в среднеирландский период, когда префиксальные образования с *com-* превращаются в синтаксические сравнительные конструкции, в основном с союзом *ocus* ‘и’, например:

ro chansat ceol com-bind ḡ cantaicé — *Они запели песнь (музыку) такую нежную, как песнь* (букв. — «со-нежную и песнь», см. [Lambert 1976: 486]).

Ср. аналогичный пример из саги *Разрушение Дома Да Дерга*:

brat... is coibés ḡ ceó cétaimain [TBDD 997] — *Плещ такой тяжелый, как туман мая*.

Приведенные примеры относятся еще к древнеирландскому периоду, однако само их наличие демонстрирует, как постепенно внутри сложной системы флективных степеней сравнения вызревает аналитическая, базирующаяся вначале на префиксации. В среднеирландский период синтетический экватив был постепенно вытеснен аналитической конструкцией *comh X le Y*, ‘совместно X с Y’, например: *comh derg le fuil* — ‘красный, как кровь’, букв. «со-красный с кровью» (об аналогичном упрощении степеней сравнения — см. [Бородина 1965: 159]). Более того, к началу новоирландского периода формы степеней сравнения прилагательных свелись к двум (позитив и элатив, возникший на базе компаратива).

Параллельно беспредложное управление аккузативом, в котором стоял объект сравнения в классическом древнеирландском эквативе (*sonartaidir slébe* — *крепкий, как гора*), заменяется постепенно на более понятное говорящим управление с предлогом *re* ‘против’: *ba metithir re stúaig nimi i n-aéog é* — *он был большой как небесная арка (радуга) в воздухе* (пример Д. МакМануса).

Обе тенденции сливаются в ранненовоирландский период в аналитический экватив (при котором префикс все-таки еще слитен с прилагательным). Ср., например, «экватив» в стихотворении барда XIII в. Доннхи Мор О’Дали:

A béal coimhdhearg re snuadh subh,	<i>Ее рот красный как цвет варенья,</i>
A rosg comhghlas re criosdal,	<i>Ее глаза блестящие, как кристалл,</i>
A sneas coimhgheal le ⁵ cubhar.	<i>Ее кожа белая, как пена...</i>

Буквально: «е рот со-красный против цвета варенья...».

Суперлатив, который еще в древнеирландский период в ряде конструкций мог выражаться в специфическом употреблении компаратива (например: *Doíriu dúilib in duine.* — *Человек — самое жалкое существо*, букв. «жалче, ниже созданиям — человек» — строка из древнеирландского стихотворения *Плач старухи из Берри*) в среднеирландский период постепенно вообще выходит из употребления и заменяется особой синтаксической конструкцией с выносом субъекта влево; копула при этом еще стояла в релятивной форме *as*: *in slíab as ardu* — *самая высокая гора* (букв. «гора, которая есть выше») при эквативном употреблении той же формы прилагательного: *is ardu in slíab ge...* — *гора выше, чем...*

В ранненовоирландский период степени сравнения прилагательных из категории морфологической переходят в область синтаксических конструкций, однако до сочетаний типа «более красивый» (ср. англ. *more beautiful*, ирл. **mó álainn*) все-таки не доходят.

Перестройка системы личных местоимений

Как писал о древнеирландском состоянии Р. Турнейзен, «остается лишь поражаться, сколь мало форм ударных местоимений можно найти в ирландском; в основном — это проклитики и энклитики» [Thurneysen 1946: 251]. Действительно, в древнеирландский период личные местоимения чрезвычайно редко выступали в независимой форме, но в этом и не было особой необходимости. В качестве субъекта финитного глагола личное местоимение было семантически избыточно, т. к. вся необходимая информация уже содержалась во флексии. Лишь в ряде случаев, когда это было обусловлено контекстом, при глаголе в постпозиции

⁵ le вместо ge, видимо, ошибка более позднего переписчика, употребившего более позднюю норму эквативной конструкции: *com hard le...* — «высокий как гора».

употреблялась эмфатическая форма местоимения. Ср., например, контекст из саги *Убийство Ронаном родича*, в котором противопоставлены разные субъекты глаголов движения, выраженных 3 лицом. ед. ч.:

Do-chóid Mael Fothartaig immoro so mbaí ar cuairt i ndesciurt Lagen. Tic-si a-túaid [FR, 3]. — *Пошел Маэдь Фотартайг же так что был он в гостях на юге у лагенов. Приходит она-же с севера.*

Регулярное употребление личного местоимения в качестве субъекта глагола прошло несколько этапов, причем надо отметить, они далеко не располагались строго один за другим, как, например, мы можем видеть в области фонетического развития, но часто сосуществовали друг с другом. Естественно, определенные трудности при анализе употреблений возникают и в связи с общими трудностями текстологического характера, поскольку все тексты являются вторичными и соответствующие инновации или, напротив, искусственные архаизации могли возникнуть уже в момент переписывания текста.

Строго говоря, приведенная нами выше форма *Tic-si* не содержит в себе ударного личного местоимения 3 л. ед. ч., ж. р., но подчеркивает субъект при помощи эмфатической частицы *-si*. Аналогичная частица мужского рода в древнеирландском имела форму — *-som (-sam)* при личном местоимении *é (hé)*. Как принято считать, именно с копулятивных конструкций и начался процесс субъективизации личных местоимений при переходе к среднеирландскому состоянию. Ср. аналогичное употребление эмфатической формы личного местоимения в качестве субъекта в копулятивных конструкциях: нейтр. *is fer* ~ эмф. *is fer-som* ‘он — мужчина ~ он же мужчина’ (либо: *мужчина — это он*)¹.

В известном анонимном стихотворении *críde hé / daire cnó / ócán é, / rócán dó!* — *Он — сердце / орех дубовой роуци / он — юноша / поцелуй ему!*, о котором один из издателей справедливо пишет, что «оно может датироваться как VIII веком, так и концом XI» [Tigges 2006: 23], мы имеем уже практически современную конструкцию с опущенной копулой, в которой субъект копулы выражен для древнеирландского — нейтральным местоимением 3 л. ед. ч. м. р. *é*, тогда как в современном ирландском точно такая же конструкция содержит уже объектную форму этого же местоимения (о чем ниже).

¹ Более подробно об этом см. в детальной работе [O’Maille 1912].

В среднеирландский период произошла контаминация одновременно многих форм: эмфатических частиц, с одной стороны, и местоимений 3 лица мужского и женского рода, с другой (при постепенном исчезновении старого местоимения среднего рода *ed* 'оно'), что в результате привело к тому, что изначально эмфатическая форма глагола *tic-si* 'пришла она-же' реинтерпретировалась как *tic sí* 'пришла она', а вслед за этим по аналогии местоимение мужского рода *é* приняло форму *sé*² (предположительно, определенную роль здесь сыграла форма *hé* с не-этимологическим придыханием, стоящим лишь для того, чтобы избежать хиазма; возможно, это придыхание начало восприниматься как вторичное по отношению к старому *s-*, ослабленному в клитике, и в среднеирландский период оно из соображений гиперкоррекции оказалось как бы «восстановленным»). Этот процесс оказался поддержанным развитием копулятивных конструкций, при которых связка 3 лица ед. ч. *is* постепенно вытеснила формы других лиц, что, естественно, акцентировало личное местоимение, которое уже не требовало эмфатической частицы. Так, древнеирландские конструкции *am rí* 'я король', *am rí-sa* 'я же король', *is rí-sa mé* 'король — это я' все слились в современном нейтральном *is rí mé*, не поддающемся тема-рематическому членению.

В своем исследовании, посвященном развитию аналитических глагольных форм в ирландском, Д. Грин отмечает, что на следующем этапе произошло выравнивание форм первого и второго лица, а также всех форм множественного числа по модели третьего лица с конъюнктивной флексией, что в результате привело к появлению новых аналоговых форм, причем в данном случае он имеет в виду уже не копулятивные конструкции, а конструкции с финитным глаголом. Предположительно, из эмфатической формы *at-beir-se* 'она же говорит' произошла нейтральная *at-beir-sé/-sí* 'он/она говорит', и по аналогии в первом лице произошли соответствующие изменения: *at-biur* > *at-beir-im* > *at-beir mé* 'я говорю' [Greene 1973: 124].

Л. Брятнах [Breatnach 1994: 273] отмечает наличие нейтральных употреблений личных местоимений в качестве субъекта глагола уже в «Лейнстерской книге»: *ro-fitir mé* 'я узнал', *nach cúala tú* 'что ты не слышал', *ní biat síat* 'они не были', однако более регулярное их употребление все же относится уже к ранне-новоирландскому периоду.

² Аналогичным образом в копулятивных конструкциях и в качестве прямого объекта местоимение женского рода *sí* приняло форму *í*, по модели *é* — *sé*.

На базе эмфатических форм местоимений 1 и 2 лица множественного числа также развиваются новые местоимения: 1 pl. *sní* ~ emf. *sinni* > *sinn*, 2 pl. *sí* ~ emf. *sib-si* > *sib*.

Особый интерес представляют местоимения, стоящие при старой демонстративной частице, исполняющей предикативные функции в конструкциях, вводящих прямую речь (всегда в постпозиции): *ol-se* (*ol-sé*), *olmé* (*olsmé*), букв. «так он, так же он /сказал/»³). Формы данного псевдо-глагольного образования множественного числа исконно оформлялись при помощи вторичного глагольного окончания — *-at*, откуда примерно в конце IX в. развилось соответствующее личное местоимение 3 pl.: *ol-s-eat* > *ol íat* ‘они сказали/говорят’ (исконная форма соотв. местоимения — *é*). Позднее под влиянием этих же глагольных форм развилось местоимение 3 sg. — *sé* < *ol-s-é* (отчасти — по аналогии с соответствующим местоимением женского рода *sí*, см. выше). Предположительно, в развитии этой вторичной неэтимологической формы сыграла роль и копулятивная конструкция — *is* (*é*) > *is sé* > *is é* — ‘он есть’.

Все нами отмеченное представляется неслучайным. При переходе от древнеирландского к среднеирландскому удельный вес собственно глагола становится значительно меньшим, разрушается знаменитый «глагольный комплекс» с инфигированными объектными местоимениями и поэтому вполне естественно возрастает роль личных местоимений. Говоря иначе — субъект начинает теснить предикат.

Но не только собственно субъект. Объектные местоимения начинают также выделяться в независимые ударные формы, что является реакцией на прекращение использования конструкций с инфигированными и суффицированными местоимениями. Особенно ярко это видно на примере новой системы местоимений третьего лица единственного и множественного числа, в которой выравнивание по аналогии, с одной стороны, и появление морфологической лакуны — местоимений в функции прямого объекта глагола — с другой, привело к возникновению совершенно новой, более сложной, чем в древнеирландском, системы.

Как пишет, Л. Брятнах, «вместо старых *é*, *sí*, *ed*, *é* (3 pl.) образовались регулярные парные формы — одна с начальным *s-*, а другая — без

³ Ср. русск. разг.: «А она такая... А они такие...» в значении «Она сказала... Они сказали».

s-: *sé ~ é, sí ~ í, sed ~ ed, siat ~ iat* [Breatnach 1994: 274]. Их реальное употребление, по мнению Брятнаха, в среднеирландский период еще не может быть надежно систематизировано, т. е. в качестве субъекта глагола, например, могли употребляться и *s*-формы и формы без *s*- и наоборот⁴. Ср. приведенные им примеры из «Лейнстерской книги»:

bas-gópart Cú Chulainn siat — *Кухулин атаковал их*

но:

in marend hé? — *остается ли он?*

Однако уже в среднеирландский период мы можем наблюдать выстраивание системы личных местоимений, утвердившейся в более поздний период. Так, *s*-формы употреблялись в первую очередь в качестве субъекта при финитном глаголе. Кроме того, что в дальнейшем скорее не сохранилось, они же могли использоваться в номинативных конструкциях, видимо — функционально на месте местоимения в эмфатической форме. Сравним, например, две редакции одного фрагмента из *Книги захватов Ирландии*:

Cethur airech tánic Partholon .i. sé féin 7 Laiglinne a mac <...> 7 Slánga 7 Rudraige [LGE-II, 268]. — *Четырьмя вождями пришел Партолон, т.е. он сам и Лаглинне его сын и Сланга и Рудрайге.*

и

Batar iad airech Partholóin. Partolón **fadessin** 7 Slánge 7 Laiglinne 7 Rudraige [LGE-III, 8]. — *Вот (были) они⁵ четыре вождя Партолона: Партолон сам и Сланге и Лаглинне и Рудрайге.*

Местоимения без *s*- употреблялись в качестве объекта переходного глагола и при пассивной форме глагола. Например:

⁴ Аналогичные ошибки часто допускаются и в современном ирландском языке, как правило в речи тех, для кого он не является родным.

⁵ В данной конструкции копула исполняет отчасти функции демонстратива.

ní fhaccend⁶ nech issint shluag é [MU, 28, 640] — *не видел никто в том войске его* (вместо др.ирл. — ní n-accaí nech).

Ср. также:

tucad co tír hí iar sin (LU) — *она была взята в землю после этого*

или:

in lá ro báided hé (LU) — *в тот день, (когда) он был утоплен* (др.ирл. — a llá ro mbáided-som).

Эта же форма местоимения употреблялась также — в копулятивных конструкциях. Например:

Is í sein in t-shessed bruiden ro-boí i n-hErind in tan sin [LL, SMMD, 9]. — *Это был один из шести заезжих домов, которые были в Ирландии в то время.*

ar is rí co suthain é (LL) — *ибо король навеки он;*

combá mac dond righ hé (LU) — *так что он был сыном тому королю;*

ar robo torrach hí (LU) — *ибо была она беременна;*

ba gilla bec é-side (LL) — *был пареньком маленьким он...*

В данном случае, как мы понимаем, не играло роли, исполняли они функции субъекта или именной части составного предиката. Ср. в приведенном выше примере — Batar **iad** airech Partholóin⁷ — (ср. *batar airech Partholóin **iad** — *они были вождями Партолона*). Нам кажется, что тот факт, что в качестве субъектов связки стали употребляться формы местоимений, совпадающие с объектными формами, не совсем логичен с точки зрения языкового развития. Д. МакМанус предполагает здесь причины чисто фонетического характера, выводя переход *is sé* > *is é* аналогичный: *is samlaid* > *is amlaid* ‘подобно тому...’ [MacManus рук.]. Все остальные формы, видимо, выравниваются по аналогии. В то же время, ряд исследователей предполагает, что появление самой формы *sé* явилось результатом фонетического переразложения *is é* (см., например, Watson 1967: 82]). Наверное, перспективным было бы

⁶ Глагол ad-cí ‘видит’ с вторичным среднеирландским неэтимологическим f-. Окончание глагола также является инновацией.

⁷ Как нам кажется, фразу точнее было бы перевести как «вот те, кто были вождями Партолона».

в данном случае детальное исследование таких конструкций в диахронии, что выходит за рамки нашего краткого очерка.

Мы не уверены в том, что данные формы можно называть аккумулятивными, хотя, говоря формально, они действительно синтаксически во фразе с финитным глаголом всегда выполняют функции объекта. Их появление на фоне полного исчезновения аккумулятива в именной парадигме, с одной стороны, кажется не логичным. С другой же стороны, с аналогичным сохранением (и даже появлением) аккумулятивных форм личных местоимений мы сталкиваемся и в истории таких почти полностью аналитизированных языков, как английский и французский. Но даже если мы примем термин «аккумулятив» (или будем более осторожно употреблять выражение «объектные формы»), все равно вопрос, почему именно они стали употребляться как субъекты копулы, останется до конца нерешенным.

Кроме того, как мы должны признать, в среднеирландский период (и даже гораздо позднее) отмечается известная непоследовательность в использовании личных местоимений как в качестве субъекта финитного глагола, так и при связке. Так, например, в ирландском Житии св. Колумбы, которое датируется концом XIV в., мы практически не встречаем личных местоимений при глаголе. Например:

Luid iar sin do bennachad int shabaill... (цит. по [Herbert 1996: 240]) —
Пошел (он) после этого благословить амбар...

Употребление личного местоимения при финитном глаголе становится облигаторным гораздо позднее, примерно в XVI—XVII вв.

В том что касается употребления субъектных и объектных местоимений при копуле, системность устанавливается действительно гораздо раньше, однако флуктуации можно найти и в их конкретных употреблениях. Так, например, в одной строфе в *Книге захватов Ирландии* можно при связке встретить разные формы.

Например:

Cethur eass, sóem a lí,	<i>Кетур милый, приятен его облик,</i>
ba saér sé:	<i>был он свободен:</i>
Hereo a ben, ba ben fial hí	<i>Эриу его жена, была женщина благородная она,</i>
grían a dé.	<i>солнце его бог.</i>
[LGE, IV, 242]	

Другое дело — инфигированные местоимения, которые стали заменяться объектными гораздо раньше и гораздо регулярнее. Как было показано в свое время Ш. О'Кахайном [O' Cathain 1933] на базе анализа языка *Ульстерских Анналов*, к 1250 г. инфигированные местоимения практически выходят из обихода. Система инфигированных объектных местоимений (класса А), при которой местоимение помещалось как бы внутрь глагола, располагаясь после преверба или частицы *no*, была в древнеирландский период очень регулярной и широко употребительной, причем прежнее местоимение, стоявшее в аккузативной форме вызывало определенные анлаутные чередования в глагольном корне. И сама форма местоимений, и мутации, которые они вызывали в глагольной основе объяснялись исторически. Леницию глагольной основы вызывали местоимения — *-m-* 'меня', *-t-* 'тебя', (а) 3 sg. n. 'это', что показывает, что ранее эта форма кончалась на гласный. Эклипсис, или назализацию, (а также — *n-* перед гласным) глагола вызывали формы — (а) 3 sg. m. 'его', *-s-* 3 sg. f. 'ее', *-s-* 3 pl. 'их', которые ранее заканчивались на назальный. Формы *-n(n)-* 'нас', *-b-* 'вас' не вызывали мутаций в глаголе.

Ср. (все примеры — из языка глосс):

sg.	pl.
1. — лениция: <i>ní-charat-sa</i> — <i>они меня не любят</i>	0 — <i>hóre dunn-ánic</i> — <i>с тех пор, как это достигло нас</i>
2. — лениция: <i>fot-chridigther-su</i> — <i>береги себя (тебя)</i>	0 — <i>rob-car-si</i> — <i>он полюбил вас</i>
3. m. — эклипсис: <i>ní-n-aithgéuin</i> — <i>он не узнал его</i>	эклипсис — <i>no-sn-guid-som</i> — <i>он воззвал к ним</i>
3. f. эклипсис - <i>du-sn-gní</i> — <i>он это (букв. — ее) сделал</i>	
3. n. — лениция — <i>na-chomalnid-sí</i> — <i>соверши это</i>	

Как было показано еще Дж. Страханом, инфигированные местоимения исчезали в языке постепенно, причем это касалось не только синтаксиса их употреблений, но в начале — самой их формы, которая в значительной степени упрощалась. Так, например, он отмечает постепенное упрощение группы *-sn-* в *-s-* как при местоимения 3 sg. f.,

так и 3 pl. [Strachan 1904: 157]. Более того, местоимения 1 и 2 лица множественного числа *-nn-*, *-b-* постепенно заменяются аналогичными притяжательными местоимениями *-ar-* и *-fur-*, причем они же могут использоваться (естественно ошибочно) и вместо местоимений единственного числа. Ср. приведенный им пример из *Псалтыри строф*: *no-for-marba* — *он убивает тебя* (вм. *no-t-marba*).

Он же отмечает интересный феномен градуального исчезновения инфигированного местоимения в виде своеобразной местоименной репризы, при которой инфигированное местоимение еще сохранено при глаголе, но за ним следует дополнительно, как правило — дистантно, объектная форма этого же местоимения. Ср., например:

no-s-beir ... iat — *он их берет... их*.

Ср. аналогичное употребление в саге *Безумие Сuibне*, на основе которого Р. Леман сделала вывод о поздней, не ранее XII в., окончательной редакции текста [Lehmann 1953/54: 115]:

Ní bhíu-sa i nDál Araide fesda úair no-m-mhuirfedh Loingseachán i ndiogail a chaillighi mé... [BS 44, § 42] — *Не был бы я в Дал Арайде, чтобы меня не убил бы Лонгсеахан из-за его старухи меня...*

Еще чаще подобная реприза встречается при объекте, выраженном существительным (примеры — из работы Страхана):

go-sn-ort... cethri mili dec — *они их убили... четырнадцать тысяч*
do-s-rat a mnai — *он ее взял жену*
go-s-gab ecla moġ an og — *охватил его страх большой юношу*⁸
no-s-rannat Herinn — *они ее разделили Ирландию...*

Однако некоторые инфигированные местоимения не только сохранились, но, напротив, слились с глагольной основой и превербом. Так, как отмечает Д. МакМанус, «наиболее важным и имеющим далекие последствия феноменом было, наверное, адаптивное местоимения среднего рода в качестве незначущей интегральной части преверба и

⁸ Данный пример интересен еще и своей дополнительной ошибочностью: в нем употреблено инфигированное местоимение женского рода! Как мы понимаем, это было вызвано родом слова *ecla* ‘страх’, которое будучи грамматическим субъектом клаузы, воспринималось как логический объект — «страх охватил юношу» = «юноша испытал страх».

конъюнктивной частицы». В — древнеирландском *as-beir* означало ‘он говорит’, тогда как — *at-beir* ‘он говорит это’. В среднеирландский период последняя форма стала нейтральной и получила значение ‘он говорит’. Ср. совр. ирл. — *deir sé*.

Рефлексом этого же местоимения, которое вызывало леницию в корне глагола, он объясняет и появление в современном ирландском регулярной лениции при образовании претерита, которой изначально в древнеирландском не было. Так, он намечает следующий путь развития: др.-ирл. *ro cechain* ‘он пел’ > ср.-ирл. *ro chan* ‘он это пел’ > ранненовоирл. *ro chan sé* ‘он пел’ > совр. ирл. *chan sé* ‘он пел’ [McManus, рук., 32].

Финитные и нефинитные формы глагола, выделение копулятивных конструкций

Как пишет Д. МакМанус, «из всех грамматических категорий наибольшие перемены претерпел древнеирландский глагол» [MacManus рук., 15]. Так действительно принято считать, однако мы не уверены, что с данной формулировкой можно согласиться безоговорочно. Действительно, как мы увидим, глагол при переходе к среднеирландскому периоду в значительной степени упростился в том, что касалось его осново- и формообразования (а также — возникновения ряда аналитических конструкций), однако все же как категория он изменился в меньшей степени, чем личное местоимение, хотя, как мы пытались показать, они были связаны неразрывно. В последнем, во-первых, развилась новая система парных форм, а во-вторых, что главное, объектное местоимение вырвалось за рамки глагольного комплекса и стало употребляться самостоятельно. Впрочем, данный феномен, наверное, действительно может быть отнесен и к глагольной структуре.

В том что касается изменений в древнеирландском глаголе, в первую очередь здесь следует отметить образование новых глагольных «основ», образованных на базе прототонической (с ударением на первом слоге) формы старого приставочного глагола. При этом к нему добавлялась абсолютная флексия! Так, например, глагольная основа *tuil*-¹

¹ Предположительно — к и.-е. **toleyō* ‘успокаиваться, утихать, претерпевать’ (см. LEIA-T,U, T-170), родственно русск. *толить, утолить* [Фасмер 1996, 4: 71].

‘спать’ употреблялась, как правило с префиксом *com-* ‘с, совместно’. Деутеротоническая (с ударением на втором слоге от начала) форма презенса с конъюнктивной флексией выглядела как *con-tuili*, а прототоническая — как *-cotlai*. От последней формы была затем образована новая, уже безпрефиксальная — *cotlaid* ‘спит’, поскольку сам глагол уже не воспринимался как приставочный, а различия между абсолютной и конъюнктивной флексией также постепенно исчезли. Аналогичным образом, например, приставочный глагол *fo-gní* ‘служит’ имел прототоническую форму — *-fognai*, от которой затем был образован глагол *fognaid*. Однако надо отметить, что данные переходы, в отличие от описанных нами изменений в существительном, прилагательном и местоимении, в реальных употреблениях фиксировались несколько позднее. То есть древнеирландский глагол при всей его внешней монструозности формообразования оказался все же наименее подверженным переменам на ранних этапах развития среднеирландских форм.

Так, например, в тексте саги *Болельнь Кухулина*, которая датируется началом среднеирландского периода (конец IX в.), мы находим еще старую форму этого глагола:

iss ed **fótní** [Dillon 1953: 14, 405] — *есть это, которое тебе служит.*

В среднеирландском переложении *Илиады*, саге *Блуждания Улисса, сына Лаэрта*, мы уже встречаем новую форму, причем — с финальным релятивным маркером *-s*, который в древнеирландский период мог употребляться только при бесприставочных глаголах:

«Cá firindi **fognas dó?**» ar Uilix [Meyer 1977: 3, 84]. — *Кто по правде служит ему? — сказал Улисс.*

Процесс образования новых глаголов из старых глагольных основ, естественно, сопровождался разного рода фонетическими аккомодациями, присущими среднеирландскому периоду в целом: синкопной безударного гласного, консонантными ассимиляциями, метатезами и даже — появлением неэтимологических согласных. Так, например: др.-ирл. *con-sní* ‘защищает’ > *cosnaid*, *do-aitní* ‘сияет; нравится’ > *taitnid*, *imbir* ‘играет’ > *imbrid*, *imb-soí* ‘поворачивает(ся)’ > *impaid*, *in-túaisi* ‘молчит, слушает’ > *éitsid* > *éistid*², и так далее. Следует вновь

² Переход *ts* > *st* для ср.-ирл. периода является регулярным, ср. также — *faithstinech* ‘будущий’ (из *faith* ‘пророк, прорицатель’) > *faistineach* etc.

отметить также появление неэтимологического *f-* в парадигме глагола *ad-cí* ‘видит’, причем в начале эти формы могли употребляться в пределах одного текста параллельно с более ранними. Например, из саги *Блуждание Улисса*:

- In *faicthi* in grian i trát sa?
- *Atchíamait*³, — ar íat-som [Meyer 1977: 5, 144—145]
- *Видите ли вы солнце теперь?*
- *Мы его видим, — сказали они.*

Упрощению основы подвергся также употребительный глагол *do-gní* ‘делает’, причем, как можно было бы предсказать, отправным моментом здесь послужили релятивные формы, то есть те формы, в которых между собственно основой и префиксом некогда помещалась относительная вокалическая частица, проявляющаяся в лениции анлаута основы. То есть «делает» произносилось как /do-gni:/, а «который делает» как /do-γni:/, и именно вторая форма, в которой *-g-* ленирировалось и дало спирант, упростилась до /do-ni:/. По аналогии также стала произноситься основа других форм этого же глагола. К. Джексон, отмечает, что первое употребление новой формы орфографически зафиксировано в рукописи начала XII в. «Книге Бурой коровы», причем, естественно, в релятивной конструкции [Jackson 1990: 117]:

a Dé *doní* in muir / a Dé *doní* in tír [LU, 9869—70]. — *О Бог, который делает море, / о Бог, который делает землю.*

Например также (из саги *Битва при Маг Лена*, XIII в., конструкция уже не релятивная):

γ *do-ní* daíne dona cairrgib coim-shlemhna [Jackson 1990a: 16, 399] — *и сделала людей из гладких валунов...*

Другим способом образования новых глагольных основ была реинтерпретация глагольного имени, из которого образовывались новые финитные формы посредством присоединения личных окончаний.

Так, например, от глагола *ind-fét* ‘повествует, рассказывает’, имеющего глагольное имя *indsiu*, был образован новый глагол — *innisid*:

³ Ср. также новое окончание (о чем ниже).

Ro innis (вм. др.-ирл. ro infé) do Emir aní sin [Dillon 1953: 24, 685]. — Он рассказал Эмер об этом (букв. «эту вещь»).

Данное образование, отмеченное уже в саге *Болельнь Кухулина*, датирующейся концом IX в., имело место, видимо, довольно рано и встречается во многих текстах с достаточной регулярностью. Ср., например:

...ro indis na sgéla sin don nónbur ro baí isna longaib [Meyer 1977: 2, 39—40] — и он рассказал эти новости тем девятерым, которые были на кораблях.

Ср. также предположительный перевод из анонимного монастырского стихотворения IX—X в., в котором описано, как вся природа радуется наступлению лета (в начале мая):

innisid loth loith [Murphy 1956: 158] — *славит* (букв. «рассказывает») *болото прекрасное...*

От глагола *do-fich* ‘наказывает’ с глагольным именем *dígal* образован был глагол *diglaid*:

Dia ndíglad nech iarna écaib [FR 53, 1017]. — *Бог, который наказывает всякого после их смертей.*

Ср. также: *fo-gleinn* ‘учит’, *vn foglaimm > foglaimid*:

...úair ro foglaimthea (вм. fogleinnthea) leis bérla cacha tíri a téiged [Meyer 1977: 3, 80—81] — *ибо бывали им выучены темные языки каждой страны, куда он приходил.*

Ср. также — *Fris-gair* ‘отвечает’ (букв. «кричит против кого-л.»), *vn frecrae > frecraid*: ср. в стихотворении из саги *Безумие Суибне* (датируется XII в.):

a mac alla is mirbuile / frecras lem gáir na Gairbe [Murphy 1956: 116] — *его эхо чудесно, которое отвечает мне шумом Гарба.*

Употребление здесь также релятивной формы при приставочном глаголе (см. выше) выдает поздний характер текста.

Депонентный глагол *midithir* ‘размышляет, судит’ с глагольным именем *messu* дал затем новый глагол *mes(s)aid*, однако, судя по примерам

в Словаре ирландского языка, произошло это уже в ново-ирландский период.

Еще больший интерес представляют образования от (вместо) супплетивных основ. Так, например, в *Блуждании Улисса* регулярно встречается форма *ro-chuir* ‘поставил, положил’, образованная от глагольного имени *cor, cur* глагола *fo-ceird, -cuirethar*. Случай интересен еще и тем, что, во-первых, здесь засвидетельствован переход семидепонентного глагола в обычный (о чем ниже), а во-вторых, на этом примере видно, что правильная древнеирландская супплетивная форма перфекта *ro-lá* уже просто не вписывалась в парадигму глагола. С другой стороны, супплетивное глагольное имя *ól* от глагола *ibid* ‘пьет’ образовало самостоятельный глагол достаточно поздно и в среднеирландских текстах еще не встречается⁴, видимо, ввиду частотности употребления разных форм данного глагола.

То есть, говоря обобщенно, неоправданное употребление форм с конъюнктивной флексией, смешение прототонических и деутеротонических форм, новые основы, образованные как от прототонических форм, так и от глагольного имени — все это свидетельствовало об упрощении и выравнивании глагольной парадигмы. Иными словами — среднеирландский глагол стремился стать проще по сравнению с древнеирландским. Касалось это и образования времен и наклонений, причем сильные глаголы здесь начинали уподобляться слабым.

Так, для будущего времени продуктивным оказался способ образования с суфф. *-f-*, характеризующий слабые глаголы. Древнеирландский редуцирующий футурум, как правило, упрощался и заменялся образованием при помощи презентной основы и суффикса. Др.-ирл. *benaid* ‘бьет, убивает’, fut. *-bi* > *benfait*, *rigid* ‘тянет’, fut. *rir-* > *rigfidir* (pass, SR), *maidid* ‘разбивает, давит’, fut. *-meta* > *maidfed* и так далее (см. множество других примеров в [McCone 1997: 209—211]).

Например:

⁴ В данном случае достаточно надежным помощником в датировке тех или иных языковых изменений может послужить Словарь ирландского языка (DIL, см. также его электронный вариант — eDIL), в котором надежно фиксируются формы примерно до XII в. Таким образом, отсутствие соответствующих словарных статей может послужить критерием того, что по крайней мере в письменном виде тот или иной переход был зафиксирован уже в этот период. Более поздние формы в Словаре не отмечаются.

con-melfi (вм. con-méla) dorni fri détu [AMCG, 37, 1152] — ты разобьешь кулаки об зубы;

co ná roib locht nó on nó anim risi mbenfa nach aicsed féig furachair óthá a h-ind co a bond [AMCG, 38: 1176—1178] — так что не было бы вины или упрека или изъяна против (того), кто убьет что не наблюдатель зоркий внимательный от его макушки до его ступней (перевод сомнителен и условен).

В современном ирландском *f*-суффикс остается наиболее продуктивным для образования будущего времени.

Однако в ряде случаев у сильных глаголов сохранялся редуцированный футурум, выраженный в основном в продлении гласного корня, причем по этой же модели начали развиваться и формы будущего времени у некоторых слабых новых синкопированных глаголов, в основном, если вторым согласным консонантного кластера, возникшего в результате синкопы, был *r* или *l*. Так, Д. МакМанус отмечает следующее развитие футуральных форм для глагола *imrid* ‘играет’ (< *imm-beir*):

Др.-ирл. pres. *im-beir* ~ *-imbit*; fut. *im-béra* ~ *-imbéra*

Ср.-ирл. pres. *imbrid* > *imrid* ~ *imbir* (для раннего периода, когда еще сохранялось противопоставление деутеротонических и прототонических форм);

fut. *imbéraid* > *iméraid* ~ *imbéra* > *iméra*.

Таким образом, формы pres. *imrid* — fut. *iméraid* послужили моделью для ряда других образований, однако главной чертой среднеирландского периода (в том, что касается образования будущего времени) все же можно назвать пестроту форм и непоследовательность употребления их внутри одного и того же текста.

S-футурум, как пишет К. Джексон: «быстро умер в течение среднеирландского периода. В *Псалтыри строф* есть только десять случаев его употребления, включая *fo-loing* (‘переносит, выносит, терпит’) и конечно — *ro-fitir* (‘знает’), они не редки в *Книге Бурой коровы*, но встречаются только в текстах, восходящих к древнеирландскому периоду; в *Разрушении Трои* (в «Лейнстерской книге». — Т. М.) их шесть, включая *fo-loing*» [Jackson 1990: 128]. Сделанные им оговорки очень показательны: в ряде случаев процесс нового формо- и основообразования в меньшей степени затрагивал употребительные глаголы, «привычные» носителям языка. Так, формы футурума *fo-lil* (от *fo-loing*), *ro-festar* (от *ro-fitir*), а также *íssaíd* (от *ithid* ‘ест’) сохранялись необычайно долго и

более того, удержались до настоящего времени: ср. совр. ирл. *íosfaidh sé* ‘он съест’ — своего рода компромиссный гибрид форм — f- и s- футурума. Глагол *téit* ‘идет’ сохранил свой супплетивный футурум почти неизменным: ср.-ирл. *rega* > *rachaidh sé*. Интересно на этом фоне, что в небольшом рассказе, повествующем о том, как король Лойгайре принял закон Патрика (в «Книге Бурой коровы») редуцированный футурум от др.-ирл. глагола *gonaid* ‘убивает’ (*gegna-* > *gena-*) оказался переписчику, понятным, но все же требующим пояснения, и поэтому над древнеирландской формой они приписал современную ему:

...ᵗ genaid .i. gonfid cach fer araile [LU, 293, 9749] — ...и убьет каждый мужа другого.

Однако четких критериев, позволивших бы описать систему образования будущего времени в среднеирландском наверное нет. В его образовании явно прослеживаются общие тенденции к упрощению глагольной парадигмы, но старые формы еще долго продолжают конкурировать с новыми. Кроме того, будущее время функционально начинает сливаться и путаться с побудительно-условным наклонением (субъюнктивом), что, естественно, приводит к еще большему смешению форм.

Прошедшее время, как кажется, демонстрирует большую регулярность в своих инновационных тенденциях.

Так, естественно, основной чертой среднеирландского периода можно назвать дальнейшее «ослабление» глагольной парадигмы, иначе говоря — дальнейшее выравнивание сильных глаголов по более регулярной и понятной модели глаголов слабых. Для претерита это, в первую очередь, выразилось в последовательном элиминировании сложных и кажущихся нерегулярными форм редуцированного и супплетивного претерита и заменой их на -s претерит слабых глаголов. Как отмечает В. Стоукс в предисловии к изданию среднеирландского переложения *Илиады*, саги *Разрушение Трои*, «-s претерит является излюбленной формой для передачи прошедшего времени» [Stokes 1881: xi]. Это касается и уже описанного нами смешения форм приставочных и простых глаголов, и замены «неправильного» претерита на более регулярный. Например:

Intan atchondairc Fichlus na nathracha <...> ᵗ imgabais iat — Когда увидел Фихлус змей <...> и он убежал от них.

Приставочный глагол *imm-ingaib* ‘убегает, избегает, спасается’ действительно имеет -s претерит, однако в данном случае должна была быть употреблена конъюнктивная флексия и глагол в др.-ирл. имел бы форму — *im-gaib*, однако компилятору показалось необходимым дополнительно подставить -s как маркера прошедшего времени.

Редуцированный претерит также часто уступает место -s-претериту, так вместо формы *cechain* ‘пел’ регулярно употребляется *chan* (*ro chan*), вместо *leltar* ‘преследовали’ — *ra lensat* и так далее.

Например: *Ra lensat na Troiannaí* — *Преследовали их троянцы*.

Супплетивные образования также подвергаются выравниванию. Например: *coro thuitt Fergus* [Breatnach 1994: 282] — *так что пал Фергус* (вместо др.-ирл. *do-cer* — *do-rochair*, причем в данном случае компилятор употребил, видимо, распространенную уже в тот период форму, образованную от несуществующего в древнеирландском глагола: глагольная основа *-tuit-* употреблялась только с префиксом *do-* [Льюис-Педерсен 1954: 462], однако в данном случае он оказался отброшенным, поскольку воспринимался уже как семантически наполненный преверб, сообщающий глаголу предельность и завершенность, и он был заменен аугментом *ro-*, исполняющим ту же функцию; именно эта форма сохранилась и в современном ирландском).

Глагол *benaid* ‘бьет, поражает, сбрасывает и проч.’, имеющий претерит *bí*, в среднеирландский период уже регулярно употреблялся в форме — *benais*:

Rachúaid Hectair arsain fón slóg uli ḡ benais ilóm díb ḡ ilcheta [Stokes 1881: 1484—1485]. — *Прошел Гектор тогда через войско все и поразил многих из них и многие сотни*.

Глаголы движения, имеющие, как правило, супплетивные претеритные основы, вообще имели тенденцию к смешению между собой. Так, форма претерита от *téit* ‘идет’ — *luid* обрела статус самостоятельного глагола (в современном ирландском она не сохранилась), в то время как в функции его претерита стал употребляться его перфект *do-coid*, причем на его базе образовался новый перфект — с заменой преверба *do-* на аугмент *ro-* (как в приведенном выше примере — *Rachúaid* ‘пошел, пришел, прошел’).

Не углубляясь в анализ разнообразных среднеирландских форм, отметим все же, что уже в тот период наметилась явная диалектная раздробленность именно в образовании форм прошедшего времени, сохранившаяся в Ирландии до настоящего времени.

Единственным глаголом, сохранившим свой старый сильный *t*-претерит до нашего времени, оказался глагол *ad-beir* ‘(это) говорит’, употреблявшийся в форме *adbert*, давшей современное *duirt* ‘сказал’.

Упрощение глагольного разнообразия форм распространилось и на пассивные формы. Так, в древнеирландском пассивный претерит и перфект слабого глагола образовывались от основы презенса (*léicid* ‘отпускает’ — *ro léicid* ‘отпущен’, *marbaid* ‘убивает’, *ro marbad* ‘убит’, *ro marb* ‘убил’⁵). Сильные же глаголы образовывали пассивный претерит по-разному, часто — супплетивно. В среднеирландский период правило сохранения основы презенса для образования пассивного претерита и перфекта автоматически начинает распространяться и на сильные глаголы. Так, например, вместо *ro bítha* ‘они побиты’ мы встречаем — *ra benta*. И это в общем — логично и в чем-то правильно, так как вписывается в уже отмеченную линию выравнивания и упрощения глагольной системы в целом.

Интересным явлением, как кажется более заслуживающим внимания и серьезной интерпретации, может быть названо распространение в среднеирландский период аугментных форм, явно утративших свое значение результативности и трактуемых просто как формы прошедшего времени. Так, в древнеирландском некоторые предлоги (в основном — *ro*, *com*, *ad*) исполняли функции превербов, сообщающих действию либо идею предельности и завершенности, либо, если они употреблялись с настоящим временем, идею возможности. В древнеирландском можно было сказать — *as-beir* ‘он говорит’, *as-robair* ‘он мог бы сказать’, *as-bert* ‘он сказал’ и *as-rubart* ‘он сказал (перфектное значение)’. Например:

Níro lam ind ócben a rad, na ros marba Mael Fothartaig [FR, 1, 28]. — *Не решилась девушка сказать (это), как бы не убил ее Мазль Фотартайг.*

⁵ В качестве пассивной формы этого глагола часто употребляется прилагательное *marb* ‘мертвый’.

В ряде случаев аугментный префикс исполнял не формообразовательные, а просто — словообразовательные функции (в чем-то, подобно русским превербам, сообщающим глаголу идею совершенности и результативности, а на уровне грамматики — превращающим глагол несовершенного вида в глагол совершенного вида, например: *делать* — *сделать*). Например: *saiggid* ‘пытается, стремится’ *ro-saig* ‘находит’, *do-icc* ‘приходит’ и *ro-icc* ‘достигает, прибывает’. Отчасти эти же функции (на словообразовательном уровне) исполнял и преверб *do-*, крайне распространенный для древнеирландского периода, который сообщал глагольной основе идею завершенности действия. Например, *gníid* — *do-gní* ‘делает — совершает’, *tét* — *do-tét* ‘идет — приходит’ (в терминологии М. Л. Съестедт «терминативные превербы», см. [Sjøestedt-Jonval 1938: 219 ff.]).

В среднеирландский период аугментные формы с «потенциальным» значением практически выходят из обращения и сам аугмент (в основном — *ro-*) начинает восприниматься как простой показатель прошедшего времени. Иными словами, в функции претерита начинают использоваться упрощенные (т. е. без инфигирования после преверба) формы синтетического перфекта, которые постепенно утрачивают свои перфектно-результативные функции.

Более того, преверб *ro-*, который в утвердительной форме был безударным, в отрицательной и вопросительной формах, иными словами — после глагольных превербов с соответствующими значениями, перетягивал на себя ударение. Так, например: *ro-boí* /ro-b'i/ — *niro-boí* /ni-r'ovi/, откуда произошла современная форма — *ní raib* ‘не был’. В современном ирландском этот же перфектный аугмент *ro-* как маркер прошедшего времени стал «прилепляться» к отрицательной и вопросительной частицам, употребленным при глаголах в прошедшем времени и даже — к подчинительному союзу, образовав такие формы, как: *ior*, *ar*, *gur* (не + past., вопр. част. + past., что + past.).

Аналогичное перфективно-предельное значение, как мы уже отмечали, имел и префикс *do-* и его отчасти постигла та же судьба: уже в ново-ирландский период он стал использоваться для образования прошедшего времени.

Таким образом, форма с *ro-* (*ra-*) в среднеирландский период используется уже просто как прошедшее время, лишь отчасти конкурируя со старыми неаугментными претеритными формами. Так, в тексте

Разрушения Трои, например, практически все исторические времена оформляются подобным образом. Например:

Rogab rí usal airegda ordníde rígi in domain <...> Ba maith a fhlatiuis in rígsan. *Ni rabatar* catha na cocthi na congala ina ré: acht *rabí síd* 7 suba 7 sáme 7 immad cech mathiusa ina remis. <...> *Rabaj* dana rigan a dingbala aci <...> *Rucsaide* trí maccu do Shatuirn .i. Oirc 7 Neptúin 7 Ioib. *Ratharn-girset* fádi do Shatuirn a mac do thictain ris... [Stokes 1881: 1] — *Захватил* король благородный безупречный королевство мира <...> Было хорошо правление этого короля. *Не было* битв и сражений и поединков в его время: но *был* мир и радость и покой и изобилие всего добра в его времена. *Была* же королева у него. <...> *Принесла* она трех сыновей Сатурну, Орка, нептуна и Юпитера. *Предсказали* пророки Сатурну, что его сын пойдет против него...

Естественно, как можно предположить, утрата языком форм синтетического перфекта должна была как-то компенсироваться. И это произошло. В среднеирландский период начал развиваться аналитический перфект, причем развитие это в дальнейшем, уже в новоирландский период, пошло по двум параллельным путям. С одной стороны — развитие естественного аналитического перфекта, образованного по модели «я имею сделанным» (при отсутствии глагола иметь — «есть сделанное у меня» — *tá sé déanta agam*). С другой — образование относительно специфического «после» перфекта — «есть я после делания» (*tá mé tar eis a dhéanamh*). Кроме того, в новоирландский период развились в грамматическое время формы прогрессива, которые на раннем этапе входили в область синтаксиса — «есть я при делании» (*tá mé ag dhéanamh*). В общем — тенденция к аналитизации грамматических форм в глаголе начала проявлять себя наиболее активно, что, впрочем, и естественно.

Появление системы новых глагольных окончаний тоже в общем может быть охарактеризовано как шаг в сторону аналитического состояния языка, с одной стороны, и стремление к выравниванию парадигмы по аналогии, с другой. Так, мы уже отмечали, что, во-первых, появилась тенденция к вынесению личного местоимения как в функции субъекта, так и в объектной функции по отношению к глаголу вправо. Во-вторых, постепенно нарушилась система противопоставления абсолютной и конъюнктивной флексий и глагольная флексия стала

ощущаться необходимой даже там, где до этого в древнеирландском маркированным было ее отсутствие.

Естественно при этом представить себе, что следующим шагом было бы упрощение собственно флексии и перенос смыслового грамматического акцента с окончания на личное местоимение. Отчасти это действительно и произошло, однако процесс этот был очень многоступенчатым, неровным, уже — разнородным по диалектам и завершился по сути только с принятием в 50-е годы XX в. так называемого «кайдона» (ирл. *Caighdeán*) — искусственного языкового стандарта⁶. То есть, например, для презенса глагола в настоящее время принято выделять собственно три окончания — 1 sg. — *(i)m*, 1 pl. — *-mid*, и все остальные формы имеют в качестве флексии *-(e)ann*. Но еще в *Словаре* Патрика Динина, составленном в начале XX в. и отражающем диалектное состояние того периода, дается еще довольно сложная, во многом консервативная система глагольных окончаний: выделены особые формы для 2 sg. и 2 pl. (соответственно *-air*, *-0*), а также для 3 pl. (*-id*). В 3 sg. дается несколько альтернативных форм — например: *beir*, *beiridh*, *beireann* ‘берет’ [Dinneen 1927: 1312]. Все сказанное в основном относится к презенсу, в других временах и наклонениях ситуация до сих пор еще остается относительно нестабильной.

Начало становления новой системы глагольных флексий датируется среднеирландским периодом. Так, уже в текстах XI—XII вв. относительно стабильно встречается окончание 1 sg. *-a(i)m*, восходящее, естественно, еще к древнеирландскому периоду. Однако в древнеирландском оно конкурировало с флексией *-u*, которая, как правило, употреблялась в качестве конъюнктивной. В среднеирландском, когда исчезла оппозиция между абсолютной и конъюнктивной флексиями, одна из них должна была выйти из употребления, что и произошло. Исключение составлял глагол *at-chíu* ‘вижу’, который в свою очередь повлиял на депонентный глагол *ro-chluiniur* ‘слышу’, давший в среднеирландском форму *at-chluiniu* (ср. однако, совр. ирл. *cím* ‘вижу’, а также поздние среднеирландские формы — *at-chluinim* ‘я слышу’)⁷. Ср., например, из многочисленных поэтических вставок в саге *Безумие Суибне*, которая датируется XII в.:

⁶ См. об этом в нашей работе [Михайлова 1997a]

⁷ Анлогичный процесс позднее (уже в ранненовоирландский период) затронул все депонентные глаголы.

A chaillech in muilinnse,
 cid' má ngeibe m'eill?
 M'écnach duit⁸ at-chluinim-se
 Is tú i-mmuig ar an beinn.
 [BS: 39, 1088—1091]

*О старуха с мельницы,
 Зачем ты меня обижаешь?
 Мои оскорбления от тебя я слышу
 А ты снаружи на холме.*

Данная флексия, восходящая к личному местоимению, видимо, воспринималась как ударная, эмфатическая и поэтому не требовала дополнительной маркировки собственно личным местоимением⁹. Данное правило сохранилось вплоть до настоящего времени (для презенса индикатива). В других временах и наклонениях в первом лице единственного числа, как правило, употребляется личное местоимение *mé* (*chuaigh mé* ‘я пошел’, *rachaidh mé* ‘я пойду’). Окончания 1 sg. «вторичных времен» — *-(i)nn* (имперфекта, кондиционалиса) в целом в системе своих флексий сохраняли поразительную консервативность, объясняющуюся, видимо, ограниченностью их употребления.

Еще более интересным феноменом оказывается появление у среднеирландской глагольной флексии 1 pl. (др.-ирл. *-im/-am*) в презенсе и футуруме дополнительного маркера *-t*, восходящего к окончанию 3 pl. *-ait*. В свете вышесказанного это выглядит вполне логично: если окончание *-m* маркировало лицо (первое), то дополнительное *-t* должно было дополнительно маркировать число этого лица («делать-я» и «делать-я-они», т. е. «делать-я-много»), откуда современные формы типа — *deirimid* ‘мы говорим’. Кроме того, как пишет К. МакКон, «в условиях редуцирования заударных в первом лице множественного числа смешались фонетически абсолютная и конъюнктивная флексии, давшие некий аморфный шва-вокализм, что еще больше сблизило их с флексиями единственного числа и, следовательно, появилась необходимость в маркировке числа множественного» (см. [McCone 1997: 175 ff.]).

Например (из саги *Блуждание Улисса*)¹⁰:

⁸ *M'écnach duit* — букв. «мое оскорбление тебе», на самом деле означает — «меня оскорбление тобой».

⁹ Ср. аналогичный в чем-то процесс в позднем галльском — формы *vedijumi* ‘я прошу, я взываю’, *netnalijumi* ‘я освящаю’ при *delgu* ‘содержу’ [Delamarre 2003: 430].

¹⁰ См. также приведенный нами выше пример из этой же саги.

Tíarmaid isin coigcrích — ar siat [Meyer 1977: 5, 164] — *Мы идем в этот район — сказали они.*

Ср. также:

...*regmait fri h-umalóit feib ro-chóid ar magister Ihsu Crist a chésad* [AMCG: 10, 308] — *...мы пойдём на унижение подобно тому, как пошел наш учитель Иисус Христос на его страдание.*

Данные окончания 1 pl. в форме *-mid* сохранились в ирландском языке и в настоящее время.

Однако, что постоянно надо помнить, новые окончания в средне- и даже — в ранненовоирландский период еще конкурировали со старыми формами, и процесс становления новой системы флексий носил характер не качественный, а количественный. В том же *Блуждании Улисса* можно, например, встретить и старую форму *dingnem* (fut.) — «будем делать».

Еще в большей степени конкуренция старых и новых флексий выражена во флексии *-(e)ann*, которая к новоирландскому периоду вытеснила старые показатели лица и числа и в презенсе стала практически единственной глагольной флексией. Однако если в современном ирландском эта флексия употребляется как в положительных, так и в отрицательных и вопросительных формах глагола, в среднеирландский период она появлялась только при отрицании или инфигированном местоимении, т. е. на месте тех форм, где должна была бы быть конъюнктивная флексия, выраженная нулем. Исходя из специфики употребления данных форм, К. МакКон пришел к выводу, что генетически данная флексия восходит к назальному ауслауту презентных глагольных основ типа *as-ren* ‘платит’, *fo-tlen* ‘двигает’ и проч. Причем, как он пишет: «согласно закону Мак Нила¹¹ деутеротонические формы *as-ren*, *fo-tlen* в древнеирландском чередовались с прототоническими — *-éirenn*, *-fo-thlann* <...> по этой модели развилось регулярное чередование форм» [McCone 1997: 206]. Важным для реализации этого чередования именно как модели было то, что в субъюнктиве корни с исходом на назаль-

¹¹ «В слове, состоящем более, чем из одного слога, если за плавным *l*, *n*, *r* (а также — ленированным *b*) следует краткий слог, кончающийся на *n* или *l*, эти звуки оказываются в сильной позиции и превращаются в долгие вибранты, что на письме фиксируется как *-nn*, *ll*» (сформ. в 1909 г. в [Mac Neill 1909]).

ный регулярно теряли его, поскольку он был показателем презенса. Как обобщил в схеме его идею Д. МакМанус:

Subj.	-éire, -fothla	-léice, -marba
Indic.	-éirenn, -fothlann	<u>léiceann</u> , <u>marbann</u>

Псевдоархаизация этих флексий привела к появлению характерных среднеирландских написаний *-end*, например:

...dáig ro-fhétand¹² aír 7 molad [AMCG 34, 1044] — ...*ибо он исполнил бы хулу и хвалу.*

Появление этих окончаний происходит достаточно поздно (начиная с X—XI вв.) и их употребление долгое время является нерегулярным. Так, как отмечает К. Джексон: «если в *Похещении быка из Куальнге* в “Лейнстерской книге” число старых и новых форм соотносится как 32 : 9, то в тексте саги *Гражданская война*¹³ соотношение уже 26 : 18» [Jackson 1990: 123]. Приведем интересный поэтический пример, демонстрирующий вариативность употребления соответствующих форм и, как следствие, дополнительную синтактико-грамматическую нагруженность новых:

<u>Ní chotail</u> in lacha lán:	<i><u>He spuit</u> гусь полный,</i>
maith a láthar re degsnámh;	<i>Хороша его способность к доброплаванию;</i>
ní déin súan nó sáime ann;	<i>He делает сна или отдыха там,</i>
ina hadbaid <u>ní chotlann</u> .	<i>В своем гнезде <u>не спит</u>.</i>

[Murphy 1956: 164]

В конце строки и строфы тот же глагол, как кажется, должен иметь особую смысловую нагрузку, будучи словом, на которое падает инверсивное ударение (в ирландском базовым порядком слов является VSO). И поэтому, следуя подзабытому компилятором и здесь явно превратно понятому закону Бергина¹⁴, глагол *con-tuil* ‘спит’ принимает псевдопротоническую форму, которой в древнеирландском у него не было.

¹² Употреблена конструкция презенса с аугментом в значении «возможности действия».

¹³ Cath Catharda, переложение поэмы Лукана *Фарсалия*.

¹⁴ «Если глагол стоит не в начале предложения, в частности если он следует за субъектом или объектом, то он принимает зависимую форму, а именно:

Однако до того, чтобы это новое окончание начало употребляться и в независимых формах, а также — чтобы оно распространилось на другие лица и числа глагольной парадигмы, должно было пройти еще очень много времени.

Распределение взаимоотношений между глаголом существования и связкой в среднеирландский период в общем еще существенно не меняется. Точнее, установление правил употребления новых синтаксических конструкций и стратегия говорящего при выборе между глаголом *atá* 'он есть' и копулой *is* иногда оказываются столь тонким и сложным объектом исследования, что потребовали бы специальной кропотливой работы, причем направление это нам представляется очень перспективным.

И все же очень поверхностно отметим несколько достаточно очевидных моментов.

Как известно, древнеирландская форма *fil/fel* этимологически представляла собой импертив глагола «видеть» («гляди!»), и поэтому она управляла именем в аккумулятиве. Ср., например, в известном стихотворении, приписываемом святому Колумбе:

<i>Fil súil nglais</i>	<i>Есть синий глаз</i>
<i>fêgbas Éirinn dar a hais.</i>	<i>который будет смотреть на Ирландию назад,</i>
<i>Noco n-aceba íarmo-thá</i>	<i>Никогда больше не увидит он вновь</i>
<i>firu Éirenn nach a mná.</i>	<i>мужей Ирландии и ее жен.</i>

Однако со временем, видимо под влиянием форм претерита, в которых довольно четко и ощутимо было выражено противопоставление утвердительных форм формам вопросительным и отрицательным (*boí* — *ní raboí*), форма *fil* стала восприниматься как своего рода «псевдо-конъюнктивная» от этого же глагола в презенсе, и поэтому употребление после нее аккумулятива выглядело уже не логично. В некоторых конструкциях старый аккумулятив все-таки еще мог употребляться. Однако, как мы можем вспомнить, параллельно шел процесс слияния номинатива и аккумулятива, поэтому в ряде случаев мы принципиально не можем ответить, с каким именно падежом имеем дело. Например:

простой глагол имеет конъюнктные окончания, а сложный — прототоническую форму» [Bergin 1938: 197].

...fil didiu in popul oc irguide dála duit [AMCG 11, 336] — (если) народ попросит для тебя отсрочки (букв.: есть ли же народ/народ (асс.) при прощении отсрочки тебе).

В *Разрушении Трои* данная форма уже, как правило, употребляется с номинативом (см. об этом, а также о других глагольных формах в обстоятельной работе [MacEoin 1960—1961]).

Естественно, форма *fil* в среднеирландский период уже перестает употребляться в утвердительной форме в главном предложении (как в приведенном выше стихотворении) и занимает свое место либо в придаточном, либо после отрицательной или утвердительной частиц. Независимое положение она может занимать только при переспросе или ответе на вопрос, заданный этим же глаголом. Ср. из «Книги Бурой коровы» (разговор королевы Медб с пророчицей Федельм):

In fil imbass forosna lat, or Medb. — Fil ecin, or ind ingen [ТВС 1976: 2]. — «Есть ли у тебя *imbass forosnai*», сказала Медб. Есть, конечно, — сказала девушка.

Выделение копулы в собственно связку, имеющую только одну форму, проходило также постепенно. В первую очередь этот процесс затронул формы третьего лица множественного числа. Сравним:

фрагмент из саги *Сватовство к Эммер*, текст которой датируется IX — началом X в:

It é ind errid dignítis na clessa sin .i. Conall Cernach mac Amorgen etc [Van Hamel 1933: 21] — (букв.) *Это суть эти воины, которые совершили эти (боевые) приемы, т. е. Коналл Кернах, сын Аморгена и т. д.*

и аналогичный семантически, но отличающийся синтаксически фрагмент из *Книги захватов Ирландии* (текст XI в.):

Is iat Túatha Dé Danann tucsat leo in Fál Mór... [LGE, IV, 110] — (букв.) *Есть они Племена Богини Дану, которые взяли с собой этот Фал Большой...*

Как писал Дж. Кэри в работе, посвященной датировке основного корпуса преданий о Финне и его воинах (так наз. *Dunaire Finn*), «главным “ключом к дате” является наличие или отсутствие флективных форм копулы, например, *robsat lúatha* ‘они были быстрыми’ vs.

ba húasal iad ‘были благородными они’» [Carey 2003: 2]. Более точно (однако мы не уверены, что более близко к истине) данная идея была суммирована Дж. Мерфи, который писал в предисловии к одному из томов все тех же преданий о Финне: «До 1100 г. нефлективные формы копулы во множественном числе были очень редки. К 1150 г. на пять флективных форм копулы мы встречаем примерно одну нефлективную. После 1300 г. встречаются только нефлективные формы. Данная статистика была приведена только по отношению к формам множественного числа. Утрата флексий в первом и втором лицах единственного числа следовала этой же модели» [Murphy 1953: cvii]. Нам кажется, на самом деле ситуация была более сложной, т. к. кроме собственно грамматического развития здесь сыграло роль и развитие синтаксиса.

Сложность выбора формы копулы обуславливается отчасти сложностью синтаксического строя самих копулятивных предложений, в которых на первом месте (функционально) стоит отождествление двух объектов, и предикация, таким образом, принимает характер скорее нефинитный. Ср. например, из другого раздела *Книги захватов*: король Партолон (вторая волна завоеваний острова), узнав об измене жены, убил в ярости ее собачку. Жена же в ответ сказала, что вина лежит на нем самом, поскольку он оставил ее «один-на-один» со своим слугой:

<i>Cid olc let a rád dam rit,</i>	<i>Хотя зло по-твоему речь моя тебе,</i>
<i>a Parthalón, dam be a cirt:</i>	<i>О Партолон, будешь мне этого право:</i>
<i>is misse in ‘t-áen re n-áen’ ann,</i>	<i>Это я ‘один-на-один’,</i>
<i>im (am) sáer, dligim eneclann.</i>	<i>Я свободна, имею право на выкуп.</i>

В первом случае употребление формы 3 sg. по отношению к лицу 1 sg. (*is misse* ‘есть я-же’) кажется обусловленным тем, что слово «я-же» выступает не в функции субъекта, а в функции предиката (ср. русск.: *вот он я*). В принципе, данное объяснение выглядит логично и не противоречит правилам древнеирландского синтаксиса, однако следствием таких «аномальных» высказываний послужило употребление *is* ‘он есть’ практически по отношению ко всем числам и лицам.

Ср., например, из стихов саги *Безумие Суибне*:

Is mé Suibne sirthechán [Murphy 1956: 46, 60]. — *Есть я Суибне блуждающий.*

Следуя нашей логике, строка должна был бы быть переведена как «Суибне блуждающий — это я», однако мы сами далеко не уверены в этом...

Но, что интересно, еще, видимо, не готовый к принятию собственно копулы в лоно своего синтаксиса ирландский язык развил (временно) переходные формы, в которых сочеталась копула и флективный формант, указывающий на ее лицо: *isam < is + am* (cop. 1 sg.)

Isam aithrech (febda fecht), / a Choimdiu, dom thairimthesht ([Murphy 1956: 36], стихотворение датируется второй пол. X в.) — *Я есть* (букв.: он есть я есть) *кающийся (истинный путь) / о Господь, за мое прегрешение...*

Asam súairtech sechránach [BS, 41] — *Я есть жалкий бродяга...*

Issam ingen rí [Meid 1967: 6, 149] — *Я дочь короля.*

Issinn aithrech, ol Ailill [Ibid: 9, 222] — *Мы кающиеся, сказал Айлиль.*

Точнее было бы по смыслу перевести — «Нам жаль», в тексте при гибридной форме *issinn* ‘есть мы’ употреблено прилагательное в единственном числе (видимо, король Айлиль в данном случае употребил по отношению к себе этикетное «мы»).

Однако, как и во многих других случаях, среднеирландская копула еще находится на переходном пути от финитной связки как субвида глагола существования до собственно копулы, не имеющей различий в лице и числе. Отметим также, что в этот период копула еще остается глаголом, вводящим прилагательное-признак в атрибутивной функции. Как писал Д. Грин о копуле, да и о всем среднеирландском периоде в целом, «в длинной поэме *Псалтырь строф*, написанной, как считается, в 988 г. Айрбертахом Мак Койсе Добраном, “мужем чтения” и латинистом, уже проявляются черты речи народа. Здесь мы впервые встречаем современную конструкцию *is fear é* ‘есть муж он’, с субъектным местоимением в конце предложения. Этой конструкции не было в древнеирландском, насколько мы знаем, это обиходное употребление, имеющее параллели в современном французском разговорном языке — *c’est un brave home, lui*, букв. “это есть он храбрый человек, он”. Однако Арибертах не проводил последовательной модернизации, поскольку эту конструкцию он употребил лишь дважды на протяжении всей длинной поэмы» [Greene 1969: 19].

Резюмируя все сказанное нами выше, мы можем отметить, что основной лингвистической чертой среднеирландского периода является именно его переходность. В одном и том же тексте могут соседствовать и старые, и новые формы, формы, закрепившиеся затем в новоириландском и дожившие до наших дней, и формы странногибридные, показывающие своего рода агонию так называемого «золотого века» древнеирландского языка.

Именной указатель

- Августин Блаженный 135, 136
Авраам 136
Агамемнон 282
Адам 98, 136, 144—148, 320, 323
Адамнан св. 197, 232
Адамс Д. 305
Адмони В. Г. 287
Адриан IV, папа 245
Айлиль Айне 241
Айлиль Молт 211
Айлиль, король Коннахта 85, 120, 186, 285, 288—290, 359
Александр Македонский 253, 258, 265—267—269, 270
Алкуин 15, 19
Амлет 254
Анаксимен 265
Антигона 282
Анхиз, отец Энея 220, 256, 272, 276, 290
Аэд, сын Айнмире 12, 169, 170, 181, 183, 197, 201, 202, 235, 238
Арбертах Мак Ко(й)се 142, 143, 148
Арбман Х. 47
Аристотель 150, 164, 267
Арриан 265
Арт Одинокий, сын Конна 218, 227, 230, 239, 240, 249
Артур, сын Бикара 224
Аткинсон Р. 180
Ахилл 280
Аэд Беннан, король Мунстера 213
Аэд Светлый, сын Фергны 182, 187
Аэд Слане 15, 234, 235
Аэд Темный 96
Аэд Финнлиат, король Айлеха 44
Аэд, сын Дуаха Черного 182, 183
Аэдан, сын Гаврана 170
Аякс 282
Бадб 222,
Банба 122, 130
Баннерман Дж. 100
Бегума, сида 239
Беда Достопочтенный 76, 99, 136, 259
Беккан 197
Беллерофонт 242
Бенуа де Сент-Мор 277, 279
Бергин О. 181
Бернар Клервосский 245
Бетах, сын Иарбонеля Фада 119, 120
Бинчи Д. 72, 73, 93, 206, 312
Бирн Фр. 16, 42, 43, 47, 83, 133, 172, 176—178, 208, 209, 230, 242
Бит, сын Ноя 116
Блатмак св. 22, 33
Блатмак, сын Аэда Слане 15, 235
Борч Ж. 140, 260, 261

- Бран 192, 224, 286
 Бреоган, сын Брата 116
 Бресс, сын Эллады 121
 Бриан Бору (Борома) 26, 36, 37, 44—50, 56, 85—90, 92, 107, 108, 171—180, 198, 199, 202, 207—212, 217, 219—221, 247, 251, 270, 272
 Бриан Рыжий Уа Бриан (О'Бриан) 260
 Брикрен 205, 283
 Бродир 49, 88, 89
 Брут 273
 Братнах Л. 294, 297, 317, 327, 334—336

 Ван Хаммель Г. 129
 Вандриес Ж. 155, 156, 300, 308, 311
 Василий св. 194
 Вежбицкая А. 160
 Венера 272
 Вергилий 220, 256, 264, 271, 272, 275, 276, 278, 291
 Веселовский А. Н. 12
 Вильямс Т. 271, 274
 Вратнах М. 213

 Гальфрид Монмутский 128, 273
 Гамлет 242, 254
 Ганд, король фоморов 118
 Гаурико 219
 Гектор 280, 281, 348
 Генри Ф. 70
 Генрих II 123, 245
 Генрих, король саксов *см.* Генрих II
 Геракл 253, 280

 Гилла Коэмань 127
 Гиральд Камбрийский 38—40, 213, 214
 Гойдел Глас 116, 127
 Гомер 141, 194, 256, 278, 288
 Гонн Мод 160
 Горм (ф-на с. 216) лат, дочь Мурхада 44, 45, 56, 216, 217
 Грабарь-Пассек М. 254, 264—266, 277—279
 Грендель 137
 Грин Д. 33, 181, 294, 334, 359
 Гуайре Адне 182, 187—189, 237, 238
 Гудхер А. 89
 Гудхер А. 216
 Гурмунд 38

 Д'Арбуа де Жюбенвиль А. 124
 Д'Артаньян 288
 Да Дерга 123, 163, 201, 228, 250, 283, 286, 290, 331
 Давид, царь 136
 Дагда 121, 250, 290
 Даймин Дамаргайт 12, 13
 Даллан Форгалл (сын Форгалла) 170, 179, 180, 182—191, 193—195, 197—199, 238, 251, 290
 Дамкохтор 129
 Даниелли М. 162
 Дарес (псевдо-) 254, 272, 278, 279
 Данте 264
 Дати 211
 Даффи Ш. 208, 209
 Де Блакам А. 182
 Де Клэр Ричард 260
 Де Паор Л. 53

- Де Тревиль 288
Дельбаэт 121
Дельбаэт, сын Этленда 290
Дельбхаэм 239, 240
Джэксон К. 73, 74, 296, 303
Диан Кехт 121
Диана 261, 273
Диармайд Мак Керрвалл *см.* Диармайд, сын Кервалла
Диармайд Мак Мурхада 123, 133
Диармайд, сын Аэда Слане 15, 235
Диармайд, сын Доннхада на-Маэль-м-Бо 208
Диармайд, сын Кервалла 96, 234, 235
Дидона 271, 274
Диктис 277—279
Диллон М. 46, 126, 127, 202, 205, 206, 236, 282, 283, 287
Динин П. 352
Дитрих Бернский 287
Догерти Ч. 73
Домналл, сын Аэда 235, 236
Доннха Мор О'Дали, бард 331
Доннха, сын Бриана 49, 207
Доттен Ж. 278, 295
Доуни К. 228
Дуб Да Лете 106, 107, 131
Дубдиад, друид 282
Дубтах, поэт 152
- Ева** 144—148,
Еврипид 282
Евсевий Кесарийский 99, 267
Екатерина Великая 179, 180
Екатерина Медичи 219
Елена Прекрасная 279, 282, 289
- Зиверс А.** 164
- Иафет, сын Ноя** 115
Иван Бездомный 288
Иероним св. 99, 135, 144
Ингкел 286
Иоанн Богослов 151, 155
Ириэль Фадь 122
Исидор Севильский 135, 136, 139, 140, 150, 204, 259
Ит, сын Бреогана 116, 121
- Йейтс У. Б.** 160
- Каин** 137, 138
Кайрнех, епископ 237
Кайрпре Ниа Фер 120
Калдер Дж. 270, 271
Каллисфен (псевдо-) 265—267
Каллисфен 265
Калыгин В. П. 74, 94, 140, 181, 198, 247, 293, 294
Кольман, сын Ковгеллана 170
Карл Великий 179
Карни Дж. 139, 140, 143, 182, 199, 252—254, 259, 283
Карьпре Лифехарь 230
Кассиан 194, 196
Катал Кровдерг 221
Катал Ку Кен Матарь 98, 128
Катал Мак Гире 20
Катал, сын Фингуне 242—244
Катарн, сын Аода 207
Катбад, друид уладов 84, 85, 268
Катиль Светлый 43
Квин Курций Руф 265
Келлах, сын Эогана 236, 237

- Келлахан Кашиль 90
 Келлехер Дж. 46, 97
 Келли Ф. 60
 Кеннет Уа Хартиган (О'Хартиган) 229
 Кенни Дж. 178, 198
 Кервалл, сын Дунлайга (он же Кьярвал Ираконунг) 42, 81—83
 Кермалл Сладкоречный 250
 Кермат Мильбель 290
 Кертяльвад 88
 Кесарн, поэт 132
 Кессар 114, 116, 117
 Ки Р. 47
 Киран, св. 14, 43, 107, 235, 236, 238
 Кинаэд, король Бреги 42
 Китинг Дж. 31, 39, 186
 Кланси Т. 181, 184, 185, 194, 197
 Клитарх 265
 Кнут, король данов 48
 Ковтах Каэль 230, 241
 Кокс Ф. 273
 Колган Дж. 186
 Колла Уас 186
 Колум Килле, св. 12, 21—23, 33, 34, 46, 70, 84, 100, 104, 166—171, 176—179, 181, 183—185, 187—191, 193—198, 201, 235, 238, 240, 251, 290, 338, 356
 Колумба св. *см.* Колум Киле
 Конайре Великий 123, 201, 239, 250, 286
 Конайре Колт *см.* Конайре Великий
 Конал, сын Аэда 238
 Коналл Кернах 85, 357
 Коналл Кил св. 190, 191
 Коналл Корк 241, 242
 Коналл мак Колемань 76
 Конгал Каэх 282, 283
 Конмаэль, сын Эбера 122
 Конн Ста Битв 131, 202, 218, 220, 224—227, 230, 239, 249
 Коннла Красный 202
 Конхобар, король уладов 85, 90, 97, 120, 163, 200, 201, 211, 222, 253, 267, 268
 Конхобар, сын Маэля Сехналла 208
 Кормак Мак Арт *см.* Кормак, сын Арта
 Кормак Мак Карртайг 90
 Кормак Мак Куленан 129, 217
 Кормак, сын Арта 226—230, 239, 349
 Кормак, сын Конхобара 201, 222
 Королев А. А. 292—294, 297, 310, 311
 Корпре Муск 287
 Кримтанн Ниа Нарь 249
 Кримтанн, король 242
 Кримтанн, сын Фидаха 249
 Кром Дероль, друид 289
 Ксенофонт 253
 Ку Рои, король Мунстера 55, 289, 290
 Куану, сын Альхине 213
 Куану Уа Лохланн 105, 220, 229
 Кузмин М. 268
 Кук Дж. 141
 Кухулин 84, 97, 120, 200, 298, 309, 327, 328, 342, 344

- Кэри Дж. 113, 114, 124, 126, 127, 133, 141, 143, 150, 156, 159, 164, 323, 324, 326, 357
- Лабрайд Лонгсех 240—242
- Лавиния, дочь Латина 272, 273
- Ладра 116
- Ламбер ли Торту 266
- Ламбер П. И. 200, 201
- Ламех 116
- Лапшенникова, секретарь редакции 288
- Ларсен А. Кр. 53
- Ларь Дерг, мать Коналла 241
- Ле Ру Фр. 183
- Лебедев Г. С. 18—20
- Лев, архипресвитер 266, 269
- Лежен М. 301
- Леман Р. 340
- Лойгайре, сын Ниалла 13, 123, 136, 152, 233, 234, 347
- Лоркан, сын Келлаха 27
- Лосев А. Ф. 258
- Лохланн, сын Маэль Сехналла 27, 106
- Лозгайрен Лорк 241
- Луг, сын Этне 218
- Лугайд Красных Полос 249
- Лугайд Лайгде 222, 223
- Лугайд Мак Кон 204, 227
- Лука Марк 246, 254, 259—261, 263, 297, 355
- Лукас А. Т. 14
- Люцифер 115
- Магир Ф. 62, 300
- Магнус Голоногий 34, 62
- Муйрхертах Мак Лохланн 208
- Муйрхертах Уа Бриан 36, 208, 209
- Мак Грене 121
- Мак Гьяралт У. 278
- Мак Кана П. 84, 212, 213
- Мак Карти Д. 100—102, 104—107, 110, 112
- Мак Кехт 121
- Мак Конглинне 243, 244, 309, 321, 327
- Мак Куиль 121
- Мак Лохлайнн 209
- Мак Мурхада 209
- Мак Нил Э. 129, 176, 354
- Мак Ниокаль Г. 16, 95, 99, 104
- Мак Ойн Г. 96, 142, 143, 280
- Мак Рот 285
- Макалистер Р. 114, 126, 127, 129, 310
- МакКон К. 124, 128, 252, 296, 314, 353, 354
- Макферсон Дж. 203
- Малахий св. 245
- Мананнан Мак Лир 192, 224, 250
- Марбан, отшельник 239
- Марк Манилий 150
- Маркус Г. 181, 184, 185, 194, 197
- Марс 261
- Марстрандер К. 31, 55, 60
- Матвей Парижский 19
- Матолух 286
- мать Гренделя 137
- Маэль Мура 128
- Маэль Сехналл I 36, 39, 43, 172
- Маэль Сехналл II 45, 49, 50, 81, 106, 109, 123, 172, 173, 175—179, 207, 220, 230, 247

- Маэль Сутань 46, 168, 171, 175, 177—179
 Маэль Фотартайг 349
 Маэль Кова, король Улада 185
 Маэльморда, король Лейнстера 44, 56, 173
 Маэльмура, поэт 229
 Маэльсехнал(л) *см.* Маэль Сехналл I
 Маэльсехналл Великий = Маэль Сехналл II 109
 Медб Лет-дерг 215
 Медб, королева Коннахта 85, 120, 214, 249, 285, 288—290, 357
 Медея 280, 281
 Мейер К. 83, 264
 Мейер Р. 255, 256, 258
 Мердох Б. 146
 Меркурий 261
 Мерлин 219
 Мерфи Дж. 203, 270, 278, 294, 358
 Миледи 288
 Миль испанский 98, 101, 114, 116, 121, 122, 128, 129, 131
 Мирдин 219
 Миредах Тирех 186
 Миредах-Шотландец 89
 Мирик Л. 264, 278, 281, 284
 Михайлов А. Д. 264, 274, 275
 Михайлова (Смирнова) Т. А. 220
 Моисей 128, 197
 Молинг, св. 230, 232, 236
 Монган, сын Фиахны, король 192—194, 206, 224, 226, 250
 Мор Муман 213
 Мор, жена Маэля Сехналла 247
 Моррис-Джонс Дж. 307
 Мохуда, св. 15
 Муиредах Тирех 230
 Муйрхертах, сын Эрк 111, 237, 240
 Мурхад, сын Бриана 49, 50, 56
 Мурхад, сын Брана 321
 Мурхад, сын Фланна 208
 Мэдок, св. 186, 187
 Мэллори Дж. 305
 Мюррей К. 219
Нектанеб, жрец 253, 266—269
 Нектанеб, фараон 116, 268, 269
 Нель, сын Фениуса Фарсайда 115, 128
 Немед, сын Агномана 115, 116, 118, 119
 Нений 128—130
 Нерон 278
 Несс, мать Конхобара 211, 268
 Ни Воны М. 76, 81, 85, 179, 217
 Ни Вролхань М. 205, 213, 215, 252
 Ниалл Глун-Дув 44, 176, 217, 220, 221, 223
 Ниалл Фроссах 225, 228, 229
 Ниалл Девять Заложников 105, 123, 209, 211, 224, 230, 241, 251
 Ной 98, 115, 116, 136, 137, 269
 Норманнская Ю. В. 155
 Нуаду 13, 121
 Ньютон И. 157
О’Брайен Фланн 149
 О’Грэди С. 260
 О’Доналл Н. 325
 О’Карри Ю. 178, 229

- О'Кахайн Ш. 339
 О'Кахаси Т. 227
 О'Клери М. 185, 194
 О'Колян Ш. 183
 О'Коррань Д. 14, 20, 24, 28, 29, 32, 33, 34, 44, 48, 62, 89, 90, 91, 300
 О'Кыв Бр. 207, 244
 О'Майлле Т. 214
 О'Мурху М. 295, 296
 О'Ханлон Дж. 186
 О'Хигинн Р. 271
 О'Хогайн Д. 190, 239
 О'Рахилли Т. 99, 101, 133
 О'Риан П. 127
 Обал 287
 Облени 287
 Обри Безансонский 266
 Одиссей *см.* Улисс
 Одран 13
 Ойсин 203
 Олав Светлый 89
 Олав, король Лохланнов 89
 Олав, сын короля Лохланна 28
 Олав Куаран 45
 Олав Светлый 89
 Олаф Трюгвассон 48
 Олимпиада, мать Александра 253, 266, 268
 Олкобар, король муманов 27
 Омелаклин, король Миде 38
 Орозий Павел 100, 259, 266, 267
 Отгон III 179
 Палладий 106
 Паллас, спутник Энея 273
 Парис 279
 Партолон, сын Серы 114—118, 128, 336, 337, 358
 Пассмор С. 220, 221
 Патрик св. 13, 35—37, 40, 43, 78, 80, 81, 83, 99, 100, 102, 104, 106, 107, 136, 152, 176—179, 197, 233, 234, 347
 Пенелопа 256, 257
 Петерс Э. 267, 270
 Плутарх 265
 Подосинов А. В. 150, 151, 159, 163, 164
 Полифем 256
 Помпей 259
 Попов В. А. 306
 Поппе Э. 270, 271, 273, 276
 Приам, царь троянцев 279, 282, 284, 285
 Присциан 28
 Протей 242
 Птолемей 265
 Рагнар Кожаные штаны 40
 Райан Дж. 44
 Райт Т. 39
 Рассел П. 181
 Рахилина Е. В. 158
 Риан Дж. 244
 Рис А. 162, 200, 201, 235
 Рис Б. 162, 200, 201, 235
 Ронан, св. 236
 Рори О'Кассиди (= Уа Касиди) 103, 104
 Рори, сын Торделбаха Уи Конхобара (= Руайдри) 133, 234
 Ротниам, пророчица 225, 226
 Рошфор 288
 Руадан св. 235

- Руайдри Уа Конхобар 133
 Руфин Аквилейский 99
 Сайерс В. 235
 Саксон Грамматик 242, 254
 Сандберг-Мак Гован А. 55, 56, 60, 88
 Свейн, король данов 48
 Сенан св. 158, 185, 188, 189
 Сенганд, король фомров 118
 Сенхан Торпейст 182, 183, 185, 186, 238
 Сет 137
 Сигурд 49
 Сильвий, сын Энея 273
 Сильман Т. И. 287
 Симмс К. 90, 98, 210, 212, 215
 Симс-Вильямс П. 283, 289
 Син, сида 237
 Ситрик, сын Аода 70
 Ситрик, сын Олава (он же Сигр-триг) 45
 Ситхенн, друид 220
 Скэннлан Мор, сын Кеннфаэля 170, 171
 Скотта, дочь фараона 115
 Скоукрофт М. 127, 129, 131, 133, 216, 218
 Слоткин Э. 276
 Смирнов А. А. 145, 192, 200, 224, 226, 227, 237
 Снорри Стурлусон 34, 36, 37, 39, 40, 66
 Сойер П. 17, 19, 48
 Соммерфельд А. 66
 Старн, сын Немеда 119
 Стаций Публий Папиний 263—265, 280, 282, 283
 Стаций Урсул 264
 Стеблин-Каменский М. И. 17, 51—54, 197
 Стоукс В. 142, 180, 223, 347
 Страхан Дж. 180, 339, 340
 Стэнфорд У. 255, 265, 288
 Суибне, король Дал Арайде 236, 340, 344, 352, 358, 359
 Сульпиций Север 100
 Съестедт М. Л. 350
 Танайде 127
 Таранис 261
 Тевтатес 261
 Тигернах Уа Браен 42, 96, 97, 107, 111, 120
 Тоба 118
 Торгейс или Торгисль *см.* Турге-зиус
 Торгильс, сын Халы 287
 Торгисль, сын Харальда 39
 Тордейльбах Уа Конхобар 90, 91, 209, 234
 Тордельбах, сын Тайга Уа Бриана (О'Бриана) 260
 Торир ярл 27, 32
 Торна, поэт 220
 Триндад Э. 216, 217
 Трубачев О. 300, 301, 304
 Туан, сын Кайриля 128, 130, 131
 Тургезиус 20, 35—40, 43, 90
 Турнейзен Р. 112, 127, 133, 142, 253, 282, 287, 296, 332
 Туатал Тхетмар 225, 230, 232, 239
 Угайне Великий = Угайне Мор 241, 250
 Уили Д. 202, 203, 229, 234

- Улисс 254—258, 268, 282, 288, 342, 343, 345, 352, 354
Улих Ю. 217
Ульф Пугало 88
Утнапишти 124
- Ф**
Феа 117, 126
Федельм, пророчица 357
Федельмид Мак Кримтанн 14, 38, 42, 217
Фейдлим, дочь Мохайре, ведьма 241
Фер Рогайн 286, 287, 290
Фергал, сын Маэль Дуйна 243, 309
Фергус, герой уладов 211
Фергус, сын Лейте 139, 140, 251
Фергус, сын Лойнгсеха 109
Фердомнах 168, 169, 171, 177—180
Ферхертне, поэт 55
Фиаха 121
Фиахра 211
Фиаху Сраптине 230
Филострат 277
Финген из Мунстера 213
Финген, сын Лухта 225, 226
Финн Мак Кумалл 30, 70, 192, 200, 202, 203, 224, 250, 357, 358
Финнахта, король 230—233
Финнехта Фледах 219
Финнгин, король Кашеля 110
Финниан, св. 235
Финтан, сын Бохры 116, 117, 127, 128, 130, 131
Флайв Дж. 127
Фланаган М. 90
Фланн Манистрах 109, 127, 133
- Фланн, сын Димы 235
Флатбертах Уи Нейл 218
Флауэр Р. 254, 255
Фодла 122, 130
Форанн, аббат Армага 35, 36
Форбант 282
Фотад Каннан 250
Фроди, сын Харальда 36
Фяр Флаха О'Гнив 72
- Х**
Хавдан Черный 39
Халидей Ч. 40
Халл Э. 94
Хам, сын Ноя 137, 138, 141
Харальд Прекрасноволосый 32, 35—37, 39
Харальд Суровый 18
Харва У. 164
Харрис Дж. 260
Хельги 287
Хендерсон И. 30, 99
Хенри П. 190
Херберт М. 168, 169, 171, 177, 179, 181, 199, 237
Хиллер Б. 255, 258, 263
Хофманн Р. 271
Христиансен Р. 70
Христос 13, 106, 136, 146, 201, 230, 233, 354
Хьюз К. 11, 14, 46, 72, 101, 110, 177, 178, 207
- Ц**
Цезарь 94, 259, 261, 263
Циммер Г. 31
- Ч**
Чэдвик Н. 15
- Ш**
Шайтан М. 15

- Шварц Д. 281
Шекспир В. 254
Шенявская Т. Л. 37
Шичалин Ю. А. 264, 282
Шкунаев С. В. 97, 121, 140, 226, 233, 287
- Эбер 122
Эммер 122
Энгус Келе-Де 142, 187, 191
Энгус Молодой, сын Дагды 290
Энгус, сын Натфравха 111
Эней 220, 254, 256, 258, 270—274, 276—278, 290, 291
Эоган Бел 236
Эоган Тайдлех 249
Эохайд Всезнающий *см.* Эохайд Ригекес
Эохайд Гуинех 111
Эохайд Мугмедон 105, 206, 211, 220, 221, 223, 230
Эохайд Ригекес 121, 184—186, 192, 193
- Эохайд, сын Ардгара 172
Эохайд, сын Энны Кеннселаха 123
Эохайд Уи Флань 127, 128, 217
Эохайд Фейдлейх 109, 249
Эримон 122
Эриу (Ейре) 122, 130, 338
Эрк из Слане, епископ 235
Эсус 261
Эсхил 282
Этельред II 59
Этеокл 282
Этне Ужасная 111
Этриэль, сын Ириэля 122
Этчингам К. 32
- Ю**питер 261, 351
- Я**ски Б. 129
Ясон 280

Принятые сокращения и литература

- Арбман 2003 — *Арбман Х.* Викинги / Пер. с англ. Н. В. Ереминой. СПб., 2003 (London, 1961).
- Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с франц. М., 1995.
- Берков 2000 — *Берков В. П.* Норвежский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М., 2000.
- Бирн 2006 — *Бирн Фр. Д.* Короли и верховные правители Ирландии / Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб., 2006 (Dublin, 1973, 2001).
- Бондаренко 2003 — *Бондаренко Г. В.* Мифология пространства Древней Ирландии. М., 2003
- Бондаренко 2007 — *Бондаренко Г. В.* Повседневная жизнь древних кельтов. М., 2007.
- Бородина 1965 — *Бородина М. А.* Синтез и анализ в современной и исторической грамматике французского языка // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- Будур 2007 — *Будур Н. В.* Повседневная жизнь викингов IX—XI века. М., 2007.
- Бурлак, Старостин 2005 — *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М., 1996.
- Вергилий 1971 — *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С. Ошерова. М., 1971.
- Веселовский 1989 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989 (1940).
- Гальфрид Монмутский 1984 — *Гальфрид Монмутский.* История Бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подгот. А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошеров. М., 1984.
- Гесперийские речения — Гесперийские речения / Пер. Д. Б. Шабельникова; изд. подгот. Д. О. Торшилов. СПб., 2000.
- Грабарь-Пассек 1966 — *Грабарь-Пассек М. Е.* Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
- Дитмар 1989 — *Дитмар А. Б.* От Птолемея до Колумба. М., 1989.

- Иванов 1980 — *Иванов Вяч. Вс.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии: к названию Белоруссии // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- Из Жития Святого Колума Килле — Из Жития святого Колума Килле / Пер. С. Лопуховой // Атлантика. Заметки по исторической поэтике. Вып. III. 1997.
- Калыгин 1986 — *Калыгин В. П.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986.
- Калыгин 2006 — *Калыгин В. П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006.
- Калыгин, Королев 1989 — *Калыгин В. П., Королев А. А.* Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
- Королев 1984 — *Королев А. А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.
- Костюхин 1972 — *Костюхин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
- Кузнецов, Никуличева — *Кузнецов С. Н., Никуличева Д. Б.* Датский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М., 2000.
- Лаврентьева 2006 — *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: приметы и суеверия. М., 2006.
- Лебедев 2005 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Лосев 2000 — *Лосев А. Ф.* Одиссей // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 2000.
- Лукан 1951 — *Лукан Марк Анней.* Фарсалия, или поэма о гражданской войне / Пер. Л. Е. Остроумова; коммент. Ф. А. Петровского. М.; Л., 1951.
- Львова и др. 1988 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.
- Мак-Кензи 2003 — *Мак-Кензи А.* Рождение Шотландии / Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб., 2003.
- Марр 1936 — *Марр Н. Я.* «Север» и «мрак» ~ ‘левый’ от Пиренеев до Месопотамии // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 2. Л., 1936.
- Матюшина 2002 — *Матюшина И. Г.* Поэтика рыцарской саги. М., 2002.
- Мелетинский 2000 — *Мелетинский Е. М.* Ворон // Мифы народов мира. Т. 1. М., 2000.

- Михайлов 1976 — Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман. М., 1976.
- Михайлов 2002 — Михайлов А. Д. Перевод и подражание в Средние века (от «Энеиды» Вергилия к «Роману об Энее») // Перевод и подражание в литературе Средних веков и Возрождения / Отв. ред. Л. В. Евдокимова и А. Д. Михайлов. М., 2002.
- Михайлова 1989 — Михайлова Т. А. «Боевая колесница с серпами» как памятник, как текст, как реалия // Эпос Северной Европы: пути эволюции / Отв. ред. О. А. Смирницкая. М., 1989.
- Михайлова 1995 — Михайлова Т. А. «Кто там в малиновом берете...» или о функции цвета в ирландских эпических и фольклорных текстах // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 1. М., 1995.
- Михайлова 1997 — Михайлова Т. А. Личность и символ: святой Колум Килле ирландской // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 3. М., 1997.
- Михайлова 1997a — Михайлова Т. А. К проблеме стандартизации современного ирландского языка // Малые языки Евразии. М., 1997.
- Михайлова 1999 — Михайлова Т. А. Зыбкий лик безумия: к вопросу о происхождении и семантическом развитии древнеирландского *ter* // Атлантика. Заметки по исторической поэтике. Вып. 4. М., 1999.
- Михайлова 1999 — Михайлова Т. А. Ирландское предание о Суибне Безумном или взгляд из XII века в VII. М.: МГУ, 1999.
- Михайлова 2001 — Михайлова Т. А. Суибне-Гельт: зверь или демон, безумец или изгой. М., 2001.
- Михайлова 2004 — Михайлова Т. А. «Цвета ветров» // Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского. М., 2004.
- Михайлова 2004 — Михайлова Т. А. Хозяйка судьбы. Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М., 2004.
- Михайлова 2006 — Михайлова Т. А. Псевдоисторический пролог к собранию законов Древней Ирландии «Великая старина». Пер. со среднеирл., вступит. ст. и коммент. // Кентавр. Centaurus. Studia classica et mediaevalia. Вып. 3. М.: РГГУ, 2006.
- Михайлова 2007 — Михайлова Т. А. К проблеме реконструкции языка пиктов (предварительные замечания) // Orientalia et Classica. Труды

- Института Восточных культур. XI. Аспекты компаративистики — 2. 2007.
- Михайлова 2008 — *Михайлова Т. А.* Апология поэта: Волдыри позора и Атирне Настырный // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика: Сб. статей к юбилею О. А. Смирницкой. М.: МГУ. 2008.
- Михайлова 2009 — *Михайлова Т. А.* Пять пятин Ирландии: новое, неожиданное предположение? // Материалы Второго коллоквиума международного общества «Кельто-Славика». Москва, 14—17 сентября 2006. М.: МГУ, 2009.
- Михайлова 2009а — *Михайлова Т. А.* «Чудо Колума Киле» как памятник ирландской культуры XI в. // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 70 (3). М.: Наука, 2009.
- Михайлова 2010 — *Михайлова Т. А.* Даллан Форгалл — автор «Чуда Колума Килле»? // Топоровские чтения I—IV. Избранное. М., 2010.
- Николаев 2008 — *Николаев Д. С.* Трансформация текста Книги Бытия в ирландских исторических трактатах X—XII вв.: *Sex Aetatis Mundi, Lebor Gabála Éirenn, Saltair na Rann*: Дипломная работа. М.: РГГУ, 2008 (на правах рукописи).
- Николаева 2001 — *Николаева Н. А.* Чудо Ку Рои. Издание, перевод и комментарии // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 5. М., 2001.
- О'Брайен 1999 — *О'Брайен Фл.* Третий полицейский / Пер. с англ. М. Вассермана. М., 1999.
- Опьянение уладов 2004 — Опьянение уладов / Пер. Т. Михайловой // Саги об уладах. 2004.
- Павел Орозий — *Павел Орозий.* История против язычников. Кн. I—VII / Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 2009.
- Патрик 1995 — *Святитель Патрик Ирландский.* Исповедь // Альфа и Омега. Ученые записки Общества распространения Священного Писания в России. № 4 (7). М., 1995.
- Подосинов 1999 — *Подосинов А. В.* Ex Oriente Lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Подосинов 2000 — *Подосинов А. В.* Символы четырех евангелистов: их происхождение и значение. М., 2000.

- Попов 1981 — *Попов В. А.* Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества: к постановке проблемы // Советская этнография. 1981. № 6. С. 89—97.
- Похищение 1985 (2004) — Похищение быка из Куальнге / Изд. Т. Михайлова и С. Шкунаев. М., 1985. Сер. «Литературные памятники» (переизд. 2004 в — Саги об уладах).
- Предания и мифы средневековой Ирландии 1991 — Предания и мифы средневековой Ирландии / Предисл. и пер. С. В. Шкунаева. М., 1991.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рис 1999 — *Рис А. и Б.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М., 1999.
- Рыкин 2009 — *Рыкин П. О.* Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии. Урало-алтайские исследования. № 1 (31). 2009.
- Сага о людях из лососьей долины 1999 — Сага о людях из лососьей долины // Исландские саги / Под ред. О. А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 1.
- Сага о Ньяле 1999 — Сага о Ньяле // Исландские саги / Под ред. О. А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 2.
- Саги об уладах 2004 — Саги об уладах / Изд. подгот. Т. Михайлова и С. Шкунаев. М., 2004.
- Смирнов 1933 — *Смирнов А. А.* (Пер., предисл. и коммент.). Ирландские саги. Л.; М., 1933.
- Смирнов 2003 — *Смирнов А. В.* Иудейские апокрифические-апокалиптические книги: Книги Еноха. Тайны Земли и Неба. М., 2003.
- Смирницкая 2005 — *Смирницкая О. А.* Древнегерманская поэзия: каноны и толкования. М., 2005.
- Смирницкая 2012 — *Смирницкая Е. В.* Германский звериный стиль как орнаментальное искусство // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 10. М., 2012.
- Снорри Стурлусон 1980 — *Снорри Стурлусон.* Круг земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Сойер 2002 — *Сойер П.* Эпоха викингов / Пер. с англ. А. П. Санина. СПб., 2002.

- Стаций 1991 — *Публий Папиний Стаций*. Фиваида / Изд. подгот. С. В. Шервинский, Ю. А. Шичалин, Е. Ф. Шичалина. М., 1991. Сер. «Литературные памятники».
- Стеблин-Каменский 2003 — *Стеблин-Каменский М. И.* Культура Исландии // М. И. Стеблин-Каменский. Труды по филологии. СПб., 2003.
- Стеблин-Каменский 1953 — *Стеблин-Каменский М. А.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
- Трубачев 2006 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006.
- Тюленев 2005 — *Тюленев В. М.* Рождение латинской христианской историографии. С приложением «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005.
- Тюленев 2009 — *Тюленев В. М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. 2009.
- Успенский 2001 — *Успенский Ф. Б.* Имя и власть. Выбор имени как инструмент дианстической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1996.
- Фейнман и др. 1976 — *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. 3. Излучение. Волны. Кванты / Пер. с англ. М., 1976.
- Фомин 2009 — *Фомин М. С.* «И престол его утвердится Правдою»: Концепция «праведного правления» в древней Ирландии // Материалы Второго коллоквиума международного общества «Кельто-Славика» (Москва, 2006). М.: МГУ, 2009.
- Хендерсон 2004 — *Хендерсон И.* Пикты / Пер. с англ. Н. Чехонадской. М., 2004 (ориг. — 1967).
- Цезарь 1998 — *Цезарь Юлий*. Записки о Галльской войне / Пер. с лат. М. М. Покровского. М., 1998.
- Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
- Шайтан 1925 — *Шайтан М.* Ирландские эмигранты в Средние века // Средневековой быт. Л., 1925.
- Шичалин 1991 — *Шичалин Ю. А.* Стаций — гениальный поэт в бездарную эпоху // Стаций 1991.

- Шкунаев 1989 — *Шкунаев С. В.* Община и общество западных кельтов. М., 1989.
- AFM — *Annala Rioghachta Eireann: Annals of the kingdom of Ireland by the Four Masters, from the earliest period to the year 1616.* 7 vols. J. O'Donovan (ed. & trans.). Dublin 1848—51 (repr. Dublin, 1856; repr. Dublin, 1990).
- AI — *Annals of Inisfallen* / Ed. with transl. S. Mac Airt. Dublin, 1951.
- Ainmneacha Gaeilge... — *Ainmneacha Gaeilge na mBaile Poist.* Baile Atha Cliath. s.a.
- AMCG — *Aislinge Meic Con Glinne* / Ed. K. H. Jackson, Dublin, 1990.
- Arbuthnot 2005 — *Arbuthnot Sh.* (ed.). *Cóir Anmann: a Late Middle Irish Treatise on Personal Names.* ITS. Vol. 59. London, 2005.
- AT — *Wh. Stokes. The annals of Tigernach // Revue celtique.* Vol. 16—18. (1895—97).
- Atkinson 1898 — *Atkinson R.* *The Irish Liber Hinnorum*, vol.II, London, 1898.
- AU — *The Annals of Ulster (to A.D. 1131)* / Ed. S. Mac Airt, G. Mac Niocaill. Dublin, 1983.
- Bannerman 1974 — *Bannerman J.* *Studies in the history of Dalriada.* Edinburgh, 1974.
- Banshenchus 1931 — *Banshenchus* / Ed. M. Dobbs // *Revue celtique.* Vol. 48, 1931.
- Barrett and Power 2008 — *Barrett B. and Power Fr.* *The Golden Book of Dublin.* Florence, 2008.
- Barrow 1979 — *Barrow G. L.* *The Round Towers of Ireland: a Study and Gazetteer.* Dublin, 1979.
- Bergin 1938 — *Bergin O.* *On the syntax of the verb in Old Irish // Ériu.* Vol. 12. 1938.
- Bergin 1970 — *Bergin O.* (ed.) *Irish Bardic Poetry.* Dublin, 1970.
- Bernard of Clairvaux 1978 — *Bernard of Clairvaux.* *The Life and Death of St. Malachy the Irishman* / Transl. R. Meyer. Kalamazoo, 1978.
- Best 1907 — *Best R. I.* (ed.). *The Adventures of Art son of Conn, and the Courtship of Delbchaem // Ériu.* Vol. 3. 2007.
- Best 1908/10 — *Best R. I.* (ed.). *The Settling of the Manor of Tara // Ériu.* Vol. 4. 1908—1910.
- Best, Lawlor 1931 — *Best R. I., Lawlor H. J.* (eds.). *The Martyrology of Tallaght.* London, 1931.

- Best, Bergin 1954 — *Best R. I., Bergin O.* (eds.). *The Book of Leinster*, formerly *Lebar na Núachongbála*. Vol. I. Dublin, 1954.
- Bhreathnach 1982 — *Bhreathnach M.* *The Sovereignty Goddess as Goddess of Death? // Zeitschrift für celtische Philologie*. Bd. 39. 1982.
- Bhreathnach, Murray 2005 — *Bhreathnach E. and Murray K.* (ed.). *Baile Cuinn Chétchataig: edition // E. Bhrathnach* (ed.). *The kingship and landscape of Tara*. Dublin, 2005.
- Billy 1993 — *Billy P. H.* *Thesaurus Linguae Gallicae*. Hildesheim; Zurich; New York, 1993.
- Binchy 1941 — *Binchy D. A.* (ed.). *Críth Gablach*. Dublin, 1941.
- Binchy 1952 — *Binchy D. A.* (ed.). *The Saga of Fergus Mac Léti // Ériu*. Vol. 16. 1952.
- Binchy 1958 — *Binchy D. A.* *Fair of Tailtiu and Feast of Tara // Ériu*. Vol. 18. 1958.
- Binchy 1962 — *Binchy D. A.* *The passing of the Old Order // Proceedings of the International Congress of Celtic Studies*. Dublin, 6—10 July 1959. Dublin, 1962.
- Bisagni 2008 — *Bisagni J.* *Amrae Coluimb Chille: a critical edition*. PhD thesis. National University of Ireland. Galway, 2008.
- Blaire 1939 — *Blaire P. H.* *Olaw the White and the Three Fragments of Irish Annals // Viking*. Vol. 3. 1939.
- Blažek 2007 — *Blažek V.* *From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages. The Journal of Indo-European Studies*. Spring/Summer. Vol. 35. N 1 & 2. 2007.
- Borsje 1996 — *Borsje J.* *From Chaos to Enemy: Encounters with Monsters in Early Irish Texts*. Turnhout, 1996 (*Instrumenta Patristica XXIX*).
- Borsje 2007 — *Borsje J.* *Human sacrifice in Medieval Irish Literature // J. N. Bremmer* (ed.). *The Strange World of Human Sacrifice*. Leuven; Paris; Dudley, 2007.
- Breathnach 1953 — *Breathnach R. A.* *The Lady and the King: a Theme in Irish Literature // Studies*. Vol. 42. 1953.
- Breatnach 1989 — *Breatnach L.* *An Edition of Amra Senáin // Saints, Sages and Storytellers. Celtic Studies in Honour of Professor James Carney / Eds. D. Ó Corráin, L. Breatnach, K. McCone*. Maynooth, 1989.
- Breatnach 1994 — *Breatnach L.* *An Mheán-Ghaelge // Stair na Gaeilge / Eag. K. McCone, D. McManus etc. Maigh Nuad*, 1994.

- Briggs 1977 — *Briggs K.* A Dictionary of Fairies. Hobgoblins, Brownies, Bogies and other Superantural Creatires. Suffolk, 1977.
- BS — Buile Shuibhne / Ed. J. O’Keeffe. Dublin: DIAS, 1931.
- Bugge 1905 — *Bugge A.* (ed.). Caithreim Cellachain Caisil: the victorious career of Cellachan of Cashel. Christiania (Oslo): Gundersens Bogtrykkeri for Det norske historiske kildeskriftfond, 1905.
- Byrne 1987 — *Byrne F. J.* Irish kings and high-kings. London, 1987 (1973).
- Byrne 2005 — *Byrne F.J.* Ireland before the battle of Clontarf // A New History of Ireland. I. Prehistoric and Early Ireland / Ed. D. O’Cróinín. Oxford, 2005
- Byrne 2005a — *Byrne F.J.* Ireland and her neighbors. C. 1014—1072 // A New History of Ireland I. Prehistoric and Early Ireland / Ed. D. O’Cróinín. Oxford, 2005
- Byrne 2008 — *Byrne F.J.* The trembling sod: Ireland in 1169 // A New History of Ireland. Vol. II / Ed. A. Cosgrove. Oxford, 2008 (1987).
- Calder 1907 — *Calder G.* (ed.) Intheachta Aeniasa. The Irish *Aeneid*. ITS. London, 1907.
- Calder 1922 — *Calder G.* (ed.) Togail na Tebe. Cambodge, 1922.
- Carey 1984 — *Carey J.* Scél Tuáin Meic Chairill // Ériu. Vol. 35. 1984.
- Carey 1985 — *Carey J.* Cosmology in *Saltair na Rann* // Celtica. Vol. 17, 1985.
- Carey 1986 — *Carey J.* Questions of Interpolation in the Opening Cantos of *Saltair na Rann* // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. Vol. 6, Harvard, 1986.
- Carey 1993 — *Carey J.* Introduction to 1993 edition // LGE. Part I. London, 1993.
- Carey 1998 — *Carey J.* King of Mysteries. Early Irish Religious Writings. Dublin, 1998.
- Carey 2003 — *Carey J.* Remarks on Dating // J. Carey (ed.). Duanaire Finn: Reassessments. ITS, Subsidiary Series 13, Dublin, 2003.
- Carey 2005 — *Carey J.* *Lebor Gabála* and the legendary history of Ireland // Medieval Celtic literature and society / Ed. H. Fulton. Dublin, 2005.
- Carey 2007 — *Carey J.* Ireland and the Grail. Aberystwyth, 2007.
- Carey 2009 — *Carey J.* The LU Copy of the *Lebor Gabála* // J. Carey (ed.). *Lebor Gabála Érenn: Textual History and Pseudohistory*. ITS. Subsidiary Series 20. Dublin, 2009.

- Carey 2010 — *Carey J.* The Three Sails, the Twelve Winds, and the Question of Early Irish Colour Theory // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 72. 2010.
- Carey пук. — *Carey J.* Middle Irish.
- Carney 1955 — *Carney J.* The Irish elements in Beowulf // *Carney J.* Studies in Irish Literature and History. Dublin, 1955 (repr. 1979).
- Carney 1955a — *Carney J.* The External Element in Irish Saga // *Carney J.* Studies in Irish Literature and History. Dublin, 1955 (repr. 1979).
- Carney 1955b — *Carney J.* The *Vita Kentigerni* and the Finding of the *Táin* // *Carney J.* Studies in Irish Literature and History. Dublin, 1955 (repr. 1979).
- Carney 1983 — *Carney J.* The dating of Early Irish verse texts // *Éigse*. Vol. 19. 1983.
- Carney 1989 — *Carney J.* The Dating of Archaic Irish Verse // H. L. C. Tristram (ed.). *Early Irish Literature — media and communication*. Tübingen, 1989.
- Carney 2005 — *Carney J.* Language and Literature to 1169 // *A New History of Ireland*. I. Prehistoric and Early Ireland / Ed. D. O'Cróinín. Oxford, 2005.
- CG — Crith Gablach / Ed. D. A. Binchy. Dublin, 1979.
- CGG — Cogadh Gaedhel re Gallaibh: the war of the Gaedhil with the Gaill, or the invasions of Ireland by the Danes and other Norsemen / Ed. J. H. Todd. London, 1867.
- Chadwick 1962 — *Chadwick N. K.* The Vikings and the Western Word // *Proceedings of the International Congress of Celtic Studies*. Dublin, 6—10 July 1959. Dublin, 1962.
- Christiansen 1959 — *Christiansen R.* Studies in Irish and Scandinavian Folktales. Copenhagen, 1959.
- CIH — Corpus Iuris Hibernici / Ed. D. Binchy. Vol. II. Dublin, 1978.
- CIIC — Corpus Inscriptionum Insularum Celticarum. Vol. I / Ed. R. A. S. Macalister. Dublin, 1945.
- Clancy, Markus 1995 — *Clancy Th.O. and Márkus G.* Iona. The Earliest Poetry of a Celtic Monastery. Edinburgh, 1995 (2003).
- Corkery 1968 — *Corkery D.* The Fortunes of the Irish Language. Dublin, 1968.
- Cox 2006 — *Cox F.* Virgilian Transformations — The *Aeneid* in the History of Translation // *Translations from Classical Literature: Imtheachta*

- Aeniasa and Stair Ercuil ocus a Bás* / Ed. K. Murray. ITS. London; Dublin, 2006.
- Cross, Slower 1996 — *Cross T. P. & Slover C. H.* Ancient Irish Tales. New York, 1996.
- Cruise O'Brien 1972 — *Cruise O'Brien M. and C.* A Concise History of Ireland. London, 1972.
- CS — Chronicon Scotorum / Ed. W. M. Hennessy. London, 1866 (Wiesbaden, 1964).
- D'Arbois de Jubainville 1892 — *D'Arbois de Jubainville H.* L'Épopée celtique en Irlande // Cours de littérature celtique. Vol. V. Paris, 1892.
- D'Arbois de Jubainville 1904 — *D'Arbois de Jubainville H.* Les celtes depuis les temps les plus anciens jusqu'en l'an 100 avant notre ère. Paris, 1904.
- Danielli 1950 — *Danielli M.* The State Concept of Imerina, compared with the Theories found in certain Scandinavian and Chinese Texts // Folklore. Vol. LXI. 1950.
- De Blacam s.a. — *De Blacam A.* A First Book of Irish Literature. Dublin and Cork. s.a.
- De Paor 1967 — *De Paor L.* The Age of the Vikings Wars (9th and 10th centuries) // The Course of Irish History / Ed. T. W. Moody & F. X. Martin. Dublin, 1967.
- Delamarre 2003 — *Delamarre X.* Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. Paris, 2003.
- DIL — Dictionary of the Irish Language. Dublin, 1913—
- Dillon 1946 — *Dillon M.* The Cycles of the Kings. Dublin, 1946 (1994).
- Dillon 1948 — *Dillon M.* Early Irish Literature. Chicago, 1948 (repr. Dublin 1994, 1997).
- Dillon 1953 — *Dillon M.* (ed.). Serlige Con Culainn. Dublin: DIAS, 1953.
- Dillon 1956 — *Dillon M.* « Lebor Gabála Érenn » // JRSAL. Vol. 86. 1956.
- Dillon 1962 — *Dillon M.* Introduction // Lebor na Cert / Ed. M. Dillon. London, 1962.
- Dinneen 1927 — *Dinneen P. S.* Foclóir Gaedhilge agus Béarla. An Irish-English Dictionary. Dublin, 1927.
- Dobbs 1927 — Cath Aenaigh Macha. Battle of the Assembly of Macha / Ed. M. Dobbs // ZCP. 16. 1927.
- Doherty 2001 — *Doherty Ch.* The Viking Impact upon Ireland // The Vikings in Ireland / Ed. A. Ch. Larsen. Roskilde, 2001.

- Dottin 1913 — *Dottin G.* Manuel d'irlandais moyen. I. Grammaire. Paris, 1913.
- Dottin 1924 — *Dottin G.* La légende de la Prise de Troie en Irlande // *Revue celtique*. Vol. 41. 1924.
- Downey 2008 — *Downey C.I.* Power and Authority in tales relating to Niall Noigiallach and Lugaid Mac Con // *Essays on the Early Irish King Tales* / Ed. D. M. Wiley. Dublin, 2008.
- Duffy 1997 — *Duffy S.* Ireland in the Middle Ages., New York: Palgrave Macmillan, 1997.
- Dumville 1982 — *Dumville D. N.* Latin and Irish in the Annals of Ulster, A.D. 431—1050 // *Ireland in Early Medieval Europe* / Ed. D. Whitelock, R. McKitterick. Cambridge, 1982.
- Eisenhut 1958 — *Eisenhut W.* (ed.). *Dictys Cretensis Ephemeredos belli troiani libri a Lucio Septimio ex graeco in latinum sermonem translata*. Leipzig, 1958.
- Enright 1996 — *Enright M.* Lady with a Mead Cup. Ritual, prophecy and lordship in the European warband from La Tène to the Viking age. Dublin, 1996.
- Etchingham 1996 — *Etchingham C.* Viking raids on Irish church settlements in the ninth century. Maynooth, 1996.
- Etchingham 2007 — *Etchingham C.* The location of historical Laithlinn/Lochlann: Scotland or Scandinavia? // *Proceedings of the Seventh Symposium of Societas Celtologica Nordica* / Ed. M. Ó Flaithearta. Uppsala; Stockholm, 2007.
- EvaNS Ellis 1967 — *Evans Ellis D.* Gaulish Personal Names. Oxford, 1967.
- FA — *Fragmentary Annals of Ireland* / Ed. J. Radner. Dublin, 1978.
- Falileyev 2000 — *Falileyev A.* Etymological Glossary of Old Welsh. Tübingen, 2000.
- Fellows-Jensen 2001 — *Fellows-Jensen G.* Nordic Names and Loanwords in Ireland // *The Vikings in Ireland* / Ed. A. Ch. Larsen. Roskilde, 2001.
- Flahive 2009 — *Flahive J. J.* Macalister and the Ó Cléirigh *Leabhar Gabhála* // J. Carey (ed.). *Lebor Gabála Éirenn: Textual History and Pseudohistory*. ITS. Subsidiary Series 20. Dublin, 2009.
- Flanagan 2000 — *Flanagan L.* Ancient Ireland. Life Before the Celts. Dublin, 2000.

- Flanagan 2005 — *Flanagan M. Th.* High-kings with opposition, 1072—1166 // *A New History of Ireland. I. Prehistoric and Early Ireland* / Ed. D. O'Cróinín. Oxford, 2005.
- Flanagan 2006 — *Flanagan M. T.* The Reformation of Irish Church in the Twelfth Century // *Two Thousand Years of Christianity and Ireland* / Ed. J. R. Bartlett & S. D. Kinsella. Dublin, 2006.
- Flower 1947 — *Flower R.* The Irish Tradition. Dublin, 1947 (repr. 1994).
- FR — Fingal Ronain / Ed. D. Greene. Dublin, 1993 (1955).
- Fraser 1916 — *Fraser J.* (ed.). The First Battle of Moytura // *Ériu*. Vol. 8. 1916.
- Geriadur... 1968 — Geiriadur prifysgel Cymru (Большой университетский словарь валлийского языка). Rhan 22. G — 1. Caerdydd, 1968.
- Giraldus Cambrensis 1867 — *Topographia Hiberniae XXV (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores)*, 1867.
- Goedheer 1938 — *Goedheer A. J.* Irish and Norse Tradition about the Battle of Clontarf. Haarlem, 1938.
- Greene 1955 — *Greene D.* (ed.). *Orgain Denna Ríg* // Fingal Rónáin and other stories. Dublin, 1955 (repr. 1975, 1993).
- Greene 1966 — *Greene D.* The Irish Language / An Ghaeilge. Dublin, 1966.
- Greene 1969 — *Greene D.* Irish as a Vernacular before the Norman Invasion // Br. Ó Cuív (ed.). *A View of the Irish Language*. Dublin, 1969.
- Greene 1973 — *Greene D.* Synthetic and analytic: a reconsideration // *Ériu*. Vol. 24. 1973.
- Greene 1974 — *Greene D.* Distinctive plural forms in Old and Middle Irish // *Ériu*. Vol. 25. 1974.
- Greene 1975 — *Greene D.* The Influence of Scandinavian on Irish // B. Almqvist & D. Greene (eds.). *Proceedings of the seventh Viking congress*. Dublin, 1975.
- Greene 1976 — *Greene D.* The “Act of Truth” in a Middle-Irish story // *Saga och Sed*. Uppsala, 1976.
- Greene and Kelly 1976 — *Greene D. and Kelly F.* (eds.). *The Irish Adam and Eve Story from Saltair na Rann*. Vol. I: Text and translation. Dublin, 1976.
- Greer 1995 — *Greer M. K.* *Women of the Golden Dawn*. Vermont, 1995.
- Gwynn 1903 — *Gwynn E.* (ed.). *The Metrical Dindshenchas*. Part I. Dublin, 1903 (repr. 1941, 1991).

- Gwynn 1992 — *Gwynn A.* The Irish Church in the Eleventh and Twelfth Centuries. Dublin, 1992.
- Haliday 1884 — *Haliday Ch.* The Scandinavian Kingdom of Dublin. Dublin; London, 1884.
- Harris 1998 — *Harris J. R.* Adaptations of Roman epic in Medieval Ireland: three studies in the interplay of erudition and oral tradition. New York; Ontario, 1998.
- Harva 1938 — *Harva U.* Die Religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Helsinki, 1938 (FFC).
- Henry 1962 — *Henry Fr.* The Effect of the Viking Invasions on Irish Art // Proceedings of the International Congress of Celtic Studies. Dublin, 1959 / Ed. Br. Ó Cuív. Dublin, 1962.
- Henry 1978 — *Henry P. L.* Saoithiúlacht na Sean-Ghaeilge. Baile Átha Cliath, 1978.
- Herbert 1989 — *Herbert M.* Fled Dun na nGed: a reappraisal // Cambridge Medieval Celtic Studies. Vol. 18. Winter 1989.
- Herbert 1989 — *Herbert M.* The Preface to Amra Coluim Cille // Sages, Saints and Storytellers: Celtic Studies in Honour of Professor James Carney / Ed. D. Ó Corrain, L. Breatnach and K. McCone. Maynooth, 1989.
- Herbert 1992 — *Herbert M.* Goddess and the King: The Sacred marriage in Early Ireland // Women and Sovereignty / Ed. L. O. Fradenburg. Edinburgh, 1992.
- Herbert 1996 — *Herbert M.* Iona, Kells and Derry. The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba. Dublin, 1996.
- Herbert 1997 — *Herbert M.* The Death of Muirchertach Mac Erca: A Twelfth-Century Tale // Celts and Vikings. Proceedings of the Fourth Symposium of Societas Celtologica Nordica. Göteborg, 1997.
- Hiller 1992 — *Hiller B.* The Odyssey of a Folktale: “Merugud Uilix Meic Leirtis” // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. Vol. 12. Harvard, 1992.
- Hiller 1996/97 — *Hiller B.* In fer fiamach fírglic: Ulysses in Medieval Irish Literature // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. Vol. 16/17. Harvard, 1996—1997.
- Hiller 2006 — *Hiller B.* In Cath Catharda // Celtic Culture: a Historical Encyclopedia / Ed. T. J. Koch. Santa-Barbara, 2006.
- Hiller 2006 — *Hiller B.* Togail na Tebe // Celtic Culture: a Historical Encyclopedia / Ed. T. J. Koch. Santa-Barbara, 2006.

- Hiller 2010 — *Hiller B.* The Reception and Assimilation of Continental Literature // *A Companion to Irish Literature* / Ed. J. M. Wright. Oxford, 2010.
- Hofmann 1988 — *Hofmann R.* Some new facts concerning the knowledge of Vergil in Early Medieval Ireland // *Études celtiques*. Vol. 25. 1988.
- Hollo 2005 — *Hollo K.* (ed.). *Fled Bricrenn ocus Loinges mac nDuíl Dermait*. Maynooth, 2005.
- Hughes 1966 — *Hughes K.* *The Church in Early Irish Society*. Ithaca (NY), 1966.
- Hughes 1967 — *Hughes K.* *The Golden Age of Early Christian Ireland (7th and 8th centuries)* // *The Course of Irish History* / Ed. T. W. Moody & F. X. Martin. Dublin, 1967.
- Hughes 1968 — *Hughes K.* Introduction // *Otway-Ruthven A. J.* *A history of Medieval Ireland*. London, 1968.
- Hughes 1972 — *Hughes K.* *Early Christian Ireland: introduction to the sources*. London, 1972.
- Hughes 2005 — *Hughes K.* *The Irish church, 800-c.1050* // *A New History of Ireland. I. Prehistoric and Early Ireland* / Ed. D. O'Cróinín. Oxford, 2005.
- Hull 1906 — *Hull E.* *A Text Book of Irish Literature*. Vols. I—II. Dublin, 1906.
- Hull 1941 — *Hull V.* *The exile of Conall Corc* // *Proceedings of the Modern Language Association*. Vol. 56. 1941.
- Hull 1961 — *Hull V.* *Amra Choluim Chille* // *ZCP*. Bd. 28. 1961.
- Jackson 1953 — *Jackson K. H.* *Language and History in Early Britain*. Edinburgh, 1953.
- Jackson 1962 — *Jackson K. H.* *The Celtic Languages during the Viking Period* // *Proceedings of the International Congress of Celtic Studies*. Dublin, 6—10 July 1959. Dublin, 1962.
- Jackson 1990 — *Jackson K. H.* (ed.). *Aislinge Meic Con Glinne*. Dublin, 1990.
- Jackson 1990a — *Jackson K. H.* (ed.). *Cath Maighe Léna*. Dublin: DIAS, 1990.
- Jaski 2000 — *Jaski B.* *Early Irish Kingship and Succession*. Dublin, 2000.
- Jaski 2009 — *Jaski B.* *The Irish Origin Legend: Seven Unexplored Sources* // J. Carey (ed.). *Lebor Gabála Éirenn: Textual History and Pseudohistory*. ITS. Subsidiary Series 20. Dublin, 2009.

- Johnston 1995 — *Johnston E.* Transforming Women in Irish Hagiography // Peritia. Journal of the Medieval Academy of Ireland. Vol. 9. 1995.
- Joynt 1908/10 — *Joynt M.* (ed.). Echtra mac Echdach Mugmedóin // Ériu. Vol. 4. 1908—1910.
- Joynt 1931 — *Joynt M.* (ed.) Tromdámh Guaire. Dublin, 1931 (1941). MMIS. Vol. 2.
- Keating 1908 — *Foras Feasa ar Éirinn le Seathrún Céitinn / The History of Ireland by Geoffrey Keating*, D. Comyn, P. S. Dinneen (eds.). ITS. 8. London, 1908.
- Kee 1982 — *Kee R.* Ireland. A History. London, 1982.
- Kelleher 1963 — *Kelleher J.* Early Irish History and Pseudo-History // Studia Hibernica. Vol. 3. 1963.
- Kelleher 1971 — *Kelleher J. V.* The Táin and the Annals // Ériu. Vol. XXII. 1971.
- Kelly 1998 — *Kelly F.* Early Irish Farming. Dublin, 1998.
- Kelly 1988 — *Kelly F.* A Guide to Early Irish Law. Dublin, 1988.
- Kenney 1929 — *Kenney J. F.* The sources for the Early History of Ireland: Ecclesiastical. An Introduction and Guide. Dublin, 1978 (1929).
- Knott 1916 — *Knott E.* (ed.). Why Mongan was deprived of noble issue // Ériu. Vol. VIII. Part II. 1916.
- Koch 1991 — *Koch J. T.* Ériu, Alba and Letha: When was a language ancestral to Gaelic first spoken in Ireland? // Emania. Bulletin of the Navan Research Group. N. 9, 1991.
- Koch 2006 — *Koch J. T.* (ed.) Celtic Culture. A Historical Encyclopedia. Santa-Barbara; Denver; Oxford, 2006.
- Koch 2006 — *Koch J. T.* Historia Brittonum // Celtic Culture: a Historical Encyclopedia / Ed. T. J. Koch. Santa-Barbara, 2006.
- Koivulehto 2001 — *Koivulehto J.* The Earliest Contacts between Indo-European and Uralic Speakers in the Light of Lexical Loans // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvarminne Research Station of the University of Helsinki 8—10 January, 1999 / Ed. Chr. Carpelan, A. Parpola and P. Koskikallio. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 242. Vammala, 2001.
- Kullanda 2002 — *Kullanda S.* Indo-European 'Kinship Terms' Revisited // Current Anthropology. Vol. 43. № 1. February 2002. P. 89—111.
- Lambert 1976 — *Lambert P. Y.* Emplois dissymétrique de la coordination // Études celtiques. Vol. 14. 1976.

- Lambert 1981 — *Lambert P. Y.* Les littératures celtiques. Paris, 1981.
- Larsen 2001 — *Larsen A. Chr.* The Exhibition — The Vikings in Ireland // The Vikings in Ireland / Ed. A. Ch. Larsen. Roskilde, 2001.
- Lazar-Meyn 1991 — *Lazar-Meyn H. A.* The Colour system of the modern Celtic languages: effects of language contact // Language Contact in the British Isles. Tübingen, 1991.
- Le Roux 1961 — *Le Roux Fr.* Le guerrier borgne et le Druide aveugle: la cécité et la voyance // Ogam. Vol. 13. 1961.
- Lehmann 1952 — *Lehmann R.* A Study of the Buile Shuibne // Études celtiques. Vol. 6. 1952.
- LEIA — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes (A — Paris, 1959; R, S — Paris, 1974 ; C — E. Bachellery et P. Y. Lambert. Paris, 1987 ; D — P. Y. Lambert. Paris, 1996).
- Lejeune 1985 — *Lejeune M.* Textes gaulois et gallo-romains en cursive Latine: le plomb du Larzac // Études celtique. Vol. 22. 1985.
- LGE — Lebor Gabála Érenn. The Book of the Taking of Ireland / Ed. R. A. S. Macalister. London: Irish Texts Society. Part I — 1938 (1993); Part II — 1939; Part III — 1940; Part IV — 1941; Part V — 1956.
- LH — *Bernard J. H. and Atkinson R.* (eds.). The Irish *Liber Hymnorum*. London, 1898.
- LU — Lebor na hUidre: Book of the Dun Cow / Ed. R. I. Best, O. J. Bergin. Dublin, 1992 (1929).
- Lucas 1967 — *Lucas A. T.* The plundering and burning of churches in Ireland, 7 to 16 centuries // North Munster Studies. Limerik, 1967.
- Lydon 2003 — *Lydon J.* The Lordship of Ireland in the Middle Ages. Dublin, 2003.
- Mac Cana 1955 — *Mac Cana Pr.* Aspects of the theme of king and goddess in Irish literature // Etudes celtiques. Vol. 7. 1955.
- Mac Cana 1962 — *Mac Cana Pr.* The Influence of the Vikings on Celtic Literature // Proceedings of the International Congress of Celtic Studies. Dublin, 6—10 July 1959. Dublin, 1962.
- Mac Cana 1980 — *Mac Cana Pr.* The learned tales of medieval Ireland. Dublin, 1980.
- Mac Cana 2004 — *Mac Cana Pr.* Praise Poetry in Ireland before the Normans // Ériu. Vol. 54. 2004.
- Mac Eoin 1960 — *Mac Eoin G.* The date and authorship of *Saltair na Rann* // ZCP. Bd. 28. Heft 1. 1960.

- Mac Eoin 1960/61 — *Mac Eoin G.* Das Verbalsystem von *Togail Troi* // ZCP. Bd. 28. 1960—1961.
- Mac Eoin 1982 — *Mac Eoin G.* Observations on *Saltair na Rann* // ZCP. Bd. 39. 1982.
- Mac Eoin 1989 — *Mac Eoin G.* Orality and Literacy in Some Middle-Irish King-Tales // *Early Irish Literature — Media and Communication* / Hrsg. S. N. Tranter, H. L. Tristram. Tübingen, 1989.
- Mac Gearailt 2000/01 — *Mac Gearailt U.* ‘Togail Troi’: An Example of Translating and Editing in Medieval Ireland // *Studia Hibernica*. Vol. 31. 2000—2001.
- Mac Niocaill 1972 — *Mac Niocaill G.* Ireland before the Vikings. Dublin, 1972.
- Mac Niocaill 1975 — *Mac Niocaill G.* The Medieval Irish Annals. Dublin, 1975.
- Macalister 1945 — *Macalister R. A. S.* Corpus inscriptionum insularum celticarum. Dublin, 1945.
- MacCarthy 1892 — *MacCarthy B.* (ed.). The Irish prose version of the Adam and Eve story in the Leabhar Breac. Dublin, 1892.
- Macnamara 1975 — *Macnamara M.* The Apocrypha in the Irish Church. Dublin, 1975.
- Mac Neill 1909 — *Mac Neill E.* Notes on the distribution, history, grammar and import of the Irish ogham inscriptions // *PRIA*. Ser. C. Vol. 27. 1909.
- Mac Neill 1913 — *Mac Neill E.* The authorship and structure of the ‘Annals of Tigernach’ // *Ériu*. Vol. 7. 1913.
- Mac Neill 1919 — *Mac Neill E.* Phases of Irish History. Phases of Irish History. Dublin; Sydney, 1919.
- Mallory, Adams 2007 — *Mallory J. P., Adams D. Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London, 2007.
- Mallory, Adams 2006 — *Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.
- Marstrander 1911 — *Marstrander C.* Lochlainn // *Ériu*. Vol. 5. 1911.
- Marstrander 1915 — *Marstrander C.* Bidrag til det Norske Sprogs Historie i Irland. Kristiania, 1915.
- Matasović 2009 — *Matasović R.* Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden, 2009.

- McCarthy 2008 — *McCarthy D. P.* The Irish Annals. Their genesis, evolution and history. Dublin, 2008.
- McCone 1986 — *McCone K.* Dubthach Maccu Lugair and a matter of life and death in the pseudo-historical prologue to the Senchas Már // *Peritia*. Vol. 5. 1986.
- McCone 1990 — *McCone K.* Pagan Past and Chrisian Present in Early Irish Literature. Maynooth, 1990 (1991, 2000).
- McCone 1997 — *McCone K.* The Early Irish Verb. Maynooth, 1997.
- McCone 2000 — *McCone K.* (ed.). *Echtrae Chonnlai* and the beginnings of vernacular narrative writing in Ireland: a critical edition with introduction, notes, bibliography and vocabulary. Maynooth, 2000.
- McCone 2005 — *McCone K.* A First Old Irish Grammar and Reader. Including an Introduction to Middle Irish. Maynooth, 2005.
- McMahon 1990 — *McMahon S.* Irish Placenames. Dublin, 1990.
- McManus 1991 — *McManus D.* A Guide to Ogam. Maynooth, 1991 (1997).
- Meid 1967 — *Meid W.* (ed.). Táin bó Fraích. Dublin: DIAS, 1967.
- Meyer 1909 — *Meyer K.* A Primer of Irish Metrics with a Glossary. Dublin, 1909.
- Meyer 1913 — *Meyr K.* (ed.). Sanas Cormaic. Cormc's Glossary. Dublin, 1913 (repr. 1994).
- Meyer 1913 — Über die Älteste Irische Dichtung. I. Rhythmische Alliterierende Reimstrophen. Hrsg. K.Meyer. Berlin, 1913.
- Meyer 1949 — *Meyer R. T.* The Sources of the Medieval Irish Alexander // *Modern Philology*. Vol. 47. 1949.
- Meyer 1952 — *Meyer R. T.* The Middle-Irish *Odyssey*: Folktales, Fiction or Saga? // *Modern Philology*, I, 1952.
- Meyer 1977 — *Meyer R.* (ed.). Merugud Uilix maic Leirtis. Dublin: DIAS, 1977.
- Meyer 1977a — *Meyer R.* Introduction // *R. Meyer* (ed.). Merugud Uilix maic Leirtis. Dublin: DIAS, 1977.
- Mikhailova 2007 — *Mikhailova T. A.* Macc, Cailín and Céile — an Altaic Element in Celtic? // *H. L. C. Tristram* (ed.). The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies. Bonn 2007. Potsdam, 2007.
- Mikhailova 2008 — *Mikhailova T. A.* Ireland's "Five Fifths" — A New Look // *Approaches to Religion and Mythology in Celtic Studies* / Ed.

- K. Ritari and A. Bergholm. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008.
- Morris Jones 1913 — *Morris Jones J.* A Welsh Grammar. Historical and Comparative. Oxford, 1913.
- Morten and Morton 1992 — *Morten W. and Morton W.* Sacred Kingship among the Celts // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. Vol. 12, Harvard, 1992.
- MU — Mesca Ulad / Ed. J. C. Watson. Dublin: DIAS, 1941.
- Mueller 1846 — *Mueller Ch.* (ed.). Pseudo-Callisthenes. Historia Alexandri Magni. Paris, 1846.
- Mulchrone 1978 — *Mulchrone K.* (ed.). Caithréim Cellaig. Dublin, 1978.
- Murdoch 1976 — *Murdoch B. O.* The Irish Adam and Eve Story from *Saltair na Rann*. Vol. II: Commentary. Dublin, 1976.
- Murdoch 1995 — *Murdoch B. O.* Saltair na Rann XXV—XXXIV: from Abraham to Joseph // *Ériu*. Vol. 46. 1995.
- Murphy 1896 — The Annals of Clonmacnoise / Transl. into English A.D. 1627 by Conell Mageoghagan / Ed. D. Murphy. Dublin, 1896.
- Murphy 1932 — *Murphy G.* Vergilian Influence upon the Vernacular Literature of Medieval Ireland // *Studi Medievali*. Vol. 5. 1932.
- Murphy 1952 — *Murphy G.* On the dates of two sources used in Thurneysen's Heldensage // *Ériu*. Vol. 16. 1952.
- Murphy 1953 — *Murphy G.* Introduction // *Duanaire Finn*. Part III / Eds. G. Murphy, A. O'Sullivan, I. L. Foster, B. Jennings. ITS 43. Dublin, 1953.
- Murphy 1955 — *Murphy G.* Saga and myth in ancient Ireland. Dublin, 1955.
- Murphy 1956 — *Murphy G.* Early Irish Lyrics. Oxford, 1956.
- Murray 2002 — *Murray K.* Baile in Scáil and Baile Bricín // *Éigse*. Vol. 33. 2002.
- Murray 2004 — Baile in Scáil, 'The Phantom's Frenzy' / Ed. K. Murray. ITS. Vol. 58. London; Dublin, 2004.
- Myrick 1993 — *Myrick L. D.* From the *De Excidio Troiae Historia* to the *Togail Troí*. Heidelberg, 1993.
- Ní Bhrólcháin 2009 — *Ní Bhrólcháin M.* An Introduction to Early Irish Literature. Dublin, 2009.
- Ní Chongaile, Tristram 1990 — *Ní Chongaile N., Tristram H. L. C.* Die mittellirischen Sagenlisten zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit //

- Deutsche, Kelten und Iren. 150 Jahre deutsche Keltologie. Hamburg, 1990.
- Ní Mhaonaigh 1992 — *Ní Mhaonaigh M.* Bréifne Bias in *Cogad Gáedel re Gallaib* // Ériu. Vol. 43. 1992.
- Ní Mhaonaigh 2001 — *Ní Mhaonaigh M.* The Vikings in Medieval Irish Literature // *The Vikings in Ireland* / Ed. A. Ch. Larsen. Roskilde, 2001.
- Ní Mhaonaigh 2007 — *Ní Mhaonaigh M.* Brian Boru. Ireland's Greatest King? "Tempus". Gloucestershire, 2007.
- Nic Dhonnchadha 1964 — *Nic Dhonnchadha L.* Aided Muirchertaig meic Ercá. Dublin, 1964 (repr. 1980).
- Ó Cathasaigh 1977 — *Ó Cathasaigh T.* The Heroic Biography of Cormac mac Airt. Dublin, 1977.
- Ó Cathasaigh 2002 — *Ó Cathasaigh T.* The Oldest Story of the Laigin: Observation on Orgainn Denna Ríg // Éigse. Vol. 33. 2002.
- Ó Corráin 1972 — *Ó Corráin D.* Ireland before the Normans. Dublin, 1972.
- Ó Corráin 1974 — *Ó Corráin D.* *Caithréim Chellacháin Chaisil*: History or Propaganda? // Ériu. Vol. 25. 1974.
- Ó Corráin 1983 — *Ó Corráin D.* Irish origin legends and genealogy: recurrent aetiology // *History and heroic tale* / Ed. T. Nyberg. Odense, 1983.
- Ó Corráin 1986 — *Ó Corráin D.* Historical need and literary narrative // D. E. Evans, J. G. Griffiths, E. M. Jope (eds.). *Proceedings of the seventh international congress of Celtic studies*. Oxford 1983. Oxford, 1986.
- Ó Corráin 1998 — *Ó Corráin D.* The Vikings in Scotland and Ireland in the ninth century // *Peritia*. Vol. 12. 1998.
- Ó Corráin 1998a — *Ó Corráin D.* Viking Ireland — afterthoughts // *Ireland and Scandinavia in the Early Viking Age* / Eds. H. B. Clarke, M. Ní Mhaonaigh & R. Ó Floinn. Dublin, 1998.
- Ó Corráin 2001 — *Ó Corráin D.* The Vikings in Ireland // *The Vikings in Ireland* / Ed. A. Ch. Larsen. Roskilde, 2001.
- Ó Corráin, Maguire 1990 — *Ó Corráin D., Maguire F.* Irish Names. Dublin, 1990.
- Ó Cuív 1965 — *Ó Cuív Br.* Some items from Irish tradition // Éigse. Vol. 11. 1965.
- Ó Cuív 1983 — *Ó Cuív Br.* (ed.). A poem composed for Cathal Croibhdhearg Ó Conchubhair // Ériu. Vol. 34. 1983.

- Ó Cuív 1984 — *Ó Cuív Br.* Ireland in the Eleventh and Twelfth Centuries // The Course of Irish History / Ed. T. W. Moody and F. X. Martin. Cork, 1984.
- Ó Dónaill 1977 — *Ó Dónaill N.* Foclóir Gaeilge-Béarla. Baile Átha Cliath, 1977.
- Ó Floinn 1983 — *Ó Floinn R.* Vikings and Romanesque Influence // Treasures of Ireland. Irish Art 3000 B.C. — 1500 A.D. / Ed. M. Ryan. Dublin, 1983.
- Ó Floinn 2001 — *Ó Floinn R.* Irish and Scandinavian Art in the Early Medieval Period // The Vikings in Ireland / Ed. A. Ch. Larsen. Roskilde, 2001.
- Ó hOgain 1991 — *Ó hOgain D.* Myth, Legend and Romance. An Encyclopaedia of the Irish Folk Tradition. New York; London; Toronto, 1991.
- Ó hUiginn 1990 — *Ó hUiginn R.* The Literature of the Laigin // Emania. Vol. 7. 1990.
- Ó hUiginn 1992 — *Ó hUiginn R.* The background and development of *Táin Bó Cúailnge* // Aspects of the *Táin* / Ed. J. Mallory. Belfast, 1992.
- Ó Muirghesa 1921 — *Ó Muirghesa E.* Conall Caol agus Inis Caoil // Béaloideas. The Journal of the Folklore of Ireland Society. Iml. i, Uimh. III. 1921.
- Ó Murchu 1985 — *Ó Murchu M.* The Irish Language. Dublin, 1985.
- Ó Riain 2009 — *Ó Riain P.* Lebor Gabála Érenn. Part VI. Index of Names. ITS. Vol. 63. London; Dublin, 2009.
- O'Brien 1956 — *O'Brien M.* Etymologies and notes // Celtica. 3. 1956.
- O'Brien 1973 — *O'Brien M.* Old Irish Personal Names // Celtica. 10. 1973.
- O'Byrne 2005 — *O'Byrne E.* Ua Conchobair, Ruaidrí // Medieval Ireland: an encyclopedia / Ed. S. Duffy. Abingdon, 2005.
- O'Cathain 1933 — *O'Cathain S.* Some studies in the development from Middle to Modern Irish, based on the Annals of Ulster // ZCP. Bd. 19. 1933.
- O'Coileáin 1977 — *O'Coileáin S.* The Making of *Tromdám Guaire* // Ériu. Vol. 28. 1977.
- O'Curry 1861 — *O'Curry E.* Lectures on the Manuscript Materials of Ancient Irish History. Dublin, 1861 (repr. 1995).

- O'Donovan 1842 — *O'Donovan J.* (ed.). The Banquet of Dun na n-Gedh and the Battle of Magh Rath. An Ancient Historical Tale. Dublin, 1842 (repr. 1995).
- O'Grady 1929 — *O'Grady S. H.* (ed.). Caithrém Thoirdealbhaigh. Part I — text. ITS. Vol. 26, London, 1929.
- O'Hanlon 1875 — *O'Hanlon J.* Lives of The Irish Saints. Vol. I. Dublin; London; New York, 1875.
- O'Keefe 1913 — *O'Keefe J. G.* (ed.). Buile Suibne Geilt. A Middle-Irish Romance. ITS. Vol. 12. Oxford, 1913.
- O'Maille 1912 — *O'Maille T.* Contributions to the History of the Verbs of Existence in Irish // *Ériu*. Vol. 6. 1912.
- O'Máille 1928 — *O'Máille T.* Medb Chruachna // *ZCP*. Bd. 17. 1928.
- O'Nolan 1912 — *O'Nolan T. P.* (ed.). Mór Muman ᵱ Aided Cuanach meic Ailchine — Mór of Munster and the tragic fate of Cuanu son of Cailcin // *PRIA*. Ser. C. Vol. 30. 1912.
- O'Rahilly 1946 — *O'Rahilly T. F.* The Godelic Invasion // *O'Rahilly T. F.* Early Irish History and Mythology. Dublin, 1946.
- O'Rahilly 1946a — *O'Rahilly T. F.* Some questions of dating in Early Irish Annals // *O'Rahilly T. F.* Early Irish History and Mythology. Dublin, 1946.
- O'Sullivan 1966 — *O'Sullivan W.* Notes on Scripts and Make-up of Book of Leinster // *Celtica*. Vol. 7. 1966.
- O'Sullivan 2005 — *O'Sullivan W.* Manuscripts and paleography // *A new History of Ireland I. Prehistoric and Early Ireland* / Ed. D. O'Cróinín. Oxford, 2005.
- O'Sullivan 1966 — *O'Sullivan W.* Notes on Scripts and Make-up of Book of Leinster // *Celtica*. Vol. 7. 1966.
- Oftedal 1976 — *Oftedal M.* Scandinavian place-names in Ireland // *Proceedings of the 7th Viking Congress*. London, 1976.
- Ogden 2001 — *Ogden D.* Greek and Roman Necromancy. Princeton, 2001.
- Oppenheimer 2007 — *Oppenheimer St.* The Origin of the British. The New Prehistory of Britain and Ireland from Ice-Age Hunter Gatherers to the Vikings as Revealed by DNA Analysis. London, 2007.
- Orel 2003 — *Orel V.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden, 2003.
- Otway-Ruthven 1968 — *Otway-Ruthven A. J.* A History of Medieval Ireland. London; New York, 1968.

- Passmore 2008 — *Passmore S. E.* Prophecy and counsel in the kingship tale of Niall Noígallach // *Essays on the Early Irish King Tales* / Ed. D. M. Wiley. Dublin, 2008.
- Pennick 1996 — *Pennick N.* Celtic Sacred Landscapes. London, 1996.
- Peters 1967 — *Peters E.* (ed.). Die irische Alexandersage // ZCP. Bd. 30. 1967.
- Pfister 1913 — *Pfister Fr.* (ed.). Der Alexanderroman des Archipresbyters Leo. Heidelberg 1913.
- Plummer 1922 — *Plummer Ch.* (ed.). Bethada Náem nÉrenn. Lives of the Irish Saints. Vol. I. Oxford, 1922.
- Pokorny 1919 — *Pokorny J.* Germanisch-Irisches // ZCP. Bd. 13. 1919.
- Poppe 1995 — *Poppe E.* A New Introduction to *Imtheachta Aenisa* — The Irish *Aeneid*. ITS. Dublin, 1995.
- Raybould, Sims-Williams 2007 — *Raybould M. E., Sims-Williams P.* (eds.). A Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire Containing Celtic Personal Names. Aberystwyth, 2007.
- Rees & Rees 1961 — *Rees A. & Rees B.* Celtic Heritage. Ancient tradition in Ireland and Wales. London, 1961.
- RIB — *Collingwood R. G., Wright R. P.* (eds.). The Roman Inscriptions of Britain. I. Inscriptions on Stone. Stroud, 1995.
- RIG — Recueil des Inscriptions Gauloises. Vol. II, f.2. Textes Gallo-Latins sur *instrumentum* / Ed. P. Y. Lambert. Paris, 2002.
- Ross 1973 — *Ross A.* The Divine Hag of the Pagan Celts // The Witch Figure. Folklore essays by a group of scholars in England honoring the 75th birthday of Katharine M. Briggs / Ed. V. Newall. London and Boston, 1973.
- Russell 1990 — *Russell P.* Celtic Word Formation: The Velar Suffixes. Dublin, 1990.
- Russell 1995 — *Russell P.* An Introduction to the Celtic Languages. London; New York, 1995.
- Ryan s. a. — *Ryan J.* Ireland from A.D. 800 to A.D. 1600. Dublin; Belfast; Cork, s. a.
- Sammallahti 2001 — *Sammallahti P.* The Indo-European Loanwords in Saami // Early Contacts between Uralic and Indo-Europeans. Vammala, 2001.
- Sanas Cormaic 1913 — Sanas Cormaic (Cormac's Glossary) / Ed. K. Meyer. Dublin, 1913 (1994).

- Sandberg-McGowan 1996 — *Sandberg-McGowan A.* Viking Influence on Irish Weaponry and Dress? // *Celtic Helsingiensia*. Proceedings from a Symposium on Celtic Studies. Helsinki, 1996.
- Sayers 2008 — *Sayers W.* Deficient royal rule: the king's proxies, judges and the instrument of his fate // *Essays on the Early Irish King Tales* / Ed. D. M. Wiley. Dublin, 2008.
- Schrijver 1995 — *Schrijver P.* Studies in British Celtic Historical Phonology. Amsterdam, 1995.
- Scowcroft 1987 — *Scowcroft R. M. Leabhar Gabhála* — Part I: The growth of the text // *Ériu*. Vol. 38. 1987.
- Scowcroft 1988 — *Scowcroft R. M. Leabhar Gabhála* — Part II: The growth of the tradition // *Ériu*. Vol. 39. 1988.
- Scowcroft 1995 — *Scowcroft R. M.* Abstract Narrative in Ireland // *Ériu*. Vol. 46. 1995.
- Scowcroft 2009 — *Scowcroft R. M.* Medieval Recensions of the *Lebor Gabála* // J. Carey (ed.). *Lebor Gabála Éirenn: Textual History and Pseudohistory*. ITS. Subsidiary Series 20. Dublin, 2009.
- SG — *O'Grady S. H.* (ed.). *Silva Gadelica*. A Collection of tales in Irish. London, 1892.
- Siewers 2005 — *Siewers A. K.* The Bluest-Greyest-Greenest Eye: Colours of Martyrdom and Colours of the Winds as Iconographic Landscape // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. Vol. 50. 2005.
- Simms 2000 — *Simms K.* From Kings to Warlords. The Changing Political Structure of Gaelic Ireland in the Later Middle Ages. Suffolk: The Boydell Press. 2000.
- Simms 2005 — *Simms K.* Bardic schools, learned families // *Medieval Ireland. An Encyclopedia* / Ed. J. Duffy. London; New York, 2005.
- Simms 2009 — *Simms K.* Medieval Gaelic Sources. Dublin; Maynooth, 2009.
- Sims-Williams 1977/78 — *Sims-Williams P.* Riddling Treatment of the 'Watchman Device' in *Branwen* and *Togail Bruidne Da Derga* // *Studia Celtica*. Vol. 12/13. 1977/78.
- Sims-Williams 2007 — *Sims-Williams P.* Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic // *Sims-Williams P.* Studies on Celtic Languages before the Year 1000. Aberystwyth, 2007.
- Sjöblom 2000 — *Sjöblom T.* Early Irish Taboos. A Study in Cognitive History. Helsinki, 2000.

- Sjæstedt (-Jonval) 1938 — *Sjæstedt (-Jonval) M.-L.* Études sur le temps et l'aspect en vieil irlandais // Études celtiques. Vol. 3. 1938.
- Sjæstedt 1940 — *Sjæstedt M.-L.* Dieux et héros des celtes. Paris, 1940.
- Slotkin 1978/79 — *Slotkin E. M.* Medieval Irish Scribes and their Texts // Éigse. Vol. 17. 1978—1979.
- SMMD — Scél Mucci Mic Dathó. An Early Irish Reader / Ed. N. K. Chadwick. Cambridge, 1927.
- Smyth 1972 — *Smyth A. P.* The earliest Irish annals: their first contemporary entries, and the earliest centres of recording // PRIA. 72C. 1972.
- Sommerfelt 1920/21 — *Sommerfelt A.* Le Système verbale dans *in Cath Catharda* // Revue celtique. Vol. 38. 1920—1921.
- Sommerfeld 1962 — *Sommerfeld A.* The Norse Influence on Irish and Scottish Gaelic // Proceedings of the International Congress of Celtic Studies. Dublin, 6—10 July 1959. Dublin, 1962.
- Sproule 1985 — *Sproule D.* Politics and pure narrative in the stories about Conall Corc // Ériu. Vol. 36. 1985.
- Stanford 1970 — *Stanford W. B.* Towards a History of Classical Influences in Ireland // PRIA. Vol. 70. 1970.
- Stanford 1976 — *Stanford W. B.* Ireland and the Classical Tradition. Dublin, 1976.
- Stokes 1881 — *Stokes W.* (ed.). The Togail Troí. The Destruction of Troy from the Facsimile of the Book of Leinster. Calcutta, 1881.
- Stokes 1883 — *Stokes W.* (ed.). Saltais na Rann. A Collection of Middle Irish Poems. Oxford, 1883.
- Stokes 1884 — *Stokes W.* (ed.). The Togail Troí: The Destruction of Troy // Irische Texte. 2.2 / Ed. E. Windisch. Leipzig, 1884.
- Stokes 1892 — *Stokes W.* (ed.). The Battle of Mag Mucrime from the Book of Leinster // Revue celtique. Vol. 13. 1892.
- Stokes 1892a — *Stokes W.* (ed.). The Bóroma // Revue celtique. Vol. 13. 1892.
- Stokes 1897 — *Stokes W.* (ed.). Cóir Anmann (Fitness of Names) // Irische Texte. 3.2. Leipzig, 1897.
- Stokes 1899 — *Stokes W.* (ed.). 'The Bodleian *Amra Choluimb Chille*' // Revue celtique. Vol. 20. 1899. P. 30—55, 132—183, 248—287, 400—437.
- Stokes 1903 — *Stokes W.* (ed.). Echtra mac nEchach Muigmedóin — The adventures of the sons of Eochaid Muigmedón // Revue celtique. Vol. 24. 1903.

- Stokes 1903a — *Stokes W.* (ed.) *Cath Almaine* // *Revue celtique*. Vol. 24. 1903.
- Stokes 1905 — *Stokes W.* (ed.). *Féilire Óengusso céli Dé. The Martyrology of Oengus the Culdee*. London, 1905 (Dublin, 1984).
- Stokes 1909 — *Stokes W.* (ed.). In *Cath Catharda: The Civil War of the Romans. An Irish Version of Lucan's Pharsalia* // *Irische Texte*. 4th series. Part 2. Leipzig, 1909.
- Stokes & Strachan 1910 — *Stokes W. and Strachan J.* (eds.). *Thesaurus Palaeohibernicus*. Vol. II. Dublin, 1910.
- Strachan 1896 — *Strachan J.* The date of the *Amra Choluimb Chille* // *Revue celtique*. Vol. 17. 1896.
- Strachan 1904 — *Strachan J.* The infixed pronoun in Middle Irish // *Ériu*. Vol. 1. 1904.
- Strachan 1905 — *Strachan J.* Contributions to the history of Middle Irish declension // *Transactions of the Philological Society*. Vol. I. 1905.
- Swartz 1985 — *Swartz D. D.* The Beautiful Women and the Warriors in the LL TBC and in Twelfth-Century Neo-Classical Rhetoric // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. Vol. 5. 1985.
- Sykes 2007 — *Sykes Br.* *Blood of the Isles. Exploring the genetic roots of our tribal history*. A Corgy Book, 2007.
- Szemerényi 1977 — *Szemerényi O.* *Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European languages, with special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin* / *Acta Iranica* 16. Leiden, 1977.
- TBC-1976 — *Táin bó Cúalnge* / Ed. C. O'Rahilly. Dublin, 1976.
- TBDD — *Togail Bruidne Dá Derga* / Ed. E. Knott. Dublin: DIAS, 1936.
- Thomson 1961 — *Thomson D. S.* (ed.). *Branwen Uerch Lyr*. Dublin, 1961.
- Thurneysen 1883 — *Thurneysen R.* *Saltair na Rann: Notice of Stokes' edition* // *Revue celtique*. Vol. 6. 1883.
- Thurneysen 1913 — *Thurneysen R.* *Zur irischen Handschriften und Litteraturdenkmälern, zweite Serie* // *Abhandl. der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, neue Folge*. Bd. XIV. № 3. 1913.
- Thurneysen 1921 — *Thurneysen R.* *Die irische Helden- und Königsage bis zum siebzehnten Jahrhundert*. Halle (Saale), 1921.
- Thurneysen 1933 — *Thurneysen R.* *Colman mac Lénéni und Senchán Torpeist* // *ZCP*. Bd. 19. 1933.
- Thurneysen 1946 — *Thurneysen R.* *A Grammar of Old Irish*. Dublin, 1946.
- Thurneysen 1949 — *Thurneysen R.* *Old Irish Reader*. Dublin, 1949.
- Tigges 2006 — *Tigges W.* *An Old Irish Primer*. Nijmegen, 2006.

- Todd 1864 — *Todd J. H. and Reeves W. A.* (eds.). Calendar of the Saints of Ireland — Martyrologium Dungallense — Calendarium Sanctorum Hiberniae. Coll. Fr. Michael O'Clery. 1630. Dublin, 1864.
- Todd 1867 — *Todd J. H.* Introduction // CGG.
- Toner 2000 — *Toner Gr.* The Ulster Cycle: Historiography or Fiction // Cambrian Medieval Celtic Studies. Vol. 40. Winter, 2000.
- Travis 1944 — *Travis J.* Elegies Attributed to Dallan Forgaill // Speculum. Vol. 19. 1944.
- Trindade 1986 — *Trindade W. A.* Irish Gormlaith as a Sovereignty Figure // Études celtiques. Vol. 22. 1986.
- Tristram 1985 — *Tristram H.* Sex aetates mundi. Die Weltzeitalter bei den Angelsachsen und den Iren. Untersuchungen und Texte. Heidelberg, 1985.
- Tristram 1989 — *Tristram H.* Der insulare Alexander // Ed. W. Erzgräber. Kontinuität und Transformation der Antike im Mittelalter. 1989.
- Tristram 1990 — *Tristram H.* More Talk of Alexander // Celtica. Vol. 21. 1990.
- Uhlich 1993 — *Uhlich J.* Die Morphologie der komponierten Personennamen des Altirischen. Bonn, 1993.
- Valante 2008 — *Valante M. A.* The Vikings in Ireland: Settlements, Trade and Urbanisation. Dublin, 2008.
- Van Hamel 1915 — *Van Hamel A. G.* On Lebor Gabála // ZCP. Bd. 10. 1915.
- Van Hamel 1933 — *Van Hamel A. G.* (ed.). Compert Con Culainn and other Stories. Dublin: DIAS, 1933 (1978).
- Van Hamel 1941 — *Van Hamel A. G.* (ed.). Immrama. Dublin: DIAS, 1941.
- Vendryes 1953 — *Vendryes J.* (ed.). Airne Fíngéin. Dublin, 1953 (repr. 1975).
- Ward 1970 — *Ward D. J.* The Threefold Death: An Indo-European Trifunctional Sacrifice? // J. Puhvel (ed.). Myth and Law Among Indo-Europeans. Los Angeles: Berkeley, 1970.
- Warner 1995 — *Warner R. B.* Tuathal Techtmar: a Myth or Ancient Literary Evidence for a Roman Invasion? // Emania. Bulletin of the Navan Research Group. Vol. 13. 1995.
- Watkins 1963 — *Watkins C.* Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse // Celtica. Vol. 6. 1963.

- Watkins 1979 — *Watkins C.* ‘Is tre fir flathemon: marginalia to Audacht Morainn’ // *Ériu*. Vol. 30. 1979.
- Watson 1967 — *Watson J. C.* (ed.). *Mesca Ulad*. Dublin, 1967.
- White 2006 — *White N.* (ed.). *Compert Mongáin and Three Other Early Mongán Tales. A Critical Edition with Introduction, Translation, Textual Notes, Bibliography and Vocabulary*. Maynooth, 2006.
- Wiley 2002 — *Wiley D. M.* (trans.). *The violent death of Diarmait mac Cereball* // *Emania*. Vol. 19. 2002.
- Wiley 2005 — *Wiley D. M.* *Niall Frossach’s True Judgement* // *Ériu*. Vol. 55. 2005.
- Wiley 2008a — *Wiley D. M.* *Preface* // *Essays on the Early Irish King Tales* / Ed. D. M. Wiley. Dublin, 2008.
- Wiley 2008b — *Wiley D. A.* *An introduction to the early Irish king tales* // *Essays on the Early Irish King Tales* / Ed. D. M. Wiley. Dublin, 2008.
- Williams 1899 — *Williams T. H.* (ed.). *Cairdeas Aenias ocus Didaine* // *ZCP*. Bd. 2. 1899.
- Windisch 1897 — *Windisch E.* (ed.). *Irische Texte*. Bd. 3. Heft 2. Leipzig, 1897.
- Wooding 1995 — *Wooding J.* *A Paradise for the Extractive Industries: European Reports of Land to the West from St. Brendan to the Newfoundland Voyages* // *Parergon. Bulletin of the Australian and New Zealand Association for Medieval and Renaissance Studies*. Vol. 12. N 2. January, 1995.
- Wright 1913 — *Wright Th.* (ed.). *The Historical Works of Giraldus Cambrensis*. London, 1913.
- Zalizniak 2008 — *Zalizniak Anna A.* *A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation* // *M. Vanhove* (ed.). *From Polysemy to Semantic Change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam, 2008.

Татьяна Андреевна Михайлова

ИРЛАНДИЯ ОТ ВИКИНГОВ ДО НОРМАННОВ

Язык, культура, история

Корректор О. Сурикова

Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 30.11.2012. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 25. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

№ государственной регистрации 1037739118449.

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел. 8-499-255-77-57-01, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: г. Москва, пер. Турчанинов, д. 4 (м. «Парк культуры»)

Татьяна Андреевна Михайлова —
ведущий научный сотрудник
Института языкознания РАН,
профессор филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова.
Кельтолог, лингвист, автор более
300 научных работ, большая часть которых
посвящена мифологии, языку
и культуре Древней Ирландии

ISBN 978-5-9551-0615-1

9 785955 106151 >